

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2025. ТОМ 5. № 3

ДЕМИС. Демографические исследования.

2025. Том 5. № 3

DEMIS. Demographic research.

2025. Vol. 5. No. 3

Научный рецензируемый журнал

Издается с 2021 г.

Периодичность: 4 раза в год

Журнал открытого доступа

DOI 10.19181/demis.2025.5.3

EDN FEQEZC

Peer-reviewed scientific journal

Founded in 2021

Publication frequency: quarterly

Open access

DOI 10.19181/demis.2025.5.3

EDN FEQEZC

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate

El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный

Плата за публикацию с авторов не взимается

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access

Authors are not charged for publication

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303

ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303

ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Моисеева Евгения Михайловна, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аббаси-Шавази Мохаммад Джалал, доктор PhD, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор PhD, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

Гусаков Николай Павлович, доктор экономических наук, действительный член РАЕН, профессор, кафедра международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

До Кармо Роберто Луиз, доктор PhD, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор PhD, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор PhD, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор PhD, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор PhD, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор PhD, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия

Охаси Кэнити, магистр социологии, профессор, университет Рикке, Токио, Япония

Пизарро Синтия Александра, доктор PhD, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Хорие Норико, доктор PhD, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Шенк Каресс, доктор PhD, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Inna V. Andronova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Nikolay P. Gusakov**, Doctor of Economics, Full Member, Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Department of International Economic Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasilii I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Eteri D. Rubinskaya**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khranova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПОЗДРАВЛЯЕМ М. Ф. ЧЕРНЫША С ЮБИЛЕЕМ!	6
--	---

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

Гурьянова М. П. АНАЛИЗ ФАКТОРОВ БРАЧНОСТИ И РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	8
Рославцева М. В. МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН	25

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Дашинамжилов О. Б. ВСЕСОЮЗНЫЕ ПЕРЕПИСИ 1959–1989 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ О ГОРОДСКОМ НАСЕЛЕНИИ	45
Землянова Е. В. УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПОЖИЛЫХ РОССИЯН ПЕРВИЧНОЙ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩЬЮ	61
Киреев Е. Ю., Юдина Т. Н. СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ: НАУЧНЫЙ ВКЛАД Г. И. ОСАДЧЕЙ	75

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Суций С. Я. ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ	90
Абрамян К. А., Рубинская Э. Д. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО ЛИДЕРСТВА США	110

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Мищук С. Н. К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПОНЯТИЙ НЕМИГРАЦИИ И (ИМ)МОБИЛЬНОСТИ	121
Моисеева Е. М. ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	134
Войнов С. М., Леденева В. Ю. МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ	156
Лютенко И. В. МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ И БЕЛГОРОДЦЕВ С НЕТРАДИЦИОННЫМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ВЗГЛЯДАМИ	177

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

Рязанцев С. В., Храмова М. Н., Письменная Е. Е., Лукьянец А. С. РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ	192
Топилин А. В. СТАНОВЛЕНИЕ И НАЧАЛО ТРУДОВОГО ПУТИ ПРЕДВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ ДЕМОГРАФА	211

CONTENT

ANNIVERSARY GREETINGS FOR MIKHAIL F. CHERNYSH	6
---	---

FAMILY AND FERTILITY

<i>Marina P. Guryanova.</i> ANALYSIS OF FACTORS AFFECTING FAMILY FORMATION AND BIRTHRATE IN RUSSIA'S POPULATION	8
---	---

<i>Maria V. Roslavytseva.</i> MOTIVATIONAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF THE POPULATION IN POST-SOVIET COUNTRIES	25
---	----

SOCIAL DEMOGRAPHICS

<i>Odon B. Dashinamzhilov.</i> ALL-UNION CENSUSES OF 1959–1989 AS A SOURCE OF HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC DATA ON THE URBAN POPULATION	45
---	----

<i>Elena V. Zemlyanova.</i> SATISFACTION OF OLDER RUSSIANS WITH PRIMARY HEALTHCARE	61
--	----

<i>Egor Yu. Kireev, Tatyana N. Yudina.</i> THE SOCIAL DIMENSION OF INTEGRATION PROCESSES IN EURASIA: THE SCIENTIFIC CONTRIBUTION OF G. I. OSADCHAYA	75
---	----

FOREIGN DEMOGRAPHICS

<i>Sergey Ya. Sushchiy.</i> GEODEMOGRAPHIC PROCESSES AMONG THE RUSSIAN POPULATION OF POST-SOVIET ARMENIA	90
--	----

<i>Kirill A. Abramyan, Eteri D. Rubinskaya.</i> MIGRATION POLICY AS AN INSTRUMENT OF US INNOVATIVE LEADERSHIP	110
---	-----

MIGRATION AND MIGRATION POLICY

<i>Svetlana. N. Mishchuk.</i> ON THE ISSUE OF EXPANDING THE CONCEPTS OF NON-MIGRATION AND (IM)MOBILITY	121
--	-----

<i>Evgeniya M. Moiseeva.</i> FACTORS OF POPULATION MIGRATION IN THE RUSSIAN FAR EAST: SPATIAL AND AGE -RELATED CHARACTERISTICS	134
--	-----

<i>Sergey M. Voinov, Viktoria Yu. Ledeneva.</i> MECHANISMS FOR THE ADAPTATION OF FOREIGN LABOR MIGRANTS IN THE FAR EAST FEDERAL DISTRICT	156
--	-----

<i>Irina V. Lyutenko.</i> MIGRATION ATTITUDES OF MOSCOW AND BELGOROD RESIDENTS WITH UNCONVENTIONAL RELIGIOUS BELIEFS	177
--	-----

REVIEWS AND ESSAYS

<i>Sergey V. Ryazantsev, Marina N. Khramova, Elena E. Pismennaya, Artem S. Lukyanets.</i> RUSSIAN-VIETNAMESE SOCIO-DEMOGRAPHIC STUDIES: DIRECTIONS AND RESULTS	192
--	-----

<i>Anatoly V. Topilin.</i> THE FORMATION AND BEGINNING OF THE WORKING LIFE OF THE PRE-WAR GENERATION: A DEMOGRAPHER'S MEMORIES	211
--	-----

ПОЗДРАВЛЯЕМ М. Ф. ЧЕРНЫША С ЮБИЕЕМ!

26 августа 2025 г. отметил 70-летний юбилей член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор Михаил Федорович Черныш.

Михаил Федорович внес незаменяемый вклад в формирование и развитие российской научной школы социологии. Под его руководством осуществлялись масштабные научно-исследовательские программы, направленные на изучение социальных процессов и динамики общественного сознания, межкультурного взаимодействия и адаптации мигрантов, проблем урбанизации и простран-

ственного неравенства, роли массовых коммуникаций в современном мире. Результаты изучения этих и иных важнейших социальных вопросов способствовали формированию целостного представления о закономерностях развития современного общества и легли в основу теоретического осмысления его ключевых проблем, создавая базу для дальнейших научных изысканий и развития нового направления в рамках российской социологии.

Педагогический талант Михаила Федоровича проявился в подготовке не одного поколения молодых ученых, составивших научную школу. Ученики успешно продолжают его дело, работая в научных центрах и вузах нашей страны, активно участвуя в развитии социальной мысли и популяризации достижений науки среди широкой общественности.

За свою выдающуюся деятельность М. Ф. Черныш был удостоен целого ряда престижных наград. Его труд неоднократно был отмечен медалями, грамотами и благодарственными письмами органов власти за активную работу в сфере науки и образования. В том числе за большой личный вклад в развитие российской социологии ему присуждена Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

Нельзя не отметить успехи юбиляра и на поприще организации науки. М. Ф. Черныш является Первым вице-президентом Российского общества социологов, деканом социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). С 2020 г. возглавлял Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, а в сентябре 2025 г. был назначен на должность директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Демографическое сообщество высоко ценит личные человеческие качества, безупречную репутацию, глубокую порядочность и интеллигентность Михаила Федоровича. Его профессиональные достижения наглядно демонстрируют, как глубокие знания, талант и неустанный труд складываются в формулу настоящего успеха

и всеобщего академического признания. Множество блестящих научных работ, в том числе авторство монографий, профильные курсы «Общая социология», «Конструирование инструмента социологического исследования», яркие публичные выступления – это лишь одни из многих заслуг М. Ф. Черныша перед лицом отечественной социологической науки.

Позвольте от имени Института демографических исследований ФНИСЦ РАН поздравить Вас. Желаем крепкого здоровья, долгих лет творческой жизни, реализации масштабных проектов и новых достижений в Вашей многогранной деятельности ученого, педагога и организатора науки!

*С уважением и наилучшими пожеланиями,
Коллектив ИДИ ФНИСЦ РАН*

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.1)

EDN [BMVSGY](https://edn.bmvs.gy)

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ БРАЧНОСТИ И РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Гурьянова М. П.

НМИЦ здоровья детей Минздрава России, Москва, Россия

E-mail: guryanowamp@yandex.ru

Для цитирования: Гурьянова, М. П. Анализ факторов брачности и рождаемости населения России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 8–24. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.1). EDN [BMVSGY](https://edn.bmvs.gy).

Аннотация. Целью статьи является анализ причин, неблагоприятно влияющих на создание семьи и повышение рождаемости. Исследование выполнено на основе авторского анализа, построенного с использованием комплекса методов, включая локальное социально-педагогическое исследование в Боровском районе Калужской области; метод многолетнего включенного наблюдения за состоянием и развитием института семьи в ходе проводимой автором 30-летней научно-исследовательской работы в Институте социальной педагогики РАО; метод изучения и обобщения опыта профессиональной деятельности социальных педагогов в структуре социальных учреждений и образования с семьями, особенно с социально неблагополучными, по месту их жительства. На основе социально-педагогических методов исследования в статье дан анализ основных причин негативных тенденций брачности и рождаемости. Описаны лучшие практики сбережения репродуктивного здоровья подростков, оказания помощи семье в здоровьесбережении детей, которые необходимо обобщать и популяризировать в субъектах РФ. Представлен опыт многолетней инновационной деятельности краевой региональной общественной организации «Институт семьи», плодотворно работающей в Красноярском крае при грантовой поддержке правительства края. Изложены актуальные социально-педагогические меры, реализация которых может быть эффективна для увеличения числа законных браков, укрепления института семьи, повышения рождаемости. Научная значимость авторского исследования состоит в комплексном анализе причин, неблагоприятно влияющих на создание семьи и повышение рождаемости, определении факторов, влияющих на демографическую ситуацию, и практической направленности работы.

Ключевые слова: семья, брак, дети, семейно-демографическая ситуация, рождаемость, семейный образ жизни, семейно-демографическая политика

Введение

Демографическая ситуация в России побуждает власти, научное сообщество и практиков искать эффективные подходы в проведении семейно-демографической политики, которые помогут улучшить показатели рождаемости и остановить процесс депопуляции.

Рост рождаемости, необходимый для преодоления демографического спада, возможен только при реализации мер семейно-демографической политики, – отмечает известный социолог и демограф А. Б. Синельников [1].

Представим комплексный анализ основных причин, неблагоприятно влияющих на тренды брачности и рождаемости. Начнем с рассмотрения результатов социально-педагогического исследования, целью которого было изучение мнений учащихся 8–11 классов по актуальным вопросам семьи и брака.

Исследование проведено в Боровском районе Калужской области в сентябре – декабре 2024 г. совместными усилиями ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России и ГБУ Калужской области «Боровский центр социальной помощи семье и детям “Гармония”» Основным методом исследования – анкетный опрос обучающихся в образовательных организациях.

На вопросы авторской анкеты, разработанной организаторами исследования и содержащей 29 вопросов, ответили 179 учащихся 8–11 классов образовательных организаций, расположенных в центральной России, а именно: в малых городах и сельской местности Боровского района Калужской области. Из них 93 девушки, 86 – юноши. Основной возраст респондентов – 15–17 лет. Боровский район является первопроходцем в апробации и внедрении в России нового социального института – института социальных педагогов, призванных проводить общественно-воспитательную работу с семьями, особенно неблагополучными, по месту их жительства. 30-летний опыт доказал результативность работы подобных специалистов и их востребованность.

Бесспорно, локальный характер выборки (179 учащихся 8–11 классов) снижает возможность экстраполяции результатов исследования на другие регионы, но не уменьшает их значимости для представителей муниципальных структур. В настоящее время и законодательная, и исполнительная власть всех уровней, следуя указаниям Президента России, активно занимаются разработкой и реализацией эффективной семейно-демографической политики, в том числе и на муниципальном уровне. Более того, опыт Китая, где научно-исследовательская деятельность успешно развивается многие годы и на муниципальном уровне, позволяет рассматривать подобные локальные исследования как перспективную инновацию для России.

Обзор литературы

В России изучение актуальных проблем воспроизводства населения, а также семьи и брака традиционно находится в центре пристального внимания социологов, демографов, психологов, педагогов, медиков, экономистов[1; 2].

Анализ научных статей, посвященных изучению представлений современной молодежи о семье и браке, позволяет условно разделить их на три блока: исследование представлений старшеклассников и современной молодежи о семье и браке [3; 4]; семья как ценность в сознании старшеклассников [5; 6; 7; 8; 9; 10]; особенности восприятия молодежью представлений о семье и браке в контексте от региона проживания [11; 12; 13; 14; 15].

Специфика нашего исследования (в соавторстве с И. В. Покусай, П. Д. Ключиновой) заключается в проведении анкетного опроса учащихся 8–11 классов, проживающих в малых городах и в сельской местности муниципального района Центральной России, воспитывающихся в разных типах семей, а также в изучении их взглядов по ряду вопросов семьи и брака.

Сравним данные аналогичных исследований по ключевым показателям. Выводы нашего исследования о значимости семейных ценностей для старшеклассников (69% опрошенных назвали семью главной ценностью жизни) полностью совпа-

дают с результатами исследования В. А. Шмаковой, Е. А. Иванова «Семья как ценность в представлениях старшеклассников» [11]. А именно: семья, по мнению респондентов, это главная жизненная ценность, связанная с удовлетворением базовых эмоциональных потребностей человека – в принадлежности, поддержке и любви.

Выводы нашего исследования об основных мотивах вступления в брак (подавляющее большинство опрошенных (75%) однозначно собираются вступить в официальный брак или рассматривают его как вероятное событие) в целом согласуются с данными анкетного опроса учащихся 8–11 классов двух школ Нижнего Новгорода, проведенного О. В. Суворовой, Л. В. Гусевой, П. А. Егоровой [4]. Авторы этого исследования установили, что для большинства старшеклассников приоритетными причинами создания семьи выступают высшие человеческие чувства: любовь и верность, доверие и поддержка (83,2%). Схожие выводы о том, что для большинства молодых людей любовь служит фундаментальной основой для создания семьи и главным мотивом для заключения брака, также сделан социологом А. Р. Закомолдиной [5]. Ее исследование базируется на итогах опроса молодежи в возрасте 18–24 лет ряда субъектов Центрального и Приволжского федеральных округов.

Сравним результаты двух исследований относительно желаемого числа детей в браке – нашего и А. Р. Закомолдиной. Оба исследования выявили схожую тенденцию: молодежь ориентируется на семью с двумя детьми, что соответствует среднему показателю количества детей у их родителей. Примечательно также, что представители мужского пола, участники обоих опросов, в большей степени ориентированы на многодетную семью, чем женщины. Анализ данных двух исследований показывает: большинство молодых людей (83% в исследовании А. Р. Закомолдиной и 75% в нашем) предпочитает партнерскую модель семьи с равным распределением обязанностей.

Результаты социально-педагогического исследования

Наибольшими ценностями жизни респонденты назвали семью (69%), любовь (57%), здоровье (53%). Далее следуют: деньги (41%), образование и карьера (по 31%), работа (16%), творчество (15%), уважение окружающих (11%), дети (10%). Как видим, определение современными старшеклассниками трех главных ценностей жизни – семьи, любви и здоровья – говорит о здоровых установках в системе жизненных ценностей учащейся молодежи. Это подтверждает сохранение духовных ориентиров российского народа среди подростков и старшеклассников, проживающих в муниципальных районах, малых городах и сельской местности Центральной России. В их сознании и мировоззрении по-прежнему присутствует основа российского менталитета. Каждый десятый старшеклассник (11%) среди жизненных ценностей отметил «уважение окружающих», что указывает на гуманистическую природу молодых людей и важность для них общественного мнения и общественного признания.

Представители нового поколения важное место в системе жизненных ценностей отводят материальному благополучию. Деньги как ценность заняли четвертое место в рейтинге приоритетов, опередив такие ценности, как образование, карьера, работа. И эта тенденция вполне объяснима. Кардинальные изменения в жизни

российского общества, влияние Интернета, телевидения и зарубежных поездок значительно расширили потребности современной молодежи. Удовлетворение этих запросов невозможно без достаточных финансовых ресурсов. Ранее недоступные многим россиянам возможности для комфортной жизни – создание домашнего уюта, путешествия, приобретение транспортных средств, музыкальных и цифровых устройств, модной одежды, материалов для обустройства жилья – требуют финансовых вложений. Именно поэтому достижение материального благополучия становится мечтой и целью для многих молодых людей.

В формировании жизненных ценностей современной молодежи наблюдается определенный диссонанс. Дети заняли в ответах старшеклассников последнее место. Такие результаты, вероятно, связаны с возрастом респондентов (15–17 лет). Молодежь в этом возрасте больше сосредоточена на своем здоровье, материальном благополучии, карьере, чем на вопросах деторождения. С другой стороны, подобная система приоритетов – прямое следствие влияния потребительского образа жизни и идеологии, которые проникали в Россию на протяжении 30 лет. До сих пор наше информационное и культурное пространство не полностью освободилось от этого влияния, хотя предпосылки для этого уже существуют.

Как показало наше исследование, планы по созданию семьи имеются у 79% учащихся, и девушек среди них значительно больше, чем юношей. 8% опрошенных создавать семью не намерены, причем юношей, не желающих создавать семью, почти в два раза больше, чем девушек, ответивших так же. 12% с ответом затруднились, и большинство среди них – юноши, которые в этом возрасте еще не задумываются на данную тему.

Преобладающее число респондентов (75%) однозначно планирует вступать в официальный брак или рассматривает такую возможность. Главным мотивом для заключения брака большинство участников опроса (74%) назвали любовь. При этом девушки (82%) наиболее часто отмечали данный фактор, нежели юноши (65%). На втором месте – стремление создать семью (37%). Третьей причиной стало желание иметь детей (8%). Замыкают список такие мотивы, как расчет (4%) и независимость от родителей (4%). В категории «другое» 6% юношей указали «выгоду и деньги», что можно отнести к «расчету». Среди девушек подобный ответ дала только одна участница опроса.

Необходимыми условиями для создания семьи 62% респондентов считают наличие работы и постоянного дохода; 32% – собственное жилье; 27% – искреннее желание создать семью; 12% – образование; 15% – не задумывались об этом. Основными предпосылками для создания семьи выступают трудоустройство и собственное жилье.

Большинство опрошенных (82%) хотело бы иметь детей. К семье с двумя детьми готовы 48% девушек и 32% юношей; к семье с одним ребенком – 35% девушек и 23% юношей; к многодетной семье – 7% девушек и 17% юношей. 5% девушек и 6% юношей не планируют иметь детей, что указывает на потребность в дополнительном исследовании данного вопроса.

Более половины учащихся (58%) оптимальным возрастом для официального брака назвали период с 21 года до 25 лет. Такое мнение чаще высказывают девушки, чем юноши. Каждый четвертый обучающийся (24%) приемлемым возрастом

для вступления в брак считает период с 26 до 30 лет. 7% респондентов указали возраст вступления в брак до 20 лет. Лучшим временем для рождения детей респонденты считают период от 21 до 30 лет, делая акцент на его первую половину.

Отвечая на вопрос: «Каковы скрепы, на которых держится семья?», чаще прочих респонденты выделяли три главных фактора: взаимопонимание в семье (79%), любовь в семье (77%) и взаимное уважение (56%).

Для подавляющего большинства опрошенных (75%) идеальной формой семейной организации является семья, в которой оба супруга имеют равные права. Из этого принципа следует и равная ответственность супругов за благополучие семьи во всех сферах ее жизни.

Итак, ответы учащихся из муниципального района Центральной России, малых городов и сельской местности по актуальным вопросам семьи и брака, с одной стороны, свидетельствуют об их правильных представлениях, основанных на личных наблюдениях и впечатлениях. В этих ответах присутствует определенная романтизация и идеализация будущей семьи, что связано с возрастом респондентов. С другой стороны, мнения юношей и девушек о ключевых аспектах семьи и брака свидетельствуют о восприятии ими семьи как главной ценности и социального института, важного фактора психологической поддержки, защиты, безопасности.

Обсуждение

Перейдем к анализу основных причин неблагоприятных тенденций брачности и рождаемости в современном российском обществе, опираясь на наш многолетний опыт научно-исследовательской работы в Институте социальной педагогики РАО, а в настоящее время – в НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России.

Опыт родительской семьи. Согласно данным вышеназванного исследования, более половины респондентов (61%) берут пример с семейной жизни родителей, из них 35% считают ее абсолютным примером; 25% – примером, но не идеальным. Точно не считают семейную жизнь родителей примером 11% респондентов, скорее не считают – 13%. Этот вопрос вызвал затруднения у 12% опрошенных. Возможно, у 36% старшеклассников на выбор таких ответов повлияли сложные отношения между близкими людьми в их семьях.

По данным исследования Н. Г. Лагойды [16], семейная жизнь родителей не является образцом для подражания для 42% опрошенных, что обусловлено, по мнению автора, различием взглядов молодежи на семейную жизнь по сравнению с установками старшего поколения.

Социолог В. М. Карпова [17] по результатам проведенного социологического исследования отмечает, что основные ценности семейно-детного образа жизни формируются в рамках первичной внутрисемейной социализации. В статье представлены результаты анализа трех волн исследования семейно-детного образа жизни 2014–2016 гг. по совокупной базе 4 500 ответов респондентов. При помощи корреляционного и многофакторного дисперсионного анализа для связанных выборок показано, что семейные ценности родителей передаются детям не в полном объеме, причем искажение возникает не только на этапе транслирования ценностей, но и на уровне первичной коммуникации.

Наши наблюдения подтверждают, что для одних молодых людей опыт жизни в родительской семье является ориентиром для создания собственной семьи, для других – становится причиной построить собственную семью на иных основаниях. Жизненный опыт в родительской семье, где были конфликты, скандалы, измены, развод, становится сдерживающим фактором для высокой рождаемости в будущей семье их дочери или сына. Мужчины, выросшие в семьях, где родители развелись, часто опасаются повторить ошибки своих родителей или пережить болезненный процесс развода.

Родительская семья для молодежи, по нашему мнению, должна стать примером для подражания – эту идею важно донести до молодого поколения через СМИ, педагогов, работников здравоохранения, социальных служб, общественность.

Неподготовленность значительной части молодежи к семейной жизни

Этот вывод мы делаем как на основе собственного многолетнего наблюдения за развитием института семьи в ходе социально-педагогических исследований в сельском социуме, так и опираясь на работы других исследователей, например, вышеназванное исследование Н. Г. Лагойды. Согласно выводам этого автора, молодежь, вступающая в брак, имеет смутные представления о семейной жизни, подходит к созданию семьи неосознанно. Усвоение семейно-брачных ценностей происходит стихийно, подготовка к браку носит бессистемный характер. Автор отмечает отсутствие эффективных форм подготовки к браку в российских семьях, а также особенности добрачного поведения современной молодежи, рост числа вынужденных браков, связанных с добрачной беременностью. Психологическая и социальная готовность современных молодых людей к брачно-семейным отношениям, согласно выводам Н. Г. Лагойды, оставляет желать лучшего.

На наш взгляд, подготовка молодежи к семейной жизни начинается в родительской семье и включает целенаправленные действия родителей по формированию у ребенка жизнестойкости, приверженности к духовно-нравственным ценностям, развитию личностных качеств, необходимых для семейной жизни (терпение, трудолюбие, жертвенность). Важно с ранних лет вовлекать ребенка в семейные обязанности, приучать к самостоятельному выполнению посильной домашней работы, что крайне значимо для будущей семейной жизни. Необходимо воспитывать в детях чувство ответственности за свою будущую семью и продолжение рода. В подготовке ребенка к семейной жизни важны правильные психологические установки родителей, которые передаются детям в процессе общения: понимание семьи как основы правильного образа жизни, как места преодоления эгоизма, как серьезного труда. Также важно формировать ответственное отношение к выбору спутника жизни, рождению и воспитанию детей, защите и сохранению семьи.

Именно родительская семья выступает главным институтом подготовки молодежи к осознанному браку. В этом процессе важную роль играют СМИ, педагоги, работники здравоохранения, социальных служб, представители общественности и региональные власти, реализующие активную политику поддержки института семьи.

Снижение рождаемости из-за замены законных браков сожительствами

По мнению заместителя директора Института демографии Высшей школы экономики С. В. Захарова, «золотой век господства традиционного брака в России

пришел к закату», но это не влияет негативно на рождаемость. «Так ли уж ущербны с демографической точки зрения новые формы супружества и семейной жизни?» – задается вопросом С. В. Захаров [1].

Однако сожителство, как пишет социолог и демограф А. Б. Синельников, характеризуется большим взаимным недоверием между партнерами, причем в большей степени, нежели между законными супругами, хотя и последние не застрахованы от развода. Для такого недоверия существуют серьезные причины.

Неуверенность в партнерских отношениях приводит к откладыванию рождения детей либо к решению вообще не иметь их от данного партнера [1].

Существование семей с детьми без официальной регистрации родителями брака стало сегодня распространенным явлением. Часто это связано с желанием родителей получить дополнительные государственные пособия.

С. А. Сукнева и А. С. Барашкова, авторы работы «Феномен сожителства в Северном регионе: масштабы, причины и демографические последствия» [18], отмечают, что среднее желаемое число детей у состоящих в зарегистрированном браке составляет 3,1, тогда как у сожителей – лишь 2,7. Еще более заметны различия по ожидаемому числу детей: 2,12 – для всех возрастных когорт и 2,33 и 2,03 соответственно для тех, кто состоит в официальном и неофициальном союзе.

Современная молодежь остро нуждается в грамотном просвещении по вопросам здоровьесбережения, в том числе репродуктивного здоровья. В России есть регионы, где данному вопросу уделяется серьезное внимание. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе реализуется проект «Репродуктивное здоровье населения ЯНАО», цель которого – обеспечение устойчивого прироста численности населения округа через сохранение репродуктивного здоровья мужчин и женщин, социально-экономическую поддержку семей с детьми, повышение значимости семейных ценностей в обществе. Особое внимание уделяется здоровью подростков. Юноши и девушки проходят анкетирование, на основе которого врачи оценивают их здоровье. Первичный скрининг организован в Центре здоровья детей г. Новый Уренгой и включает осмотр гинеколога и уролога-андролога. До конца 2024 г. обследование прошли около 3 500 новоуренгойцев в возрасте от 15 до 17 лет. При необходимости более детального обследования молодые люди направлялись на консультацию к профильным специалистам и УЗИ.

В ряде регионов функционируют центры репродуктивного здоровья. Например, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Городской центр охраны репродуктивного здоровья подростков “Ювента”» обладает ценным опытом работы. Важно активно изучать и распространять этот опыт на федеральном уровне.

Существенную поддержку семьям в вопросе здоровьесбережения детей могут оказать медицинские работники, специалисты социальных служб (социальные педагоги, специалисты по работе с семьей и социальной работе), которые регулярно взаимодействуют с семьями по месту их проживания. К примеру, в Калужской области специалисты Боровского центра социальной помощи семье и детям «Гармония» (г. Боровск) накопили опыт оказания социально-педагогической помощи семьям, особенно социально неблагополучных. Они постоянно совершенствуют методы работы с семьями в области здоровьесбережения детей.

Образование семей, особенно молодых, по вопросам здоровьесбережения становится приоритетной задачей времени. Однако информировать молодежь необходимо грамотно, тактично и ненавязчиво, применяя современные методы передачи медицинских и психолого-педагогических знаний.

Терпимость общества к сожительству

Отношение старшеклассников к незарегистрированному браку (сожительству) было одной из задач нашего исследования. Подавляющее большинство старшеклассников (79%) относятся к такому союзу нейтрально, что противоречит традиционным ценностям, поскольку церковь и отчасти общественность однозначно осуждают подобные отношения. Если добавить к этим ответам тех, кто относится к сожительству положительно, картина становится еще более показательной: 86% респондентов не осуждают незарегистрированный брак. При этом и юношей, и девушек в варианте «отношусь нейтрально» ответило почти поровну, как и в варианте «в целом положительно». При этом 12% старшеклассников отрицательно относятся к сожительству, причем среди них больше девушек, чем юношей. Такое распределение ответов свидетельствует о частичном размытии базовых ценностей, связанных с семьей и браком, а именно: об утрате ответственного отношения к браку как социальному институту. Ведь соительство не предполагает ответственности, что указывает на стремление избежать обязательств в семейных отношениях. Примечательно, что в ответе на вопрос о главных ценностях в жизни лишь меньшинство респондентов назвали детей, отметив при этом, что они требуют большой ответственности. Что подтверждает сделанные выводы.

Современное общество, как отмечал академик РАО Д. В. Колесов, стало более терпимым к добрачным связям [19]. По нашим наблюдениям, ушел в прошлое общественный контроль за моральным обликом человека, главенствует негласный принцип права выбора модели личной жизни. Однако незарегистрированные союзы порождают множество проблем, как для общества, так и для молодых людей: рост числа неполных семей; невозможность некоторых девушек иметь детей после сделанных ими абортов; негативный опыт отношений, который приводит одних к девиантному поведению, других – к отказу от семейной жизни; нестабильность отношений между партнерами, травмирующая детей, и пр. Возможно, не все респонденты до конца понимают суть соительства (этот факт тоже мог повлиять на результаты). Однако тенденция слишком очевидна, чтобы списывать ее на простое непонимание сути вопроса.

Влияние распада семей на рождаемость

По мнению С. В. Захарова, Е. В. Чуриловой и В. С. Агаджаняна [20], расторжения браков и разрывы отношений в так называемых «партнерских союзах» имеют благоприятные демографические последствия. Это связано с тем, что появляется значительное число детей в результате новых официальных браков, а также в рамках незарегистрированных «повторных супружеских союзов».

Данным экспертам оппонирует профессор А. Б. Синельников. «Это могло бы повысить уровень рождаемости в целом, но лишь при очень благоприятной (и чрезвычайно маловероятной) ситуации, – считает профессор МГУ, – когда почти все разведенные женщины вновь вступают в законный брак и больше не разводятся. Но даже и в этом случае замещение поколений было бы неполным» [1].

Психолого-педагогическая подготовка молодежи к созданию семьи должна стать одним из приоритетных направлений работы социальных педагогов, работников здравоохранения, социальных служб и общественности.

Негативное влияние абортa на рождаемость

Авторы медицинского исследования, А. Г. Алехина и др. [21], отмечают, что, несмотря на наличие в арсенале акушеров гинекологов большого количества средств контрацепции, ориентированность большинства пациенток на планирование семьи, частота абортa остается на высоком уровне. В нашей стране существует три основных метода для искусственного прерывания беременности: хирургический, вакуумный и медикаментозный аборт. Исследования показывают, что осложнения возникают при любом способе удаления эмбриона из матки. Однако самым опасным методом для репродуктивного здоровья женщины является хирургический аборт из-за возможного повреждения слизистой и мышечной оболочки матки. Осложнения после прерывания беременности бывают трех видов: ранние, отсроченные, отдаленные. Последствия абортa могут повлиять на способность женщины к деторождению из-за развития воспалительных заболеваний половых органов или образования спаек в матке.

Аборт также отражается на последующих беременностях и здоровье будущих детей. У женщин с истoрией абортa в анамнезе чаще встречаются такие осложнения как преэклампсия, более тяжелое течение токсикоза, истмико-цервикальная недостаточность, плацентарная дисфункция и др. Некоторые последствия абортa, например, гормональный стресс, могут спровоцировать развитие новообразований, что влияет на продолжительность жизни женщины.

Рост числа детей с инвалидностью как сдерживающий фактор рождаемости в последующих поколениях

Согласно данным нашего исследования, проведенного в 2024 г. [22], более половины семей (53%), воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью, имеют двоих детей; 32% – трех и более. Каждая седьмая семья (14%) воспитывает одного ребенка с ОВЗ и инвалидностью, при этом многие такие семьи планируют рождение второго ребенка. Однако решаются на этот шаг далеко не все женщины из-за боязни вновь родить ребенка с нарушениями. Что становится серьезным препятствием для повышения рождаемости в стране. Нельзя игнорировать и страх женщин, имеющих одного здорового ребенка и желающих завести второго, но опасющихся рождения ребенка с отклонениями. Данный фактор также негативно влияет на развитие демографической ситуации в стране.

В настоящее время многие регионы России сталкиваются с тревожной тенденцией роста числа детей с ОВЗ и инвалидностью, что негативно влияет на рождаемость в последующих поколениях.

Существование значительного количества неполных семей, воспитывающих ребенка с особенностями здоровья (в нашем исследовании их 26%), указывает на ограниченные возможности женщин для рождения второго ребенка. Это также создает серьезные препятствия для улучшения демографической ситуации в стране.

Сознательный выбор несемейного образа жизни

Некоторые люди намеренно выбирают жизнь без семьи, предпочитая одиночество или проживание с близкими родственниками. Им комфортно существовать в уединении, поскольку они черпают энергию из внутреннего мира. Им необходимо побыть наедине с собой, чтобы восстановить силы. Семейные отношения и постоянное взаимодействие с партнером могут стать для таких людей источником стресса, так как требуют регулярного общения и эмоционального вовлечения.

Некоторые люди, преимущественно женщины, находят смысл жизни в работе, что приводит к отказу от создания семьи и рождения детей. Исследователь Е. А. Ипполитова в своем психологическом исследовании, результаты которого отражены в статье «Жизненные перспективы зрелых женщин, не состоящих в браке» [23], изучила представления о будущем не состоящих в браке и не имеющих детей женщин 36–40 лет. Автор проанализировала ценностные, когнитивные и эмоциональные аспекты их жизненных перспектив. По результатам исследования выяснилось, что такие женщины часто ориентированы на активную профессиональную деятельность и разнообразный досуг, свободно выбирают круг общения, при этом реалистично оценивая шансы на создание семьи. Исследователь делает вывод о том, что современные не состоящие в браке женщины 36–40 лет, несмотря на сложности в построении семейного счастья, отличаются адекватной самооценкой, оптимистичным взглядом на жизнь и значительным потенциалом для самореализации в профессиональной сфере и творчестве.

Рост индивидуализма, потребительства и эгоизма в современном обществе приводит к тому, что люди все больше концентрируются на себе и своих желаниях. Они менее склонны к компромиссам и самопожертвованию ради другого человека. А брак требует постоянной работы над отношениями, взаимной поддержки и уважения. Некоторые люди воспринимают брак как ограничение личной свободы и индивидуальности. Они ставят собственные интересы превыше всего и выбирают одиночество ради сохранения психологического комфорта.

Многие, привыкшие заботиться только о себе, рассматривают переход от одинокого образа жизни с семейно-детному как потерю свободы, которая для них важнее семейных уз [1].

Если у человека есть веские причины для выбора несемейного образа жизни, церковь относится к этому с пониманием. Общество также проявляет сочувствие к таким людям.

Добровольная бездетность

Социальные нормы перестают осуждать добровольную бездетность, считает социолог-демограф А. Б. Синельников [1]. Даже те, кто сами имеют детей, признают право других на подобный выбор и не считают это поводом для осуждения. По мнению профессора, бездетность, особенно добровольная, заслуживает более серьезной оценки, чем малодетность. При массовом отказе от рождения детей процесс вымирания может стать настолько стремительным, что остановить его будет невозможно. Такой образ жизни получает распространение преимущественно в постиндустриальном обществе с развитой системой социального обеспечения.

Это проявляется не только в размере пенсий, которые обеспечивают пожилым людям экономическую независимость от детей, но и в развитии системы социального обслуживания пожилых людей на дому и в стационарных учреждениях [1].

Малообеспеченность значительного числа семей

Более 82% всех бедных составляют семьи с детьми. В Специальном докладе Общественной палаты Российской Федерации [24] есть раздел «Доходы и уровень бедности», в котором представлена информация о малоимущих домохозяйствах с детьми в возрасте до 18 лет. Среди целевых показателей и задач, характеризующих достижение национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», особое внимание уделяется снижению уровня бедности ниже 7% к 2030 г. и менее 5% к 2036 г. Для многодетных семей установлены отдельные целевые значения: до 12% к 2030 г. и до 8% к 2036 г.

Несмотря на государственную поддержку семей с детьми, особенно многодетных (семейная ипотека, выплаты и др. меры), острой социальной проблемой остается проблема малообеспеченности семей, особенно в дотационных регионах, малых городах и сельской местности. Именно невысокий уровень доходов не позволяет многим семьям с детьми иметь еще одного ребенка. Ведь с рождением каждого нового ребенка финансовое положение семьи ухудшается в разы.

Функциональное обособление семей и разобщение поколений как сдерживающий фактор рождаемости.

В соответствии с результатами нашего исследования, о котором речь шла выше, подавляющее большинство старшеклассников (84%) убеждены в том, что молодая семья должна проживать отдельно от родителей. Лишь 8,3% респондентов выбрали вариант совместного проживания с родителями, причем среди них юношей оказалось в четыре раза больше, чем девушек. К примеру, молодые люди высказались следующим образом: «Вместе, но при соблюдении личных границ и взаимовыручке», «Смотря как им будет удобно, бывают разные ситуации», «Как получится», «По финансовым возможностям», «По-разному – можно жить и вместе, и отдельно», «Отдельно, но не забывать про родителей». Такие ответы свидетельствуют о зрелом и продуманном подходе юношей к вопросу совместного проживания родительской и молодой семьи.

По данным опроса, только 5% опрошенных учащихся воспитываются в многопоколенных семьях, где вместе живут дети, родители и прародители. Это указывает на то, что даже в малых городах и сельской местности Центральной России совместное проживание нескольких поколений постепенно исчезает. Такая тенденция, по мнению педагога-психолога И. В. Покусай, одного из авторов нашего исследования, ослабляет жизнеспособность и устойчивость семьи как социального института, снижает воспитательный и адаптационный потенциал семьи, т. к. лишает ее членов опыта и поддержки старших поколений.

Как отмечает социолог и демограф А. Б. Синельников [25], после распада СССР российское общество переняло стандарты семейной жизни, характерные для США и стран Северной и Западной Европы. Эти стандарты исключают даже временное совместное проживание с родителями. Однако многие россияне не имеют возможности ни купить, ни арендовать хотя бы скромное жилье. Из-за чего они вынуждены откладывать вступление в брак или вовсе отказываются от создания семьи.

С 1989 по 2020 г. заметно вырос средний возраст вступления в первый брак, как у женихов, так и у невест, а также средний возраст матерей при рождении первого ребенка – в обоих случаях на четыре года. При этом вдвое сократилось количество первых браков и первых рождений.

Лучшие практики работы общественных структур

Знакомство с практикой работы ряда общественных структур через Интернет показало их важную социальную значимость несмотря на то, что их деятельность имеет узкую целевую направленность. Среди таких организаций: общественная организация «Счастливая семья» (Санкт-Петербург); движение «Многодетство» (Магнитогорск); межрегиональная общественная организация «За права семьи» (региональные отделения в Москве, Санкт-Петербурге, Мурманской и Тверской областях); общественная организация «Совет замещающих семей “Данко”» (Чайковский, Пермский край).

Изучение опыта краевой региональной общественной организации «Институт семьи» (КРОО), более 25 лет действующей в Красноярском крае и активно сотрудничающей с нашим Институтом, показало комплексность, многопрофильность ее работы. Специалисты социальной сферы всех городов и районов края активно применяют научно-методические разработки КРОО в своей практической работе с семьями. Основные направления деятельности КРОО включают:

- проведение исследований по проблемам семьи и распространение их результатов в муниципальных образованиях; организация ежегодной конференции «Дети Красноярского края: настоящее и будущее», родительских школ, школы успешных родителей при поддержке Союза женщин России в городах и районах края;

- разработка программ «Семьеведение», «Культура материнства», «Факультет отцов», «ПервоКлассная семья», профилактических программ (первичная профилактика нервно-психических расстройств детей, профилактика дисграфии и дислексии и др.) и содействие в их реализации в городах и районах края;

- изучение и популяризация опыта семей, ведущих ЗОЖ, инновационной деятельности районов края по государственно-общественной поддержке семей через СМИ, проведение передач-советов для родителей на уличном городском радио; подготовка методических рекомендаций, печатных изданий, создание фильмов и социально ориентированных видеороликов о семье;

- просвещение населения и консультативная помощь семьям по вопросам здоровьесбережения, формирования здоровья молодой семьи.

Сегодня КРОО – признанный научно-исследовательский и научно-методический центр края по вопросам семьи. Организация строит свою деятельность на научной основе, развивая межведомственное, межмуниципальное и сетевое взаимодействие при грантовой поддержке правительства края. Она обеспечивает связь между наукой и практикой, столицей края и муниципалитетами. Этот опыт, описанный нами [26], следует одобрить на федеральном уровне и рекомендовать к использованию в регионах.

Выводы и заключение

Создание новых семей происходит в условиях изменившейся реальности, определяющей сознание, поведение, образ жизни молодежи, ее представления о семье и браке, что необходимо учитывать СМИ, специалистам социальной сферы в работе с молодежью.

На процесс создания семьи как базовой ячейки общества, главного института воспроизводства населения, ведущего института социализации и здоровьесбережения ребенка, влияет целый комплекс факторов (экономических, социальных, культурных, медицинских, психологических, педагогических), что требует междисциплинарных исследований и комплекса мер для семейно-демографической политики.

Необходимо активизировать деятельность муниципальных и региональных властей по поддержке института семьи. Бесспорно, в первом ряду стоят развитая экономика, рабочие места, доступность жилья, доступ к здравоохранению и образованию, социальная стабильность, дающие молодежи уверенность в завтрашнем дне. Не менее значима социально-воспитательная и духовно-нравственная работа с молодежью, позитивно влияющая на ее сознание и поведение, целенаправленная профессиональная подготовка кадров, прежде всего социальных педагогов, к работе с семьей.

Важно вернуть в представления молодежи об успехе стремление к созданию крепкой семьи. Эта идея политолога С. А. Михеева заслуживает внимания¹. Семья должна занимать одно из главных мест в жизненных планах молодых людей.

СМИ, образовательным организациям, социальным учреждениям необходимо формировать опыт взаимодействия между поколениями в семьях, развивать взаимопомощь и поддержку между старшим и младшим поколениями, особенно когда семьи живут рядом. Родителям, педагогам, работникам социальных служб важно обсуждать с детьми семейные ценности и родовую принадлежность, ведь рассказы о предках влияют на формирование характера. Нужно воспитывать в детях чувство родовой принадлежности и стремление продолжить род, укреплять семейные связи и традиции, оказывать помощь семьям в воспитании и здоровьесбережении детей.

Список литературы

1. Синельников, А. Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ : учебное пособие. Москва : Издательство «Перо», 2022. 392 с. ISBN 978-5-00204-684-3. EDN [BQQGDE](#).
2. И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов по результатам социологических исследований / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова [и др.]. Москва : Издательско-полиграфическое объединение «У Никитских ворот», 2022. 272 с. ISBN 978-5-00170-560-4. EDN [JHDLWS](#).
3. Суворова, О. В. Представления старшеклассников о ключевых характеристиках будущей семьи / О. В. Суворова, Е. А. Комиссарова, П. А. Егорова // Нижегородский психологический альманах. 2018. № 1. С. 39–45. EDN [XRHLCH](#).

¹ Надо вернуть стремление к созданию крепкой семьи в модель жизненного успеха // Дзен : [сайт]. 05.03.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZeYl9kEsQxvSu9Jt> (дата обращения: 20.04.2025).

4. Суворова, О. В. Особенности представлений старшеклассников о ключевых характеристиках будущей семьи / О. В. Суворова, Л. В. Гусева, П. А. Егорова // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60–1. С. 480–483. EDN [VARWNK](#).
5. Закомолдина, А. Р. Представления современной молодежи о браке и семье в свете традиционных духовно-нравственных ценностей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 7–3(94). С. 25–31. DOI [10.24412/2500-1000-2024-7-3-25-31](#). EDN [BLYRAA](#).
6. Карпова, В. М. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте / В. М. Карпова, Е. В. Филиппова // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 18, № 4. С. 84–96. EDN [RUMIBL](#).
7. Масленникова, С. А. Изучение представлений современной молодежи о брачно-семейных отношениях / С. А. Масленникова, А. И. Непряхина // Человеческий капитал. 2019. № 5(125). С. 177–184. EDN [AMHXVM](#).
8. Докучаева, С. О. Влияние родительской семьи на построение супружеской семьи в следующем поколении // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 41–55. EDN [HTYGML](#).
9. Реан, А. А. Семья в структуре ценностей молодежи // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 1. С. 62–76. DOI [10.21702/rpj.2017.1.4](#). EDN [YKVAZJ](#).
10. Реан, А. А. Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям // Национальный психологический журнал. 2016. № 1(21). С. 3–8. DOI [10.11621/npj.2016.0101](#). EDN [XABVVD](#).
11. Шмакова, В. А. Семья как ценность в представлениях старшеклассников / В. А. Шмакова, Е. А. Иванов // Амурский научный вестник. 2019. № 2. С. 63–70. EDN [AKMFVI](#).
12. Иванишко, А. М. Семейные ценности молодежи Пензенской области: супружество и родительство // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 3(63). С. 75–84. DOI [10.21685/2072-3016-2022-3-6](#). EDN [TSBTWS](#).
13. Нухаева, Б. Б. Представления молодежи Республики Калмыкия о семье и браке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5, № 1. С. 100–104. EDN [PAGONL](#).
14. Медведева, Е. И. Специфика брачно-семейных отношений молодежи Подмоскovie / Е. И. Медведева, С. В. Крошилин // Проблемы развития территории. 2018. № 2(94). С. 120–140. DOI [10.15838/ptd/2018.2.94.8](#). EDN [YUKGNU](#).
15. Бернгрд, Е. И. Ценностные ориентации студенческой молодежи Беларуси на брак и семью // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. 2016. № 2 (48). С. 63–67.
16. Лагойда, Н. Г. Проблема подготовки современной молодежи к браку и пути ее решения // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 5. С. 82–87. EDN [QBTYNL](#).
17. Карпова, В. М. Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25, № 3. С. 117–139. DOI [10.24290/1029-3736-2019-25-3-135-157](#). EDN [IFVHIU](#).
18. Сукнева, С. А. Феномен сожительства в Северном регионе: масштабы, причины и демографические последствия / С. А. Сукнева, А. С. Барашкова // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 97–110. DOI [10.21064/WinRS.2019.1.9](#). EDN [VWMZDG](#).
19. Колесов, Д. В. Предупреждение вредных привычек у школьников. Москва : Педагогика, 1982. 176 с.
20. Захаров, С. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? / С. Захаров, Е. Чурилова, В. Агаджанян // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 1. С. 35–51. EDN [WFEIZP](#).
21. Алехина, А. Г. Влияние искусственного прерывания беременности на репродуктивные возможности женщин / А. Г. Алехина, Ю. А. Петров, А. Е. Блесманович, Е. М. Галущенко // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. 2019. Т. 21, № 1. С. 15–19. EDN [LYSYXN](#).
22. Гурьянова, М. П. Характеристика здоровьесберегающего поведения родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью / М. П. Гурьянова, П. Д. Ключинова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 88–104. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.6](#). EDN [WPPZUI](#).
23. Ипполитова, Е. А. Жизненные перспективы зрелых женщин, не состоящих в браке // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 10. С. 476–482. DOI [10.5281/zenodo.1462213](#). EDN [YLGXUL](#).

24. Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации / ОП РФ : Росстат. Москва : ОП РФ, 2024. 100 с. ISBN 978-5-6050462-6-4.

25. Синельников, А. Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36–48. DOI [10.31857/S013216250020195-7](https://doi.org/10.31857/S013216250020195-7). EDN [FODWFN](https://www.edn.ru/FODWFN).

26. Гурьянова, М. П. Инициативная деятельность краевой региональной общественной организации по здоровьесбережению семей с детьми / М. П. Гурьянова, И. Г. Гагаркина // Педагогика. 2025. Т. 89, № 2. С. 58–64. EDN [BMUPXR](https://www.edn.ru/BMUPXR).

Сведения об авторе

Гурьянова Марина Петровна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник, НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков, ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: guryanowamp@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9066-6882](https://orcid.org/0000-0001-9066-6882); ПИНЦ SPIN-код: [3447-1188](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=59242202000); Scopus Author ID: [59242202000](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=59242202000).

Статья поступила в редакцию 06.05.2025; принята в печать 14.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ANALYSIS OF FACTORS AFFECTING FAMILY FORMATION AND BIRTHRATE IN RUSSIA'S POPULATION

Marina P. Guryanova

National Medical Research Center for Children's Health of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia

E-mail: guryanowamp@yandex.ru

For citation: Guryanova, M. P. Analysis of Factors Affecting Family Formation and Birthrate in Russia's Population. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 8–24. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.1). (In Russ.)

Abstract. The aim of this article is to analyze the factors that negatively affect family formation and the birth rate. This study is based on a local socio-educational study in Borovsk, Kaluga Region, as well as the author's long-term observation of the development of family institutions during 30 years of research at the Institute for Social Pedagogy at the Russian Academy for Education. The article also examines the experience of social workers in working with families, particularly those with social disadvantages, in their local communities. Using socio-educational research methods, this article analyses the main reasons for negative trends in marriages and birthrates. It describes best practices for preserving adolescent reproductive health, assisting families in maintaining child health, which should be disseminated and promoted in all regions of Russia. This paper presents the innovative experience of a regional public organization, "Family Institute," which has successfully operated in Krasnoyarsk with government support. It also proposes relevant socio-educational measures to increase the number of marriages, strengthen the family institution, and raise the birthrate. The significance of this research lies in its thorough analysis of factors affecting family formation, identifying factors influencing demographic trends, and its practical focus on improving the situation.

Keywords: family, marriage, children, family and demographic situation, birth rate, family lifestyle, family and demographic policy

References

1. Sinelnikov, A. B. *Braki i razvody v sovremennoy obshchestve: sotsiologicheskii analiz [Marriages and divorces in modern society: sociological analysis]* : textbook. Moscow : Pero Publ., 2022. 392 p. ISBN 978-5-00204-684-3. (In Russ.).

2. *Both Together and Apart: Sociology of Mutual Representations of Spouses According to the Results of Sociological Research* / A. I. Antonov, V. M. Karpova, S. V. Lyalikova [et al.]. Moscow : Publishing and Printing Association "U Nikitskikh vorot", 2022. 272 p. ISBN 978-5-00170-560-4. (In Russ.).
3. Suvorova, O. V., Komissarova, E. A., Egorova, P. A. How High School Students About the Key Characteristics of the Future Family. *Nižgorodskij Psihologičeskij Al'manah*. 2018. No. 1. Pp. 39–45. (In Russ.).
4. Suvorova, O. V., Guseva, L. V., Egorova, P. A. Perceptions of High School Students about the Key Characteristics of the Future Family. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2018. No. 60-1. Pp. 480–483. (In Russ.).
5. Zakomoldina, A. R. Concept of Modern Youth about Marriage and Family in the Light of Traditional Spiritual and Moral Values. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024. No. 7-3(94). Pp. 25–31. DOI [10.24412/2500-1000-2024-7-3-25-31](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-7-3-25-31). (In Russ.).
6. Karpova, V. M., Filippova, E. V. Perceptions of Parental and Own Future Family in Adolescence and Early Adulthood. *Psychological Science and Education*. 2013. Vol. 18, No. 4. Pp. 84–96. (In Russ.).
7. Maslennikova, S. A., Nepryakhina, A. I. The Study of the Representations of Modern Youth About Marriage and Family Relations. *Human Capital*. 2019. No. 5(125). Pp. 177–184. (In Russ.).
8. Dokuchaeva, S. O. The Influence of the Parental Family on the Construction of a Married Family in the Next Generation *Psychological Science and Education*. 2005. No. 3. Pp. 41–55. (In Russ.).
9. Rean, A. A. A Family in the Structure of Values of Young People. *Russian Psychological Journal*. 2017. Vol. 14, No. 1. Pp. 62–76. DOI [10.21702/rpj.2017.1.4](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.1.4). (In Russ.).
10. Rean, A. A. Attitude of the Youth to the Institute of Family and Family Values. *National Psychological Journal*. 2016. No. 1(21). Pp. 3–8. DOI [10.11621/npj.2016.0101](https://doi.org/10.11621/npj.2016.0101). (In Russ.).
11. Shmakova, V. A., Ivanov, E. A. Family as a Value in the Views of High School Students. *Amur Scientific Bulletin*. 2019. No. 2. Pp. 63–70. (In Russ.).
12. Ivanishko, A. M. Family Values of the Youth of the Penza Region: Marriage and Parenthood. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2022. No. 3(63). Pp. 75–84. DOI [10.21685/2072-3016-2022-3-6](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-3-6). (In Russ.).
13. Nuskhaeva, B. B. Ideas of Young People of Republic of Kalmykia about Family and Marriage. *Oriental Studies*. 2012. Vol. 5, No. 1. Pp. 100–104. (In Russ.).
14. Medvedeva, E. I., Kroshilin, S. V. Specifics of Marriage and Family Relations of the Youth of the Moscow Region. *Problems of Territory's Development*. 2018. No. 2(94). Pp. 120–140. DOI [10.15838/ptd/2018.2.94.8](https://doi.org/10.15838/ptd/2018.2.94.8). (In Russ.).
15. Berngrd, E. I. Tsennostnyye oriyentatsii studentcheskoy molodezhi Belarusi na brak i sem'yu [Value orientations of student youth of Belarus towards marriage and family] *Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina [Bulletin of MDPU named after I. P. Shamyakin]*. 2016. No. 2 (48). Pp. 63–67. (In Russ.).
16. Lagoida, N. G. The Problem of Modern Youth Preparation to Marriage and the Ways of Its Solution. *Buryat State University Bulletin*. 2013. No. 5. Pp. 82–87. (In Russ.).
17. Karpova, V. M. Features of the Intergenerational Transmission of Family Values. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019. Vol. 25, No. 3. Pp. 117–139. DOI [10.24290/1029-3736-2019-25-3-135-157](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-135-157). (In Russ.).
18. Sukneva, S. A., Barashkova, A. S. The Phenomenon of Cohabitation in the Northern Region: Extent, Causes and Demographic Consequences. *Woman in Russian Society*. 2019. No. 1. Pp. 97–110. DOI [10.21064/WinRS.2019.1.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.1.9). (In Russ.).
19. Kolesov, D. V. *Preduprezhdeniye vrednykh privyчек u shkol'nikov [Prevention of bad habits in schoolchildren]*. Moscow : Pedagogika Publ., 1982. 176 p. (In Russ.).
20. Zakharov, S., Churilova, E., Agadjanian, V. Fertility in Higher-Order Marital Unions in Russia: Does a New Partnership Allow for the Realization of the Two-Child Ideal? *Demographic Review*. 2016. Vol. 3, No. 1. Pp. 35–51. (In Russ.).
21. Alekhina, A. G., Petrov, Yu. A., Blesmanovich, A. E., Galushchenko, E. M. The Impact of Abortion on the Reproductive Capabilities of Women. *Journal Of Scientific Articles "Health and Education Millennium"*. 2019. Vol. 21, No. 1. Pp. 15–19. (In Russ.).

22. Guryanova, M. P., Klochinova, P. D. Characteristics of Health-Preserving Behavior of Parents Raising Children with Disabilities. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 88–104. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.6). (In Russ.).

23. Ippolitova, E. A. Life Prospects of a Mature Woman, Unmarried. *Bulletin of Science and Practice*. 2018. Vol. 4, No. 10. Pp. 476–482. DOI [10.5281/zenodo.1462213](https://doi.org/10.5281/zenodo.1462213). (In Russ.).

24. *Sem'ya i deti v Rossii [Family and Children in Russia]*. Special Report of the Public Chamber of the Russian Federation. Moscow : Public Chamber of the Russian Federation, 2024. 100 p. ISBN 978-5-6050462-6-4. (In Russ.).

25. Sinelnikov, A. B. Separation of Generations in Families as a Factor for Reducing Birth Rate. *Sociological Studies*. 2022. No. 5. Pp. 36–48. DOI [10.31857/S013216250020195-7](https://doi.org/10.31857/S013216250020195-7). (In Russ.).

26. Guryanova, M. P., Gagarkina, I. G. Initiative Activity of the Regional Public Organization: Healthcare in Families with Children. *Pedagogy*. 2025. Vol. 89, No. 2. Pp. 58–64. (In Russ.).

Bio note

Marina P. Guryanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief Researcher, Research Institute of Hygiene and Health Protection of Children and Adolescents, National Medical Research Center for Children's Health of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: guryanowamp@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9066-6882](https://orcid.org/0000-0001-9066-6882); RSCI SPIN code: [3447-1188](https://elibrary.ru/3447-1188); Scopus Author ID: [59242202000](https://orcid.org/59242202000).

Received on 06.05.2025; accepted for publication on 14.07.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2)EDN [CVCFOP](https://www.edn.ru/CVCFOP)

МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Рославцева М. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

Для цитирования: Рославцева, М. В. Мотивационные аспекты демографического поведения населения постсоветских стран // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2). EDN [CVCFOP](https://www.edn.ru/CVCFOP).

Аннотация. В статье дан комплексный анализ взаимосвязи между основами мотивационной деятельности человека, представленными в виде ключевых ценностных ориентациями (отношение к семье, субъективное здоровье, удовлетворенность жизнью) и ключевыми демографическими показателями (рождаемость, смертность, брачность, разводимость, естественный прирост и др.) в странах постсоветского пространства на основе данных World Values Survey (WVS) и национальной статистики за 1990–2021 гг. Проведен расчет коэффициентов корреляции Пирсона между динамикой различных категорий ответов на вопросы о ценностях и изменениями демографических индикаторов для стран бывшего СССР, в которых полнота имеющихся данных позволяла осуществить подобные расчеты: России, Украины, Армении, Кыргызстана и Узбекистана. Полученные результаты свидетельствуют о наличии сильных и статистически значимых связей между изменениями субъективного благополучия и демографической ситуацией: укрепление семейных ценностей и рост удовлетворенности жизнью находят свое отражение в таких статистических тенденциях, как увеличение рождаемости и снижение смертности, тогда как ослабление традиционных установок связано с демографическим спадом. Обсуждаются механизмы обнаруженных зависимостей, их интерпретация в контексте теории второго демографического перехода. Полученные результаты сопоставляются с зарубежными исследованиями по данным WVS и позволяют сделать вывод о важности ценностных установок населения в качестве мотивационных основ для достижения успехов в рамках государственной демографической политики, так как прослеживается статистическая взаимосвязь между ценностями и итоговым демографическим поведением. Данное заключение относится к мерам, связанным не только с репродуктивными установками и рождаемостью, но и с субъективным самочувствием граждан и их самосохранительным поведением.

Ключевые слова: ценности, демографические показатели, семья, здоровье, удовлетворенность жизнью, World Values Survey, страны постсоветского пространства, корреляционный анализ

Введение

Настоящее исследование посвящено вопросу о том, как изменения ценностных ориентаций находят свое практическое отражение в демографических процессах на территории постсоветских стран. Объектом исследования выступает демографическое поведение жителей этих стран, а предметом – его мотивационная составляющая. Данный регион представляет интерес, поскольку с момента распада Советского Союза общества этих стран прошли через сложный этап трансформации, а кроме того, они находятся на пути ко второму демографическому переходу. Цель автора научной статьи – проанализировать статистическую взаимосвязь между показателями ценностных ориентаций (на примере отношения к семье, самооценки здоровья и удовлетворенности жизнью) и ключевыми демографическими индикаторами (численность постоянного населения, коэффициенты естественного прироста, миграционного прироста, брачности, разводимости, смертности и младенческой смертности, а также суммарный коэффициент рождаемости)

в некоторых постсоветских странах. Выбор показателей обусловлен их универсальностью для анализа демографической ситуации в стране, наличием данных по ним для всех изучаемых стран. Однако стоит отметить, что подобные исследования имеют определенные ограничения. Они связаны, прежде всего, с тем, что данные, необходимые для корреляционного анализа, имеются не у всех стран. Мы рассматриваем показатели по пяти странам экс-СССР: Армении, Кыргызстану, России, Узбекистану и Украине. Наш выбор обусловлен тем, что только эти страны участвовали в международных исследованиях ценностей в разные годы три и более раз, что позволяет проследить динамику ценностных показателей. В работе проверяется, соответствуют ли изменения ценностных установок изменениям таких демографических показателей, как рождаемость, смертность, естественный прирост, брачность, разводимость и пр. Наше исследование построено на корреляционном анализе: мы не утверждаем наличие прямых причинно-следственных связей, тем не менее выявленные статистические зависимости позволяют выдвинуть гипотезы о возможных взаимовлияниях ценностей и демографических процессов, произвести сравнительный анализ обнаруженных взаимосвязей в разных странах. В рамках исследования автор выдвигает следующие гипотезы: 1. Демографические показатели естественного и миграционного движения населения отражают ценностную структуру и приоритеты данного общества. 2. Рост самооценки удовлетворенности жизнью и увеличение важности семьи в ценностной модели отдельной страны приводит к росту рождаемости, брачности и снижению разводимости. 3. Субъективная оценка здоровья растет в результате улучшения качества медицинского обслуживания, что находит свое отражение в статистике смертности и младенческой смертности.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном сопоставлении динамики ценностных ориентаций и демографических тенденций на постсоветском пространстве. Полученные результаты дополняют существующие работы зарубежных ученых, выполнявших подобные анализы на материалах Европейского и Всемирного исследования ценностей, и позволяют сделать выводы об общих и специфических чертах постсоветских стран в данном контексте. Что позволит применить выводы исследования в рамках демографической ценностно-ориентированной политики России и ряда других стран постсоветского пространства, а также использовать рассмотренную методологию для дальнейших научных изысканий.

Обзор научной литературы

Демографическое поведение представляет собой сложное, многоаспектное понятие. В рамках настоящего исследования мы опираемся на позицию, где демографическое поведение описывают «как систему взаимосвязанных действий (поступков), направленных на изменение или сохранение демографического состояния общности людей, другими словами, это действия, связанные с воспроизводством населения (брачное, репродуктивное, миграционное и самосохранительное поведение)» [1]. Мотивационными аспектами демографического поведения, таким образом, выступают факторы, побуждающие индивида совершать действия,

включенные в состав демографического поведения. Прежде всего, в рамках данной статьи нас интересует один из наиболее глубоких аспектов мотивации – ценности.

Ценности как общепсихологическая категория имеют ряд трактовок. Одним из вариантов является подход к системе ценностей на основе определенного критерия. Например, ценности рассматриваются с точки зрения способствования полной и активной жизни. Другая точка зрения трактует ценности как идеалы, отраженные в личном и общественном сознании. Последняя группа теорий представлена практическим подходом, где ценности понимаются как жизненные цели или ориентиры [2]. В рамках настоящего исследования нами использован взгляд, который сочетает в себе второй и третий подходы к ценностям, иначе говоря, как идеалы трансформируются в жизненные цели.

Лидирующие позиции иерархии ценностей имеют схожий характер в большинстве культур: семья, здоровье, счастье и т. п. Соответственно, настоящая статья анализирует данные, полученные в ходе исследования этих важнейших ценностей. Семья занимает центральное место в системе ценностей большинства обществ. По данным международных сопоставительных исследований ценностей, абсолютное большинство людей во всем мире считает семью очень важной частью своей жизни [3]. Даже процессы модернизации и глобализации, приводящие к культурным изменениям, не отменяют устойчивости традиционных ценностей, особенно связанных с семьей [4]. Так, результаты Всемирного исследования ценностей показывают, что, несмотря на значительные социальные перемены, во многих странах сохраняется приверженность семейным ценностям на высоком уровне [3]. Однако, как уже было отмечено выше, ценностные модели в настоящее время подвержены трансформации: к примеру, в ряде обществ молодежь проявляет в большей степени эгалитарные и индивидуалистические установки, тогда как старшие поколения остаются более традиционными [5].

Не менее важный приоритет жизни человека, который также является показателем уровня его жизни, это здоровье. В некоторых исследованиях данный показатель в ценностной модели населения занимает даже более высокие ранговые позиции, чем установки на семью [6]. Общеизвестно, что субъективная оценка самочувствия коррелирует с объективными показателями здоровья населения. Так, например, в разных странах и культурах, где люди оценивают свое здоровье как плохое, статистика смертности выглядит менее благоприятно: низкая самооценка здоровья становится сильным предиктором повышенной смертности [7]. Это доказывает, что субъективные оценки здоровья чаще всего отражают реальную ситуацию здоровья населения и состояние системы здравоохранения.

Еще один показатель, проанализированный в нашей статье, – уровень удовлетворенности жизнью. Проведенные исследования подтверждают тесную связь с социально-экономическими условиями и благополучием: в более развитых странах и в периоды социально-экономической стабильности уровень счастья и удовлетворенности выше, тогда как периоды социальных кризисов сопровождаются ростом недовольства и снижением субъективного благополучия [8; 9].

Особый интерес представляет вопрос о том, как изменения ценностных ориентаций сопряжены с демографическими процессами. Теория второго

демографического перехода предполагает, что рост секулярных и индивидуалистических ценностей ведет к снижению рождаемости и поздним бракам [10; 11]. Эмпирические исследования подтверждают, что в обществах с более современными, эмансипативными ценностями, как правило, наблюдается более низкая рождаемость. В работе И. О. Курыло показано, что индекс эмансипативных ценностей статистически обратно связан с числом детей у респондентов [12]. С другой стороны, традиционные установки на семью могут поддерживать более высокую рождаемость.

В исследовании Т. С. Карабчук и А. П. Кечетовой выявлена когортная разница между наиболее молодым и более пожилым населением европейских стран. Для наиболее молодых когорт обнаружена более сильная положительная связь между приверженностью семейным ценностям и числом детей, тогда как у старших поколений влияние ценностей на реализованную рождаемость слабее [13]. Это позволяет предположить, что для молодежи мотивационный фактор ценностных установок (например, важности семьи, неприятия аборт и разводов) в репродуктивном поведении выше, а у старших поколений число детей в большей степени определялось социально-экономическими факторами [13]. Зарубежные исследования также показывают, что дифференциальная рождаемость может влиять на изменение ценностного профиля общества. Группы населения, придерживающиеся наиболее консервативных семейных взглядов, зачастую имеют более высокую рождаемость, благодаря чему при взрослении нового поколения доля приверженцев традиционных семейных ценностей, полученных через воспитание, в обществе не уменьшается, а может даже численно расти¹.

Однако, существуют исследования, показывающие возможность несоответствия между ценностями и поведением. Американский социальный психолог Р. Лапьер пришел к выводу о том, что декларируемое и реальное поведение часто может расходиться на практике [14]. В процессе путешествия со своими азиатскими друзьями психолог без проблем мог поселиться вместе с ними в отель или воспользоваться услугами ресторана. Однако, связавшись с этими организациями спустя год и уточнив у них, готовы ли они обслужить представителей азиатской расы в своем заведении в эпоху расовой сегрегации в США, многие из них ответили отказом. Несмотря на оспариваемую научность тех методов, которые использовал Р. Лапьер в своем эксперименте, его выводы сложно подвергнуть сомнению: желаемое и реальное поведение людей действительно часто расходится. Причины такого несоответствия являются важным предметом исследований, в первую очередь в социальной психологии, поскольку напрямую связаны с социально-одобряемым поведением.

Постсоветские страны вызывают особый интерес для изучения связи ценностей и демографии. За последние десятилетия эти общества претерпели резкие социально-экономические изменения: «шоковую терапию» в процессе перехода к рыночной экономике и, как следствие, снижение уровня жизни в 1990-е гг., миграционные волны, изменение роли института семьи и т.п. На этом фоне

¹ Why 'family-values' conservatism persists in the United States // EurekAlert : [сайт]. 23.03.2020. URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/496345> (accessed on 26.07.2025).

происходила и трансформация ценностей. Согласно данным опросов, в 1990-е гг. в некоторых странах наблюдались рост пессимизма, снижение доверия и удовлетворенности жизнью, а кроме того, некоторые изменения в семейных установках. Так, в России и на Украине в 1990-е гг. отмечались резкое снижение рождаемости и одновременно рост доли людей, неудовлетворенных своей жизнью, ухудшение субъективного здоровья [15]. В то же время ценность семьи оставалась высокой, хотя институционально семьи стали менее стабильными (увеличилось число разводов, внебрачных рождений и т. д.) [16].

Подводя итог обзору научной литературы и теоретических источников, укажем на то, что интересующие нас исследования взаимосвязи ценностей и поведения людей проводились, прежде всего, в странах Западной Европы и США, что создает потребность в продолжении этого научного направления на постсоветском пространстве.

Методология и методы

В анализе использованы два типа показателей за период 1990–2020 гг.: социологические данные опросов и официальные демографические показатели. Социологические данные получены из массивов Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS) и Европейского исследования ценностей (EVS) для пяти постсоветских стран – Армении, Кыргызстана, России, Узбекистана и Украины. Данные этих опросов, посвященных ценностной проблематике, отражают мотивационную основу демографического поведения. Для каждой из этих стран были доступны результаты нескольких волн опросов (от 3 до 8 временных точек в 1990–2019 гг.). Выбор показателей и стран по данным WVS обусловлен наличием используемых вопросов и исследуемых стран по меньшей мере в трех волнах исследования. Мы сфокусировались на трех группах вопросов из раздела ценностных ориентаций и субъективного благополучия как наиболее важных основах мотивации.

Важность семьи – вопрос о том, насколько важна семья в жизни респондента. Ответы измерялись по 4-балльной шкале: «Очень важна», «В целом важна», «Не очень важна», «Не важна вовсе». Практически во всех странах подавляющее большинство опрошенных выбрало варианты «очень» или «в целом» важна, что соответствует глобальной тенденции высокой значимости семьи [3]. Тем не менее, доли респондентов по категориям несколько различаются между странами и меняются во времени. Особенно показательны сдвиги по категориям «не очень важна» и «не важна вовсе», на которые мы обратим внимание.

Субъективная оценка здоровья – вопрос самооценки состояния собственного здоровья. Шкала ответов: «Очень хорошее», «Хорошее», «Удовлетворительное», «Плохое», «Очень плохое». Этот индикатор отражает самочувствие и восприятие здоровья населением. Предшествующие исследования показали, что самооценка здоровья достаточно чутко реагирует на реальные изменения в здоровье и доступности системы здравоохранения, а также она сама по себе служит сильным предиктором смертности [7].

Удовлетворенность жизнью – вопрос общего субъективного благополучия: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?», с оценкой по шкале от 1 (совершенно не удовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен). Данный вопрос

является стандартным для многих международных исследований и часто используется в качестве индикатора «счастья» или субъективного качества жизни.

Для каждой комбинации «страна–вопрос–категория ответа» из указанных выше мы рассчитали долю респондентов, выбравших данный вариант ответа, в каждый год опроса. Таким образом, для каждой страны были получены временные ряды (в динамике по волнам опросов) долей ответов. Например, доля респондентов в России, указавших «Очень важна» в 1990, 1995, 2006, 2011, 2017 гг. (всего 5 точек); доля респондентов на Украине, оценивших свое здоровье как «Плохое» (8 точек, с 1996 по 2020 гг.) и т. п.

Официальная статистика по демографии взята из межгосударственной базы данных СНГ². В исследование включены следующие показатели по каждой стране (при наличии данных): численность постоянного населения (тысяч человек), суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину), общий коэффициент смертности (на 1 000 населения), коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших до 1 года, на 1000 рождений), общий коэффициент естественного прироста (разность рождаемости и смертности, на 1 000 населения), коэффициент миграционного прироста (разность иммиграции и эмиграции, на 1 000 населения), коэффициент брачности (число браков на 1 000 населения) и разводимости (число разводов на 1 000 населения). Эти показатели отражают основные демографические процессы: рождаемость, смертность, брачность и разводимость, миграцию. Данные брались за годы, соответствующие времени проведения опросов или максимально близкие к ним по времени (так, если опрос проводился зимой 2011–2012 гг., использовались показатели на конец 2011 г.).

Для количественной оценки связи между ценностными показателями и демографическими индикаторами был использован коэффициент корреляции Пирсона. Корреляция вычислялась для каждого фиксированного сочетания «вариант ответа – демографический показатель» по временным рядам внутри каждой страны. Иными словами, проверялась теснота связи между динамикой доли определенной категории ответов и динамикой демографического показателя в данной стране. К примеру, рассчитывался коэффициент корреляции между временным рядом доли лиц, считающих семью «очень важной», и временным рядом суммарного коэффициента рождаемости для России; аналогичный коэффициент – для доли ответов «не важна вовсе» и рождаемости в России, и т. д. При этом число наблюдений (N) для корреляции равно числу доступных пар точек (годов) для данной страны. В наших расчетах N варьирует от 3 до 8.

Результаты

Важность семьи и демографические показатели

Несмотря на то, что практически каждый опрошенный во всех странах считает семью важной, мы обнаружили некоторые статистические связи между долей ответов определенной категории и демографическими трендами. В табл. 1 приведены коэффициенты корреляции между долей респондентов, назвавших семью «очень

² База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

важной», и показателями брачности и разводимости для четырех стран (для Узбекистана соответствующие данные для построения корреляции недоступны, т. к. сведения отсутствуют).

Таблица 1

Корреляция между долей ответов «семья очень важна» и демографическими показателями брачности и разводимости по странам

Table 1

Correlation between the proportion of “family is very important” responses and demographic indicators for marriage and divorce by country

Страна	«Очень важна», браки на 1 000	«Очень важна», разводы на 1 000
Армения	+0.995	+0.731
Кыргызстан	+0.662	+0.999
Россия	+0.153	+0.242
Украина	+0.742	-0.883

Источник: рассчитано автором на основе данных межгосударственного Статкомитета СНГ³

Как видно из таблицы, в Армении и на Украине наблюдается положительная высокая связь между долей тех, для кого семья «очень важна», и коэффициентом брачности ($r=0,99$ и $r=0,74$ соответственно). Иначе говоря, в периоды, когда в названных странах больше людей особо подчеркивали первостепенную важность семьи, это могло мотивировать их регистрировать больше браков. Одновременно на Украине доля респондентов с установкой «семья очень важна» обратно контрастно связана с разводимостью ($r=-0,88$): по мере укрепления значимости семьи в сознании людей показатель разводов снижался. Это согласуется с гипотезой, что усиление семейных ценностей сопровождается стабилизацией семей, что статистически отражается уменьшением разводов. В Армении связь доли «очень важна» с разводимостью положительная ($r=0,73$), что на первый взгляд противоречит ожиданиям. В Кыргызстане обнаружена исключительно высокая положительная корреляция между долей «очень важна» и разводимостью ($r=+1,00$). Это означает, что в имеющиеся точки наблюдения в Кыргызстане и в Армении рост значимости семьи парадоксально совпадал с ростом числа разводов. Такая ситуация может отражать противоречие между декларацией социально одобряемой ценности семьи и реальным изменением семейного поведения под влиянием урбанизации, экономических факторов, изменения роли женщин и других факторов. Вероятно, даже очень традиционные общества в период перехода переживают рост разводимости, но при этом респонденты продолжают декларировать высокое значение семьи, т. е. ценность семьи скорее выражается риторически и не предотвращает распад браков в сложных социальных условиях. Такой эффект уже был описан нами выше и носит название «парадокс Лапьера».

В России связи доли «очень важна» с браками/разводами оказались слабее ($r=+0,15$ и $+0,24$, т. е. практически отсутствуют). Это объяснимо тем, что в стране

³ База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

значимость семьи практически не колебалась – изначально почти все считают ее важной, а количество браков и разводов менялись под влиянием экономических факторов. И тем не менее даже в России можно отметить любопытную закономерность: доля людей, считающих семью совсем не важной (т. е. полностью отвергающих ценность семьи, хотя их число составляет менее 1%), показала весьма тесную обратную связь с рождаемостью. В периоды, когда в стране несколько увеличивалась доля респондентов, для которых семья «не важна вовсе» (что наблюдалось в кризисные 1990-е гг.), суммарный коэффициент рождаемости снижался; а когда доля совершенно не семейно-ориентированных людей уменьшилась (2000-е гг.), рождаемость выросла. Корреляция между долей ответов «не важна вовсе» и суммарной рождаемостью для России составила $r = -0,99$. На рис. 1 это отображено графически: видна почти линейная отрицательная зависимость – при снижении доли крайне нигилистического отношения к семье (с $\sim 0,7\%$ в 1995 г. до $\sim 0,25\%$ в 2006 г.) рождаемость поднялась с 1.3 до 1.8 детей на женщину. На графике показаны доля респондентов, выбравших ответ «Семья не важна вовсе» (по оси x , в % от общей численности опрошенных), и суммарный коэффициент рождаемости (по оси y) для России по годам опросов. Наблюдается сильная отрицательная корреляция ($r = -0,99$).

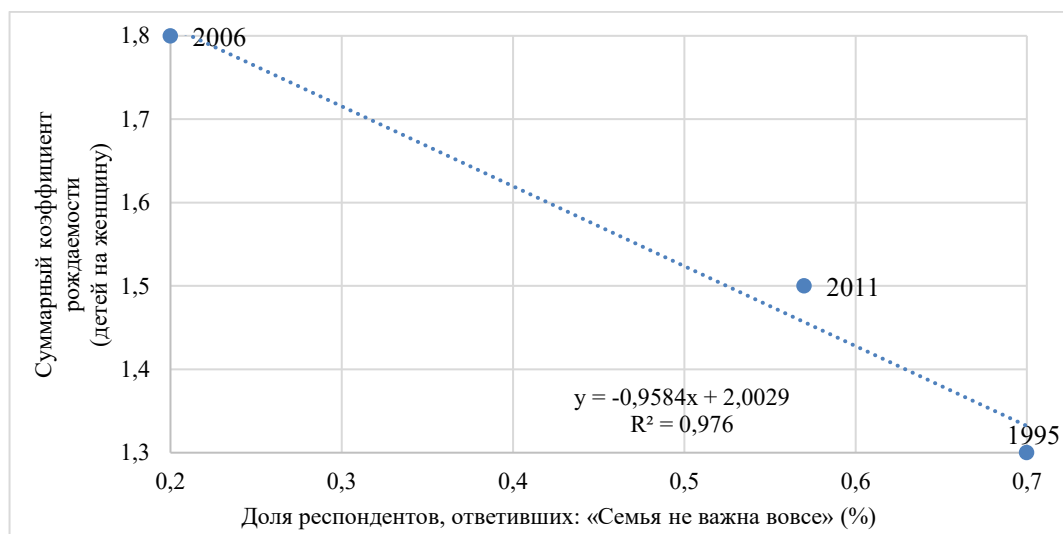

Рис. 1. Взаимосвязь между долей респондентов с крайне низкой ценностью семьи и уровнем рождаемости в России в 1995–2006 гг.

Fig. 1. The relationship between the share of respondents with extremely low family values and the birth rate in Russia in 1995–2006

Источник: рассчитано автором на основе данных межгосударственного Статкомитета СНГ⁴

⁴ База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

Хотя статистически такой вывод основан всего на нескольких точках, он согласуется с гипотезой, что распространение антисемейных взглядов несовместимо с демографическим ростом, тогда как укрепление семейных ценностей может сопровождаться небольшим подъемом рождаемости. Подобный результат перекликается с выводами исследований на материалах WVS о том, что традиционные ценности положительно связаны с ростом показателей рождаемости и брачности и служат его мотивационной основой [12]. В нашем случае мы наблюдаем внутри одной страны (России) аналогичную картину во времени: когда ценностные ориентации сдвигались в сторону более традиционных (меньше людей полностью отвергают семью), рождаемость возрастала. Однако важно подчеркнуть, что корреляционный анализ не выявляет причинности: рост рождаемости в 2000-е гг. мог произойти и по экономическим причинам (улучшение благосостояния, политика поддержки семей), а ценностные сдвиги – быть следствием тех же причин или последствием самой демографической динамики (больше детей – больше акцент на семье).

Помимо брачности и рождаемости, интересны связи ценностей семьи с другими демографическими показателями. В некоторых странах выявлены заметные корреляции с естественным приростом населения. Например, в Кыргызстане доля ответов «семья очень важна» практически идеально положительно связана с общим коэффициентом естественного прироста ($r=+1,00$, $p=0,009$): годы, когда естественный прирост был выше, совпали с более высоким удельным весом респондентов, особо подчеркивающих важность семьи. Аналогичная категория «в целом важна» при этом коррелировала отрицательно с приростом ($r=-1,00$), что обусловлено перераспределением ответов внутри фиксированной совокупности (если больше стали говорить «очень важна», то меньше – «в целом важна»). Тем не менее, сам факт такой синхронности весьма любопытен. В 1990-е гг. в Кыргызстане отмечалось сокращение естественного прироста (из-за падения рождаемости), и одновременно несколько снизилась доля тех, кто говорил о крайней важности семьи (при том, что в целом практически все по-прежнему считали ее важной). Напротив, в 2000-е гг. прирост населения восстановился, и возросла доля именно максималистских ответов «очень важна». Это может отражать общее повышение оптимизма и традиционализма в посткризисный период. На Украине, наоборот, естественный прирост в течение всего исследуемого времени оставался отрицательным (убыль населения), но заслуживающим внимания образом доля респондентов, считающих семью «не очень важной», коррелирует с численностью населения ($r=-0,98$): по мере депопуляции страны (убыли населения) выросла доля людей, несколько снижающих значимость семьи в своих ценностях. Это может отражать как причинное влияние (ухудшение демографической ситуации дестабилизирует семейные устои), так и следствие общего социального кризиса, затронувшего и демографию, и ценности.

В целом, анализ показал, что, хотя абсолютный уровень семейных ценностей в постсоветских странах остается очень высоким, небольшие флуктуации в распределении ответов находят статистическое отражение в демографических изменениях. Там, где отмечался возврат к традиционализму (меньше людей отвергает семью), наблюдалась тенденция к улучшению демографических показателей – росту рождаемости, брачности или замедлению убыли населения. И напротив, периоды

ослабления семейных устоев (пусть и незначительного) сопровождалось неблагоприятными демографическими сдвигами (кризис рождаемости, увеличение разводов). Такие результаты находятся в русле выводов других исследований [12]. Наш анализ дополняет это, показывая сходные тренды во временном разрезе внутри постсоветских стран.

Субъективное здоровье и показатели смертности

Ожидалось, что субъективная оценка здоровья будет связана с объективными демографическими индикаторами здоровья населения – в первую очередь со смертностью. Результаты подтвердили это предположение. Во всех рассмотренных странах доля респондентов, оценивающих свое здоровье как «хорошее» или «очень хорошее», демонстрирует сильную обратную корреляцию с общим уровнем смертности и особенно с младенческой смертностью. Т. е., когда больше людей ощущает свое здоровье хорошим, коэффициенты смертности ниже. К примеру, в России доля людей с самочувствием «хорошее» с середины 1990-х к 2010-м существенно возросла: с ~24% до ~43%, а коэффициент младенческой смертности за тот же период снизился с 18 до 5‰. Коэффициент корреляции между долей ответов о хорошем здоровье и уровнем младенческой смертности составил $r=-0,99$ (на 4 точках), что статистически значимо ($p<0,01$). На рис. 2 отображена эта зависимость: практически идеальная прямая линия, свидетельствующая о том, что улучшение субъективного здоровья населения сопровождалось снижением детской смертности. Аналогичная сильная обратная связь получена для Кыргызстана ($r=-0,99$ между долей «плохое» здоровье и естественным приростом) и Украины ($r=-0,96$ между долей «удовлетворительное» здоровье и общим коэффициентом смертности). Таким образом, субъективные и объективные показатели благополучия в сфере здоровья изменялись синхронно, что согласуется с многочисленными исследованиями о валидности самооценки здоровья как индикатора возможных рисков. Наши данные свидетельствуют, что в постсоветских странах улучшение медицинской ситуации и условий жизни в 2000-е гг. отразилось как в статистике, особенно детей до 1 года, так и в ощущениях людей.

Подобные зависимости обнаружены и в других странах. В Узбекистане во все три периода наблюдений практически все респонденты оценивали свое здоровье позитивно – доля ответов «хорошее» и «очень хорошее» превышала 90%. Поэтому динамики как таковой не было, и связи с показателями смертности статистически не проявились (все корреляции $|r|<0,3$). В то же время в Кыргызстане с середины 1990-х по 2010-е гг. доля людей с «очень хорошим» здоровьем выросла (с ~10% до ~25%), а младенческая смертность упала (с ~30 до ~20‰); корреляция $r=-0,98$. В Армении доля оценок здоровья как «удовлетворительного» существенно сокращалась по мере улучшения ситуации (люди переходили в категории «хорошее»), параллельно естественный прирост перешел из положительного в отрицательный – отсюда сильная отрицательная связь между долей «удовлетворительное» здоровье и естественным приростом ($r=-0,99$, $p<0,05$). Можно предположить, что в Армении 1990-х гг., после распада СССР, многие люди оценивали здоровье как удовлетворительное (не очень хорошее), хотя объективно здоровье могло и ухудшаться из-за стрессов, при этом рождаемость еще превышала смертность. В 2000-е гг. ситуация изменилась: больше людей начали относить свое здоровье к «хорошему», но из-за

низкой рождаемости и эмиграции естественный прирост стал отрицательным. Это весьма необычный случай, когда позитивный субъективный тренд соседствует с негативным демографическим исходом. Мы можем предположить, что здоровье улучшилось преимущественно у старших поколений (снижение стресса и смертности), но молодежь не спешит заводить детей, и население сокращается.

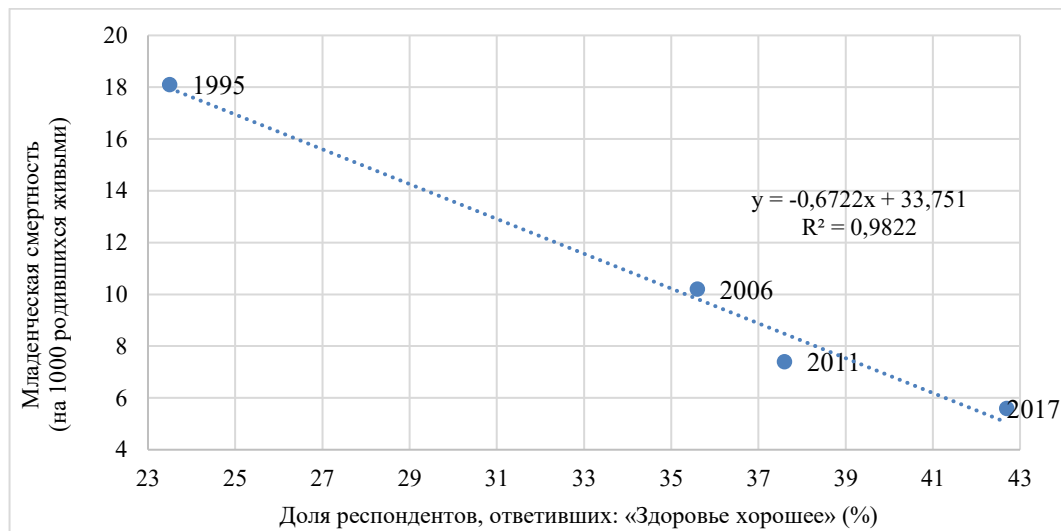

Рис. 2. Взаимосвязь между долей респондентов, удовлетворенных своим здоровьем, и младенческой смертностью в России в 1995–2017 гг.

Fig. 2. The relationship between the share of respondents satisfied with their health and infant mortality in Russia in 1995–2017

Источник: рассчитано автором на основе данных межгосударственного Статкомитета СНГ⁵

Особо стоит выделить корреляции с уровнем младенческой смертности, поскольку этот показатель четко отражает состояние системы здравоохранения и уязвимость населения. Во всех крупных странах (Россия, Украина, Казахстан) снижение младенческой смертности шло параллельно с ростом субъективного благополучия. В наших данных для России и Украины: доля людей с плохим здоровьем сокращалась, и младенческая смертность тоже падала (на Украине $r = -0,99$ для доли «очень плохое» здоровье и уровня младенческой смертности). Для дополнительной иллюстрации на рис. 3 представлена связь между уровнем неудовлетворенности жизнью и младенческой смертностью в России. Точки (годовые наблюдения) и аппроксимирующая их линия регрессии отражают положительную связь: в годы, когда больше респондентов были совершенно не удовлетворены жизнью, фиксировались и более высокие показатели детской смертности. Здесь доля респондентов, поставивших оценку «1» (полностью не удовлетворены), за период 1995–2017 гг. снизилась с 16% до 1.7%, а младенческая смертность – с 18 до ~5‰; корреляция между ними

⁵ База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

составила $r=+0,99$ (положительная, так как оба показателя падали вместе). Т. е. по мере роста удовлетворенности жизнью (убывания доли крайне несчастных) важнейшие показатели здоровья нации улучшались. Что еще раз подтверждает тесную взаимосвязь субъективного и объективного благополучия, отмеченную в ряде исследований [7]. Наш частный случай демонстрирует аналогичное на временной шкале внутри страны.

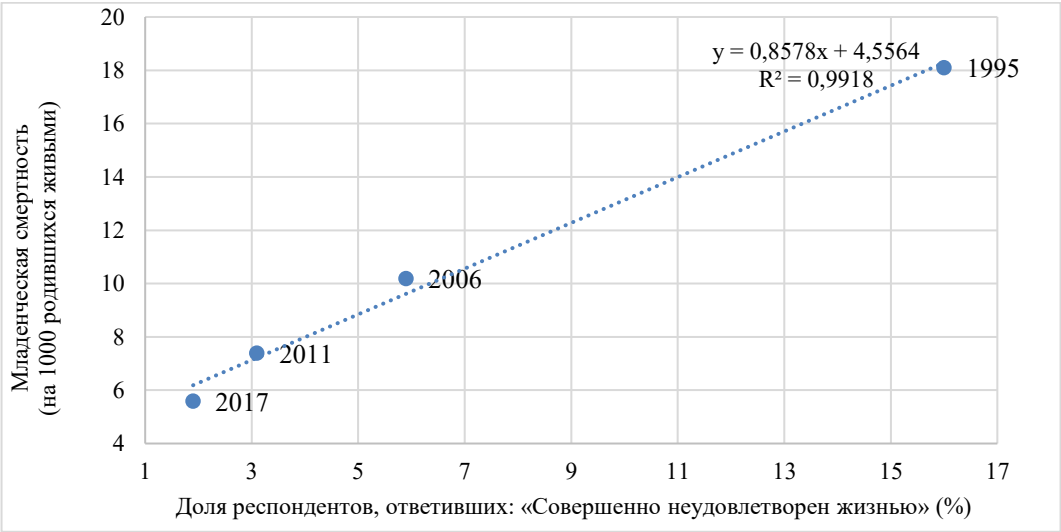

Рис. 3. Взаимосвязь между долей респондентов, крайне неудовлетворенных своей жизнью, и младенческой смертностью в России в 1995–2017 гг.

Fig. 3. The relationship between the share of respondents extremely dissatisfied with their life and infant mortality in Russia in 1995–2017

Источник: рассчитано автором на основе данных межгосударственного Статкомитета СНГ⁶

Удовлетворенность жизнью и социально-демографические индикаторы

Анализ связей показателей жизненной удовлетворенности с демографическими переменными в принципе выявил ожидаемые тренды: рост субъективного благополучия сопровождался положительными изменениями, а рост недовольства – негативными. В большинстве случаев такие корреляции проявлялись через опосредующие факторы (здоровье, экономика), которые напрямую влияли и на демографию, и на настроение масс. Тем не менее, некоторые примеры из практики заслуживают внимания.

В России доля абсолютно довольных жизнью людей (оценка 10 из 10) значительно увеличилась с 1990-х к 2010-м (с единиц процентов до ~20%), и одновременно наблюдался рост рождаемости (TFR с 1,2–1,3 до 1,7). Корреляция между долей «очень довольных» (10 баллов) и суммарным коэффициентом рождаемости составила $r=+0,99$. Можно интерпретировать это так: периоды подъема оптимизма

⁶ База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

и удовлетворенности (например, экономический рост 2000-х гг.) создавали и более благоприятный фон для рождения детей. Напротив, доля крайне неудовлетворенных (оценка 1) резко падала, как уже отмечалось, наряду с улучшением показателей смертности. На Украине динамика удовлетворенности жизнью была менее однородной, но примечательно, что доля людей с очень низкой удовлетворенностью (оценки 1–3) возросла в 1990-е и 2000-е гг. параллельно с углублением демографического кризиса (высокой смертностью, эмиграцией). Так, доля ответов «3 из 10» на Украине коррелирует с коэффициентом младенческой смертности ($r=+0,99$) – в те годы, когда больше людей давало жизни низкую оценку, детская смертность была выше. Хотя это основано на четырех наблюдениях, такая согласованность указывает на серьезное влияние общих социальных условий: экономические потрясения 1990-х гг. на Украине привели одновременно к ухудшению здоровья (рост смертности) и падению удовлетворенности населением своей жизнью.

В Армении и Кыргызстане корреляции по удовлетворенности жизнью тоже укладываются в общую картину. В Армении, к примеру, увеличение доли респондентов, давших жизни высокие оценки 7–8 баллов, сопровождалось ростом брачности и снижением смертности: для доли ответов «8» баллов и коэффициента брачности $r=+1,00$; для доли «7» баллов и коэффициента смертности $r=-0,99$ (на 3 точках). Эти почти идеальные коэффициенты, скорее всего, обусловлены монотонным трендом – в посткризисные годы люди стали немного счастливее (реже ставили низкие оценки, зачастую умеренно высокие), одновременно и социально-демографическая ситуация стабилизировалась (смертность снизилась, люди чаще вступали в брак). В Кыргызстане за короткий период доля «средне-довольных» (5–6 баллов) немного снижалась, и параллельно росла эмиграция (коэффициент миграционного оттока), давая корреляцию $r=-0,98$. Это может отражать то, что наиболее неудовлетворенные жизнью люди предпочитали уехать из страны, либо общий кризис (повлекший отток населения) негативно влиял на настроение оставшихся. Однозначно интерпретировать сложно, учитывая малое число наблюдений, поэтому этот аспект необходимо дополнительно исследовать в дальнейшем.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что уровень субъективного благополучия населения тесно сопряжен с демографическим благополучием общества. Когда люди больше довольны жизнью и уверены в будущем, у них, как правило, лучше здоровье, они чаще создают семьи и планируют детей, что отражается в повышении рождаемости и снижении смертности. Напротив, массовое недовольство, апатия и пессимизм в переходных экономиках 1990-х гг. сопровождалось демографическими «штормами» – спадом рождаемости, всплеском смертности, ростом разводимости и миграционным оттоком. Показатели, касающиеся счастья и демографии, находятся в русле мировой науки. Согласно World Happiness Report, существует положительная связь между счастьем и такими показателями, как ожидаемая продолжительность жизни, социальная поддержка и низкий уровень коррупции; счастье является не только следствием, но и фактором развития, влияющим на демографическое поведение [8]. В частности, более счастливые люди чаще вступают в брак и заводят детей, а кроме того, дольше живут [17]. В контексте изучаемых стран впору сослаться на примеры: в России 2000-х гг. на фоне роста удовлетворенности выросла рождаемость, тогда как на Украине 1990-х гг.

неудовлетворенность сочеталась с демографическим спадом. Конечно, существуют и исключения – к примеру, высокая рождаемость в отдельных традиционных обществах может соседствовать с низкой удовлетворенностью из-за экономических проблем, однако на агрегированном уровне мы видим преобладание синхронности позитивных и негативных тенденций.

Обсуждение

Полученные корреляционные зависимости подтверждают, что ценностные ориентации населения и демографические процессы находятся во взаимозависимости. В странах постсоветского пространства, переживших глубокие социальные трансформации, такие взаимосвязи прослеживаются особенно четко. Это служит косвенным подтверждением того, что ценностные установки населения служат важной мотивационной основой демографического поведения. Мы обнаружили, что традиционные ценности семьи в определенной мере способствуют демографической устойчивости: там, где население сохраняет высокий приоритет семьи (и тем более усиливает его), наблюдаются более высокие показатели рождаемости и брачности. Так, на Украине увеличение доли людей, считающих семью чрезвычайно важной, сопутствовало росту числа браков и снижению разводов, что указывает на укрепление института семьи. Россия показала пример того, как снижение даже небольшой прослойки людей с антисемейными установками коррелировало с повышением рождаемости. Данный результат согласуется с идеей о том, что распространенность антисемейных настроений противоположна демографическому росту и подтверждает важность укрепления семейных ценностей в качестве мотивационных основ для преодоления депопуляции.

С другой стороны, одна декларация ценностей без подкрепления социальными реалиями не гарантирует демографического благополучия. К примеру, в Кыргызстане почти все респонденты заявляли о высочайшей важности семьи, однако это не предотвратило рост разводимости, мало того, показатели ценностей и разводов росли параллельно. Это свидетельствует о сложном характере переходного периода. Возможно, семейные ценности в подобных обществах носят столь универсальный характер, что перестают дифференцировать поведение – каждый говорит о важности семьи, т. к. это «правильно», но реальные решения о браке или разводе диктуются экономическими и институциональными факторами (парадокс Лаппера). Также стоит отметить, что между ценностями и демографией может существовать двунаправленная связь: ценности мотивируют поведение (рождаемость, брачность), и одновременно демографическое воспроизводство ценностных групп влияет на агрегированные ценности общества (демографический отбор ценностей). Это подчеркивает необходимость учитывать ценностный фактор в демографической политике.

Что касается субъективного здоровья, обнаруженные сильные корреляции с показателями смертности не удивительны, но важны с практической точки зрения. Они подтверждают, что опросные данные о самочувствии могут служить дешевым и оперативным инструментом мониторинга общественного здоровья. В странах бывшего СССР, где статистика может запаздывать или быть неполной, высокие доли населения, жалующегося на плохое здоровье, должны

рассматриваться как сигнал к принятию действенных мер в системе здравоохранения. Наши данные по России и Украине продемонстрировали, что улучшение объективных показателей (смертности) шло рука об руку с улучшением субъективной оценки самочувствия людей. Это вселяет уверенность в том, что инвестиции в здравоохранение и социальную сферу не только продлевают жизнь, но и реально ощущаются населением, повышая его удовлетворенность. В то же время сохраняющиеся значительные группы людей с неудовлетворительным здоровьем (например, на Украине, по имеющимся данным, около четверти опрошенных оценивают здоровье как плохое или очень плохое) означают потенциально высокие риски для системы здравоохранения и требуют внимания.

Удовлетворенность жизнью оказалась синтетическим индикатором, отражающим широкий спектр факторов – от экономического благополучия до уровня безопасности – и в нашем анализе она ожидаемо коррелирует с демографическими трендами. Рост удовлетворенности сопряжен с улучшением демографической ситуации, что, вероятно, опосредовано через экономику: люди довольны, когда растет доход, есть стабильность и уверенность, а это же ведет и к росту рождаемости (люди решаются заводить детей) и снижению смертности (прогрессирует медицина, люди меньше испытывают стресс и пр.). Обратим внимание на то, что в России, увеличение удовлетворенности жизнью даже на доли балла в 2000-е гг. совпало с демографическими улучшениями. На Украине же низкая удовлетворенность 1990-х гг., возможно, не была причиной демографического кризиса, но его хорошим барометром – эти процессы шли рука об руку. Таким образом, субъективное благополучие можно рассматривать как интегральный индикатор социально-демографического здоровья общества. Политика, направленная на повышение удовлетворенности жизнью граждан, вероятно, будет иметь и позитивный демографический эффект.

Наши результаты в целом соответствуют выводам, полученным в других странах на аналогичных данных. Так, например, исследование ценностей и рождаемости в Европе показало, что традиционные установки (особенно религиозность и ценность семьи) увеличивают вероятность рождения детей, тогда как эмансипативные установки (терпимость к внебрачным отношениям, отрицание необходимости детей) ведут к снижению рождаемости [14]. Мы наблюдали подобные закономерности на данных постсоветских стран: в секулярной России отказ от ценности семьи ассоциирован с провалом рождаемости, а в более традиционных странах высокой рождаемости (Узбекистан, Кыргызстан) практически никто не говорит о том, что семья не важна – эти общества сохраняют традиционные ценности, тем самым поддерживая высокий уровень рождаемости (хотя со временем и там прослеживается снижение рождаемости ввиду экономических факторов). Кроме того, глобальные исследования счастья фиксируют сильную корреляцию между удовлетворенностью жизнью и различными индикаторами развитости страны – от ВВП на душу населения до ожидаемой продолжительности жизни [8]. Наш анализ подтверждает наличие такой корреляции применительно к постсоветским странам, хоть и в упрощенном виде (через связь удовлетворенности с показателями смертности и рождаемости). В части субъективного здоровья полученные зависимости совпадают с результатами мета-анализов: согласно обзору Дж. Лорем, высокая самооценка здоровья связана с более низким риском смерти даже при контроле объективных

медицинских показателей [7]. В наших данных это вылилось в почти точное совпадение трендов субъективного и объективного здоровья на популяционном уровне.

Следует подчеркнуть, что выявленные корреляции не означают прямой причинно-следственной зависимости. Движение ценностей и демографических индикаторов во времени обусловлено множеством скрытых факторов, и корреляционный анализ не позволяет выделить, что является причиной, а что следствием. К примеру, уменьшение разводимости на Украине могло произойти из-за изменения состава населения (отток мужского трудоспособного населения на работу в Европу мешает оформлять и расторгать браки), а не обязательно под влиянием укрепления ценности семьи. Однако одновременное изменение ценностных и поведенческих переменных говорит о наличии связи между ними, будь то через прямое влияние или через латентные переменные. Наше исследование ограничено всего пятью странами постсоветского пространства, причем для некоторых из них (Узбекистан) данных было недостаточно. Не рассматривались также такие страны, как Беларусь, Молдова, Казахстан, из-за отсутствия сопоставимых данных. Это направление видится нам обширным полем для будущих исследований. Кроме того, мы анализировали ценностные ориентации только на агрегированном уровне (доли ответов в целом по стране). Перспективным продолжением было бы изучение взаимосвязи на индивидуальном уровне – например, будут ли иметь респонденты с определенными ценностями больше детей через несколько лет, как это делается в панельных исследованиях [18]. Тем не менее, даже на макроуровне наш анализ продемонстрировал ряд устойчивых закономерностей, важных для понимания процессов в постсоветских обществах.

Заключение

В рамках исследования выполнен комплексный сопоставительный анализ динамики ценностных ориентаций и демографических показателей в нескольких постсоветских странах. Несмотря на ограниченность данных, результаты указывают на тесную взаимосвязь между состоянием массового сознания (отношением к семье, здоровью, к жизни) и демографическими процессами. В постсоветский период, характеризующийся то кризисами, то подъемами, ценности выступали чувствительным «барометром» происходящих социальных изменений, а в некоторых случаях – и фактором, смягчающим негативные тенденции. Основные выводы можно резюмировать следующим образом:

1. Семейные ценности в целом остаются чрезвычайно высокими в странах бывшего СССР, однако их незначительные колебания во времени коррелируют с демографическими показателями: укрепление ориентации на семью ассоциируется с ростом рождаемости и брачности, тогда как относительное ослабление (пусть и на высоком уровне) сопровождает демографические кризисы. Это подчеркивает роль семейной идеологии в воспроизводстве населения.

2. Субъективное здоровье населения тесно связано с уровнем смертности. Улучшение здоровья по ощущениям людей сильно коррелирует со снижением смертности, особенно младенческой. Несмотря на то, что самооценка здоровья совершеннолетних граждан напрямую не влияет на младенческую смертность, такая зависимость является индикатором степени успешности политики в сфере

здравоохранения. Это подчеркивает важность самооценки здоровья как индикатора и подтверждает необходимость политики, повышающей реальное здоровье и субъективное самочувствие граждан.

3. Удовлетворенность жизнью показала сильные связи с демографическим благополучием: периоды роста удовлетворенности совпадают с улучшением демографической ситуации (высокая рождаемость, низкая смертность), а периоды массового недовольства – с демографическими провалами. Повышение уровня удовлетворенности населения может рассматриваться как самостоятельная цель государственной социальной политики, которая наряду с прямыми мерами способна опосредованно улучшить демографические перспективы.

Можно сделать вывод о том, что для стран постсоветского пространства, переживающих демографические вызовы, учет ценностного измерения представляет существенную важность. Демографическая политика, ориентированная только на материальные стимулы, может быть усилена мерами по укреплению института семьи, пропаганде здорового образа жизни, повышению удовлетворенности граждан социальными условиями. Люди, которые верят в ценность семьи, здоровы и довольны своей жизнью, – это фундамент, на котором строится устойчивое развитие и воспроизводство нации.

Полученные корреляции свидетельствуют о наличии статистически значимой связи, однако не дают точных причинно-следственных моделей. Полученные выводы позволяют конкретизировать поле дальнейшего исследования взаимосвязей между ценностями и демографическим поведением. В заключение стоит отметить, что настоящее исследование имеет большие перспективы для продолжения. В 2024 г. была запущена восьмая волна Всемирного исследования ценностей, в котором было анонсировано увеличение числа стран-участниц, а также расширение списка вопросов и появление в нем дополнительных тематических блоков. Полевой этап исследования должен завершиться в 2026 г., и остается надеяться на то, что рассмотренные нами выше вопросы будут включены в анкеты этой волны исследования. Что позволит нам увеличить количество наблюдаемых точек в изучаемых странах и подтвердить статистическую значимость полученных выводов.

Список литературы

1. Ярмоленко, Л. В. Социологический аспект исследования демографического поведения // Таблицы научный обозреватель. 2016. № 1–1 (6). С. 125–129. EDN [VLKDGd](#).
2. Рославцева, М. В. Ценностная проблематика в национальных проектах Российской Федерации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 129–144. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.10](#). EDN [BAYVWD](#).
3. Herre, B. Family is Very Important to People Around the World // Our World in Data. 2024.
4. Koshy, P. Higher Education and the Importance of Values: Evidence from the World Values Survey / P. Koshy, H. Cabalu, V. Valencia // Higher Education. 2022. Vol. 85, No. 6. Pp. 1401–1426. DOI [10.1007/s10734-022-00896-8](#).
5. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // R. Inglehart, W. E. Baker // American Sociological Review. 2000. Vol. 65, No. 1. Pp. 19–51. DOI [10.2307/2657288](#).
6. Антонов, А. И. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова [и др.]. Москва : МАКС Пресс, 2020. 486 с. ISBN 978-5-317-06320-7. DOI [10.29003/m857.SeDOJ-2019](#).

7. *Lozem, G.* Self-Reported Health as a Predictor of Mortality: A Cohort Study of its Relation to other Health Measurements and Observation Time // G. Lozem, S. Cook, D. A. Leon [et al.] // Scientific Reports. 2020. Vol. 10, No. 4886. DOI [10.1038/s41598-020-61603-0](https://doi.org/10.1038/s41598-020-61603-0).
8. *Helliwell, J. F.* World Happiness Report 2023 / J. F. Helliwell, R. Layard, J. D. Sachs, [et al.]. New York : Sustainable Development Solutions Network, 2023. ISBN 978-1-7348080-5-6. 166 p.
9. *Diener, E.* Subjective Well-Being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index // American Psychologist. 2000. Vol. 55 (1). Pp. 34–43. DOI [10.1037/0003-066X.55.1.34](https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.34).
10. *Гудкова, Т. Б.* Концептуализация второго демографического перехода: эвристический потенциал и ограничения теории // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 123–136. DOI [10.17223/1998863X/43/12](https://doi.org/10.17223/1998863X/43/12). EDN [XWEBPF](https://www.edn.ru/XWEBPF).
11. *Lesthaeghe, R.* The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // Population and Development Review. 2010. Vol. 36. Pp. 211–251. DOI [10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x).
12. *Kurilo, I. O.* Emancipative Values and Reproductive Behavior in the Context of Demographic Modernization (Based on World Values Survey 2017–2020 data) // Demography and Social Economy. 2021. Vol. 2. Pp. 37–52. DOI [10.15407/dse2021.02.037](https://doi.org/10.15407/dse2021.02.037).
13. *Карабчук, Т. С.* Количество детей и семейные ценности: существуют ли когортные различия в Европе? / Т. С. Карабчук, А. П. Кечетова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 251–270. DOI [10.14515/monitoring.2017.5.14](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14). EDN [YLYOBO](https://www.edn.ru/YLYOBO).
14. *LaPiere, R. T.* Attitudes vs. Actions // Social Forces. 1934. Vol. 13, No. 2. Pp. 230–237. DOI [10.2307/2570339](https://doi.org/10.2307/2570339).
15. *Латин, Н. И.* Динамика ценностей населения реформируемой России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 2. С. 141–150. EDN [CYIAGM](https://www.edn.ru/CYIAGM).
16. *Антонов, А. И.* Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 134–150. EDN [NCQBHZ](https://www.edn.ru/NCQBHZ).
17. *Veenhoven, R.* Greater Happiness for a Greater Number: Is that Possible and Desirable? // Journal of Happiness Studies. 2010. Vol. 11. P. 605–629. DOI [10.1007/s10902-010-9204-z](https://doi.org/10.1007/s10902-010-9204-z).
18. *Vogl, T. S.* Differential fertility makes society more conservative on family values // T. S. Vogl, J. Freese // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117, No. 14. Pp. 7696–7701. DOI [10.1073/pnas.1918006117](https://doi.org/10.1073/pnas.1918006117).

Сведения об авторе

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); РИНЦ SPIN-код: [3221-1093](https://www.rincc.ru/3221-1093); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://www.researcherid.org/AAE-1252-2022).

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; принята в печать 14.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MOTIVATIONAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF THE POPULATION IN POST-SOVIET COUNTRIES

Maria V. Roslavtseva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

For citation: Roslavtseva, M. V. Motivational Aspects of Demographic Behavior of the Population in Post-Soviet Countries. DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2). (In Russ.)

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the relationship between human motivational activities, presented as key value orientations, such as attitude towards family, subjective health and life satisfaction, and key demographic indicators, such as fertility, mortality, marriage and divorce, natural growth, etc., in post-Soviet countries, based on World Values Survey (WVS) data and national statistics from 1990 to 2021. Pearson correlation coefficients have been calculated between the changes in various categories of responses to questions about value and changes in demographic indicators in countries of the Former USSR, including Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan. The results indicate strong and statistically significant correlations between changes in well-being and demographic trends, such as increased birth rates and decreased mortality, when family values strengthen and life satisfaction increases. Conversely, weakening traditional attitudes leads to demographic decline. Mechanisms underlying these relationships are discussed in the context of second demographic transition theory. Results are compared to international studies using WVS data, suggesting the importance of population value systems as a motivational basis for success in state demographic policies, as there is a statistical correlation between values and resulting demographic behaviors. This conclusion extends to measures related to not only reproductive attitudes and birth rates, but also subjective well-being, self-preserving behaviors, and other demographic outcomes.

Keywords: values, demographic indicators, family, health, life satisfaction, World Values Survey, post-Soviet countries, correlation analysis

References

1. Yarmolenko, L. V. Sotsiologicheskii aspekt issledovaniya demograficheskogo povedeniya [The sociological aspect of demographic behavior research]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'* [Tavrichesky scientific observer]. 2016. No. 1-1 (6). Pp. 125–129. (In Russ.).
2. Roslavtseva, M. V. Value Issues in National Projects of the Russian Federation. *Science. Culture. Society*. 2025. Vol. 31, No. 2. Pp. 129–144. (In Russ.).
3. Herre, B. Family is Very Important to People Around the World. *Our World in Data*. 2024.
4. Koshy, P., Cabalu, H., Valencia, V. Higher Education and the Importance of Values: Evidence from the World Values Survey. *Higher Education*. 2022. Vol. 85, No. 6. Pp. 1401–1426. DOI [10.1007/s10734-022-00896-8](https://doi.org/10.1007/s10734-022-00896-8).
5. Inglehart, R., Baker, W. E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65, No. 1. Pp. 19–51. DOI [10.2307/2657288](https://doi.org/10.2307/2657288).
6. Tsenosti semeyno-detnogo obraza zhizni (SeDOZH-2019): Analiticheskiy otchet po rezul'tatam mezhregional'nogo sotsiologo-demograficheskogo issledovaniya [The values of a family and child lifestyle (FacI-2019): an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study]. Ed. by A. I. Antonov, S. V. Lyalikova et al. Moscow : MAKSS Press Publ., 2020. 486 p. ISBN 978-5-317-06320-7. DOI [10.29003/m857.SeDOJ-2019](https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019). (In Russ.).
7. Lorem, G., Cook, S., Leon, D. A., [et al.]. Self-Reported Health as a Predictor of Mortality: A Cohort Study of its Relation to other Health Measurements and Observation Time. *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10, No. 4886. DOI [10.1038/s41598-020-61603-0](https://doi.org/10.1038/s41598-020-61603-0).
8. Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J. D., [et al.]. *World Happiness Report 2023*. New York : Sustainable Development Solutions Network, 2023. ISBN 978-1-7348080-5-6. 166 p.
9. Diener, E. Subjective Well-Being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index. *American Psychologist*. 2000. Vol. 55 (1). Pp. 34–43. DOI [10.1037/0003-066X.55.1.34](https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.34).
10. Gudkova, T. B. Conceptualization of the Second Demographic Transition: Heuristic Potential and Limitations of the Theory. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2018. No. 43. Pp. 123–136. DOI [10.17223/1998863X/43/12](https://doi.org/10.17223/1998863X/43/12). (In Russ.).
11. Lesthaeghe, R. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition. *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36. Pp. 211–251. DOI [10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x).
12. Kurilo, I. O. Emancipative Values and Reproductive Behavior in the Context of Demographic Modernization (Based on World Values Survey 2017–2020 Data). *Demography and Social Economy*. 2021. Vol. 2. Pp. 37–52. DOI [10.15407/dse2021.02.037](https://doi.org/10.15407/dse2021.02.037).
13. Karabchuk, T. S., Kechetova, A. P. The Number of Children and Family Values: Are there Cohort Differences in Europe? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. No. 5. Pp. 251–270. DOI [10.14515/monitoring.2017.5.14](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14). (In Russ.).
14. LaPiere, R. T. Attitudes vs. Actions. *Social Forces*. 1934. Vol. 13, No. 2. Pp. 230–237. DOI [10.2307/2570339](https://doi.org/10.2307/2570339).

15. Lapin, N. I. Dinamika tsennostey naseleniya reformiruyemoy Rossii [Dynamics of values of the population of reformed Russia]. *Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation*. 1996. No. 2. Pp.141–150. (In Russ.).

16. Antonov, A. I. Current Demographic Trends and Analytical Projections, the Problems of Family and Demographic Policy in the Social State. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2010. No. 4. P. 134–150. (In Russ.).

17. Veenhoven, R. Greater Happiness for a Greater Number: Is that Possible and Desirable? *Journal of Happiness Studies*. 2010. Vol. 11. Pp. 605–629. DOI [10.1007/s10902-010-9204-z](https://doi.org/10.1007/s10902-010-9204-z).

18. Vogl, T. S., Freese, J. Differential Fertility Makes Society More Conservative on Family Values. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117, No. 14. Pp. 7696–7701. DOI [10.1073/pnas.1918006117](https://doi.org/10.1073/pnas.1918006117).

Bio note

Maria V. Roslavl'tseva, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); RSCI SPIN code: [3221-1093](https://www.scirp.com/spin-1093); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/AAE-1252-2022).

Received on 19.05.2025; accepted for publication on 14.07.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.3)EDN [CZNIHU](https://cnihu.ru)

ВСЕСОЮЗНЫЕ ПЕРЕПИСИ 1959–1989 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ О ГОРОДСКОМ НАСЕЛЕНИИ

Дашинамжилов О. Б.

Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

E-mail: odon@bk.ru

Для цитирования: Дашинамжилов, О. Б. Всесоюзные переписи 1959–1989 гг. как источник историко-демографических данных о городском населении // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 45–60. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.3). EDN [CZNIHU](https://cnihu.ru).

Аннотация. В настоящей статье проанализировано содержание четырех Всесоюзных переписей населения (1959, 1970, 1979 и 1989 гг.). Проведен анализ систематизированных переписных таблиц, находящихся на хранении в государственных архивах и библиотеках страны, а также статистических сборников, выпущенных в том числе для служебного пользования. В ходе исследования применялись методы внутренней критики источников и сравнительного анализа. Было определено, что Всесоюзные переписи являются достаточно точным статистическим источником. Доля не переписанных лиц снижалась и не превышала 0,4% от общей численности населения СССР. Не полностью корректными являлись сведения о республиках и областях. Это было связано с политикой руководства страны, стремившегося скрыть информацию о численности и территориальном размещении определенных категорий населения – военнослужащих, сотрудников КГБ и работников некоторых промышленных предприятий. В работе предложен метод расчета приписок к населению, основанный на данных советской статистики и Всероссийской переписи 2002 г. Для России в целом приписки оказались незначительными, наибольших размеров они достигали в местах расположения закрытых городов. В целом они не оказывали серьезного воздействия на расчеты естественного прироста или миграции, кроме периода с 1989 по 1990 г. Большая часть переписных данных является сейчас доступной для изучения. Они находятся в центральных и областных архивах и в некоторых библиотеках. При этом часть сведений в регионах может быть утеряна или еще не передана из ведомственных хранилищ в архивы. В последних могут отсутствовать как отдельные систематизированные таблицы, так и вообще все переписные материалы. Наиболее полно данные переписей представлены в Российском государственном архиве экономики. Часть статистических сведений была опубликована, среди них наибольшую ценность представляют сборники, выпущенные для служебного пользования (ДСП). Результаты работы дают возможность ученым получить представление о материалах, на основе которых можно определить важнейшие тенденции в численном, социально-классовом, половозрастном, национальном составе, естественном движении городского населения в указанный период. В перспективе возможно составление конкретного перечня таблиц по каждой переписи с подробным изложением их содержания.

Ключевые слова: историческая демография, источники, Всесоюзные переписи населения, точность переписей, доступность переписей, Советский Союз, статистика

Введение

Полноценное изучение демографических процессов возможно только при широком привлечении статистических источников. Они представляют собой числовые данные, характеризующие разнообразные количественные закономерности в жизни общества. Государственная статистика регистрировала изменения, происходившие во всех сферах народного хозяйства, в том числе в демографической

подсистеме страны. В ходе проведения Всесоюзных переписей собиралась обширная и разнообразная информация о населении. Однако для историко-демографических исследований можно использовать только некоторую ее часть. Так, например, в переписях содержались такие формы как «Распределение населения по занятиям и обучению» (1959 г., форма 14а); «Распределение пенсионеров по прежним основным занятиям и возрасту» (1970 г., форма 24в); «Распределение населения в трудоспособном возрасте, занятого в домашнем и личном подсобном хозяйстве, по группам основных занятий» (1979 г., форма 51с). Их ценность для демографических исследований не является существенной.

Актуальность анализа переписных источников обусловлена тем, что интерес ученых к демографическим аспектам урбанизации в историческом контексте в последнее время заметно повысился. Дело в том, что причины значительной части современных проблем развития городов возникли еще в советский период. Ввиду чего представляет большой интерес то, какие из материалов переписей имеют наибольшую ценность при изучении демографических характеристик городского населения. В итоге исследователи смогут лучше понять содержание, точность и места их хранения.

Обзор научной литературы

Общие принципы сбора, обработки и классификации материалов переписей обзорно рассмотрены в нескольких трудах [1; 2]. Определенное внимание уделялось подготовке и проведению каждой из них в отдельности. В 2013 г. была опубликована работа, приуроченная к 200-летию российской статистики, где описана история ревизий и переписей в России, начиная с древнейших времен [3]. При этом в изданных трудах в качестве исторических источников подробно проанализированы довоенные переписи [4; 5; 6]. Специализированных публикаций, относящихся к послевоенным переписям, вышло намного меньше [7; 8; 9]. Среди них особо следует отметить сборник научных трудов, подготовленный в новосибирском Институте истории СО РАН [10].

В целом, изучению послевоенных советских переписей населения как источникам историко-демографических исследований уделялось еще мало внимания. В нашей статье впервые на основе статистических сборников и систематизированных таблиц проанализированы особенности представления переписной информации в рассматриваемое время, ее полнота и достоверность, отличия в содержательном плане. Показаны специфические черты публикаций итогов разных переписей, указаны места их хранения.

Методы исследования, источники информации

В качестве методов исследования использовались внутренняя критика источников и метод сравнительного анализа, дающие возможность оценить полноту, достоверность, точность и однородность статистических сведений. Внутренняя критика источника предполагает изучение организации статистического наблюдения и содержание разработочных таблиц. Сравнительный метод позволяет сопоставить данные переписей, проводимых в разное время. Так как степень сохранности переписных сведений является в основном удовлетворительной, место и время

создания, наименование и оригинальность документов не вызывают дискуссий, то метод внешней критики источника не применялся.

В качестве источников статьи выступили публикационные и систематизированные таблицы, составленные по итогам четырех Всесоюзных переписей, проведенных с 1959 по 1989 г. Значительная часть статистических материалов, полученных в ходе Всесоюзных переписей, ныне находится в центральных и региональных архивах. В то же время несколько труднее получить доступ к документам, оставшимся на хранение в ведомственных архивохранилищах. Основной массив переписных табличных сведений передан в Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Часть таблиц можно найти в государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) [11]. Отдельные переписные сведения были переданы в библиотеки научных организаций, имевших право получать переписные данные, чтобы выполнить свои плановые научные работы. В рамках исследования были также проанализированы официально опубликованные краткие итоги Всесоюзных переписей.

Результаты

Проведение переписей являлось крупным мероприятием, требующим концентрации значительных материальных и людских ресурсов, участия всех уровней государственного управления. Мероприятия подобного масштаба, проводимые в среднем раз в десять лет, были необходимы, прежде всего, для решения социально-экономических проблем советского общества. Так как наиболее важные вопросы в опросных листах не менялись с течением времени, это дает возможность сравнивать итоги переписей по ряду ключевых параметров.

Вместе с тем количество разрабатываемых показателей в программах переписей было разным. К примеру, в 1959 г. перепись состояла из 15 вопросов, которые задавались всему населению. И в этой связи она мало чем отличалась от предыдущей, проведенной еще до войны (1939 г.). В 1970 г. в переписные листы впервые были включены семь вопросов, задаваемых лишь четверти всего населения (из восемнадцати). Они касались места работы, занятия, миграции и т. д. В 1979 г. число таких вопросов было уменьшено до пяти, а общее их количество до шестнадцати. Программа переписи 1989 г. стала самой обширной, так как включала уже двадцать пять вопросов: тринадцать обязательных и пять выборочных, семь – о жилищном положении [8, с. 40].

В результате переписи сильно отличались по количеству тематических таблиц. Меньше всего их было в первой послевоенной переписи (36), а в 1970 г. – уже 66. В 1979 г. их число сократилось из-за меньшего количества задаваемых вопросов (54) [3, с. 267]. Нумерации таблиц, составленных по данным сплошной и выборочной переписей, немного отличались. Так, при обозначении сведений, полученных первым способом к номеру таблицы прибавлялась буква «с» (например, таблица 5с). К номерам таблиц, образованных по данным выборочной переписи, прибавлялась буква «в» (например, таблица 18в). В переписи 1959 г. такого порядка не было. Там

прибавление букв имело иной смысл. Часть таблиц имела дробное цифровое обозначение (например, таблица 2,5)¹.

Социалистическое общество было неоднородным по демографическим и социальным признакам. По этой причине по группам населения, схожим по своим характеристикам, проводилась разработка по всему населению, городам и селам. Наиболее ценной является информация о численности жителей городских и сельских поселений. Привлечение таких данных по Советскому Союзу в целом, экономическому району или республике дает возможность провести глубокий сравнительный анализ специфики урбанизации и демографического развития городского населения исследуемого региона. Данные о количестве горожан в годы переписей необходимы для подсчета естественного и механического прироста городских поселений в межпереписной период. Кроме того, важно привлечь информацию текущей статистики о числе рождений и смертей.

Если исследователю нужно осуществить более скрупулезный анализ демографических аспектов урбанизации, то для этого требуется углубленное изучение населения уже каждого конкретного города. К примеру, в случае изучения разных функциональных типов городских населенных пунктов – административных, индустриальных и транспортных, местных организующих центров. Информация о численности, возрастном и национальном составе городов всегда присутствовала в переписных таблицах. Иногда она публиковалась и в статистических сборниках.

Очень важным показателем урбанизации является характер распределения населения по городам, отличающимся по количеству жителей. В тематических таблицах такое распределение обычно производится по областям и республикам. Следовательно, для детального изучения особенностей развития городского населения какого-то экономического района необходимо объединить данные по всем входящим в его состав областям. Однако чаще всего такая информация уже присутствует в изданных по итогам переписей статистических сборниках. Определенное неудобство представляет лишь недостаточная сопоставимость публикуемых данных, в связи с чем, приходится производить укрупнение отдельных категорий городов или искать детальные сведения о них в других источниках.

Изучение специфики распределения городов по размерам полезно тем, что может дать представление о концентрации производительных сил и характере экономического развития регионов, их роли в межрайонном разделении труда, что важно для понимания миграционных процессов. Для уяснения закономерностей урбанизации особо актуален сравнительный анализ крупных и малых городских поселений в начале и в конце исследуемого исторического периода. И, наконец, изучение структуры распределения городского населения помогает интерпретировать особенности воспроизводственных процессов, так как параметры рождаемости и смертности находятся в зависимости от размеров городов.

Ценная информация содержится в таблицах, в которых население распределено по полу, возрасту, образованию, национальностям, занятиям, источникам средств существования и общественным группам. Важнейшей демографической

¹ Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту. Таблица 2,5. Государственный архив Томской области (ГАТО). фр.–1085, оп. 3, д. 449, л. 3.

характеристикой населения является половозрастная. Большинство ученых-демографов собирает сведения о крупных территориальных образованиях (областях, краях или республиках). На их основе можно вычислить средний возраст, динамику старения населения, дать оценку межполовым диспропорциям. Такие данные нужны для выявления структурных особенностей городского населения изучаемой местности. В ряде случаев они помогают объяснить тенденции в общих коэффициентах естественного движения населения (смертности, рождаемости).

В переписях характеристики по возрасту и полу разрабатывались очень подробно. В частности, данные об образовательном или национальном составе населения представлялись не только в общем виде, но и с распределением по возрастным когортам. В переписи 1959 г. вопрос о годе рождения не задавался, а возраст определялся со слов опрашиваемых. Только с 1970 г. из-за периодически возникавших проблем с возрастной аккумуляцией (округлением возраста) и накопления ошибок, возникавших при определении возрастной структуры, стали спрашивать и год рождения.

Демографические данные, отражающие половозрастной состав, традиционно приводились в табличной форме с разделением населения по полу и с разбивкой по однолетним и пятилетним возрастным когортам. Такие таблицы разрабатывались по республикам, областям, районам, городским поселениям, а также селам, численность населения которых превышала определенный порог (3 тыс. человек в 1970 г., 5 тыс. человек – в 1979 и 1989 гг.)².

Пол и возраст являются важными демографическими показателями, которые вместе со сведениями текущего учета позволяют проанализировать воспроизводство населения. Эти материалы необходимы для расчетов вместе с данными о возрастной рождаемости и смертности коэффициентов суммарной рождаемости и продолжительности жизни. Определенный смысл имеет изучение возрастного состава населения городов различных категорий, так как на разных этапах исторического развития он серьезно отличался, особенно у небольших городских поселений. Однако для такого анализа нужен большой массив источников, которые не всегда можно обнаружить в архивах.

Переписи – главный источник сведений о национальном и лингвистическом составе населения. Во все анкеты традиционно вносился вопрос о национальной идентичности. Право определять ее предоставлялось самим респондентам. Что касается несовершеннолетних, то за них отвечали родители. В случае смешанного брака и разногласий, возникающих с определением национальности ребенка, его этническая принадлежность определялась по принадлежности матери. Число национальностей несколько различалось в каждой из переписей. Так, в 1959 и 1989 гг. все население СССР было распределено на 128 этносов и народов, в 1970 и 1979 гг. – соответственно на 122 и 123.

В ходе ответов на вопросы часто возникала путаница, вызванная существованием локальных наименований этнических групп. Для разрешения подобных

² См., напр.: Сводные итоги (таблица 7с) по городам и районам южной части области о распределении населения по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Том 1. ф.– 1112, оп. 11, д. 97. л. 1–143.

ситуаций был разработан специальный справочный материал – словари народов и языков. В них содержались рекомендации, куда следует отнести ту или иную этнографическую группу или местный диалект. Специалисты управлений статистики на основе полученных ответов готовили детальные сведения по каждой национальности, включая информацию о занятиях, источниках средств существования и принадлежности к общественным группам.

Например, в 1970 г. проведено комплексное исследование национального состава населения СССР. По самым крупным этносам республик, национальных округов, областных центров и больших городов (100 тыс. человек и выше) созданы таблицы с информацией об их численности, уровне образования, родном языке и семейном положении, половозрастной структуре. Для всех остальных административных единиц и населенных пунктов (районов, средних и малых городских поселений и крупных сел) указывались лишь их численность и родной язык.

Поскольку процессы демографического перехода сильно различались у разных народов Советского Союза, то для выявления специфики их воспроизводства большое значение имели данные о половозрастном составе населения³. В сочетании с материалами текущей статистики, где собиралась и обрабатывалась информация об этнической возрастной рождаемости и смертности, это давало возможность рассчитать коэффициенты суммарной рождаемости и средней продолжительности жизни.

Немаловажным процессом, оказывающим сильное влияние на количественный состав народов, являлась ассимиляция, когда одна национальность, воспринимая язык, культуру и быт другой, со временем сливалась с ней. Материалы переписей позволяли дать косвенную оценку этому процессу путем определения языковой принадлежности опрашиваемых и, прежде всего, доли лиц, признавших русский язык (либо какой-то иной) в качестве родного⁴. В зависимости от этого можно определить масштабы ассимиляции и косвенно ее влияние на численное представительство народа. На основе переписных данных реально выявить удельный вес межэтнических семей в их общем количестве.

Важную роль в историко-демографических исследованиях играет информация об образовательном составе населения. По материалам таблиц можно изучить уровень образования различных возрастных когорт, общественных групп, национальностей. В переписях 1920-х гг. собиралась информация о грамотности населения. И только перед войной, в 1939 г. в опросный лист был включен вопрос об уровне образования. Но уже в 1959 г. вопрос о грамотности из переписной программы был исключен [12, с. 13].

В переписях использовались различные методики оценки уровня образования. В 1939 и 1959 гг. он рассчитывался для всего населения, с представлением данных на 1 000 человек. В 1970 и 1979 гг. произошла корректировка методики: уровень

³ См., напр.: Всесоюзная перепись 1959 г. Пол и возраст всего населения и состоящих в браке по отдельным национальностям. Таблица 5д (Алтайский край). ф.– 1562, оп. 336, д. 2991, л. 1–13; Всесоюзная перепись 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту. Таблица 29с (Иркутская область). ф.–1562, оп. 69, д. 1801, л. 1–24.

⁴ Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР, которым свободно владеет население. Омская область. Таблица 7с. ф.а.–374, оп. 39, д. 1335, л. 10–14.

образования стал определяться для лиц в возрасте от 10 лет и старше. Именно с этого момента они могут получить начальное образование – первую ступень образовательной лестницы. В последней советской переписи 1989 г. возрастной порог был повышен до 15 лет. Такая модификация давала возможность оценить эффективность реализации закона о всеобщем среднем образовании.

Информация об образовании играет важную роль при определении местной специфики рождаемости и смертности населения. Еще в советское время было установлено, что рождаемость снижается по мере роста образовательного уровня. Наименьшее число детей в семьях отмечено у людей с высшим и незаконченным высшим образованием. В то время как наибольшее – у лиц с начальным или не имеющим начального. Смертность населения тоже подчинялась определенной логике. Высокообразованные люди, как правило, жили дольше всего остального населения.

Изучению социальной структуры общества придавалось большое политическое значение. Руководство страны стремилось повсеместно говорить о ликвидации в СССР эксплуататорских слоев населения, гордилось высоким удельным весом рабочего класса и крестьянства. Вопрос об общественной группе был впервые включен в программу в 1939 г. и присутствовал во всех последующих переписях до конца советского периода.

Благодаря работам демографов выяснилось, что социальный состав и демографическое поведение населения находились в определенной зависимости. В ходе социологических опросов было выявлено, что наивысшая рождаемость была у колхозного крестьянства, служащие заводили меньше всего детей. Смертность у служащих тоже была ниже, чем у рабочих или колхозников. Известное влияние на воспроизводство населения оказывали его занятость физическим или умственным трудом, а также источники средств существования. Так, значительная занятость женщин в личном подсобном хозяйстве становилась фактором высокой рождаемости.

Для оценки местных особенностей в воспроизводстве населения вполне достаточно самых общих сведений об образовании населения, его занятости и социально-классовом составе. К тому же для этого можно привлечь информацию о среднем размере семьи, которая широко представлена в опубликованных сборниках.

В заключение следует сказать несколько слов о материалах выборочных обследований, проводимых, как уже было сказано с 1970 г. [13, с. 17]. Выборочный метод позволял существенно экономить средства и количество привлекаемых лиц при проведении переписи, сократить время разработки ее материалов. Он использовался для получения ответов по широкому кругу вопросов – от занятости населения до уровня рождаемости поколений и интенсивности миграционных процессов. Начиная с 1970 г., информация о социально-классовом составе общества стала определяться на основе таких данных. Анализ переписных таблиц за 1970 г. по миграциям выявил, что они не очень точны по причине того, что за два регистрируемых года (1968–1969 гг.) можно было сменить несколько мест жительства (о чем было упомянуто на межведомственном совещании по проблемам переписи 1979 г.). Но их можно использовать для исследования общих тенденций межрайонного движения населения. Информация текущего учета оказалась более релевантной.

В результате в 1979 г. было решено изменить формулировку вопроса и получить данные о продолжительности непрерывного проживания в месте постоянного жительства⁵. Лицами, проживавшим в месте постоянного жительства не с рождения, указывался год, с которого они жили в данном населенном пункте. Эти люди и были причислены к мигрантам. К примеру, в 1979 г. доля русских, проживавших в какой-либо местности не с рождения, составила 53,5%, бурят – 46,0%, аварцев – 26,9%, ненцев – 12,8%. Эти данные позволяют получить представление о мобильности населения разных республик, областей, отдельных национальностей, но не о характере межтерриториальных перемещений.

В переписи 1989 г. вопрос о продолжительности непрерывного проживания в населенном пункте сохранился⁶. В дополнение к нему появился новый – о месте рождения. Он задавался уже всему населению страны, а не выборочно (таблица 57с). Такие материалы могут быть привлечены для общей оценки межрайонной этнической миграции. Однако их ценность при изучении конкретных количественных территориальных перемещений населения не столь высока, так как с момента рождения человек может поменять место жительства не один раз.

Неподдельный интерес среди выборочных сведений вызывает информация об итоговой рождаемости женщин разных поколений. Она разрабатывалась по разным республикам и национальностям. Дискуссии о целесообразности сбора данных о количестве рожденных детей велись еще в 1950-е гг., но по ряду причин в программу переписи 1959 г. соответствующий вопрос не был включен. Это произошло лишь спустя 20 лет, в 1979 г., когда такая информация была получена посредством опроса женщин в возрасте 16 лет и старше. Впоследствии сбор таких данных стал производиться регулярно. Они позволяют выявить тенденции в рождаемости не у условных, а уже у реальных поколений.

При этом необходимо помнить, что показатели рождаемости в реальных поколениях тоже обладают некоторыми недостатками. В частности, они меньше связаны с конкретными историческими условиями, так как представляют итоги репродуктивного поведения разных поколений женщин за много лет. В то же время они не дают возможности определить, каким образом на рождаемость повлияло то или иное конкретное историческое событие, что для историков особенно важно. А последних в жизни поколения может быть немало. Тем более что полные сведения об итоговой рождаемости можно получить лишь к концу репродуктивного периода, или к 50 годам.

Доступность переписных данных

В советское время получить доступ к материалам Всесоюзных переписей было непросто. Управления статистики нередко отказывали даже заинтересованным

⁵ Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту (мигранты). По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по РСФСР. Таблица 46в. ГАРФ. ф.а.–374, оп. 39, д. 6132.

⁶ См., напр.: Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту. Западно-Сибирский экономический район. Городское и сельское население. Оба пола. Все население. Все национальности. Таблица 54в. РГАЭ. ф.–1562, оп. 69, д. 3073, л. 1.

проектным и научно-исследовательским организациям. Например, данные переписи 1959 г. могли выдаваться только в служебном порядке, в том числе для использования в не подлежащих опубликованию диссертациях докторантов и аспирантов. Причем для вышеназванных организаций информация о распределении населения по общественным группам, занятиям, отраслям народного хозяйства, источникам средств существования предоставлялась особым образом, в усеченном виде. И лишь при отсутствии такой заранее подготовленной информации статуправления могли разрешить вручную делать выписки сведений. На этих материалах ставили специальные штампы «не подлежит опубликованию в открытой печати» и посылали их не самому работнику, производившему выписки, а на имя руководителя организации, приславшей запрос. Такие выписки со штампами иногда можно найти в библиотеках. Материалы переписей стали общедоступными уже в постсоветское время.

Сведения из Всесоюзных переписей публиковались и в периодических изданиях, но в урезанном виде. Так, информация о возрастном составе по данным переписи 1959 г. могла быть опубликована только по укрупненным 10-летним группам. Подвергались ограничениям публикации сведений о национальном составе, образованию. Причем тексты газетных статей требовалось сначала выслать для проверки в отдел переписи населения ЦСУ.

Часть материалов переписей была опубликована для открытого или ограниченного пользования. Однако их содержательная ценность была, конечно, ниже, чем у систематизированных таблиц. Результаты Всесоюзной переписи 1959 г. были представлены в шестнадцати томах, пятнадцать из которых были посвящены союзным республикам. Один сводный том включил данные по всему Советскому Союзу. Впоследствии порядок публикации материалов был изменен. Данные переписи 1970 г., опубликованные в период с 1972 по 1974 гг., были структурированы по тематическим направлениям, а не по национально-территориальным образованиям. Объем информации, предоставленной по итогам переписи 1979 г., был существенно сокращен. В середине 1980-х гг. был выпущен единственный сборник, который включил в себя данные, опубликованные в журнале «Вестник статистики» сразу после переписи.

К вышесказанному следует добавить, что материалы всех переписей избирательно публиковались в специальных изданиях для служебного пользования (ДСП). Доступ к ним был ограничен, и для ознакомления с ними было необходимо получить специальное разрешение. Они публиковались типографиями центральных статистических управлений ограниченным тиражом, обычно в 200–300 экземпляров. На титульном листе каждого такого сборника кроме грифа «ДСП» указывался порядковый номер экземпляра. Результаты переписей населения 1970 и 1979 гг. были опубликованы в десяти томниках для закрытого использования. Причем последний из них в период перестройки был переиздан и стал общедоступным.

В дополнение к упомянутому выше изданиям статистические управления СССР и РСФСР публиковали широкий спектр самых разных тематических сборников. Часть из них была передана в специализированные фонды библиотек научно-исследовательских институтов. В них информация о населении представлялась более подробно, хотя зачастую тоже в закамуфлированной форме. К примеру, в сборнике

«Возрастной состав и состояние в браке населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.)», изданном в 1980 г., возрастной состав обозначен такими когортами, которые существенно затрудняли расчеты воспроизводства и сравнения с другими переписями (0–2 года, 3–6, 7–9 лет и т. п.).

Как бы то ни было, они были удобны тем, что сведения в них нередко публиковались в сопоставлении с предыдущими переписями, по укрупненным демографическим группам⁷. Местные управления статистики тоже издавали аналогичные сборники, но уже применительно к населению областей, краев и республик⁸. В настоящее время доступ к ним в тех библиотеках, где они сохранились, является свободным.

Результаты последней советской переписи (1989 г.) были обнародованы в небольших брошюрах⁹. Более подробные материалы были подготовлены, однако распад Советского Союза не позволил их опубликовать. Часть сборников по Российской Федерации была издана в 1990–1991 гг.¹⁰

Много сведений о переписи 1989 г. было издано местными статистическими управлениями¹¹. В случае недостатка статистических источников можно обратиться к сборникам материалов Всероссийской переписи 2002 г. В них информация часто представлялась в сравнении с предыдущей переписью¹². Однако следует помнить о том, что в отличие от 1989 г. в 2002 г. особый порядок переписи населения уже не применялся, а некоторые регионы поменяли свои административные границы.

Точность переписей

Советские переписи населения, проводимые после войны, отличались высокой точностью. Так, в 1959 г. в результате проверок были выявлены 789,0 тыс. лиц, неучтенных в ходе переписи, что составило 0,37% от общего количества жителей

⁷ Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). Москва : ЦСУ РСФСР, 1962. (ДСП). 476 с.; Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). Москва : ЦСУ РСФСР, 1975. (ДСП). 200 с.; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Москва : ЦСУ РСФСР, 1980. (ДСП). 150 с.

⁸ См., напр.: Распределение постоянного населения Омской области и г. Омска по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства, возрасту и отдельным занятиям (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Омск : Стат. упр. Омск. обл., 1973. (ДСП). 178 с.; Население Новосибирской области (итоги Всесоюзной переписи на 15 января 1959 г.). Новосибирск : Стат. упр. Новосиб. обл., 1961. (ДСП). 55 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Кемерово : Стат. упр. Кемер. обл., 1971. (ДСП). 87 с.

⁹ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Москва : Госкомстат СССР, 1990. 45 с.

¹⁰ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Москва : Госкомстат РСФСР, 1991. 270 с.; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Москва : Госкомстат РСФСР, 1990. 747 с.; Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Москва : Госкомстат РСФСР, 1990. 373 с.

¹¹ Национальный состав населения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул : Упр. стат. Алт. края, 1991. 145 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Вып. 5. Половозрастной состав. Кемерово : Кемеровостат, 1990. 129 с.; Краткая социально-демографическая характеристика населения Томской области по данным Всесоюзных переписей 1979, 1989 гг.: стат. сб. № 4. Томск : Томкстат, 1990. 210 с.

¹² Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Ч. 2. Возрастно-половой состав населения Тюменской области. Тюмень : Тюменьстат, 2004. 471 с.; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по городу Омску: стат. сб. Омск : Омкстат, 2005. 215 с.

страны. В дальнейшем этот показатель снизился с 0,25% в 1970 г. до 0,12% в 1979 г. В 1989 г. он несколько вырос – до 0,14 %.

Впрочем, внутри страны ситуация с численностью населения была несколько иной. Местоположение определенных групп граждан политическое руководство страны считало необходимым держать в тайне.

Это относилось к военнослужащим советской армии, переписываемым по месту службы, но которые в итогах переписей учитывались в местах призыва; военным строительным подразделениям различных министерств и ведомств; воензированной охране; персоналу министерства иностранных дел¹³. Особый порядок переписи распространялся также на сотрудников местных органов КГБ и работников отдельных промышленных предприятий¹⁴. Не выделялись в переписных систематизированных таблицах и закрытые города, население которых распределялось по разным регионам страны. Методика и принципы, регулирующие распределение переписываемого в особом порядке населения по районам страны в довоенное время, ранее описаны в литературе и вряд ли претерпели изменение в поздний период [14, с. 51–60].

Получить изначальные, не измененные демографические данные сейчас вряд ли представляется возможным. Для этого необходимо найти и проанализировать большое количество материалов из специализированных архивов, в которых содержались бы конкретные сведения о приписках к населению, и неизвестно сохранились ли они вообще. Например, исследователи, занимавшиеся проблематикой закрытых городов, привлекали другие данные [15, с. 131].

По оценкам В. Б. Жиромской, которые сделаны на основе последней довоенной переписи 1939 г., расхождение с реальными данными составляет примерно 2%. Такие размеры приписок в целом являются вполне приемлемыми и допустимыми. Разработанный автором альтернативный метод определения исходной численности населения предполагает привлечение данных, вычисленных еще в советское время, и последующих перерасчетов, осуществленных от результатов переписи 2002 г.

Согласно статистическим данным, опубликованным в сборнике «Численность, состав и движение населения в РСФСР» (1990 г.), население Кемеровской области в начале 1990 г. составило 3 176,3 тыс. человек. Перерасчеты, осуществленные на основе данных Всероссийской переписи 2002 г., показали, что в 1990 г. население Кузбасса в действительности насчитывало 3 099,2 тыс. человек. Искусственное превышение составило 2,5%, что и является припиской к реальному числу жителей области, так как после распада СССР особый порядок при проведении переписей уже не применялся.

В ходе исследования было установлено, что городское население Новосибирской области тоже было завышено на 1,7%. В то же время в Омской области и Алтайском крае расчетная разница оказалась минимальной. В Тюменской области,

¹³ Материалы Всесоюзной переписи населения (численность населения сельских Советов, района, поселка). Усть-Ордынский окружной государственный архив (далее УООГА). фр.–92, оп. 1, д. 195а, л. 64–68.

¹⁴ Расчеты численности населения по переписи за 1989 год. Государственный архив Забайкальского края (далее ГАЗК). фр.–1645, оп. 19, д. 19, л. 55.

наоборот, численность горожан в советское время занижалась на 0,5%. Более всего преуменьшалось городское население Томской области (на 6,2%), где располагался г. Северск – один из крупнейших закрытых городов страны. Преувеличение для РСФСР в целом оказались незначительным – только 0,5% в силу величины городского населения республики. При этом для всего населения завышение оказалось меньшим – 0,3%.

Следует отметить, что выявленные числовые несоответствия не оказывают существенного влияния на расчеты показателей движения населения, за исключением периода с 1989 по 1990 г., где такие переписки существенно искажают естественный прирост и миграцию за 1989 г.

Таким образом, представленные расчеты показывают хорошую достоверность хранящихся в архивах переписных данных в свете время от времени возникающих дискуссий относительно точности или правдивости советской демографической статистики рассматриваемого периода.

С прикладной точки зрения, это знание дает возможность точнее подсчитать погодовой механический прирост какого-либо региона, к примеру, в 1985–2000 гг. Обычно, при использовании сведений о численности населения на начало года одновременно и советских, и постсоветских статистических сборников (вместе с данными о естественном приросте) расчетное сальдо миграции в 1989 г. явно выпадает из общего ряда из-за своих значительных размеров в ту или иную сторону. В связи с чем для определения механического прироста в 1985–1989 гг. следует использовать материалы советского статистического сборника с данными о численности населения на начало года вплоть до 1990 г., а в дальнейшем для 1990–2000 гг. использовать уже сведения постсоветского статистического сборника. Результирующее расчетное сальдо миграции за весь период будет менее искаженным.

Перед войной наблюдалась проблема возрастной аккумуляции, то есть концентрации населения в возрастах, оканчивающихся на цифры 0 или 5. Это явление было вызвано неточностями, возникающими при ответах на вопросы о возрасте: люди могли не помнить свой точный возраст, сознательно преувеличивать или занижать его. С ростом образованности населения коэффициент аккумуляции (индекс Уипла) уменьшался. Введение с 1970 г. в переписные программы вопроса о дате рождения привело к практически полному ее исчезновению.

Заключение

В ходе нашей работы было установлено, что на основе материалов Всесоюзных переписей можно реконструировать картину демографического развития страны. Несмотря на то, что программы не полностью совпадают, они дают возможность выявить важнейшие тенденции и закономерности в численности, половозрастном, социально-классовом, национальном составе городского населения. Больше всего трудностей возникает при использовании только опубликованных материалов, так как они иногда плохо сопоставимы друг с другом.

Исключительной ценностью обладают материалы об итоговой рождаемости, так как их можно использовать при исследовании генеральных тенденций демографического перехода населения отдельных республик и национальностей. В то же время их надлежит подкреплять расчетными показателями рождаемости

в условных поколениях, которые сразу же реагируют на изменения в конкретной исторической обстановке. Опираясь на материалы о миграции, можно получить представление о мобильности населения, но их значимость при определении количественных параметров межрегиональных перемещений населения не столь высока. Таким образом, при изучении миграций так же, как и в случае с рождаемостью, следует привлекать данные текущего учета населения.

Отечественные переписи в сравнении с переписями развитых западных стран обычно в содержательном плане беднее. Так, если в 1989 г. в советской переписи было 25 вопросов, то в США в 1990 г. – 71. В странах Запада, например, могли задаваться вопросы об участии в предыдущих войнах, о курении, о характере прошлой трудовой деятельности, физических недостатках, которые могут дать дополнительную полезную для ученого-демографа информацию.

На сегодняшний день большую часть переписных материалов можно без особых затруднений найти в центральных и региональных архивах и библиотеках. Сложности могут возникнуть лишь при сборе отдельных редко встречающихся сведений, которые, как правило, еще не переданы в архивы из ведомственных хранилищ. Переписи в целом обладают высокой точностью. Несмотря на то, что государство стремилось скрыть месторасположение отдельных категорий граждан, их совокупная доля была сравнительно невелика, следовательно, отклонения от реальной численности населения не являлись существенными. При этом важно помнить, что переписи дают информацию о населении страны в заранее заданный момент времени. Для понимания процессов воспроизводства необходимы сведения текущего учета населения.

Список литературы

1. Киселева, Г. П. О чем рассказывают переписи населения / Г. П. Киселева, А. Я. Кваша. Москва : Финансы и статистика, 1983. 103 с.
2. Мерков, А. М. Демографическая статистика (статистика населения). Краткое пособие для врачей. Москва : Медгиз, 1959. 188 с.
3. Елисеева, И. И. История переписей населения в России / И. И. Елисеева, А. Л. Дмитриев, В. Ю. Гессен [и др.]. Москва : Голден-Би, 2013. 427 с. ISBN 978-5-901124-85-7. EDN [ZSQROJ](#).
4. Жиромская, В. Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. / В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков. Москва : Наука, 1996. 152 с. ISBN 5-02-009756-X. EDN [PXPBNH](#).
5. Исунов, В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 242 с. ISBN 5-87550-101-4. EDN [TZVTFP](#).
6. Исунов, В. А. Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны. Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. 20 с. EDN [YWSKHJ](#).
7. Безносова, Н. П. Новые документы по статистике населения Коми АССР за 1937–1989 гг. // Историческая демография. 2018. № 1 (21). С. 94–113. EDN [ZBANFJ](#).
8. Жиромская, В. Б. К истории переписного дела в России: Всеобщие переписи населения XX века / В. Б. Жиромская, Г. Е. Корнилов // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов. Сб. ст. XI Уральского демографического форума: в 2 томах. Т. 1. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2020. С. 28–42. EDN [YFKPPJ](#).
9. Пешина, Э. В. Статистический учет коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России с 1897 по 2010 гг. // Парадигмы и модели демографического развития. Сб.

ст. XII Уральского демографического форума. Т. 1. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. С. 160–165. DOI [10.17059/udf-2021-1-20](https://doi.org/10.17059/udf-2021-1-20). EDN [AIXUEQ](https://www.edn.ru/AIXUEQ).

10. Демографическая история России и регионов. Вып. 1: проблемы источников. Сборник научных трудов / Отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск : Апельсин, 2016. 303 с. ISBN 978-5-91705-002-1. EDN [WVBQFJ](https://www.edn.ru/WVBQFJ).

11. Дашинамжилов, О. Б. Демографическое развитие автономных округов России в 1960-е – 1980-е гг.: проблемы источников / О. Б. Дашинамжилов, В. В. Лыгденова // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). С. 166–173. DOI [10.31518/2618-9100-2019-4-16](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-4-16). EDN [EGPKEX](https://www.edn.ru/EGPKEX).

12. Население Западной Сибири в XX веке / Отв. ред. Н. Я. Гуцин, В. А. Исупов. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997. 169 с.

13. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX вв.) / Отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск : НИЦ «Апостроф», 2017. 350 с. ISBN 978-5-93889-344-3. EDN [WBUSWT](https://www.edn.ru/WBUSWT).

14. Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. Москва : РОССПЭН, 2001. 279 с. ISBN 5-8243-0212-X. EDN [SMXZLP](https://www.edn.ru/SMXZLP).

15. Реут, Г. А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск : КГАУ, 2012. 350 с. ISBN 978-5-94617-281-3. EDN [QVKTKD](https://www.edn.ru/QVKTKD).

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

Сведения об авторе

Дашинамжилов Одон Борисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия.

Контактная информация: e-mail: odon@bk.ru; ORCID ID: [0000-0002-0938-2290](https://orcid.org/0000-0002-0938-2290); ПИНЦ SPIN-код: [6092-0713](https://www.spin.ru/6092-0713); Web of Science Researcher ID: [H-7817-2017](https://orcid.org/H-7817-2017); Scopus Author ID: [55531615500](https://orcid.org/55531615500).

Статья поступила в редакцию 06.05.2025; принята в печать 08.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ALL-UNION CENSUSES OF 1959–1989 AS A SOURCE OF HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC DATA ON THE URBAN POPULATION

Odon B. Dashinamzhilov

Institute of History, Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia

E-mail: odon@bk.ru

For citation: Dashinamzhilov, O. B. All-Union Censuses of 1959–1989 as a Source of Historical and Demographic Data on the Urban Population. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 45–60. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.3). (In Russ.)

Abstract. This article analyzes the content of four All-Union Population Censuses (1959, 1970, 1979 and 1989) using methods of internal criticism and comparative analysis of sources. The analysis includes systematized data stored in state archives across the country and statistical compilations published for official purposes. The study found that the censuses were an accurate source of statistical information. The proportion of people not counted declined and did not exceed 0.4 percent of the total USSR population. Information about regions and republics was not always accurate due to policies of the government to hide information about certain categories of population, such as military personnel, KGB agents, and workers in certain industries. This paper suggests a method for estimating population growth based on Soviet data and

the 2002 Russian census. Increments were small in Russia as a whole and were greatest in areas with closed cities. They had little impact on estimates of natural growth and migration, except in the period 1989–1991. Most census data is available for research in central and local archives and some libraries, but some information may be missing or not transferred from departments to archives. The Russian State Archives of Economics have the most comprehensive data. Some statistics have been published, including collections for official use, which are valuable. The results allow scientists to understand trends in population numbers, social classes, ages, genders, ethnicities, and dynamics during this period. In future, it may be possible to create specific tables for each census with detailed information.

Keywords: historical demography, sources, All-Union Population Censuses, census accuracy, census availability, Soviet Union, statistics

References

1. Kiseleva, G. P., Kvasha, A. Ya. *O chem rasskazyvayut perepisi naseleniya*. [What do the population censuses tell us?] Moscow : Finansy i statistika Publ., 1983. 103 p. (In Russ.).
2. Merkov, A. M. *Demograficheskaya statistika (statistika naseleniya)* [Demographic statistics (population statistics)]. A short guide for doctors. Moscow : Medgiz Publ., 1959. 188 p. (In Russ.).
3. Eliseeva, I. I., Dmitriev, A. L., Gessen, V. Yu. [et al.]. *Istoriya perepisei naseleniya v Rossii* [The history of population censuses in Russia]. Moscow : Golden-Bi Publ., 2013. 427 p. ISBN 978-5-901124-85-7. (In Russ.).
4. Zhiromskaya, V. B., Kiselev, I. N., Polyakov, Yu. A. *Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.* [Half a century classified as "secret": The All-Union Population Census of 1937]. Moscow : Nauka Publ., 1996. 152 p. ISBN 5-02-009756-X. (In Russ.).
5. Isupov, V. A. *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: Historical and demographic essays]. Novosibirsk : Sibirskiy Khronograf Publ., 2000. 242 p. ISBN 5-87550-101-4. (In Russ.).
6. Isupov, V. A. *Statistical Sources on the Demographic History of Russia During the Great Patriotic War*. Syktyvkar : Institute of Language, Literature and History of Komi SC Ural Branch RAS, 2011. 20 p. (In Russ.).
7. Beznosova, N. P. New Documents on Statistics of the Population of the Komi ASSR for 1937–1989. *Historical Demography*. 2018. No. 1 (21). Pp. 94–113. (In Russ.).
8. Zhiromskaya, V. B., Kornilov, G. E. On the History of the Census Business in Russia: General Population Censuses of the 20th Century. In : *Instituty razvitiya chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh sovremennykh vyzovov* [Institutions of human potential development in the context of modern challenges] : Collection of articles of the XI Ural Demographic Forum: in 2 volumes. Vol. 1. Ekaterinburg : Institute of Economics Ural Branch RAS, 2020. Pp. 28–42. (In Russ.).
9. Peshina, E. V. Statistical Registration of Russian Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East from 1897 to 2010. In : *Paradigms and models of demographic development*. Collection of articles of the XII Ural Demographic Forum. Vol. 1. Ekaterinburg : Institute of Economics Ural Branch RAS, 2021. Pp. 160–165. DOI [10.17059/udf-2021-1-20](https://doi.org/10.17059/udf-2021-1-20). (In Russ.).
10. *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov. Vyp. I: problemy istochnikov* [Demographic history of Russia and its regions. Vol. I: Problems of source studies]. Collection of scientific papers. Ed. By V. A. Isupov. Novosibirsk : Apel'sin Publ., 2016. 303 p. ISBN 978-5-91705-002-1. (In Russ.).
11. Dashinamzhilov, O. B., Lygdenova, V. V. Demographic Problems of Autonomous Regions of Russia in 1960–1980s: Problems of Sources. *Historical Courier*. 2019. No. 4 (6). Pp. 166–173. DOI [10.31518/2618-9100-2019-4-16](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-4-16). (In Russ.).
12. *Naselenie Zapadnoi Sibiri v XX veke* [The population of Western Siberia in the 20th century]. Ed. by N. Ya. Gushchin, V. A. Isupov. Novosibirsk : Siberian Branch RAS Publ., 1997. 169 p. (In Russ.).
13. *Demograficheskaya istoriya Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX v.)* [Demographic history of Western Siberia (late 19th–20th centuries)]. Ed. by V. A. Isupov. Novosibirsk : Institute of History, Siberian Branch RAS Publ., 2017. 347 p. ISBN 978-5-93889-344-3. (In Russ.).
14. Zhiromskaya, V. B. *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzgl'yad v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s. A investigate the unknown]. Moscow : ROSSPEN Publ., 2001. 277 p. ISBN 5-8243-0212-X. (In Russ.).

15. Reut, G. A. *Zakrytye administrativno-territorial'nye obrazovaniya Sibiri: sotsializm za kolyuchei provolokoi* [Closed administrative-territorial formations of Siberia: socialism behind barbed wire]. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State Agrarian University Publ., 2012. 349 p. ISBN 978-5-94617-281-3. (In Russ.).

Acknowledgments and financing

The article was prepared as part of the state task of the Ministry of Education and Science "Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in 20-21 Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context" (FWZM-2024-0005).

Bio note

Odon B. Dashinamzhilov, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia.

Contact information: e-mail: odon@bk.ru; ORCID ID: [0000-0002-0938-2290](https://orcid.org/0000-0002-0938-2290); RSCI SPIN-code: [6092-0713](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=6092-0713); Web of Science Researcher ID: [H-7817-2017](https://orcid.org/H-7817-2017); Scopus Author ID: [55531615500](https://orcid.org/55531615500).

Received on 06.05.2025; accepted for publication on 08.07.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.4)EDN [MOEGJG](https://moegjg.ru)

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПОЖИЛЫХ РОССИЯН ПЕРВИЧНОЙ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩЬЮ

Землянова Е. В.*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: zem_lena@mail.ru*

Для цитирования: Землянова, Е. В. Удовлетворенность пожилых россиян первичной медико-санитарной помощью // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 61–74. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.4). EDN [MOEGJG](https://moegjg.ru).

Аннотация. В настоящее время в России реализуются проекты, направленные на улучшение здоровья и качества жизни граждан старшего поколения, что требует развития видов помощи, ориентированных на медицинское обслуживание представителей старшего поколения. Важную роль в этом играет первичная медицинская помощь. Целью настоящего исследования является оценка удовлетворенности российского населения старших возрастов амбулаторно-поликлинической помощью. Статистическую базу исследования составили данные Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведенного Росстатом в 2021 и 2023 гг. Проанализированы результаты, представленные в итоговых таблицах «Старшее поколение» для лиц старше трудоспособного возраста. Около двух третей пожилых россиян обращаются в государственные поликлиники за медицинской помощью. Полностью удовлетворены оказываемой поликлинической помощью 36,3% 31,5% пожилых россиян в 2021 г. и в 2023 г., соответственно. Небольшая доля пожилых россиян испытывает трудности с вызовом скорой помощи. Служба скорой медицинской помощи для пожилого населения является не только медицинской услугой, но также несет в себе и важную социальную функцию. Вместе с тем ситуация в российских регионах с точки зрения доступности и удовлетворенности медицинской помощью существенно отличается. Достижение успеха в реализации Федерального проекта «Старшее поколение» требует проведения более масштабных социологических исследований по проблемам данной группы населения, чтобы оперативно реагировать и находить варианты решения.

Ключевые слова: пожилые, первичная медицинская помощь, удовлетворенность, обращаемость, диагностические службы, скорая помощь

Введение

Во всем мире ежегодно увеличивается число и доля людей в возрасте 60 лет и старше. В 2019 г. их число составило 1 млрд. Согласно прогнозу ООН, это число увеличится до 1,4 млрд к 2030 г. и до 2,1 млрд к 2050 г. Рост численности пожилого населения происходит беспрецедентными темпами, которые возрастут в ближайшие годы. ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) определяет здоровое старение как развитие и поддержание функциональных способностей, которые обеспечивают благополучие человека в пожилом возрасте. Функциональные способности определяются физическими и умственными способностями человека, а также физической, социальной и политической средой, в которой он живет¹.

ВОЗ действует в соответствии с Глобальной стратегией и планом действий по проблемам старения и здоровья на 2016–2020 гг. и нормами, разработанными в рамках Десятилетия здорового старения ООН (2021–2030 гг.)².

¹ Ageing // World Health Organization : [site]. URL: https://www.who.int/health-topics/ageing#tab=tab_1 (accessed on 17.06.2025).

² Ibidem.

В России на национальном и региональном уровнях реализуются разнообразные программы и проекты, адресованные пожилым людям («Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», национальные проекты «Демография» и «Продолжительная и активная жизнь», федеральный проект «Старшее поколение» и др.) [1].

Цель Федерального проекта «Старшее поколение», реализация которого намечена на 2025–2030 гг.) – сделать так, чтобы люди жили как можно дольше без ограничений, вызванных возрастными изменениями и хроническими заболеваниями³.

Рост численности пожилого населения требует также развития специализированных видов помощи, ориентированных на медицинское обслуживание представителей старшего поколения. Исследование И. М. Айзиновой (2017) показало недостаточную доступность гериатрической помощи в связи с нехваткой врачей-гериатров, отсутствием кабинетов гериатров и гериатрических отделений в поликлиниках, гериатрических отделений в многопрофильных стационарах. По ее мнению, утвердив Стратегию действий в интересах старшего поколения, государство признало наличие специфических проблем данных возрастных групп населения и наметило направления их решения, разработав целевые ориентиры и даже некоторые количественные показатели оценки результативности [2].

В. В. Васильев (2025) указывает на необходимость развития альтернативных видов помощи для пожилых – амбулаторного лечения и наблюдения на дому включают услуги по уходу за пациентами, требующими медицинской помощи, но не нуждающимися в госпитализации, что особенно важно для хронических больных и пожилых людей [3].

Важнейшую роль первичного звена здравоохранения в формировании здорового и активного долголетия признают и за рубежом. Так, в Китайской Народной Республике считается, что медицинские работники, особенно в области первичного звена оказания медицинской помощи, должны оказывать важное влияние на возвращение и укрепление представления пациента о здоровье, служить своего рода рупором информационно-пропагандистской деятельности в области санитарно-просветительской работы. Пропаганда здорового образа жизни и повышение грамотности населения в вопросах сохранения и улучшения состояния здоровья являются эффективными стратегическими мерами для профилактики заболеваний и укрепления здоровья населения [4].

Согласно мнению К. Хауса (2012), активное долголетие невозможно без равного доступа к программам реабилитации, что весьма актуально для европейских стран [5]. Автор отмечает, что люди с более низким социально-экономическим статусом пользуются услугами медиков, программами и средствами реабилитации менее интенсивно по сравнению с собственными потребностями в них, чем люди с более высоким социально-экономическим статусом. Проактивные сервисы не должны ждать, когда люди сами обратятся со своими проблемами, они должны способствовать развитию более равноправного доступа к эффективному лечению хронических заболеваний и программам реабилитации.

³ Старшее поколение // Национальные проекты России : [сайт]. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya/starsthee_pokolenie/ (дата обращения: 17.06.2025).

В Италии укрепление здоровья пожилых людей – часть национального плана профилактики. В целом, за последние десятилетия в Италии произошла существенная эволюция политики в отношении укрепления здоровья лиц старшего поколения. Пожилые люди превратились из просто объектов лечения и помощи, рассматриваемых лишь в качестве больных, непродуктивных и пассивных субъектов, в центральных действующих лиц новой политики, в соответствии с которой правительства должны действовать не только посредством профилактики и пропагандистской политики в области здравоохранения, но также и для устранения всех факторов, непосредственно не связанных со здоровьем, таких как социальное положение, доход, мобильность, участие в общественной жизни и т. д. Все эти факторы существенно влияют на состояние здоровья и самостоятельность пожилых людей [6].

Увеличение численности населения старших возрастов практически всегда сопровождается ростом хронических заболеваний и повышенным спросом на медицинское сопровождение соответствующих заболеваний и состояний: диагностику, лечение, профилактику, социальную адаптацию и реабилитацию пациентов [7].

Для достижения целей «здорового долголетия» необходимы не только медицинская профилактическая активность и своевременное обращение за медицинской помощью, но и удовлетворенность помощью, оказываемой лицам старших возрастов в амбулаторно-поликлинических учреждениях.

Удовлетворенность пациентов понимается как динамический процесс, основанный на «опыте» и «потребностях» людей в отношении медицинских услуг, в зависимости от присущих им ценностей, убеждений, ожиданий, предыдущего опыта в пользовании услугами здравоохранения и социально-демографических характеристик [8]. Существенная роль ценностных установок представителей старшего поколения в оценках удовлетворенности медицинским обслуживанием также подчеркивается в статье К. Н. Калашникова (2025) [9].

Таким образом, целью настоящего исследования является оценка удовлетворенности российского населения старших возрастов амбулаторно-поликлинической помощью.

Материалы и методы исследования

Проведен анализ доступных отечественных и зарубежных научных публикаций по теме исследования. Использованы данные Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведенного Росстатом в 2021 и 2023 гг.⁴ Данное обследование организуется во всех субъектах Российской Федерации в целях сбора статистической информации, отражающей фактические потребности населения в получении образовательных и медицинских услуг, социальном обслуживании, услуг в области содействия занятости, удовлетворенность населения объемом и качеством полученных услуг, их влияние на уровень благосостояния

⁴ Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения проведено во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения».

семей. Обследование проводится один раз в два года с охватом 48,26 тысяч частных домашних хозяйств. Расчеты показателей – относительная стандартная ошибка, стандартная (средняя) ошибка выборки, интервальная оценка (для доверительной вероятности равной 0,95) – являются показателями точности статистического оценивания основных итогов выборочного наблюдения. Данные за 2021 г. выбраны с учетом пандемии COVID-19, во время которой обращаемость за медицинской помощью должна была бы быть выше. В этом отношении 2023 г. представляет собой своеобразный контроль, поскольку острая фаза пандемии к этому времени практически завершилась. Проанализированы результаты, представленные в итоговых таблицах «Старшее поколение» для лиц старше трудоспособного возраста.

Результаты

В целом по России за период с 2021 по 2023 г. обращаемость лиц старше трудоспособного возраста за медицинской помощью практически не изменилась и составила около 66% в 2021 г. и 2023 г., соответственно (рис. 1).

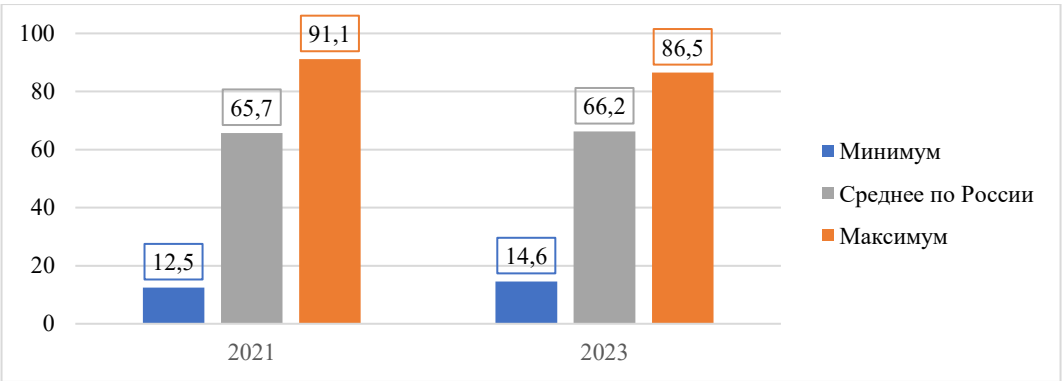

Рис. 1. Доля обращающихся за медпомощью среди граждан старшего поколения, средние показатели по РФ, минимальные и максимальные значения для регионов (%)

Fig. 1. The share of those seeking medical care among senior citizens, average for the Russian Federation, minimum and maximum values for regions (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁵

Разброс показателей, представленный на рисунке, очень велик. И поскольку в целом по стране сколько-нибудь существенных изменений в обращаемости за исследуемый период не отмечено, фактор пандемии COVID-19 не оказал значимого воздействия на динамику показателей.

В 2021 г. лидером по обращению пожилых граждан за медицинской помощью стал Ненецкий АО (91%), 80% рубеж преодолели Астраханская область (89%), Кировская область (84%) и Вологодская область (82%). Наименьшие показатели обращаемости пожилых в 2021 г. зафиксированы по итогам опроса в Чеченской Республике

⁵ КДУ-2021; КДУ-2023 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html; https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU-2023/index.html (дата обращения: 17.06.2025).

(13%), Республике Калмыкия (38%), Республике Тыва (39%), Ямало-Ненецком АО (40%), Республике Ингушетия (42%), Кабардино-Балкарской Республике (47%), в Камчатском крае и Магаданской области (по 50%).

Больше всего обращений граждан старшего поколения за медицинской помощью в 2023 г. было зафиксировано, по данным опроса Росстата, в Хабаровском крае – 87%. Кроме того, в десятку лидеров (более 80% респондентов) вошли Астраханская область (85%), Пермский край (85%), Архангельская область (84%), Санкт-Петербург (84%), Воронежская область (84%), Кировская область (84%), Ивановская область (83%), Курская область и Ханты-Мансийский АО (по 81%). Меньше всего обращавшихся за медицинской помощью в 2023 г. было в Республике Ингушетия (15%), Чеченской Республике (19%), Республике Дагестан (38%), Республике Тыва (46%), Кабардино-Балкарской Республике (47%) и Республике Крым (48%). Следует заметить, что Астраханская и Кировская области вошли в лидеры по обращению населения старших возрастов за медицинской помощью, как в 2021 г., так и в 2023 г. Больше всего экстренных госпитализаций в 2023 г. оказалось в Амурской области (2%), а в 2021 г. – в Республике Тыва (4%).

Данные Росстата позволяют оценить удовлетворенность граждан старшего поколения оказываемой амбулаторно-поликлинической помощью (рис. 2).

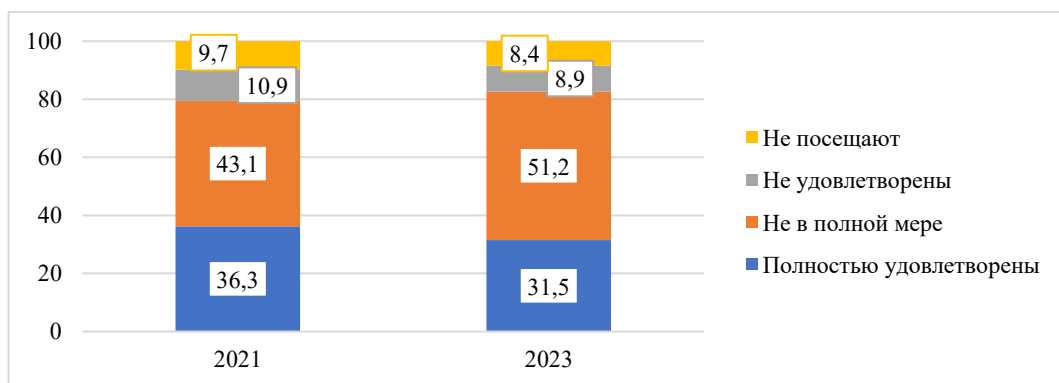

Рис. 2. Удовлетворенность поликлинической помощью среди граждан старшего поколения в России (%)

Fig. 2. Satisfaction with outpatient care among senior citizens in Russia (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁶

В масштабах страны за период 2021–2023 гг. почти на 4,8 п. п. – с 36% до 32% снизилась доля тех, кто в полной мере удовлетворен оказываемой амбулаторно-поликлинической помощью. При этом существенно возросла доля пожилых людей, не в полной мере удовлетворенных оказываемой помощью: прирост составил 8,1 п. п. На 2 п. п. – с 11% до 9% за этот же период снизилась доля неудовлетворенных амбулаторно-поликлинической помощью и на 1,3 п. п. – с 9,7% до 8,4% доля не посещающих поликлиники.

⁶ КДУ-2021; КДУ-2023 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html; https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU-2023/index.html (дата обращения: 17.06.2025).

Так, в 2021 г. рекордную удовлетворенность поликлинической помощью высказали пожилые жители Чеченской Республики (99%) и Республики Ингушетия (90%). Та же Чеченская Республика оказалась лидером по высоким оценкам и в 2023 г. (94%).

Менее всего высказавших полную удовлетворенность работой поликлиник в 2021 г. оказалось среди пожилых респондентов г. Севастополя (8%), Республики Хакасия (11%), Удмуртской Республики (12%), Владимирской области (17%), Тверской области (18%) и Астраханской области (18%). В 2023 г. полностью удовлетворенных поликлинической помощью в Севастополе было еще меньше – всего 2,4% респондентов. А регионов, где поликлиническая помощь получили менее 20% «полностью удовлетворительных» отзывов, оказалось 17.

В 2021 г. с максимальными долями «удовлетворенных не в полной мере» стали пожилые граждане Удмуртской Республики (65%) и Брянской области (65%). А меньше всего таких оценок имело место в Чеченской Республике (1,5%) и Республике Ингушетия (5%).

Лидерами среди регионов с оценками «удовлетворены не в полной мере» в 2023 г. оказались Республика Северная Осетия – Алания (74%), Воронежская область (71%), Удмуртская Республика (71%), г. Севастополь (70%), Оренбургская область (69%), Республика Карелия (68%), Хабаровский край (66%) и Вологодская область (65%). Меньше всего таких оценок дали жители тех же самых регионов – Чеченской Республики (5%) и Республики Ингушетия (7%).

Весьма показательными с точки зрения организации здравоохранения и оказания населению амбулаторно-поликлинической медицинской помощи являются неудовлетворительные оценки. В 2021 г. максимальные доли неудовлетворенных этим видом помощи были отмечены в Астраханской области (25%), Новгородской области (24%), Республике Хакасия (24%), Тверской области (22%), г. Севастополе (21%) и Краснодарском крае (20%). Неудовлетворительные оценки полностью отсутствовали в Чеченской Республике и Республике Ингушетия. В 2023 г. наибольшими долями неудовлетворительных оценок поликлинической помощи характеризовались Камчатский край (22%), Республика Хакасия (22%) и Забайкальский край (20%). Среди пожилых респондентов Чеченской Республики неудовлетворительных оценок не было.

Опрос выявил небезынтересный факт, требующий дополнительного изучения. А именно: достаточно большая доля респондентов – представителей старшего поколения не посещает поликлиники. Если в целом по России (рис. 2) их в 2021 г. было 8%, а в 2023 г. – 10%, то в четырех российских регионах в 2021 г. таких оказалось более 20%. Это Забайкальский край (23%), Рязанская область (22%), Орловская область (21%) и Еврейская АО (21%). В 2023 г. лидерами по доле не посещающих поликлиники стали Республика Ингушетия (43%) и Владимирская область (24%). Опять же в Чеченской Республике в 2021 г. респонденты, не посещающие поликлиники, отсутствовали. В 2023 г. таких респондентов не было в Карачаево-Черкесской Республике и Республике Северная Осетия – Алания.

Важнейшим аспектом работы амбулаторно-поликлинических учреждений являются их диагностические службы, такие как УЗИ, ЭКГ, лаборатория, рентген

и т. д. Поэтому в опросе также оценивалась удовлетворенность граждан старшего поколения их деятельностью (рис. 3).

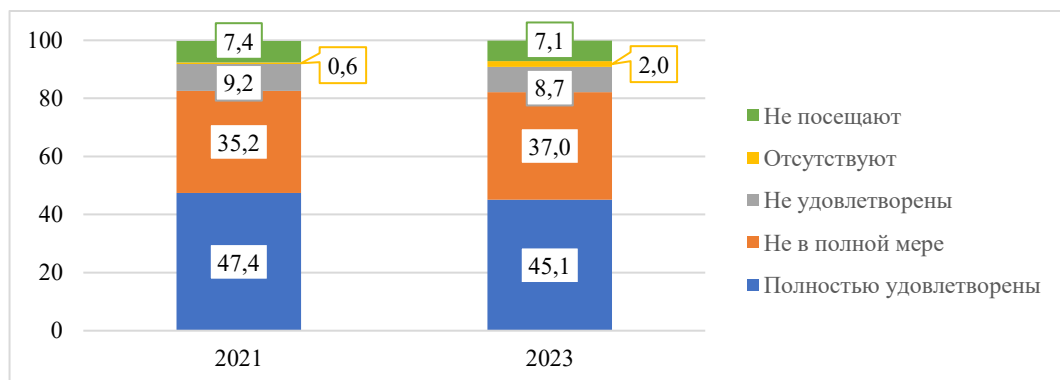

Рис. 3. Удовлетворенность работой диагностических служб поликлиник среди граждан старшего поколения в России (%)

Fig. 3. Satisfaction with the work of diagnostic services of polyclinics among senior citizens in Russia (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁷

В целом по стране около половины пациентов – представителей старшего поколения полностью удовлетворены работой поликлинических диагностических служб (47% в 2021 г. и 45% в 2023 г.). 35% и 37% соответственно удовлетворены не в полной мере. Неудовлетворенных оказалось 9,2% и 8,7% соответственно. И около 7% пожилых респондентов ответили, что за последние 12 месяцев они поликлинику не посещали. Минимальная часть респондентов (0,6% в 2021 г. и 2,0% в 2023 г.) указала на то, что диагностические службы в их поликлинике отсутствуют.

Наивысшие показатели удовлетворенности как в 2021 г., так и в 2023 г. высказали респонденты Чеченской Республики (99% и 77% соответственно). Более 60% пожилых респондентов, полностью удовлетворенных работой диагностических служб, в 2023 г. оказалось в Ханты-Мансийском АО, Чувашской Республике, Ненецком АО, Республике Бурятия, Амурской области, Республике Коми и Республике Марий Эл. В 2021 г. число регионов с долей населения, полностью удовлетворенного диагностическим звеном, выше 60%, было существенно больше – 19 регионов. А лидерами по удовлетворенности тогда были Чеченская Республика (99%), Республика Ингушетия (90%), Республика Алтай (87%), Ханты-Мансийский АО (85%) и Камчатский край (75%).

Более 20% респондентов, неудовлетворенных работой диагностических служб, в 2023 г. отмечено в Ставропольском крае (23%) и Владимирской области (20%). В 2021 г. это были Новгородская область (21%), Тверская область (24%) и Республика Хакасия (27%).

⁷ КДУ-2021; КДУ-2023 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html; https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU-2023/index.html (дата обращения: 17.06.2025).

Результаты исследования Росстата показывают, что лишь небольшая доля пожилых россиян в 2021 г. и 2023 г. имела трудности с вызовом скорой помощи (5,4% и 2,7% респондентов соответственно). А 64% респондентов в 2021 г. и 76% в 2023 г. не вызывали скорую помощь (рис. 4).

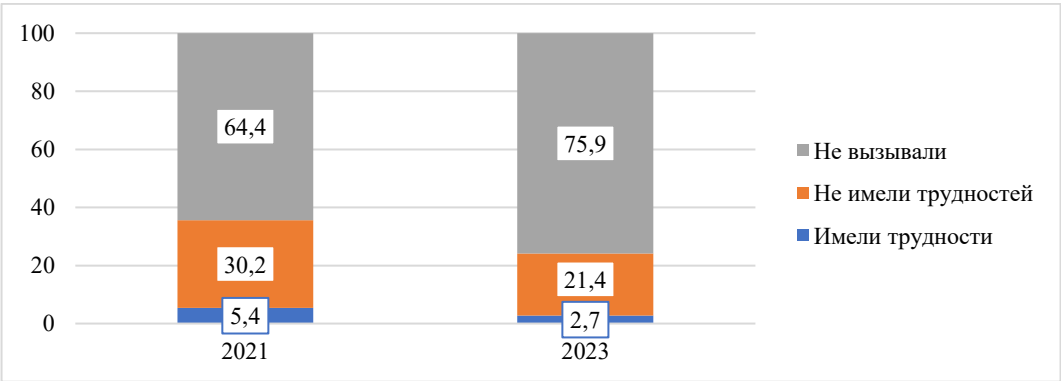

Рис. 4. Наличие трудностей с вызовом скорой помощи среди граждан старшего поколения в России (%)

Fig. 4. Difficulties in calling an ambulance among older citizens in Russia (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁸

Тем не менее, имеется достаточно существенный региональный разброс показателей. Более 5% пожилых респондентов в 2023 г. отметили наличие трудностей с вызовом скорой помощи в 11 российских регионах. Перечислим их: Мурманская область (8%), Республика Коми (7%), Смоленская область (6%), Курская область (6%), Архангельская область (5%), Забайкальский край (5%), Пермский край (5%), Владимирская область и Еврейская АО (по 5%), Республика Башкортостан и Костромская область (по 5,0%). Сравнение этих показателей с показателями опроса 2021 г. свидетельствует о существенном улучшении ситуации с оказанием скорой медицинской помощи в стране. Тогда, в 2021 г., на наличие трудностей с вызовом скорой помощи указали более 5% пожилых респондентов из 42 регионов России. А в четырех регионах более 10% представителей старшего поколения посетовали на трудности с вызовом скорой медицинской помощи. А именно: Астраханская область (17%), Республика Адыгея (12%), Костромская область (11%), Томская область (11%). Возможно, что подобные оценки связаны были с перегруженностью скорой помощи в период пандемии.

Обсуждение

В 2019 г. В. В. Попов и И. А. Новикова проанализировали факторы качества оказания амбулаторно-поликлинической помощи лицам пожилого возраста с позиции лечащего врача [10]. Качество оказания медицинской помощи данной категории россиян врачи в своей медицинской организации оценили следующим

⁸ КДУ-2021; КДУ-2023 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html; https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU-2023/index.html (дата обращения: 17.06.2025).

образом: 32,6% как хорошее и 57,5% как удовлетворительное. В то же время 10% считают, что в их медицинской организации качество оказания медицинской помощи неудовлетворительное. По мнению врачей-респондентов, 38,7% пожилых граждан полностью удовлетворены оказываемой им медицинской помощью и 48,7% – не совсем удовлетворены, 13,6% врачей сказали, что пожилые пациенты не удовлетворены и полностью не удовлетворены медицинской помощью. Респондентами был выделен целый ряд факторов, определяющих качество медицинской помощи для пациентов старших возрастных групп. Среди них – недостаточное время, отводимое на прием пациента, сложности с записью на прием, проблема самостоятельно добраться до поликлиники, дороговизна лекарственных препаратов и плохое обеспечение льготными лекарствами. Наименее значимыми с позиции врачей оказались такие аспекты, как недоступность диагностических и лабораторных исследований для пожилых пациентов и невнимание к ним медицинского персонала. Проведенный нами анализ равным образом выявил, что пациенты в целом удовлетворены полностью или частично деятельностью диагностических служб.

Примечательно, что оценки респондентов-врачей о доле пожилого населения, полностью удовлетворенного оказываемой им медицинской помощью (38,7%), очень близки к оценкам, высказанным респондентами – представителями старшего поколения в опросе Росстата – 36,3% в 2021 г. и 31,5% в 2023 г. Так же близки и доли удовлетворенных не в полной мере: согласно оценкам врачей-респондентов, таких было 48,7%, по данным Росстата – 43,1% в 2021 г. и 51,2% в 2023 г. Неудовлетворенных, по мнению врачей, было 13,6%, а по мнению пациентов (опрос Росстата), 10,9% и 8,9% в 2021 г. и в 2023 г., соответственно. Совпадение позиций сторон свидетельствует об объективности оценок, как со стороны врачебного сообщества, так и со стороны пациентов.

Согласно результатам исследования И. Б. Назаровой (2025) [11], не удовлетворены поликлинической помощью, прежде всего, люди с хроническими заболеваниями. При этом значимость пола и возраста сохраняется. Женщины и пациенты старше 50 лет чаще в сравнении с молодыми людьми бывают не удовлетворены медицинской помощью в поликлинике.

Анализ Ю-Джин Ча (2025) показал, что общение и совместное принятие решений пациентами и медицинскими работниками являются ключевыми факторами, значительно повышающими удовлетворенность. Удовлетворенность пациентов была самой высокой в стационарах и сравнительно более низкой в поликлиниках, что объяснялось более ограниченными возможностями поликлиник и различиями в качестве обслуживания. При сравнении результатов по отдельным возрастным группам пожилые пациенты (60+ лет) отмечали относительно более низкий уровень удовлетворенности, что подчеркивает необходимость разработки целенаправленных стратегий для этой группы населения. Итак, амбулаторное лечение, ориентированное на пациента, имеет жизненно важное значение как для повышения удовлетворенности, так и для улучшения результатов оказываемой медицинской помощи [12].

Что касается удовлетворенности работой диагностических служб, то отдельного комментария заслуживают указания респондентов на отсутствие таковых в поликлиниках. Скорее всего, это обусловлено отсутствием аппаратов

компьютерной и магнитно-резонансной томографии в поликлинике и необходимостью прохождения таких обследований по направлению в других медицинских организациях. Это подтверждается и исследованием Ф. С. Билалова с соавторами (2018), проведенным в Республике Башкортостан. Авторы, в частности, говорят о том, что диагностические отделения рентгеновской компьютерной томографии и магнитно-резонансной томографии в РБ представлены меньше, чем все остальные, что может быть причиной низкой доступности исследований [13].

Это же подтверждает и заключение И. Б. Назаровой (2025): разочарование пациентов часто обусловлено отсутствием необходимого диагностического оборудования [11].

По мнению В. Б. Салеева и Н. Н. Плотникова (2024), рост численности пожилого населения закономерно влечет за собой и рост частоты обращений за скорой медицинской помощью, поскольку с увеличением возраста растет одиночество, увеличивается заболеваемость и особенно болезненность. Авторы делают вывод о том, что с медико-биологической точки зрения обращаемость одиноких пожилых людей к скорой медицинской помощи можно считать объективным «индикатором» состояния здоровья, структуры населения и санитарной культуры общества. В нем сочетаются как биологические, так и социальные факторы [14]. В исследовании К. А. Галкина (2025) [15] показано, что пожилые сельские жители в меньшей степени доверяют местным врачам, предпочитая вызывать скорую помощь, как более надежный источник квалифицированной медицинской информации.

Исследование, проведенное в США, зафиксировало, что для пожилых пациентов особое значение приобретает качество общения с медицинскими работниками. На фоне растущего числа хронических заболеваний и проблем со здоровьем предоставление квалифицированной информации в доступной форме и поддержка со стороны врачей могут сыграть важную роль в обеспечении благополучия пациентов [16].

Заключение

Выполненное нами исследование показало, что около двух третей пожилых россиян обращаются в государственные поликлиники за медицинской помощью. В то же время треть респондентов старшего возраста заявила, что в поликлиники они не обращались за последние 12 месяцев, предшествовавших опросу. Этому может быть несколько причин – как удовлетворительное состояние здоровья, например, среди «молодых пенсионеров», медицинское обслуживание в рамках добровольного медицинского страхования, так и физическая невозможность добраться до поликлиники из-за немощности, инвалидности, плохой транспортной доступности. Существенно, что ситуация в острой фазе пандемии (2021 г.) и после ее окончания (2023 г.) практически не отличалась, что, возможно, связано с госпитализацией заболевших (что особенно было распространено на начальных этапах) или лечением на дому (на последующих этапах из-за перегрузки стационаров).

Согласно опросам Росстата (2021, 2023 гг.), более трети респондентов – представителей старшего поколения в полной мере удовлетворены амбулаторно-поликлинической помощью. При этом оценки респондентов-врачей [10] о доле пожилого населения, полностью удовлетворенного оказываемой им медицинской помощью

(38,7%), очень близки к оценкам, высказанным респондентами – представителями старшего поколения в опросе Росстата – 36,3% в 2021 г. и 31,5% в 2023 г. Совпадение позиций сторон свидетельствует об объективности оценок, как со стороны врачебного сообщества, так и со стороны пациентов.

Ситуация с обращаемостью и удовлетворенностью медицинской помощью существенно различается по регионам страны. В то же время низкая обращаемость может соседствовать с высокой удовлетворенностью практически всеми аспектами медицинской помощи (Чеченская Республика, отчасти Ингушетия и Кабардино-Балкария⁹), тогда как на фоне высокой обращаемости может фиксироваться как удовлетворенность (Ханты-Мансийский АО, г. Санкт-Петербург), так и неудовлетворенность медицинской помощью (Архангельская область, Ивановская область).

Влияние пандемии COVID-19 практически никак не сказалось на обращаемости в амбулаторно-поликлинические организации и региональное распределение различий. Более чутким маркером является оценка трудностей с вызовом скорой помощи. В 2021 г. на наличие таких трудностей акцент сделали более 5% пожилых респондентов из 42 регионов России. В 2023 г. более 5% указали на наличие трудностей с вызовом скорой помощи в 11 российских регионах. Также следует обратить внимание на то, что максимальные показатели неудовлетворенности работой диагностических служб в 2021 г. и 2023 г. отмечались в разных группах регионов, так, в 2023 г. это были Ставропольский край и Владимирская область, а в 2021 г. – Новгородская область, Тверская область и Республика Хакасия. Это, скорее всего, свидетельствует не о радикальном изменении качества работы диагностических служб в отмеченных регионах в течение двух лет, а о готовности адекватно среагировать на резко возросшие нагрузки в условиях пандемии.

Для повышения удовлетворенности лиц старшего поколения поликлинической помощью и, как следствие, содействия их активному долголетию необходимо внедрение проактивной работы первичного звена здравоохранения в проведении плановых профилактических осмотров, своевременной диагностики и лечения. Для маломобильных пациентов, а также пожилых граждан, проживающих в удаленных районах и сельской местности необходимо развитие мобильных служб. Повышение доступности услуг реабилитации также требует проактивного подхода со стороны здравоохранения и социальной защиты. Все это будет способствовать активному долголетию граждан старшего поколения, их участию в общественной жизни.

Список литературы

1. Белехова, Г. В. Проблемы обеспечения благополучия старшего поколения в контексте региональной социальной политики / Г. В. Белехова, Ю. Е. Шматова, Л. Н. Нацун, Т. С. Соловьева // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 3. С. 180–192. DOI [10.24412/1561-7785-2024-3-180-192](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-3-180-192). EDN [CLVVPV](https://clvvpv.edn.ru).
2. Айзинова, И. М. Социально-экономические проблемы старшего поколения: качество жизни населения старших возрастов // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4 (163). С. 121–131. EDN [YXXIPN](https://yxxipn.edn.ru).
3. Васильев, В. В. Альтернативные виды оказания амбулаторно-поликлинической помощи на современном этапе // Научно-практический подход. 2025. № S2. С. 255–258. EDN [PTSRYD](https://ptsryd.edn.ru).

⁹ Следует учесть небольшое количество респондентов в данных регионах, что могло повлиять на результаты.

4. Ахминеева, А. Х. Формирование отношения к здоровому образу жизни: опыт России и Китая / А. Х. Ахминеева, М. В. Ожогин // Современные здоровьесберегающие технологии. 2022. № 2. С. 7–21. EDN [SGCZVJ](#).
5. Howse, K. Healthy Ageing: The Role of Health Care Services // Perspectives in Public Health. 2012. No. 132 (4). Pp. 171–177. DOI [10.1177/1757913912444805](#).
6. Poscia, A. Healthy Ageing – Happy Ageing: Health Promotion for Older People in Italy / A. Poscia, R. Falvo, D. La Milia, [et al.] // Zdrowie Publiczne i Zarządzanie. 2017. Vol. 15, No. 1. Pp. 34–48. DOI [10.4467/20842627OZ.17.005.6231](#).
7. Масленникова, Г. Я. Профилактика неинфекционных заболеваний как возможность увеличения ожидаемой продолжительности жизни и здорового долголетия / Г. Я. Масленникова, Р. Г. Оганов // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2019. Т. 18, № 2. С. 5–12. DOI [10.15829/1728-8800-2019-2-5-12](#). EDN [KPEEHV](#)
8. Zawisza, K. Factors Associated with Patient Satisfaction with Health Care among Polish Older People: Results from the Polish Part of the COURAGE in Europe / K. Zawisza, A. Galas, B. Tobiasz-Adamczyk // Public Health. 2020. Vol. 179. Pp. 169–177. DOI [10.1016/j.puhe.2019.10.012](#).
9. Калашиников, К. Н. Доступность и качество медицинской помощи для пожилого населения как особой социально-демографической группы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18, № 2. С. 180–193. DOI [10.15838/esc.2025.2.98.10](#). EDN [PFYFUD](#).
10. Попов, В. В. Современные особенности качества оказания амбулаторно-поликлинической помощи лицам пожилого возраста / В. В. Попов, И. А. Новикова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27, № 6. С. 983–987. DOI [10.32687/0869-866X-2019-27-6-983-987](#). EDN [TKERZJ](#).
11. Назарова, И. Б. Удовлетворенность пациентов качеством медицинской помощи в столичных поликлиниках // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 2. С. 96–104. DOI [10.24412/1561-7785-2025-2-96-104](#). EDN [OQTEKF](#).
12. Cha, Y-J. Key Factors Influencing Outpatient Satisfaction in Chronic Disease Care: Insights from the 2023 Korea HSES // Healthcare. 2025. Vol. 13, No. 6. P. 655. DOI [10.3390/healthcare13060655](#).
13. Билалов, Ф. С. Доступность медицинской диагностической помощи на примере медицинских организаций Республики Башкортостан / Ф. С. Билалов, Г. П. Сквирская, Н. Х. Шарафутдинова // Менеджер здравоохранения. 2018. № 1. С. 42–51. EDN [YUIWYN](#).
14. Салеев, В. Б. Основные причины обращаемости пожилого населения к скорой медицинской помощи / В. Б. Салеев, Н. Н. Плотников // Вопросы клинической и фундаментальной медицины. 2024. Т. 1, № 3 (3). С. 9–12. DOI [10.30914/M17](#). EDN [JRHXIG](#).
15. Галкин, К. А. Представления о справедливости в контексте институционального и межличностного доверия к медицине у пожилых людей // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 1. С. 59–70. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.5](#). EDN [TPGVQL](#).
16. Kahana, B. Whose Advocacy Counts in Shaping Elderly Patients' Satisfaction with Physicians' Care and Communication? / B. Kahana, J. Yu, E. Kahana, K. B. Langendoerfer // Clinical Interventions in Aging. 2018. Vol. 13. Pp. 1161–1168. DOI [10.2147/CIA.S165086](#).

Сведения об авторе

Землянова Елена Валерьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zem_lena@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6231-1611](#); РИНЦ SPIN-код: [3444-9754](#); Web of Science Researcher ID: [AAA-4170-2021](#).

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; принята в печать 11.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SATISFACTION OF OLDER RUSSIANS WITH PRIMARY HEALTHCARE

Elena V. Zemlyanova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zem_lena@mail.ru

For citation: Zemlyanova, E. V. Satisfaction of Older Russians with Primary Healthcare. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 61–74. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.4). (In Russ.)

Abstract. Projects aimed at improving the health and quality of life for older citizens are being implemented in Russia. This requires the development of assistance types focused on medical services for elderly people. Primary healthcare plays an important role here. The aim of the study is to evaluate the satisfaction of Russian elderly people with outpatient care. Statistical data from the sample survey on the quality and availability of services in education, healthcare, social services, and employment promotion conducted by Rosstat in 2021 and 2023 were used as a basis for the study. The results are presented in summary tables for individuals over working age. About two thirds of elderly Russians visit public clinics for medical care. In 2021 and 2023, 36.3% and 31.5% of elderly people were completely satisfied with outpatient care, respectively. Some older Russians have difficulty calling an ambulance. Emergency medical assistance for the elderly serves not only as a medical service, but also as an important social service. However, there are significant differences in accessibility and satisfaction levels of medical care across Russian regions. To successfully implement the federal project "Older generation", it is necessary to conduct more extensive sociological studies on the problems faced by this population group to promptly identify and address them.

Keywords: older adults, primary care, satisfaction, service utilization, diagnostic services, ambulance

References

1. Belekova, G. V., Shmatova, Yu. E., Nacun, L. N., Solov'eva, T. S. Well-Being of the Older Generation in the Context of Regional Social Policy. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 3. Pp. 180–192. DOI [10.24412/1561-7785-2024-3-180-192](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-3-180-192). (In Russ.).
2. Aizinova, I. M. Social and Economic Problems of the Older Generation: Quality of Life of the Older Population. *Studies on Russian Economic Development*. 2017. Vol. 28, No. 4. Pp. 450–457. DOI [10.1134/S1075700717040037](https://doi.org/10.1134/S1075700717040037).
3. Vasil'ev, V. V. Al'ternativnye vidy okazaniya ambulatorno-poliklinicheskoy pomoshchi na sovremennom etape (Alternative types of outpatient care at the present stage). *Nauchno-prakticheskiy podhod [Scientific and practical approach]*. 2025. No. S2. Pp. 255–258. (In Russ.).
4. Ahmineeva, A. H., Ozhogin, M. V. Forming an Attitude Towards a Healthy Lifestyle: The Experience of Russia and China. *Sovremennyye zdorov'yesberegayushchiye tekhnologii [Modern health-saving technologies]*. 2022. No. 2. Pp. 7–21. (In Russ.).
5. Howse, K. Healthy Ageing: The Role of Health Care Services. *Perspectives in Public Health*. 2012. No. 132 (4). Pp. 171–177. DOI [10.1177/1757913912444805](https://doi.org/10.1177/1757913912444805).
6. Poscia, A. Falvo, R., La Milia, D. [et al.] Healthy Ageing – Happy Ageing: Health Promotion for Older People in Italy. *Zdrowie Publiczne i Zarządzanie*. 2017. Vol. 15, No. 1. Pp. 34–48. DOI [10.4467/20842627OZ.17.005.6231](https://doi.org/10.4467/20842627OZ.17.005.6231).
7. Maslennikova, G. Ya., Oganov, R. G. Prevention of Noncommunicable Diseases as an Opportunity to Increase Life Expectancy and Healthy Longevity. *Cardiovascular Therapy and Prevention*. 2019. Vol. 18, No. 2. Pp. 5–12. DOI [10.15829/1728-8800-2019-2-5-12](https://doi.org/10.15829/1728-8800-2019-2-5-12). (In Russ.).
8. Zawisza, K., Galas, A., Tobiasz-Adamczyk, B. Factors Associated with Patient Satisfaction with Health Care among Polish Older People: Results from the Polish Part of the COURAGE in Europe. *Public Health*. 2020. Vol. 179. Pp. 169–177. DOI [10.1016/j.puhe.2019.10.012](https://doi.org/10.1016/j.puhe.2019.10.012).
9. Kalashnikov, K. N. Healthcare Access and Quality for Older Adults as a Special Socio-Demographic Group. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025. Vol. 18, No. 2. Pp. 180–193. DOI [10.15838/esc.2025.2.98.10](https://doi.org/10.15838/esc.2025.2.98.10). (In Russ.).

10. Popov, V. V., Novikova, I. A. The Modern Characteristics of Quality of Ambulatory Polyclinic Medical Care of Patients of Elderly Age. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2019. T. 27, N 6. S. 983–987. DOI [10.32687/0869-866X-2019-27-6-983-987](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-6-983-987). (In Russ.).
11. Nazarova, I. B. Patients' Satisfaction with the Quality of Medical Care in the Capital's Polyclinics. *Population*. 2025. Vol. 28, No. 2. Pp. 96–104. DOI [10.24412/1561-7785-2025-2-96-104](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-2-96-104). (In Russ.).
12. Cha, Y-J. Key Factors Influencing Outpatient Satisfaction in Chronic Disease Care: Insights from the 2023 Korea HSES. *Healthcare*. 2025. Vol. 13, No. 6. P. 655. DOI [10.3390/healthcare13060655](https://doi.org/10.3390/healthcare13060655).
13. Bilalov, F. S., Skvirskaya, G. P., Sharafutdinova, N. H. Availability of the Medical Diagnostic Care and Continuity in its Organization at Various Stages of Exercise of Medical and Diagnostic Process. *Manager Zdravoochranenia*. 2018. No. 1. Pp. 42–51. (In Russ.).
14. Saleev, V. B., Plotnikov, N. N. Main Reasons of Calls for an Emergency Ambulance Made by the Elderly Patients. *Issues of Clinical and Fundamental Medicine*. 2024. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 9–12. DOI [10.30914/M17](https://doi.org/10.30914/M17). (In Russ.).
15. Galkin, K. A. Individual Perceptions of Equity in the Context of Institutional and Interpersonal Trust in Medicine by the Older. *Science. Culture. Society*. 2025. Vol. 31, No. 1. Pp. 59–70. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.5). (In Russ.).
16. Kahana, B., Yu, J., Kahana, E., Langendoerfer, K. B. Whose Advocacy Counts in Shaping Elderly Patients' Satisfaction with Physicians' Care and Communication? *Clinical Interventions in Aging*. 2018. Vol. 13. Pp. 1161–1168. DOI [10.2147/CIA.S165086](https://doi.org/10.2147/CIA.S165086).

Bio note

Elena V. Zemlyanova, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zem_lena@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6231-1611](https://orcid.org/0000-0001-6231-1611); RSCI SPIN-code: [3444-9754](https://www.scirp.com/spin-code/3444-9754); Web of Science Researcher ID: [AAA-4170-2021](https://orcid.org/AAA-4170-2021).

Received on 10.06.2025; accepted for publication on 11.08.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.5)EDN [KJMIJZ](https://www.edn.ru/KJMIJZ)

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ: НАУЧНЫЙ ВКЛАД Г. И. ОСАДЧЕЙ

Киреев Е. Ю.*Независимый исследователь, Москва, Россия**E-mail: yegorkireev@gmail.com***Юдина Т. Н.***Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: ioudinatn@mail.ru*

Для цитирования: Киреев, Е. Ю. Социальное измерение интеграционных процессов в Евразии: научный вклад Г. И. Осадчей / Е. Ю. Киреев, Т. Н. Юдина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 75–89. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.5). EDN [KJMIJZ](https://www.edn.ru/KJMIJZ).

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмысления научного вклада доктора социологических наук, профессора Г. И. Осадчей в изучение Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Предметом исследования выступает социологическая концептуализация евразийской интеграции, разработанная Г. И. Осадчей. Тема охватывает ключевые направления ее работы: общественное восприятие ЕАЭС, миграционные процессы, социальную память молодежи и ценностные основы консолидации. Цель статьи – на основе, выстроенной авторами хронологии научной работы Г. И. Осадчей, сфокусированной на социально-политических и демографических аспектах евразийской интеграции, начиная с 2012 г., систематизировать вклад ученого в социологическое осмысление ЕАЭС, оценить его значение для понимания социальных аспектов интеграции. Гипотеза исследования заключается в том, что работы Г. И. Осадчей заложили основы для междисциплинарного анализа ЕАЭС, сместив фокус с экономических показателей на социальные факторы успешности интеграции. Методология исследования основывается на анализе научных публикаций Осадчей и коллективов под ее руководством (2012–2024 гг.). Результаты проделанной работы показали, что Г. И. Осадчая разработала: социологическую модель измерения социальной результативности ЕАЭС через систему показателей; концепцию «человеческого измерения» интеграции, доказав, что экономические реформы требуют учета адаптации населения; классификации ключевых вызовов (причины: дисбаланс в восприятии ЕАЭС молодежью, гендерные аспекты миграции, противоречия исторической памяти). Научный вклад Г. И. Осадчей, кроме того, включает институционализацию научного направления изучения интеграционных процессов в формате ЕАЭС с помощью Научного совета при ООН РАН и международных проектов. Авторы особо отмечают исследовательские принципы Г. И. Осадчей, опирающиеся на социологическое измерение интеграционных процессов и ориентацию на эмпирические исследования с использованием опросных методов, а также важность применения научных результатов для разработки социальной политики ЕАЭС, оптимизации миграционного регулирования, образовательных программ по евразийской интеграции.

Ключевые слова: социальное измерение, интеграционные процессы, ЕАЭС, Евразия, Г. И. Осадчая

Введение

Сегодня Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой значимое региональное интеграционное объединение на постсоветском пространстве, начавшее активную фазу своего становления в начале 2010-х гг. Важными вехами этого процесса стали создание Единого экономического пространства (ЕЭП) 1 января 2012 г., обеспечившего свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей

силы¹; принятие в марте 2012 г. решения о подготовке всеобъемлющего договора о формировании ЕАЭС к 1 января 2015 г. и начало полноценной работы Евразийской экономической комиссии² (ЕЭК). В последующие годы велась энергичная работа над договором и присоединением к Союзу новых участников, таких как Армения и Кыргызстан. С момента фактического функционирования ЕАЭС с 1 января 2015 г. интеграционные процессы продолжают динамично развиваться, затрагивая не только экономическую, но и социальную, и гуманитарную сферы³.

Видный российский социолог, доктор социологических наук, профессор Галина Ивановна Осадчая посвятила последние годы жизни и значительную часть своей научной деятельности социальному измерению евразийской интеграции, внесла весомый вклад в социологическое измерение процессов евразийской интеграции и становления Евразийского экономического союза. Ее исследовательский путь тесно связан с изучением социальных процессов в России и на постсоветском пространстве, развитием социологической науки в целом.

Несмотря на то, что исследования интеграционных процессов в ЕАЭС традиционно фокусируются на экономических показателях, для Г. И. Осадчей изначально было очевидно, что успешность интеграционных процессов в немалой степени определяется социальными результатами и уровнем поддержки со стороны населения стран-участниц. Г. И. Осадчая была убеждена в том, что экономические задачи не могут быть эффективно решены без учета социальных факторов, а социальные эффекты интеграции не возникают автоматически под действием рыночных механизмов, так как в основе всех социальных процессов, включая интеграцию, стоит человек. Таким образом, придание человеческого, гуманистического измерения интеграционным процессам и их социологическое осмысление являются необходимыми.

Исследовательский интерес известного ученого к обозначенной тематике проявился на ранних этапах становления Союза, послуживших отправной точкой для ее системных исследований. Уже в 2012 г. под руководством Г. И. Осадчей было осуществлено исследование «Социокультурный потенциал и проблемы интеграции стран Евразийского экономического союза», целью которого являлся анализ степени поддержки идеи формирования ЕАЭС, а также изучение представлений жителей Москвы о проблемах и оптимальной модели функционирования данного интеграционного объединения. А в 2013 г. было проведено исследование «Управление социальными рисками России в процессе евразийской интеграции», посвященное анализу социально-экономических вызовов, возникающих в контексте создания Евразийского экономического союза.

Опираясь на собственные ключевые исследовательские принципы, включающие необходимость социологического осмысления, приоритетность

¹ Что такое Единое экономическое пространство // Евразийская организация экономического сотрудничества : [сайт]. URL: <https://eurasianeconomic.org/special/5643/document5646.phtml> (дата обращения: 22.05.2025).

² Общая информация о ЕЭК // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/about/> (дата обращения: 22.05.2025).

³ Договор о Евразийском экономическом союзе // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/> (дата обращения: 22.05.2025).

эмпирических исследований, приверженность позитивизму и убеждение в центральной роли человека в социальных процессах, Г. И. Осадчая разработала теорию и методологию социологического анализа интеграционных процессов в ЕАЭС. Она обосновывала необходимость формирования не только единого экономического, но и единого социально-гуманитарного пространства и мер по расширению социальной базы интеграции. Ее научный вклад включает разработку социологической модели измерения социальной результативности Союза на основе системы показателей и проведение многочисленных эмпирических исследований, охватывающих такие аспекты, как социальная адаптация и миграционные настроения трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, социальная память молодежи государств-участников интеграции, общественная поддержка интеграции и ценностные основы консолидации населения. Деятельность ученого способствовала институционализации этого направления исследований, в частности, через создание Научного совета при ООН РАН, занимающегося социально-политическими и демографическими проблемами формирования ЕАЭС.

Настоящая статья ставит целью рассмотреть и проанализировать ключевые направления, методологические подходы и основные результаты исследований Г. И. Осадчей и ее коллектива, посвященные социальному измерению интеграционных процессов в Союзе, оценить их вклад в понимание сложностей и перспектив евразийской интеграции с социологической точки зрения.

Обзор литературы

Прежде всего, стоит упомянуть о том, что Г. И. Осадчая придавала особое значение подготовке книг и монографий, что дополнительно подчеркивает исследовательское мировоззрение и подход ученого к научной работе, позволяющие систематизировать целый комплекс социологических исследований и помещать их в контекст определенной перспективы в рамках отдельного завершенного научного труда. Так, например, одна из первых коллективных работ была посвящена теоретико-методологическим и практическим аспектам евразийской интеграции с социально-политической точки зрения [1]. В следующей коллективной работе, опираясь на широкую эмпирическую и статистическую базу, ее авторы предприняли анализ реализации социально-экономического потенциала интеграции Евразийского экономического союза на этапе его формирования [2].

Свою первую авторскую монографию в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС Г. И. Осадчая посвятила вопросам зарождения и развития евразийской идеи, становления Евразийского экономического союза. В ней дана характеристика тенденций, проблем, противоречий интеграционных процессов, обоснованы предложения по повышению результативности строительства нового интеграционного объединения на постсоветском пространстве [3]. В другой работе Г. И. Осадчей были даны оценки сложившейся интеграционной модели Евразийского экономического союза, характеристики демографического и человеческого потенциала, феминизации миграционных процессов на евразийском пространстве, межнациональных отношений и согласия, содержания и формирования социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции, адаптационного потенциала и уровней адаптации молодых мигрантов из

Кыргызстана, анализ изменений повседневной жизни молодых граждан постсоветских государств в Москве в условиях пандемии [4].

В качестве примера международного научного сотрудничества в формате Евразийского экономического союза можно отметить коллективную монографию, в которой был представлен теоретический анализ результатов социологических исследований, проведенных под руководством Г. И. Осадчей в России по совместному научному российско-армянскому проекту. Исследования были сосредоточены на прикладном социологическом изучении социально-экономического потенциала армянской диаспоры России и наличии у нее репатриационного потенциала на обозримое будущее [5]. Еще одним примером сотрудничества Г. И. Осадчей с учеными из ЕАЭС стала монография, посвященная анализу процессов миграции из России в Кыргызстан в современных условиях. В работе был обоснован авторский подход к изучению миграции из России в Кыргызстан, проанализированы демографическая ситуация и демографическая политика Кыргызстана. Дана оценка масштабов и причин возвратной миграции граждан Кыргызстана и эмиграции россиян в Кыргызскую Республику, выявлены профиль возвратных мигрантов и эмигрантов, социально-экономические проблемы реинтеграции и социально-экономический потенциал возвратных мигрантов. Показаны представления опрошенных о собственных жизненных возможностях, жизненных стратегиях, шансах на успех. Раскрыта деятельность и потенциал некоммерческих неправительственных организаций по оказанию помощи возвратным мигрантам в Кыргызстан [6].

Результатом реализации исследовательского проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), стала коллективная монография, раскрывающая вопросы мемориального наследия, социальной и исторической памяти молодежи государств-участников Евразийского экономического союза [7].

В итоговой работе, подготовленной под руководством Г. И. Осадчей, был дан анализ результатов интеграции для государств-членов, демографической ситуации, демографической и миграционной политик в ЕАЭС и государствах-членах в контексте демографической безопасности Союза, институционально-правовых основ концепции демографической безопасности ЕАЭС [8].

Методология и методы исследования

Методологические подходы Г. И. Осадчей основывались на широко понимаемом позитивизме структурно-функциональной направленности, приоритете эмпирических, преимущественно количественных исследований. Ключевым принципом ее исследований была необходимость социологического осмысления интеграционных процессов и придание им «социального измерения» или «человеческого измерения». Ученый подчеркивала, что в центре всех социальных процессов находится человек, и успех евразийской интеграции в значительной степени определяется социальными результатами ЕАЭС и уровнем поддержки населением интеграционных процессов. Она отдавала предпочтение опросным методам, таким как анкетирование и интервью, и указывала на необходимость «почувствовать поле», то есть провести предварительное взаимодействие с исследуемой средой перед началом полевых работ. Такой подход позволил разработать и применить

детальную методологию социологического анализа управления социальными рисками интеграции, а также многоаспектного мониторинга процессов евразийской интеграции. Важным результатом стало создание социологической модели изменения социальной результативности ЕАЭС, основанной на системе ресурсных, процессуальных, результативных и интегральных показателей, что обеспечивает информационную базу для принятия управленческих решений.

Этапы исследования ЕАЭС

Исследования, проводимые под руководством Г. И. Осадчей ее коллективом, охватывали широкий спектр социальных аспектов евразийской интеграции на протяжении всего периода становления и развития Евразийского экономического союза. Как представляется, исследовательскую деятельность Г. И. Осадчей по отношению к Союзу можно условно разделить на три этапа: ранний, непосредственно связанный с замыслом и созданием интеграционного объединения; основной, обусловленный развитием ЕАЭС и его социально-демографическим потенциалом; поздний, связанный с итогами десятилетия интеграционных процессов. В представленном ниже анализе дана детализированная характеристика каждого из выделенных этапов.

Первый этап (2012–2013 гг.)⁴ (Российский государственный социальный университет)

Ранние отправные исследования Г. И. Осадчей в основном были посвящены изучению общественного мнения в России о формирующемся Союзе [9]. Так, в 2012 г. было проведено исследование «Социокультурный потенциал и проблемы интеграции стран Евразийского экономического союза», направленное на изучение одобрения москвичами идеи создания ЕАЭС, оценку наиболее острых проблем Союза и представлений о его идеальном устройстве. В 2013 г. исследование «Управление социальными рисками России в процессе евразийской интеграции» ставило задачи разработки методологии анализа рисков, оценки их влияния на социальную сплоченность населения России, выявления особенностей социальной политики в регионах ЕАЭС, изучения миграционного законодательства и разработки мер по управлению рисками интеграции.

⁴ *Краткая справка (дайджест ЕАЭС):*

1 января 2012 г. создано Единое экономическое пространство (ЕЭП), обеспечивающее свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами-участницами. Это стало следующим этапом интеграции после создания Таможенного союза.

9 марта 2012 г. на заседании Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) принято решение о подготовке всеобъемлющего договора о формировании ЕАЭС к 1 января 2015 г.

В течение года начала полноценно функционировать Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) как наднациональный регулирующий орган для координации интеграционных процессов.

В декабре 2013 г. главы государств России, Беларуси и Казахстана утвердили проект договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), подписание которого планировалось на май 2014 г. Это стало важным этапом подготовки к «запуску» Союза.

Второй этап (2014–2022 гг.)⁵ (Институт социально-политических исследований РАН, Институт демографических исследований РАН)

На данном этапе Г. И. Осадчая пыталась дать научное обоснование изначально очевидной для нее необходимости социально-гуманитарного сотрудничества в формате ЕАЭС и важности разработки его социальной модели [10; 11]. Одним из центральных направлений исследований также стала миграция в контексте ЕАЭС и единый рынок труда. Исследования «Образ жизни мигрантов из государств-членов ЕАЭС в Москве» (2015) и «Межэтнические отношения граждан государств-членов Евразийского экономического союза» (2018) позволили изучить особенности адаптации трудовых мигрантов из стран Союза в Москве [12; 13; 14]. Было установлено, что Московская агломерация остается основным направлением для трудовых мигрантов. При этом адаптация мигрантов на московском рынке труда имеет ключевое значение. Среди основных проблем адаптации выделялись трудности с поиском жилья и получением работы, неудовлетворительные условия для переквалификации и профессионального роста, сложности с доступом к образовательным и медицинским услугам, низкое институциональное доверие и дискриминация. Исследования выявили, что мигранты из Кыргызстана являются наиболее проблемной группой с точки зрения адаптации, тогда как мигранты из Армении и Республики Беларусь адаптированы лучше. Было отмечено, что мигранты из стран ЕАЭС преимущественно демонстрируют горизонтальную профессионально-отраслевую мобильность, работают в тех же сферах, что и дома, и в целом оценивают свою материальную обеспеченность как хорошую или удовлетворительную.

Здесь стоит отметить, что более поздние исследования углубили понимание миграционных процессов, сфокусировавшись на гендерном измерении миграционных настроений и установок трудовых мигрантов из Кыргызстана в Москве (2023) [15] и опыте возвратной миграции из России в Кыргызстан (2023) [16], социальном самочувствии мигрантов из государств Центральной Азии в Московском регионе (2024) [17].

Еще одним важным направлением стало изучение социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции [18]. Исследования в этой области, включая проекты 2019–2022 гг., охватили молодых граждан (поколение Y/

⁵ Краткая справка (дайджест ЕАЭС):

Вступление в силу Таможенного кодекса ЕАЭС. С 1 января 2018 г. начал действовать новый Таможенный кодекс, что позволило упростить таможенные процедуры и повысить эффективность взаимодействия между странами-членами.

В рамках Союза продолжилась работа по гармонизации законодательства, совершенствованию стандартов и созданию единого рынка услуг.

В рамках борьбы с пандемией новой коронавирусной инфекции страны ЕАЭС согласовали совместные санитарно-противоэпидемические мероприятия.

Кыргызстан активно участвовал в интеграционных процессах, включая обсуждение пенсионного обеспечения и других социальных вопросов. Это свидетельствует о его стремлении укрепить позиции внутри Союза.

Узбекистан и Куба получили статус наблюдателей при ЕАЭС.

Союз укреплял связи с другими международными организациями и странами: ШОС, АСЕАН, Китаем (инициатива «Один пояс, один путь»), БРИКС и Африканским союзом. Это стало частью реализации концепции Большого Евразийского партнерства.

миллениалы) постсоветских государств [19]. Социальная память данного поколения рассматривалась как постпамять, сформированная на основе рассказов близких и визуальных представлений. Исследователи вскрыли непоследовательность и противоречивость исторической памяти. С одной стороны, образ прошлого, включая советское измерение, часто описывался респондентами в позитивной коннотации и связывался с чертами, достойными возрождения. С другой стороны, уровень поддержки ими новых форм интеграции не соответствовал таким положительным оценкам прошлого. Этот эффект объяснялся параллельным существованием и противоречивостью семейной и официальной трактовки истории. Была подчеркнута важность реконструкции исторической памяти для создания условий социального взаимодействия и поддержания общественного единства, необходимого для успеха интеграционных процессов.

Исследование социально-экономического потенциала армянской диаспоры в России (2021–2022) продемонстрировало роль диаспоральных организаций в интеграции мигрантов и активную включенность армян в российскую среду, причем интеграция рассматривалась как континуум, не предполагающий полной ассимиляции [19; 20; 21].

Третий этап (2023–2024 гг.)⁶ (Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН)

Отталкиваясь от исследований социальной памяти, на данном этапе ценностный компонент консолидации населения государств-членов ЕАЭС приобрел для Г. И. Осадчей исключительное значение. Новейшие исследования включают сравнительный анализ ценностного ядра консолидации жителей Москвы и Бишкека (2024) [22]. Этот опрос показал, что большинство респондентов в обеих столицах одобряет деятельность Евразийского экономического союза и поддерживает экономическую и социогуманитарную интеграцию). Было установлено, что базовые ценности интеграции – повышение благосостояния, обеспечение прав и свобод, безопасность, занятость и свободное перемещение – соответствуют целям Союза. Однако были выявлены и различия: бишкекцы чаще связывали основу интеграции с необходимостью обеспечения безопасности, а москвичи – с общей исторической судьбой. Различия проявились и в восприятии причин, препятствующих развитию ЕАЭС: москвичи чаще называли низкую информированность граждан, а бишкекцы – противодействие национальных элит.

Итак, как надеются авторы настоящей статьи, им удалось показать, что все три условных этапа исследовательской деятельности Г. И. Осадчей тесно связаны с логикой развития ЕАЭС – от первоначального энтузиазма до четкого понимания проблем и барьеров его формирования и развития. Обобщение многолетних исследований видного российского социолога Г. И. Осадчей нашло отражение в научном докладе «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе:

⁶ Краткая справка (дайджест ЕАЭС):

Подписано Соглашение о единой системе таможенного транзита ЕАЭС и третьих стран, направленное на повышение безопасности трансграничных поставок и снижение издержек бизнеса.

Несмотря на позитивную динамику, остаются нерешенные задачи: гармонизации законодательства о финансовых рынках, создании общего рынка энергоресурсов и внедрения электронных цифровых подписей.

социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС» (2024–2025), в котором Галина Ивановна является одним из соавторов и редактором [23].

Вклад в институционализацию исследований интеграционных процессов в Евразии

Важным вкладом Г. И. Осадчей в развитие социологических исследований ЕАЭС стало содействие институционализации данного научного направления. Под ее председательством функционировал Научный совет «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН. Цели совета включают повышение эффективности социально-экономических и социально-гуманитарных процессов в ЕАЭС путем качественного информационно-аналитического обеспечения, поиск общей идеологии интеграции, разработка аналитических технологий, консолидация аналитического потенциала и привлечение молодых аналитиков. В задачи совета входит изучение современного состояния и перспектив интеграции, подготовка предложений для органов власти, исследование проблем миграции, этнокультурного многообразия, социального потенциала и сохранения общей исторической памяти.

Кроме того, деятельность Г. И. Осадчей и ее коллег способствовала проведению регулярных научных мероприятий, таких как ежегодные международные аналитические конгрессы и конференции, летние школы «Евразийские общества в фокусе молодых социологов» [24; 25; 26], что стимулирует развитие этого научного направления и вовлекает в него молодых исследователей. К слову, Международные летние школы с этого года в память о Г. И. Осадчей носят ее имя.

Исходя из вышесказанного, сделаем акцент на том, что научная работа Г. И. Осадчей и возглавлявшегося ею долгие годы коллектива, основанная на последовательных методологических принципах и эмпирических исследованиях, заложила прочный фундамент для понимания социального измерения евразийской интеграции, выявила ключевые проблемы и вызовы, стоящие перед Союзом в социально-гуманитарной сфере, и способствовала институционализации этого важного направления российской социологической науки.

Практические рекомендации по итогам исследований

Результаты многолетних исследований, проведенных под руководством Г. И. Осадчей, обладают значимым прикладным потенциалом для формирования и корректировки социальной политики Евразийского экономического союза. На их основе могут быть сформулированы следующие рекомендации.

1. *В области исторической памяти и ценностных оснований консолидации.* Выявленная противоречивость исторической памяти молодежи (поколения Y/миллениалов) государств-членов ЕАЭС, сочетающей позитивные оценки общего прошлого с недостаточной поддержкой текущих интеграционных инициатив [18; 19], а также различия в ценностных приоритетах (например, акцент на безопасности в Кыргызстане против акцента на общей исторической судьбе в России [22]) диктуют необходимость:

– разработки и реализации совместных образовательных и культурно-просветительских программ для молодежи, ориентированных на конструктивный диалог об общем историческом наследии и формирование позитивной объединяющей повестки будущего ЕАЭС. Ключевым принципом должен стать диалог, а не навязывание единой трактовки;

– учета выявленных национально-специфических ценностных акцентов при разработке информационной политики и гуманитарных проектов ЕАЭС, реализуемых на территории разных государств-членов. Это повысит их релевантность и восприятие целевыми аудиториями;

– активизации поддержки академических обменов и инициации совместных исследовательских проектов в сфере истории и социологии, направленных на углубление взаимопонимания и выработку научно обоснованных подходов к работе с социальной памятью в интеграционном контексте.

2. *В области общественной поддержки интеграции.* Обнаруженная тенденция к снижению уровня поддержки интеграционных процессов населением, наряду с проблемой низкой информированности граждан о возможностях и преимуществах ЕАЭС (особенно отмеченной в Москве [22]), требует:

– запуска масштабной, адресной и доступной информационной кампании, разъясняющей на понятном языке реальные права, возможности и преимущества, предоставляемые гражданам государств-членов в рамках ЕАЭС (свободное перемещение, трудовая деятельность, доступ к услугам). Кампания должна использовать широкий спектр каналов коммуникации, адаптированных к разным целевым группам;

– развития эффективных механизмов обратной связи с институтами гражданского общества и широкой общественностью стран-членов по вопросам интеграционной повестки и восприятия результатов работы ЕАЭС;

– регулярного проведения мониторинга общественного мнения по методологии, апробированной Г. И. Осадчей [9; 22], с использованием разработанных ею показателей социальной результативности. Данные мониторинга должны служить ключевым показателем эффективности (KPI) интеграционной политики и основой для ее своевременной корректировки.

3. *В области научного обеспечения политики.* Для обеспечения преемственности научно обоснованного подхода к социальному измерению интеграции необходимо расширить институциональную и ресурсную поддержку деятельности структур, подобных Научному совету «Социально-политические и демографические проблемы формирования ЕАЭС» при ОНН РАН, созданному при непосредственном участии Г. И. Осадчей. Это позволит сохранить и развивать созданный ею методологический аппарат и информационно-аналитическую базу для выработки эффективных решений в социальной сфере ЕАЭС.

Заключение

Проведенный анализ научного наследия Г. И. Осадчей позволяет сделать ряд принципиально важных выводов о природе и перспективах евразийской интеграции. Центральным достижением исследовательской программы ученого стало

последовательное обоснование тезиса о невозможности успешного развития Евразийского экономического союза без комплексного учета социального измерения интеграционных процессов. Как показали многолетние исследования, экономические механизмы интеграции, будучи необходимым условием объединения, оказываются недостаточными без параллельного формирования социальной базы поддержки среди населения стран-участниц. В результате усилий Г. И. Осадчей становится очевидной решающая роль социального измерения в процессах евразийской интеграции. Успех Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не может быть достигнут исключительно за счет экономических механизмов. Он напрямую зависит от социальных результатов и уровня поддержки населением стран-участниц. Центральным принципом исследований в этой области, в том числе проводившихся под непосредственным руководством и личным участием Г. И. Осадчей, является акцент на человеке как основе всех социальных процессов.

Особую ценность представляют разработанные и апробированные Г. И. Осадчей подходы:

- методология социологического анализа интеграции, включающая систему мониторинга социальной результативности ЕАЭС;
- методы оценки адаптационного потенциала мигрантов;
- инструментарий изучения исторической памяти;
- методика выявления ценностных оснований консолидации;
- методики социологического анализа рисков, измерения социальной результативности.

Исследования под руководством Г. И. Осадчей заложили основу для понимания социального потенциала интеграции; выявили барьеры на пути к ее углублению; установили сложную и многогранную картину социальных аспектов интеграции. Они охватили такие важные направления, как общественное одобрение идеи Союза, социальная адаптация и трудовая мобильность мигрантов, сохранение общей исторической памяти среди молодежи и ценностные основания для консолидации граждан разных стран. Полученные данные демонстрируют, что, несмотря на общую поддержку интеграции, существуют значительные вызовы, включая тенденцию к снижению уровня одобрения, проблемы, с которыми сталкиваются мигранты (особенно в адаптации на рынке труда и доступе к услугам), и противоречивость в восприятии общего прошлого.

Таким образом, успешное развитие ЕАЭС в будущем требует постоянного внимания к социальным вопросам, проблемам управления выявленными рисками и целенаправленных усилий по укреплению солидарности и сотрудничества между народами. Придание человеческого измерения интеграционным процессам является не второстепенной задачей, а фундаментальным условием для достижения долгосрочных целей Союза.

Относительно будущих исследований интеграционных процессов в Евразии следует еще раз указать на важность социологического измерения евразийской интеграции и необходимость учета социальных факторов для ее успешного развития. Проведенные Г. И. Осадчей исследования обнажили как положительные аспекты интеграции, такие как поддержка свободного перемещения граждан и функционирования общего рынка труда, так и проблемы, связанные с социальной адаптацией

мигрантов, снижением уровня поддержки интеграции и противоречивостью социальной памяти. Дальнейшие исследования и усилия по управлению социальными рисками и укреплению солидарности между народами стран-участниц ЕАЭС являются ключевыми для достижения целей интеграции.

Важно также отметить, что ключевые социальные проблемы, исследованные Г. И. Осадчей в контексте ЕАЭС – адаптация мигрантов, формирование общей идентичности на фоне сложной исторической памяти, поиск ценностных основ для консолидации, управление общественной поддержкой – носят универсальный характер и являются вызовами для многих интеграционных объединений мира. Хотя прямое сравнение не входило в задачи данной статьи, сосредоточенной на научном вкладе видного российского ученого Г. И. Осадчей, вскрытые ею проблемы и предложенные подходы к их социологическому анализу обладают немалым компаративным потенциалом. Их осмысление в сравнительной перспективе представляется крайне плодотворным направлением для будущих исследований, способным обогатить как теорию интеграции, так и практику управления социальными процессами в Евразийском экономическом союзе и других региональных объединениях.

Научное наследие Г. И. Осадчей создало прочную теоретико-методологическую основу для дальнейшего изучения социального измерения евразийской интеграции, при этом ключевым условием успешности интеграционного проекта остается человеческий фактор. Последовательная реализация такого подхода в исследовательской и практической плоскости может стать важным шагом на пути к формированию подлинно единого евразийского социально-гуманитарного пространства.

Список литературы

1. Рязанцев, С. В. Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции». Выпуск №4. Евразийская интеграция: масштабы, особенности, эффективность / С. В. Рязанцев, Г. И. Осадчая, Г. А. Погосян [и др.]; под общ. ред. С. В. Рязанцева, Г. И. Осадчей. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2019. 135 с. ISBN 978-5-907233-00-3. EDN [UMOYTC](#).
2. Осипов, Г. В. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Г. В. Осипов, Г. И. Осадчая, Э. М. Андреев [и др.]. Москва : Издательский дом «Библио-Глобус», 2018. 374 с. ISBN 978-5-907063-15-0. DOI [10.18334/9785907063150](#). EDN [JGMRFU](#).
3. Осадчая, Г. И. Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2019. 227 с. ISBN 978-5-907233-06-5. EDN [TKXQZG](#).
4. Осадчая, Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2021. 346 с. ISBN 978-5-907427-41-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021](#). EDN [FJASSX](#).
5. Осадчая, Г. И. Интеграция vs репатриация: социально-экономический потенциал армянской диаспоры России / Г. И. Осадчая, О. А. Волкова, Е. Ю. Киреев [и др.] // Под ред. Г. А. Погосяна. Ереван : ГИТУТЮН НАН РА, 2022. 196 с. ISBN 978-5-8080-1494-7. EDN [YWFNWQ](#).
6. Алиев, Ш. И. Миграция из России в Кыргызстан: демографические аспекты / Ш. И. Алиев, М. Л. Вартамова, О. А. Волкова [и др.]. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2023. 323 с. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](#). EDN [DBAGTR](#).
7. Волкова, О. А. Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции / О. А. Волкова, Е. Ю. Киреев, Е. Е. Киселева [и др.]. Бишкек : Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина, 2023. 274 с. ISBN 978-9967-19-974-3. DOI [10.36979/978-9967-19-974-3-2023](#). EDN [RBLTOB](#).

8. Осадчая, Г. И. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова, О. А. Волкова [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2025. 383 с. ISBN 978-5-89697-440-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024). EDN. EDN [AXDMON](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
9. Осадчая, Г. И. Модель социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции: теоретико-методологические основы конструирования // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 3. С. 204–218. EDN [SDVHIR](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
10. Осадчая, Г. И. Социально-гуманитарный императив интеграционных процессов в ЕАЭС // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 6. С. 200–208. EDN [XBKAOL](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
11. Осадчая, Г. И. Модель социальной политики Евразийского экономического Союза // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 80–93. EDN [ZPWFKD](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
12. Осадчая, Г. И. Российский рынок труда в контексте формирования ЕАЭС // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 150–162. EDN [UDYSQX](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
13. Осадчая, Г. И. Теоретико-методологические основы социологического анализа образа жизни мигрантов из стран Евразийского экономического союза в России / Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15, № 6 (119). С. 120–127. DOI [10.17922/2071-3665-2016-15-6-120-127](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2016-15-6-120-127). EDN [YHIENX](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
14. Осадчая, Г. И. Формирование единого рынка труда Евразийского экономического союза: эффекты для России // Социологические исследования. 2017. № 11 (403). С. 53–64. DOI [10.17868/S0132162517110071](https://doi.org/10.17868/S0132162517110071). EDN. EDN [ZRQQOL](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
15. Осадчая, Г. И. Молодые женщины из Кыргызстана в московском мегаполисе / Г. И. Осадчая, О. А. Волкова, Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаева // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 43–62. DOI [10.21064/WinRS.2023.1.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.4). EDN [UDWTPE](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
16. Юдина, Т. Н. Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов / Т. Н. Юдина, Г. И. Осадчая // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 1. С. 215–227. DOI [10.15838/esc.2024.1.91.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.12). EDN [DKVBPW](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
17. Osadchaya, G. I. Migrants from Central Asia in the Moscow Agglomeration: Social Well-Being and Demographic Attitudes / G. I. Osadchaya, T. N. Yudina, O. A. Volkova, E. Yu. Kireev // Changing Societies & Personalities. 2024. Vol. 8, No. 2. Pp. 375–398. DOI [10.15826/csp.2024.8.2.279](https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.2.279). EDN [TBBIHE](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
18. Осадчая, Г. И. Социальная память молодежи государств - участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа / Г. И. Осадчая, Е. Ю. Киреев // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 70–78. EDN [ELHRUE](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
19. Osadchaya, G. I. Memorial Heritage and Social Memory of Youth of Eurasian Integration Countries / G. I. Osadchaya, E. Yu. Kireev, M. L. Vartanova [et al.] // Propositos y Representaciones. 2021. Vol. 9, No. S1. P. e1389. DOI [10.20511/pyr2021.v9nSPE1.1389](https://doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE1.1389). EDN [BHFFFI](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
20. Осадчая, Г. И. Армянская диаспора в России: занятость и социально-экономическое самочувствие / Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 4. С. 602–615. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_4_10_602_615](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_10_602_615). EDN [VXNEGO](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
21. Осадчая, Г. И. Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 6. С. 208–222. DOI [10.15838/esc.2023.6.90.12](https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.12). EDN [WLPUDF](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
22. Осадчая, Г. И. Интеграционные процессы в Евразии в оценках москвичей и бишкекцев // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы: Материалы II Международной научно-практической конференции, Минск, 16 апреля 2024 г. Минск : Белорусский государственный университет, 2024. С. 19–25. EDN [HUKJGE](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).
23. Осадчая, Г. И. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова, О. А. Волкова [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2025. 383 с. ISBN 978-5-89697-440-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024). EDN [AXDMON](https://dx.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024).

24. Осадчая, Г. И. Евразийские общества в фокусе молодых социологов / Г. И. Осадчая, Е. Ю. Киреев // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 159–160. DOI [10.31857/S013216250021080-1](https://doi.org/10.31857/S013216250021080-1). EDN [ZUIRRL](https://www.edn.ru/ZUIRRL).

25. Осадчая, Г. И. II Международная летняя школа «Евразийские общества в фокусе молодых социологов» / Г. И. Осадчая, Е. Ю. Киреев, М. В. Рославцева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 234–240. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.15). EDN [DZKNNB](https://www.edn.ru/DZKNNB).

26. Осадчая, Г. И. III Международная летняя школа «Евразийские общества в фокусе молодых социологов» Института демографических исследований ФНИСЦ РАН / Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина, О. А. Волкова Е. Ю. Киреев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17, № 3. С. 366–372. DOI [10.21638/spbu12.2024.307](https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.307). EDN [EICHGK](https://www.edn.ru/EICHGK).

Сведения об авторах

Киреев Егор Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент, независимый исследователь, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yegorkireev@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-5441-0430](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430); РИНЦ SPIN-код: [6593-8920](https://www.rincc.ru/6593-8920); Web of Science Researcher ID: [U-4398-2017](https://orcid.org/U-4398-2017).

Юдина Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ioudinatn@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7785-8601](https://orcid.org/0000-0001-7785-8601); РИНЦ SPIN-код: [4150-5328](https://www.rincc.ru/4150-5328); Web of Science Researcher ID: [P-5028-2015](https://orcid.org/P-5028-2015).

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; принята в печать 14.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE SOCIAL DIMENSION OF INTEGRATION PROCESSES IN EURASIA: THE SCIENTIFIC CONTRIBUTION OF G. I. OSADCHAYA

Egor Yu. Kireev

Independent Researcher, Moscow, Russia

E-mail: yegorkireev@gmail.com

Tatyana N. Yudina

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ioudinatn@mail.ru

For citation: Kireev, E. Yu, Yudina, T. N. The Social Dimension of Integration Processes in Eurasia: The Scientific Contribution of G. I. Osadchaya. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 75–89. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.5). (In Russ.)

Abstract. This article attempts to understand the scholarly contributions of Doctor of Sociology Professor Galina I. Osadchaya to the study of the Eurasian Economic Union (EAEU). The subject of this study is the conceptualization of sociological Eurasian integration as developed by Professor Osadchaya. The article covers key areas such as public perception of EAEU integration, migration processes, social memory among youth, and value foundations for consolidation. The purpose of this article is to systematically analyze Professor Osadchaya's contribution to the sociology of EAEU integration based on a chronological analysis of her scientific work from 2012 to 2022. The study aims to assess the significance of her contributions for understanding social aspects of EAEU integration. A hypothesis of this research is that Professor Osadchaya's work laid the groundwork for an interdisciplinary approach to analyzing EAEU, shifting focus from economic metrics to social factors for successful integration. This research methodology involves analyzing scientific publications by Professor Osadchaya and her team (2013–2019). Results of this work show that Professor Osadchaya developed

a sociological framework for measuring social performance in EAEU through a system of metrics. She also developed the concept of "human dimensions" in integration, arguing that economic reform requires consideration of population adaptation. Additionally, she classified key challenges such as imbalances in youth perceptions of EAEU, gender aspects in migration, and contradictions in historic memory. Professor Osadchaya's other contributions include institutionalizing the scientific study of integration processes within the EAEU framework through the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences and international projects. The authors particularly note the research principles of Galina I. Osadchaya, based on sociological dimensions of integration processes, a focus on empirical research through survey methods, and the importance of using scientific results in the development of EAEU social policy, optimization of migratory regulation, and Eurasian integration educational programs.

Keywords: social dimension, integration processes, EAEU, Eurasia, G. I. Osadchaya

References

1. Ryazantsev, S. V., Osadchaya, G. I., Pogosyan, G. A. *Proyekt "Sotsial'no-politicheskoye izmereniye realizatsii protsessov yevraziyskoy integratsii"*. Vypusk №4. *Yevraziyskaya integratsiya: masshtaby, osobennosti, effektivnost'* [Project "Socio-political dimension of the implementation of the processes of Eurasian integration". Issue No. 4. *Eurasian integration: scale, features, efficiency*]; Under the general editorship of S. V. Ryazantsev, G. I. Osadchaya. Moscow : "Econ-Inform" Publ., 2019. 135 p. ISBN 978-5-907233-00-3. (In Russ.).
2. Osipov, G. V., Osadchaya, G. I., Andreev, E. M. [et al.]. *Eurasian Integration Processes: Socio-Political Dimension*. Moscow : "BIBLIO-GLOBUS" Publ., 2018. 374 p. ISBN 978-5-907063-15-0. DOI [10.18334/9785907063150](https://doi.org/10.18334/9785907063150). (In Russ.).
3. Osadchaya, G. I. *The Formation of the Eurasian Economic Union: Ideas, Reality, Potential*. Moscow : "Econ-Inform" Publ., 2019. 227 p. ISBN 978-5-907233-06-5. (In Russ.).
4. Osadchaya, G. I. *Eurasian Economic Union: Development Potential, Cooperation Format*. Moscow : "Econ-Inform" Publ., 2021. 346 p. ISBN 978-5-907427-41-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021). (In Russ.).
5. Osadchaya, G. I., Volkova, O. A., Kireev, E. Yu. [et al.]. *Integratsiya vs repatriatsiya: sotsial'no-ekonomicheskiy potentsial armyanskoy diaspory Rossii* [Integration vs. Repatriation: Socio-Economic Potential of the Armenian Diaspora in Russia]; Ed. by G. A. Poghosyan. Yerevan : "GITUTYUN" NAS RA, 2022. 196 p. ISBN 978-5-8080-1494-7. (In Russ.).
6. Aliyev, Sh. I., Vartanova, M. L., Volkova, O. A. [et al.]. *Migratsiya iz Rossii v Kyrgyzstan: demograficheskiye aspekty* [Migration from Russia to Kyrgyzstan: demographic and aspects]. Moscow : "Econ-Inform" Publ., 2023. 323 p. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). (In Russ.).
7. Volkova, O. A., Kireev, E. Yu., Kiseleva, E. E. [et al.]. *Social Memory of the Youth Participant States of the Eurasian Integration*. Bishkek : Kyrgyz Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, 2023. 274 p. ISBN 978-9967-19-974-3. DOI [10.36979/978-9967-19-974-3-2023](https://doi.org/10.36979/978-9967-19-974-3-2023). (In Russ.).
8. Osadchaya, G. I., Vartanova, M. L., Volkova, O. A. [et al.]. *Integratsionnyye protsessy v Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze: sotsial'no-demograficheskiye aspekty. K 10-letiyu YEAEs* [Integration processes in the Eurasian Economic Union: socio-demographic aspects. On the 10th anniversary of the EAEU] Moscow : FCTAS RAS Publ., 2025. 383 p. ISBN 978-5-89697-440-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024). (In Russ.).
9. Osadchaya, G. I. A Model of Social Interaction of the Participating Countries of the Eurasian Integration Process: Theoretical and Methodological Fundamentals of Designing. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2014. No. 3. Pp. 204–218. (In Russ.).
10. Osadchaya, G. I. Socio-Humanitarian Imperative of the Integration Processes in the EAEU. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2016. No. 6. Pp. 200–208. (In Russ.).
11. Osadchaya, G. I. The Model of Social Policy of the Eurasian Economic Union. *Science. Culture. Society*. 2016. No. 1. Pp. 80–93. (In Russ.).
12. Osadchaya, G. I. Russian Labor Market in the Context of the Formation of the EAEC. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2015. No. 4. P. 150–162. (In Russ.).
13. Osadchaya, G. I., Yudina, T. N. Theoretical and Methodological Bases of the Sociological Analysis of Migrants' Lifestyle from Countries of the Eurasian Economic Union in Russia. *Social Policy and Sociology*. 2016. Vol. 15, No. 6 (119). Pp. 120–127. DOI [10.17922/2071-3665-2016-15-6-120-127](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2016-15-6-120-127). (In Russ.).

14. Osadchaya, G. I. Formation of Common Labor Market of the Eurasian Economic Union: Implications for Russia. *Sociological Studies*. 2017. No. 11 (403). Pp. 53–64. DOI [10.7868/S0132162517110071](https://doi.org/10.7868/S0132162517110071). (In Russ.).
15. Osadchaya, G. I., Volkova, O. A., Yudina, T. N., Kocherbaeva, A. A. Young Women from Kyrgyzstan in the Moscow Metroplex. *Woman in Russian Society*. 2023. No. 1. Pp. 43–62. DOI [10.21064/WinRS.2023.1.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.4). (In Russ.).
16. Yudina, T. N., Osadchaya, G. I. Sociological Assessment of the Success of Reintegration of Migrants Returning from Russia to Kyrgyzstan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. Vol. 17, No. 1. Pp. 215–227. DOI [10.15838/esc.2024.1.91.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.12). (In Russ.).
17. Osadchaya, G. I., Yudina, T. N., Volkova, O. A., Kireev, E. Yu. Migrants from Central Asia in the Moscow Agglomeration: Social Well-Being and Demographic Attitudes. *Changing Societies & Personalities*. 2024. Vol. 8, No. 2. Pp. 375–398. DOI [10.15826/csp.2024.8.2.279](https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.2.279).
18. Osadchaya, G. I., Kireev, E. Yu. Social Memory of Youth of the Member States - Participant of Eurasian Integration: Theoretical Model of Sociological Analysis. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. 2020. No. 3 (59). Pp. 70–78. (In Russ.).
19. Osadchaya, G. I., Kireev, E. Yu., Vartanova, M. L. [et al.]. Memorial Heritage and Social Memory of Youth of Eurasian Integration Countries. *Propositos y Representaciones*. 2021. Vol. 9, No. S1. P. e1389. DOI [10.20511/pyr2021.v9nSPE1.1389](https://doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE1.1389).
20. Osadchaya, G. I., Yudina, T. N. Armenian Diaspora in Russia: Employment and Socio-Economic Well-Being. *Standard of Living of the Population of Russian Regions*. 2023. Vol. 19, No. 4. Pp. 602–615. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_4_10_602_615](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_10_602_615). (In Russ.).
21. Osadchaya, G. I., Vartanova, M. L. Assessing the Potential of the Diaspora in the Formation of Socio-Economic Well-Being of Migrants from Armenia in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023. Vol. 16, No. 6. Pp. 208–222. DOI [10.15838/esc.2023.6.90.12](https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.12). (In Russ.).
22. Osadchaya, G. I. Integratsionnyye protsessy v Yevrazii v otsenkakh moskvichey i bishkektsev [Integration processes in Eurasia in the assessments of Muscovites and Bishkek residents] *Integration processes in Eurasia: state, challenges, prospects: Proceedings of the II International scientific and practical conference, Minsk, April 16, 2024*. Minsk : Belarusian State University, 2024. Pp. 19–25. (In Russ.).
23. Osadchaya, G. I., Vartanova, M. L., Volkova, O. A. [et al.]. *Integratsionnyye protsessy v Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze: sotsial'no-demograficheskiye aspekty. K 10-letiyu YEAES [Integration processes in the Eurasian Economic Union: socio-demographic aspects. On the 10th anniversary of the EAEU]* Moscow : FCTAS RAS Publ., 2025. 383 p. ISBN 978-5-89697-440-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024). (In Russ.).
24. Osadchaya, G. I., Kireev, E. Yu. Eurasian Societies in the Focus of Young Sociologists. *Sociological Studies*. 2022. No. 8. Pp. 159–160. DOI [10.31857/S013216250021080-1](https://doi.org/10.31857/S013216250021080-1). (In Russ.).
25. Osadchaya, G. I., Kireev, E. Yu., Roslavl'tseva, M. V. II International Summer School “Eurasian Societies in Focus of Young Sociologists”. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 234–240. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.15). (In Russ.).
26. Osadchaya, G. I., Yudina, T. N., Volkova, O. A., Kireev, E. Yu. The 3rd International Summer School “Eurasian Societies in the Focus of Young Sociologists” of the Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. *Bulletin of the St. Petersburg University. Sociology*. 2024. Vol. 17, No. 3. Pp. 366–372. DOI [10.21638/spbu12.2024.307](https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.307). (In Russ.).

Bio notes

Egor Yu. Kireev, Candidate of Sociological Sciences, Docent., Independent Researcher, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yegorkireev@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-5441-0430](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430); RSCI SPIN-code: [6593-8920](https://www.rsci.spb.ru/6593-8920); Web of Science Researcher ID: [U-4398-2017](https://orcid.org/U-4398-2017).

Tatyana N. Yudina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ioudinatn@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7785-8601](https://orcid.org/0000-0001-7785-8601); RSCI SPIN-code: [4150-5328](https://www.rsci.spb.ru/4150-5328); Web of Science Researcher ID: [P-5028-2015](https://orcid.org/P-5028-2015).

Received on 22.05.2025; accepted for publication on 14.07.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.6)

EDN [NHMXUD](https://nmxud.nmcs.ru/)

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

Суций С. Я.

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: SS7707@mail.ru

Для цитирования: Суций, С. Я. Геодемографические процессы у русского населения постсоветской Армении // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 90–109. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.6). EDN [NHMXUD](https://nmxud.nmcs.ru/).

Аннотация. Цели исследования – изучение демографической динамики русского населения постсоветской Армении; анализ соотношения естественного воспроизводства, миграции и ассимиляции; фиксация сдвигов в половозрастной структуре и системе расселения русской общины. При изучении данного проблемного комплекса использовался системный подход, с применением демографических, этногеографических, социологических рабочих методик. Установлено, что период стремительной демографической убыли русского населения пришелся на 1990-е гг., за которые численность русских Армении сократилась в 3,5 раза (с 51,5 до 14,7 тыс. человек). В 2000-е гг. масштабы потерь существенно сократились (–18,8%), но в дальнейшем вновь увеличились. К концу 2010-х гг. в трех из десяти областей Армении доля русских в структуре населения была ниже 0,1%, еще в четырех составляла 0,1–0,21%. Около 60% русских поселян было сосредоточено в двух старожильческих селах (Лермонтово и Фиолетово). Центральную роль в устойчивом депопуляционном тренде играла миграция. Но ее доля в демографических потерях русской общины постепенно снижалась – с 98,3–98,6% в 1990-е гг. до 77–82% в 2000-е и 50–55% в 2010-е гг. Параллельно в структуре убыли возрастал удельный вес естественных потерь и ассимиляции, в первую очередь связанной с высоким уровнем межнациональной брачности русских женщин, в т. ч. с представителями титульной нации. Демографическая убыль сопровождалась деформацией половозрастной структуры русских (значительный количественный перевес женщин, повышение медианного возраста). Депопуляционный тренд был остановлен появлением в Армении обширной группы релокантов, увеличившей в 2022–2024 гг. численность наличного русского населения до 40–50 тыс. человек. Появление группы, состоявшей преимущественно из мужчин молодого и среднего возраста, позволило практически полностью устранить диспропорции половозрастной структуры русского населения. Территориально релоканты концентрировались в столице, что с 2022 г. превратило Ереван в демографический эпицентр, заключающий около 90% русских страны (против 40–45% в 1990–2010-е гг.). Геодемографические перспективы новой группы остаются неопределенными, поскольку зависят от результирующей множества социально-политических и экономических факторов, но укоренение даже небольшой части релокантов открывает новый этап в истории русского населения Армении.

Ключевые слова: русское население, постсоветская Армения, геодинамика, система расселения, естественное воспроизводство, миграция, ассимиляция, релоканты

Введение

Постоянное русское население на территориях, входящих в состав современной Республики Армения, появляется в первых десятилетиях XIX века. Поток переселенцев был очень разнообразным по своему составу и включал военных поселян, отставных чинов с семьями, государственных крестьян из внутренних областей России, а с начала 1830-х гг. – группы сектантов, прежде всего молокан. В течение ряда десятилетий в регионе складывалась система русских поселений, в 1880-е гг.

заклучавшая более двадцати сел с общим населением в 11,3 тыс. человек [1]. К середине 1920-х гг. численность русских выросла в Армении до 21 тыс. человек, к рубежу 1940-х гг. превысила 50 тыс., а максимального размера достигла в конце 1970-х гг. (70,3 тыс. человек).

Системный кризис СССР, эскалация конфликта между Арменией и Азербайджаном по вопросу о статусе Нагорного Карабаха, землетрясение в Спитаке (1988 г.) стали причинами активного оттока русского населения во второй половине 1980-х гг. – временного отрезка, открывшего период устойчивой демографической депопуляции русской общины Армении¹.

К настоящему времени ее история насчитывает около двух столетий. Несмотря на небольшие размеры, она остается одним из крупнейших национальных меньшинств страны, уступая по численности только езидам. Изучение особенностей демографической динамики русского населения Армении в конце XX – первой четверти XXI вв. позволяет зафиксировать основные векторы трансформации его системы расселения, сдвиги половозрастной структуры, оценить общие перспективы сохранения русского этнокультурного присутствия на Южном Кавказе. Отметим, что актуальность социодемографического исследования русских Армении заметно выросла с 2022 г., в связи с появлением в стране группы релокантов. Укоренение в стране даже ограниченной части ее представителей способно кардинально изменить демографические тренды, доминировавшие у русского населения республики на протяжении постсоветского периода.

Обзор научной литературы

Особенности этнокультурной и геосоциодинамической динамики русской диаспоры постсоветской Армении привлекали внимание многих российских исследователей, прежде всего, этносоциологов. В работах И. В. Долженко представлена специфика этнокультурных процессов у русского населения Армении в XX – начале XXI вв. [1; 2]. Исследования Н. М. Лебедевой, С. С. Савоскула фокусировались на социально-психологических аспектах адаптации русских к условиям жизни в Армении в первое постсоветское десятилетие [3; 4]. Особенности культурно-языковой сферы жизнедеятельности русской общины рассматривались в работах А. Л. Арефьева и Е. А. Лашенковой [5; 6]. Масштабы миграционного оттока русских из республики в 1990–2000-е гг. оценивались в ежегодных демографических докладах [7]. Обращались специалисты и к геодемографическим аспектам динамики русских Армении [8; 9]. В статьях А. А. Атанесяна, А. Г. Евстратова, М. Завадской, Г. Микаеляна, Н. В. Мкртчана, Ю. Ф. Флоринской анализировались основные характеристики и особенности группы релокантов² [10; 11; 12].

Стоит заметить, что перечисленные исследования, за исключением работ И. В. Долженко, были посвящены анализу русских общин всего постсоветского

¹ В данном исследовании определения «русская община» и «русская диаспора» используются как синонимы русского старожильского населения Армении, представленного переселенцами имперского периода и мигрантами советского времени.

² Флоринская, Ю. Ф., Мкртчян, Н. В. География новой российской эмиграции (по материалам опроса россиян, уехавших из России в 2022–2023 гг. // Демоскоп-Weekly: [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01061/scientific_digest01.php (дата обращения: 12.06.2025).

Южного Кавказа (или даже ближнего зарубежья), что заметно ограничивало возможность детализации изучения непосредственно русского населения Армении. Существенно и то, что указанные публикации состоялись до проведения в Армении переписи 2022 г. и появления в стране многочисленной группы российских релокантов, в значительной степени составленной русскими.

Данная группа кардинально изменила социодемографические характеристики и половозрастную структуру наличного русского населения Армении и с большой вероятностью открыла новый этап в его постсоветской геодемографической динамике, существенно актуализировав задачу изучения русской общины страны.

Методология, методы исследования, источники информации

Наша научная статья подготовлена на основе системного подхода, с использованием рабочих методик, применяемых в демографических исследованиях, социальной географии и географии населения, позволяющих осуществить комплексный анализ количественной, пространственной, расселенческой динамики русского населения постсоветской Армении и дающих возможность оценить демографические перспективы русской общины страны. В качестве теоретического обоснования также использовались работы по диаспороведению, анализирующие механизм и основные особенности формирования, функционирования и эволюции диаспор [13; 14; 15].

Статистические материалы, использованные в статье, включали результаты Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г. (данные по АрССР)³ и трех переписей населения Армении (2001, 2011, 2022 гг.)⁴, данные текущего учета населения, фиксируемые Статистическим комитетом Республики Армения (далее – Госкомстат РА), материалы из демографических ежегодников Армении, статистику, размещенную на сайте «Population statistics of Eastern Europe and the former USSR»⁵.

Оценка показателей естественного воспроизводства в 2010-х – первой половине 2020-х гг. производилась с использованием данных по рождаемости и смертности населения в разрезе национальностей. Для расчета динамики оттока русского населения из Армении в 1990-2000-е гг. использовались данные Росстата, который вплоть до 2007 г. публиковал статистику миграционного обмена Российской Федерации со странами ближнего зарубежья в разрезе национальностей.

Величина миграционного сальдо русских Армении в 2010-х – начале 2020-х гг. рассчитывалась через анализ и факторную оценку общей демографической динамики русских в межпереписной период. Для изучения количественной и пространственной динамики группы российских релокантов 2022–2024 гг., оценки их

³ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения республик СССР // Демоскоп-Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php (дата обращения: 12.06.2025).

⁴ Результаты переписи населения Армении 2001 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>; Результаты переписи населения Армении 2011 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>; Результаты переписи населения Армении 2022 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944> (дата обращения: 12.06.2025).

⁵ Population statistics of Eastern Europe and the former USSR // Pop-stat : [site]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed on: 12.06.2025).

возможных геодемографических перспектив учитывалась статистика службы миграции и гражданства МВД Армении, данные социологических опросов.

Результаты исследования

Демографические процессы (1990–2000-е гг.)

Убыль русского населения Армении, нараставшая с середины 1980-х гг., еще более ускорила в первую постсоветскую «пятилетку», ставшую одним из самых тяжелых периодов в истории молодого армянского государства. Война с Азербайджаном, глубокий экономический кризис, резкое падение уровня жизни – основные причины интенсивного оттока русских. Свою роль играли и статусные потери, связанные с трансформацией русских из государствообразующего народа огромной страны, составной частью которой являлась АрССР, в национальное меньшинство самостоятельной Армении, в государственной политике и центральных сферах жизнедеятельности которой (как и в большинстве других постсоветских стран) отчетливо просматривались этноцентричные элементы и практики.

За 1992–1994 гг. только учтенная нетто-миграция в Россию составила 15,6 тыс. человек, в 1995–2000 гг. – 7,1 тысяч [7]. В действительности эти цифры были еще выше, поскольку первая постсоветская перепись Армении (2001 г.) зафиксировала в стране только 14,7 тыс. русских. Поскольку естественная убыль, начавшаяся в общине в середине 1990-х гг., до конца десятилетия могла привести к потере не более 1,5–2% русского населения (400–500 человек), чистый отток за 1992–2000 гг. должен был составлять порядка 30 тыс. человек. Таким образом, 98,3–98,6% всех демографических потерь русской общины в 1990-е гг. пришлось на миграцию.

Таблица 1

Русское население Армении по уровням системы расселения в 1989–2024 гг.

Table 1

Russian population of Armenia by levels of the settlement system in 1989–2024

Годы	Столица		Другие города		Села		Всего	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1989	22,2	43,1	21,7	42,1	7,6	14,8	51,5	100
2001	6,68	45,5	3,82	26,1	4,16	28,4	14,66	100
2011	4,94	41,4	3,16	26,6	3,82	32	11,91	100
2022	6,68	61,9	2,56	18,2	2,81	19,9	14,08	100
2023–2024*	40–45	88–89	2,7–3,0	5,5–6,2	2,8	5,3–6,6	45–50	100

Источник: рассчитано автором по данным Всесоюзной переписи населения и материалам Армстата⁶

* Примечание: по оценкам автора

За межпереписный период (1989–2001 гг.) численность русских Армении сократилась в 3,5 раза. В то же время темпы убыли существенно различались

⁶ Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп-Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=13; Результаты переписи населения Армении 2001 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>; Результаты переписи населения Армении 2011 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>; Результаты переписи населения Армении 2022 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944> (дата обращения: 12.06.2025).

по уровням системы расселения. Столичная группа русских за 1989–2001 гг. сократилась в 3,3 раза, число остальных русских горожан – в 5,7 раз. Значительно лучше сохранилось русское сельское население (-45%), прежде всего, за счет старожильческих поселений Лорийской области, существовавших с середины – второй половины XIX века. Одним из следствий повышенной укорененности сельских русских стало снижение общего уровня урбанизации общины, доля горожан в которой за 1989–2001 гг. сократилась с 85,2 до 71,7% (табл. 1).

При этом к началу XXI в. в полной мере сохранились городской и сельский эпицентры системы расселения русских – Ереван и Лорийская область. Почти 64% русских горожан приходилось на столицу страны; 73,8% сельских жителей – на Лорийскую область (прежде всего, на Лермонтово и Фиолетово – два крупнейших молканских села Армении). Более 7% русских Армении было расселено в Ширакской области. И лишь в Лорийской области их доля в структуре местного населения превышала 1% (табл. 2). В Ереване она составляла 0,61%, а в большинстве регионов страны находилась в диапазоне 0,13–0,18%, указывая на высокую степень дерусификации этих территориальных сообществ.

Таблица 2

Русское население Армении в региональном разрезе в 2001–2022 гг.

Table 2

The Russian population of Armenia by region in 2001–2022

Центры и территории	Численность (чел.)			Доля населения (%)			Доля среди русских (%)		
	2001 г.	2011 г.	2022 г.	2001 г.	2011 г.	2022 г.	2001 г.	2011 г.	2022 г.
г. Ереван	6 684	4 940	8 712	0,61	0,47	0,80	45,59	41,47	61,89
Арагацотнская обл.	179	180	82	0,13	0,14	0,43	1,22	1,51	0,58
Арагатская обл.	418	436	290	0,15	0,17	0,12	2,85	3,66	2,06
Армавирская обл.	480	426	305	0,17	0,16	0,12	3,27	3,58	2,17
Вайоцзорская обл.	71	77	40	0,13	0,15	0,08	0,48	0,65	0,28
Гегаркуникская обл.	430	328	125	0,18	0,14	0,06	2,93	2,75	0,89
Котайкская обл.	684	590	439	0,25	0,23	0,16	4,67	4,95	3,12
Лорийская обл.	3 882	3 152	2 384	1,36	1,34	1,07	26,48	26,46	16,94
Сюникская обл.	253	259	62	0,17	0,18	0,05	1,73	2,17	0,44
Тавушская обл.	531	423	240	0,40	0,33	0,21	3,62	3,55	1,71
Ширакская обл.	1 048	1 100	1 397	0,37	0,44	0,59	7,15	9,24	9,92
Армения в целом	14 660	11 911	14 076	0,46	0,39	0,48	100	100	100

Источник: рассчитано автором по материалам Армстата⁷

Масштабная миграция первого постсоветского десятилетия не только кратно сократила общий демографический потенциал русской общины, но и существенно усилила существовавший уже в советский период гендерный дисбаланс. В конце 1980-х гг. на 100 русских мужчин в Армении приходилась 141 женщина, в начале XXI в. уже 248 (табл. 3). В группе русских Еревана этот показатель был еще выше (290), как и в большинстве других городов и регионов страны. Гендерно

⁷ Результаты переписи населения Армении 2001 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>; Результаты переписи населения Армении 2011 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>; Результаты переписи населения Армении 2022 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944> (дата обращения: 12.06.2025).

сбалансированным (110–115 женщин на 100 мужчин) оставалось только русское население молоканских сел Лорийской области.

Таблица 3

**Гендерный баланс у русского населения Армении в 1989–2011 гг.
(женщин на 100 мужчин)**

Table 3

**Gender balance of the Russian population in Armenia in 1989–2011
(women per 100 men)**

Группа населения	1989 г.	2001 г.	2011 г.
Русские Еревана	180	290	255
Остальные горожане	115	219	240
Сельские жители	130	219	165
Русские в целом	141	248	212

Источник: рассчитано автором по данным Всесоюзной переписи населения и материалам Армстата⁸

Деформировалась в 1990-е гг. и возрастная структура русской общины Армении, в которой заметно выросла доля пожилых и старых людей. Средний возраст русских страны в 2001 г. составлял 45,0 лет. Причем группа горожан, существенно больше пострадавшая от миграционного оттока, «старела» значительно быстрее, чем русское сельское население (средний возраст соответственно 48,6 и 38,8 лет) (табл. 4).

Таблица 4

Средний возраст русского населения Армении в 2001–2022 гг. (лет)

Table 4

Average age of the Russian population in Armenia in 2001–2022 (years)

Группа населения	2001 г.	2011 г.	2022 г.
Горожане	48,6	47,9	32,4
Сельские жители	38,8	38,9	43,4
Мужчины	н/д	28,3	29,8
Женщины		52,2	38,9
Русские в целом	45,0	44,3	33,6

Источник: рассчитано автором по материалам Армстата⁹

Таким образом, к началу XXI в. в Армении остается незначительная и при этом наиболее адаптированная часть русских с повышенной долей возрастных людей

⁸ Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп-Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=13; Результаты переписи населения Армении 2001 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>; Результаты переписи населения Армении 2011 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>; Результаты переписи населения Армении 2022 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944> (дата обращения: 12.06.2025).

⁹ Результаты переписи населения Армении 2001 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>; Результаты переписи населения Армении 2011 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>; Результаты переписи населения Армении 2022 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944> (дата обращения: 12.06.2025).

и очень большим перевесом женского населения. Эти структурные особенности общины определяют ее количественную динамику в 2000-е гг.

Масштабы оттока, существенно упавшие во второй половине 1990-х гг., в «нулевые» сокращаются еще больше. Согласно данным миграционной службы РФ, общий приток русских из Армении за 2001–2007 гг. составил около 3,3 тыс. человек¹⁰. В реальности он мог быть еще ниже, поскольку перепись 2011 г. зафиксировала в Армении 11,91 тыс. русских, т. е. на 2,75 тыс. человек меньше (-18,8%), чем в 2001 г. (табл. 1). Наряду с этим, естественные потери, составлявшие в общине несколько промилле в год, суммарно за десятилетие едва ли могли превысить 500–700 человек. Следовательно, на эмиграцию в «нулевые» могло приходиться порядка 2–2,2 тыс. убыли.

Но даже сократившись в среднегодовом исчислении до 200–220 человек, именно миграция оставалась основным фактором сокращения численности русских (75–80% демографических потерь). В территориальном разрезе убыль перестала быть повсеместной – в половине областей Армении русское население даже выросло количественно, хотя и весьма незначительно. Однако общая отрицательная демографическая динамика общины определялась двумя ее эпицентрами – столичной группой и русскими Лорийской области, которые в 2000-е гг. сократились соответственно на 26,1% и 18,8% (рис. 1)

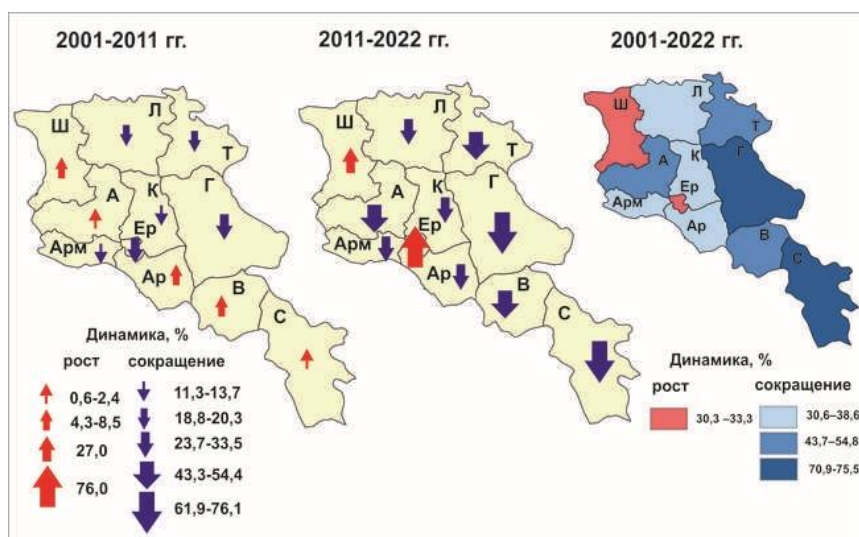

Рис. 1. Динамика русского населения по регионам Армении в 2001–2022 гг. (%)

Fig. 1. Dynamics of the Russian population by regions in Armenia in 2001–2022 (%)

Источник: рассчитано автором по материалам Армстата¹¹

¹⁰ Нетто-миграция русских в Россию из стран СНГ и Балтии // STAV-GEO : [сайт]. URL: https://stav-geo.ru/ld/22/2275_UHv.pdf (дата обращения: 14.08.2025).

¹¹ Результаты переписи населения Армении 2001 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>; Результаты переписи населения Армении 2011 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>; Результаты переписи населения Армении 2022 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944> (дата обращения: 12.06.2025).

Русское население Еревана оказалось в лидерах общей демографической убыли среди всех региональных групп общины. Причины такого явления требуют отдельного изучения. А максимальную демографическую устойчивость, как и в 1990-е гг., продемонстрировала группа сельских русских, потерявшая в «нулевые» только 8,2% своей численности. Что еще более увеличило ее долю в структуре русской общины (за 1989–2011 гг. она выросла с 14,8 до 32,1%). В результате уровень урбанизированности русского населения страны опустился ниже 70% – до показателя первой половины – середины 1950-х гг.

Анализ половозрастной структуры русских Армении в 2000-е гг. обнаруживает достаточно сложную динамику. Миграционный отток, как правило, опережающим образом «вымывает» молодежь и людей среднего, наиболее трудоактивного возраста. Отчасти так происходило и в русской общине Армении. Возрастные когорты 40–50-летних сократились на 22,7% (табл. 5). Но при этом группа «тинейджеров» (10–19 лет) 2001 г., перейдя к 2011 г. в следующую возрастную страту (20–29 лет), выросла на 6,3%, что было возможно только в случае внешнего притока русской молодежи или обрусения смешанного населения.

Таблица 5

**Русское население Армении разных периодов рождения,
согласно данным переписей 2001 и 2011 гг.**

Table 5

**The Russian population in Armenia by periods of birth,
according to the 2001 and 2011 Censuses**

Годы рождения	Численность русских по годам рождения (человек)		Изменения численности 10-летних групп между 2001 и 2011 гг. (%)
	Перепись 2001 г.	Перепись 2011 г.	
1992–2001	1 128	1 088	-3,5
1982–1991	1 570	1 669	6,3
1972–1981	1 602	1 481	-7,6
1962–1971	1 670	1 293	-22,6
1952–1961	2 260	1 745	-22,8

Источник: рассчитано автором по данным Всесоюзной переписи населения и материалам Армстата¹²

Однако миграционного пополнения в 2000-е гг. не было, а небольшой демографический прирост русской общины, связанный с обрусением представителей русскоязычных общин (прежде всего, украинцев), был незначительным и по своим масштабам, в целом, уступал потерям, которые русская община несла в результате выбора титульной идентичности русско-армянскими биэтнофорами.

В отдельных возрастных группах ситуация имела свои особенности. Причем именно при переходе детей и подростков-биэтнофоров в когорту молодежи такая специфика могла быть особенно отчетливой. Достигнув совершеннолетия, бывшие

¹² Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп-Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=13; Результаты переписи населения Армении 2001 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>; Результаты переписи населения Армении 2011 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>; Результаты переписи населения Армении 2022 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944> (дата обращения: 12.06.2025).

тинейджеры во время переписи могли выбирать для себя национальную принадлежность отличную от той, что выбрали для них родители во время предыдущей переписи. Данное обстоятельство могло быть одной из основных, если не центральной причиной количественного роста группы русской молодежи Армении в 2000-е годы.

Несколько снизился в 2000-е гг. и гендерный дисбаланс, что было связано с различной скоростью убыли у мужчин и женщин. Если число мужчин в общине за 2001–2011 гг. сократилось на 9,4%, то женщин – на 22,5%. Основной причиной столь значительных «ножниц» являлась существенная возрастная разница между полами. Средний возраст русских мужчин Армении в начале 2010-х гг. составлял 28,3 года, тогда как женщин – 52,2 года (см. табл. 3). Это в значительной степени объяснялось спецификой миграции русских в Армению в последние десятилетия советского периода – среди переселявшихся в республику преобладали женщины, вышедшие замуж за представителей титульной нации. Именно это обстоятельство заставило большинство из них остаться в Армении в 1990-е гг., с одной стороны, став причиной резко выросшего в общине гендерного перекося, а с другой, ускорив тенденцию старения русского населения, в возрастной структуре которого на рубеже XX–XXI вв. женщины в возрасте 60+ являлись количественно самой большой группой. Как следствие, смертность в русской общине в 2000-е гг. формировалась преимущественно возрастными женщинами, что позволило остановить процесс старения всего русского населения (в 2011 г. он составлял 44,3 года) и несколько сократить гендерный дисбаланс (табл. 2). Впрочем, в большинстве регионов на 100 мужчин по-прежнему приходилось больше 200 женщин, а в Ереване – 255¹³.

Столь существенная половая диспропорция негативно сказывалась на естественном воспроизводстве общины. Но в ограниченной степени, поскольку максимально присутствовала в старших возрастных группах русского населения. Если в наиболее репродуктивных когортах (20–29 и 30–39 лет) на 100 мужчин приходилось соответственно 112 и 140 женщин, то среди русских в возрасте 50–59 лет – 333, а среди пожилых и старых людей (60+) – 643.

Фактором, более весомо влиявшим на естественную динамику общины, являлась межнациональная брачность, прежде всего, представленная сочетанием: муж-армянин – русская жена. Самая значительная часть смешанного потомства таких семей выбирало армянскую идентичность, тем самым, увеличивая коэффициент естественной убыли русского населения (в следующем разделе данный аспект воспроизводственного процесса общины будет рассмотрен детальной).

Демографические процессы в 2010-е – первой половине 2020-х гг.

2010-е – начало 2020-х гг.

Тенденции, характерные для русской общины в 2000-е гг., перешли и в следующее десятилетие. Все они в той или иной степени свидетельствовали о демографическом «закате» русского этнического присутствия в Армении, были связаны с количественным сокращением большинства территориальных групп русских и общим сокращением их географии.

¹³ Показательно, что даже в городах Лорийской области данный показатель достигал 272, притом, что в русских селах этого региона на 100 мужчин приходилось 112 женщин.

Установить точные масштабы этих динамических трендов непосредственно в 2010-е гг. не представляется возможным, поскольку третья постсоветская перепись Армении, намеченная на 2020 г., из-за пандемии COVID-19 была проведена осенью 2022 г., частично зафиксировав демографические сдвиги, связанные с началом СВО и появлением в стране группы релокантов.

Тем не менее данные текущего демографического учета позволяют отчасти компенсировать дефицит статистики, относящейся непосредственно к 2010-м гг. Согласно данным Госкомстата РА, в середине 2010-х – начале 2020-х гг. в Армении русские женщины ежегодно рожали 130–180 детей, что в перерасчете на численность русского населения составляло 11–15%. При этом смертность русских варьировала в диапазоне 170–200 человек (14–17%), в отдельные годы (в основном в «ковидные» 2020–2021 гг.) поднимаясь до 230–250 человек (22–24%) [10].

Среднегодовой уровень смертности в 2010-е гг. превышал показатель репродуктивной активности русских на 2–3%, что являлось очень неплохим показателем даже по меркам русского населения России. Вместе с тем с текущей репродуктивной статистикой существенно расходились данные переписи 2022 гг., согласно которым в русской общине Армении было только 1 134 ребенка до десяти лет, т. е. в 2010-е гг. в среднем за год появлялось лишь 110–120 русских детей. Тем самым порядка 450 детей, рожденных в этом десятилетии русскими женщинами, были записаны родителями в другие национальные группы. В действительности это число было еще больше, поскольку некоторое количество детей, зафиксированных во время переписи как русские, появилось в межнациональных семьях с русским отцом.

Как уже отмечалось, процесс обрусения русскоязычных диаспор, вследствие их небольшого размера¹⁴, не был в состоянии компенсировать ассимиляционные потери русской общины от брачного взаимодействия с титульным национальным сообществом. С учетом такой ассимиляционной составляющей среднегодовой коэффициент естественной убыли русских в 2010-е гг. составлял 10–11%, что за десятилетие должно было сократить общий демографический потенциал общины на 1,2–1,3 тыс. человек.

Сохранялся и небольшой миграционный отток русских из страны. Даже если предположить, что его интенсивность сократилась в сравнении с предыдущим десятилетием в несколько раз (до 100–120 человек), потери за десятилетия могли составить еще 1,0–1,2 тыс. человек, сократив размеры общины к началу 2020-х гг. до 9,5–10 тысяч (-16–20%). Тем не менее, есть основания предполагать, что реальные темпы убыли общины в 2010-е гг. были выше, на что указывает ряд признаков, в т. ч. количественная динамика провинциального русского населения Армении.

Перепись 2022 г., проведенная через полгода после начала СВО, частично зафиксировала появление в стране группы релокантов. Но география данной группы в значительной степени ограничивалась столицей и практически не выходила за пределы городской системы Армении. Тем самым результаты переписи по русским поселянам в 2010-е гг. фактически фиксировали количественную и пространственную динамику исключительно старожильческого населения. Напомним, что

¹⁴ Украинская (крупнейшая из них) в 2001 г. составляла 1,63 тыс. человек, а в 2010 гг. – 1,18 тысяч.

в первые два постсоветских десятилетия русские сельские жители были наиболее демографически устойчивой группой общины, потерявшей в «нулевые» только 8,2% своей численности. В последнее десятилетие ситуация изменилась – за 2011–2022 гг. группа сельских русских Армении сократилась на 26,4%. Больше 19% своей численности потеряла и группа русских региональных горожан.

По отдельным регионам Армении убыль русского населения за 2011–2022 гг. колебалась в диапазоне 28–76% (за исключением Ширакской области), а общая численность «провинциальных» русских (сельских и горожан) сократилась на 23,2%.

Если предположить, что до февраля-марта 2022 г. аналогичной была и количественная динамика русского населения Еревана (что весьма вероятно), то к началу 2020-х гг. размеры столичной группы должны были сократиться до 3,8–4,1 тыс., а демографический потенциал всей русской общины страны не превышал 9,2–9,5 тыс. человек.

Однако последняя перепись зафиксировала масштабный рост столичной группы, выросшей за 2011–2022 гг. на 76,4% (с 4,94 до 8,71 тыс. человек). О том, что данный рост был связан с масштабным притоком в страну релокантов (весна-осень 2022 г.) свидетельствует динамика половозрастной структуры всей русской общины. Прежде всего, отметим серьезный сдвиг в соотношении полов. Практически исчез весьма значительный перевес женщин, существовавший на протяжении почти всего постсоветского периода. При этом оптимизация гендерного баланса произошла исключительно за счет молодежи (20–29 лет) и поколений среднего возраста (30–39, 40–49 лет). Если среди старших возрастов (60+) в общине на 100 мужчин по-прежнему приходилось 540 женщин, то в группе 20–29 и 30–39-летних, соотношение уже было обратным – на 100 женщин приходилось соответственно 135 и 140 мужчин.

По данным переписи 2022 г., число русских 1983–1992 гг. и 1993–2002 гг. рождения выросло в Армении в сравнении с 2011 г. на 241 и 81% (табл. 6).

Таблица 6

**Русское население Армении разных периодов рождения,
согласно данным переписей 2011 и 2022 гг.**

Table 6

**Russian population of Armenia by period of birth,
according to 2011 and 2022 census data**

Годы рождения	Численность русских по годам рождения (человек)		Изменения численности 10-летних групп между 2001 и 2011 гг. (%)
	2011 г.	2022 г.	
2002–2011	1 166	1 104	-5,3
1992–2001	1 088	3 713	241,3
1982–1991	1 669	3 019	80,9
1972–1981	1 481	1 498	1,1
1962–1971	1 293	956	-26,1

Источник: рассчитано автором по материалам Армстата¹⁵

¹⁵ Результаты переписи населения Армении 2001 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>; Результаты переписи населения Армении 2011 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>; Результаты переписи населения Армении 2022 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944> (дата обращения: 12.06.2025).

Еще значительнее оказался рост мужского населения – 2,24 и 3,74 раза. Но определенный количественный рост наблюдался и у русских женщин данных возрастных групп (табл. 7). Причем у обоих полов он фиксировался исключительно в столичной группе. Среди русских поселян число родившихся в 1993–2002 и 1983–1992 гг. сократилось за межпереписной период на 40,3 и 46%.

Таблица 7

Русское население Армении разных периодов рождения по местности проживания и по полу, согласно данным переписей 2011 и 2022 гг.

Table 7

The Russian population of Armenia by periods of birth, place of residence, and gender, according to the 2011 and 2022 censuses

Годы рождения	Город			Село			Мужчины			Женщины		
	2011	2022	Δ	2011	2022	Δ	2011	2022	Δ	2011	2022	Δ
	(человек)		(%)	(человек)		(%)	(человек)		(%)	(человек)		(%)
1963–1972	765	563	-26,4	528	393	-25,6	365	330	-9,6	934	626	-33,0
1973–1982	1 025	1 159	13,1	456	339	-25,7	614	708	15,3	867	790	-8,9
1983–1992	1 095	2 709	147,4	574	310	-46,0	788	1 762	123,6	881	1 257	42,7
1993–2002	611	3 428	461,0	477	285	-40,3	569	2 129	274,2	519	1 584	205,2
2013–2022	716	702	-2,0	450	402	-10,7	609	590	-3,1	551	514	-6,7

Источник: рассчитано автором по материалам Армстата¹⁶

Масштабный приток в страну людей молодого и среднего возраста существенно снизил средний возраст всего русского населения Армении. В 2022 г. он составлял 33,6 года – почти на 10 лет ниже, чем в 2011 г. При этом средний возраст русских горожан (за счет столичной группы) был еще ниже – 32,4 года, против 47,9 лет в начале 2010-х гг. Произошла возрастная инверсия городской и сельской компонент общины. Если до начала 2020-х гг. русские горожане были в среднем значительно старше поселян (в 2011 г. соответственно 47,9 и 38,9 лет), то с 2022 г. соотношение среднего возраста стало обратным (32,4 и 43,4 года) (табл. 3)

Концентрация релокантов в столице Армении не только самым существенным образом трансформировала половозрастную структуру русского населения Еревана, но и значительно нарастила удельный вес столичной группы в общем демографическом потенциале общины – в 2022 г. он составил 61,9% против 41,5% в 2011 г. (притом, что переписью учтена была незначительная часть российских эмигрантов последней волны). А параллельно значительно (с 26,5 до 16,9%) сократилась доля второго эпицентра – русских Лорийской области. Фактически система расселения русских начала приобретать моноцентричный характер.

Итак, 2010-е гг. продолжили тренды двух предыдущих постсоветских десятилетий, связанные с поступательным демографическим закатом русской общины Армении, устойчивым и достаточно быстрым сокращением ее размеров, почти повсеместным характером депопуляции и сжатием общей географии расселения

¹⁶ Результаты переписи населения Армении 2001 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>; Результаты переписи населения Армении 2011 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>; Результаты переписи населения Армении 2022 г. // Армстат : [сайт]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944> (дата обращения: 12.06.2025).

русских, повышением их среднего возраста и отчетливым гендерным дисбалансом. Причем в 2010-е гг. эти негативные демографические тенденции заметно усилились – в пяти из 10 областей Армении численность русских сократилась на 43–76%, еще в четырех – на 24–34%, тогда как в «нулевые» в четырех регионах убыль составила 11–24%, а в четырех был зафиксирован рост русского населения на 4,3–8,5% (см. табл.). Даже в двух старожильческих русских селах Лорийской области – наиболее укорененных сельских средоточиях русской общины, потери составили около 20%, иллюстрируя общее ускорение процесса этнокультурного «исхода» русских из Армении.

2022–2025 гг.

Реализация этого «финального» демографического сценария была остановлена масштабным притоком в Армению в 2022 г. российских (т. е. прежде всего русских по этнической принадлежности) релокантов. Даже частичный учет представителей этой миграционной волны во время переписи 2022 г. существенным образом изменил количественные показатели и социодемографические характеристики наличного русского населения страны, его половозрастную структуру.

Точные размеры группы релокантов неизвестны, что связано не только с неполным характером статистики миграционной службы Армении, но, прежде всего, с высокой мобильностью представителей данной миграционной волны и форс-мажорными обстоятельствами ее генезиса весной-осенью 2022 г., с двумя выраженными пиками. Первый (март-апрель) формировался преимущественно людьми среднего возраста, настроенными оппозиционно по отношению к курсу действующей российской власти, имел высокую долю жителей двух российских столиц, был сбалансированном в гендерном разрезе. Второй пик (осень 2022 г.) в значительной степени был связан с мобилизационными мероприятиями и поэтому имел отчетливый мужской перевес, отличался более широкой географией исхода, был еще моложе первой миграционной волны по возрастным показателям. В этом же году, уходя от санкций, перемещают в Армению свою производственную деятельность и рабочие коллективы некоторых российских ИТ-компаний и других высокотехнологических фирм.

По данным министра экономики Армении В. Керабяна, нетто-приток россиян в страну за 2022 г. составил 108–110 тыс. человек¹⁷. Не исключено, что «в моменте» группа релокантов действительно превышала отметку в 100 тысяч. Но большинство экспертов оценивает ее размеры скромнее (60–80 тыс. человек) [12]. Тем более, что для самой значительной части российских мигрантов в 2022 г. Армения стала страной «первого выбора» – экстренной площадкой для выезда за пределы Российской Федерации. Уже к середине 2023 г. заметная часть избежавших мобилизации вернулась в Россию, а часть мигрантов первой оппозиционной волны переместилась в третьи страны.

Но с весны-лета 2023 г. сальдо миграционного обмена между Арменией и Россией возвращается к нулевой отметке, не считая динамики посещений, связанной с сезонной пульсацией российского турпотока. Это означает, что группа

¹⁷ В Армению из России в 2022 году переехало более 100 тысяч человек // Коммерсант : [сайт]. 16.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5875735> (дата обращения: 12.06.2025).

релокантов начала количественно стабилизироваться. По расчетам экспертов, порядка 50–60 тыс. мигрантов 2022 г. оставались в Армении и в 2023–2024 гг. Их 2–3-летний период пребывания в стране позволяет говорить о начале формирования новой более или менее устойчивой группы населения. Исходя из удельного веса русских в структуре всего населения России, можно предположить, что и в составе группы релокантов их как минимум – 75–80%, т. е. порядка 40–45 тыс. человек.

Дальнейшие перспективы этой группы зависят от результирующей большого числа переменных (продолжительность и итоги СВО, динамика социально-политической и экономической ситуации в России, интенсивность ее геостратегического противостояния с Западом, ситуация в Армении и т. п.). Высокая степень неопределенности оставляет возможность для реализации самого широкого спектра сценариев демографической динамики, не позволяя определить наиболее вероятные размеры данной группы не только в перспективе 10–15 лет, но даже в ближайшие годы.

Очевидно, что по мере продления сроков пребывания в Армении часть релокантов постепенно укоренялась в ней. Согласно одному из наиболее детальных и масштабных по размерам выборки опросов российской эмиграции 2022–2024 гг., проведенному специалистами РАНХиГС, более 41% российских релокантов, осевших в Армении (порядка 16–18 тыс. русских), весной 2024 г. собирались оставаться в данной стране еще не менее года¹⁸. В течение 2022–2024 гг. несколько тысяч россиян, не имевших армянских этнических корней, стали гражданами Армении, сопоставимое число получило постоянный или временный вид на жительство¹⁹. Несмотря на фактическую моноэтничность Армении и связанный с ней высокий уровень этнизации социокультурного пространства, высокий уровень русскоязычия армянского общества обеспечивал для релокантов достаточно комфортную среду социальной жизнедеятельности. Причем российские эмигранты также активно форматировали под свои насущные потребности местные социальные структуры. Так, уже в течение 2022 г. в Ереване открылось несколько частных русских школ, с обучением по российским программам [11].

На постепенную социально-экономическую интеграцию указывает и тот факт, что почти 40% работающих в Армении релокантов уже в 2024 г. имели местного, а не российского, работодателя. Причем именно в Армении оказалась минимальной доля эмигрантов (менее 2%), указавших, что со временем точно вернутся в Россию²⁰.

¹⁸ Флоринская, Ю. Ф., Мкртчян, Н. В. География новой российской эмиграции (по материалам опроса россиян, уехавших из России в 2022–2023 гг. // Демоскоп-Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01061/scientific_digest01.php (дата обращения: 12.06.2025).

¹⁹ Гражданство Армении в прошлом году получили почти более 16 тысяч россиян // Diaspora.ru : [сайт]. 4.09.2024. URL: <https://diasporaru.com/news/grazhdanstvo-armenii-v-proshlom-godu-poluchili-pochti-bolee-16-tysyach-rossiyan/>; Более 5 700 граждан РФ получили ВНЖ в Армении в 2024 году // Русская община Армении : [сайт]. 07.03.2025. URL: <https://russiancommunity.am/law/275-armmct7> (дата обращения: 28.07.2025).

²⁰ Флоринская, Ю. Ф., Мкртчян, Н. В. География новой российской эмиграции (по материалам опроса россиян, уехавших из России в 2022–2023 гг. // Демоскоп-Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01061/scientific_digest01.php (дата обращения: 12.06.2025).

Детальной статистики по социофессиональной структуре релокантов, осевших в Армении, нет, однако даже имеющаяся фрагментарная информация свидетельствует о высоком уровне образования и общей повышенной социальной «стабильности» миграционной волны 2022 г. Как уже отмечалось выше, Армения стала одним из эпицентров оттока высокотехнологичного бизнеса из России, нередко перемещавшего за ее пределы и свои производственные коллективы (достаточно указать на «Яндекс», открывший в Ереване филиал с несколькими сотнями сотрудников)²¹. Миграционная циркуляция последующих лет не могла кардинально изменить этих базовых профессиональных характеристик группы релокантов. Но для нашего исследования, в фокусе которого находятся геодемографические аспекты динамики русских, наиболее значимым является предельная «урбаноцентричность» релокантов, их максимальная концентрация в столичном центре страны.

Присутствие русских в Армении в настоящее время связано и с масштабным турпотоком из России, размеры которого с 2021 г., после снятия ковидных ограничений, составляют 0,9–1,1 млн человек в год²². Заметная часть этого множества формируется представителями большой армянской общины России. В сотнях тысяч измеряется и число россиян-туристов других национальностей, в первую очередь русских. С учетом существующей сезонности потока отдыхающих и его ориентации на столицу, в летний период в Ереване в 2022–2024 гг. могло одновременно находиться до 10–15 тыс. русских туристов, которые в последние годы заметно увеличивают масштабы русского этнокультурного присутствия в столице страны.

Выводы

Исследование установило, что период стремительной демографической убыли русского населения Армении пришелся на первое постсоветское десятилетие. За 1989–2001 гг. размеры русской общины сократились в 3,5 раза (с 51,5 до 14,7 тыс. человек). При этом максимальные потери понесла группа нестоличных горожан, число которых сократилось в 5,7 раз. Наибольшую устойчивость продемонстрировало русское сельское население (-45,3%), что прежде всего, было связано с его незначительной численностью и узкой географией. Около 60% всех русских поселян Армении в 2001 г. было сосредоточено в двух старожильческих селах Лорийской области – Лермонтово и Фиолетово.

В 2000-е гг. темпы демографической убыли русской общины существенно сократились (-18,8%), а в половине областей страны фиксировался небольшой рост русского населения, очевидно связанный межрегиональным перетоком. Депопуляционный тренд вновь усилился в 2010-е гг. – в семи из 10 регионов страны численность русских сократилась на 33–77%. К концу этого десятилетия в трех областях Армении доля русских в структуре населения была ниже 0,1%, еще в четырех составляла 0,1–0,21%.

²¹ Батыров, Т. «Яндекс» зарегистрировал компанию в Ереване для развития сервисов за рубежом // Forbes : [сайт]. 22.12.2022. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/482899-andeks-zaregistririval-kompaniu-v-erevane-dla-razvitiya-servisov-za-rubezom> (дата обращения: 14.08.2025).

²² Туризм // Федеральная служба государственной статистики РФ : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 18.03.2025).

Центральную роль в демографических потерях русской общины в 1990–2010-е гг. играла миграция, притом что удельный вес ее в общей убыли постепенно сокращался – с 98–98,5% в 1990-е гг. до 77–82% в 2000-е и 50–55% в 2010-е гг. Параллельно в структуре убыли возрастала доля естественных потерь и ассимиляции, в первую очередь связанной с высоким уровнем межнациональной брачности русских женщин, в т. ч. с представителями титульной нации.

Демографическая убыль сопровождалась деформацией половозрастной структуры – повышением среднего возраста русских и значительным перевесом женского населения (на 100 мужчин в 2000–2010-е гг. в общине приходились 210–250 женщин). Депопуляционный тренд в динамике русской общины был остановлен появлением в Армении обширной группы релокантов, увеличившей численность наличного русского населения страны в 2023–2024 гг. до 45–50 тыс. человек.

Именно релоканты в настоящее время определяют основные количественные, расселенческие, социодемографические характеристики наличного русского населения республики. Даже фрагментарный учет эмигрантов последней волны в результатах переписи 2022 г. (было учтено порядка 6 тыс. человек) позволил столичной группе русского населения практически полностью устранить существовавший 2,5-кратный перевес женщин и примерно на 20 лет снизить средний возраст своих представителей (с 52–53 до 32–33 лет). А сверхконцентрация релокантов в Ереване сделала его единственным эпицентром русских в стране – в 2023–2025 гг. на столицу приходилось уже порядка 90% наличного русского населения Армении (в 1990–2010-е гг. этот показатель составлял 40–45%).

Существенно, что релоканты практически не взаимодействуют с русским старожильческим населением Еревана, кардинально отличаясь от него не только по своей половозрастной и социофессиональной структуре, но и по образу жизни, уровню доходов, ценностным ориентирам и потребительским стандартам. При столь значительных расхождениях новоприбывшие не пополняли русскую старожильческую общину, отодвигая ее демографический закат, а фактически шли ей на смену, постепенно формируя ядро новой устойчивой группы русского населения Армении.

Как отмечалось, размер старожильческой группы русских Еревана в начале 2020-х гг. составлял порядка 3,8–4,1 тыс. человек и, учитывая существующие темпы депопуляции (2–3% в год), за текущее десятилетие может сократиться до 2,7–3,3 тыс. Если 10–15% русских релокантов, находившихся в Армении в 2024 г., в долгосрочной перспективе останутся в стране, сделав ее местом своего постоянного местожительства (или основного пребывания), их численность к 2030 г. может составлять 4–6 тыс., что будет в 1,5–2 раза больше старожильческой группы Еревана и сопоставимо со всем русским старожильческим населением страны (т. е. увеличит демографический потенциал общины в два раза).

Даже с учетом общей неопределенности дальнейших демографических перспектив группы релокантов такой сценарий представляется достаточно вероятным. Тем более, что определенная часть новых мигрантов, как было показано выше, достаточно активно и успешно интегрируется в социально-экономическую жизнь Армении.

Заметим также, что половозрастная структура релокантов в 2022–2023 гг. имела типичные черты этнических групп на стадии становления, для которых характерна значительная доля молодых одиноких мужчин, и связанные с этой особенностью отчетливый гендерный дисбаланс и низкий медианный возраст. Но в дальнейшем практически при любом сценарии демографической динамики группы релокантов, указанный дисбаланс будет сокращаться, поскольку появление на новом месте проживания семьи является одним из составных элементов процесса укоренения мигрантов [15]. Процесс переезда в Армению родственников релокантов фиксировался уже 2023–2024 гг.²³ Очевидно, поиск брачных партнеров для создания новых семей будет осуществляться мигрантами преимущественно за пределами Армении (прежде всего, в России), учитывая существенные социодемографические различия между новым и старожильческим русским населением страны, а также общую пониженную расположенность армянских «невест» к бракам с представителями других национальностей.

Таким образом, дальнейшая динамика группы релокантов с большой вероятностью будет представлять два взаимоувязанных тренда – значительное количественное сжатие и комплексное укоренение, оставшихся в Армении. К 2030 г. группа «новых русских» может сократиться многократно (или даже на порядок) в сравнении с 2022–2023 гг., но все равно будет заключать несколько тысяч человек.

Эта группа будет достаточно плотно социально-экономически интегрирована в армянское общество. Территориально она, как и в настоящее время, будет почти полностью сосредоточена в пределах Еревана, с минимальным включением ряда других городов, прежде всего Гюмри, второго по величине центра страны. По мере укоренения в Армении существующий среди релокантов ощутимый мужской перевес будет сдвигаться к гендерному балансу. Начнет «растягиваться» и их возрастная структура, в настоящее время в самой значительной степени ограниченная людьми в возрасте 25–40 лет. Но сниженный средний возраст представителей данной группы (около 30 лет) еще несколько десятилетий будет определять ее высокую репродуктивную активность и минимальный уровень смертности, позволяя поддерживать устойчивый естественный прирост.

Однако даже реализация такого оптимистического сценария демографической динамики столичной группы не сможет остановить устойчивой депопуляции небольших региональных групп старожильческого русского населения, заключающих в настоящее время от нескольких десятков до 150–300 человек. В ближайшие 15–20 лет они существенно сократятся в размерах и к середине XXI века помимо Еревана в качестве сколько-нибудь заметных средоточий русских в Армении могут сохраниться только старожильческие села Лорийской области и Гюмри (при условии сохранения в данном центре дислокации 102-й российской военной базы).

Список литературы

1. Долженко, И. В. Этнокультурные процессы среди русского населения Армении // Русские в современном мире / Отв. ред. Г. А. Комарова. Москва : Издательство ИЭА РАН, 1998. С. 176–189.

²³ Более 5 700 граждан РФ получили ВНЖ в Армении в 2024 году // Русская община Армении : [сайт]. 07.03.2025. URL: <https://russiancommunity.am/law/275-armmct7> (дата обращения: 28.07.2025).

2. Долженко, И. В. Социальный статус русских Армении // Научные труды. Гюмри : Центр арменоведческих исследований Ширака, 2002. Вып. V. С. 82–85.
3. Лебедева, Н. М. Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. Москва : Издательство ИЭА РАН, 1995. 299 с.
4. Савоскул, С. С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. Москва : Наука, 2001. 438 с. ISBN 5-02-008730-0.
5. Арефьев, А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI вв. Москва : Издательство ЦСП, 2012. 482 с. ISBN 978-5-906001-12-2.
6. Лащенко, Е. А. «Русский мир» в Армении // Россия и современный мир. 2006. № 3 (52). С. 225–231. EDN [HUNKJP](#).
7. Население России 2001 г.: девятый ежегодный демографический доклад / ред. А. Г. Вишневский. Москва : Университет, 2002. 216 с. ISBN 5-8013-0175-5.
8. Кабузан, В. М. Русские в мире. Санкт-Петербург : Блиц, 1996. 348 с. ISBN 5-86789-022-8.
9. Суций, С. Я. Русские на Южном Кавказе: факторы динамики в постсоветский период и геодемографические перспективы // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 26–41. DOI [10.31857/S013216250015744-1](#). EDN [RCQUJY](#).
10. Атанесян, А. В. «Русские релоканты» в восприятии молодежи Армении // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 112–122. DOI [10.31857/S013216250026383-4](#). EDN [BZDWLZ](#).
11. Евстратов, А. Г. Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине // Архонт. 2022. № 3 (30). С. 85–90. EDN [GOINJE](#).
12. Zavadskaya, M. The War-Induced Exodus from Russia: A Security Problem or a Convenient Political Bogey? FIIA Briefing Paper. March 2023. No. 358. 9 p. ISBN 978-951-769-758-3.
13. Арутюнов, С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78. EDN [SJOEZJ](#).
14. Левин, З. И. Менталитет диаспоры. Москва : Институт востоковедения РАН, 2001. 176 с. ISBN 5-89282-175-7.
15. The Demographic Handbook of Armenia 2024. Yerevan : Armstat, 2024. 232 p.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № [24-28-00974](#) «Русские ближнего зарубежья: геодемография, миграция, ассимиляционные процессы (актуальные тенденции 2010-х – начала 2020-х гг.)».

Сведения об авторе

Суций Сергей Яковлевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: SS7707@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5131-3988](#); РИНЦ SPIN-код: [7644-9948](#); Web of Science Researcher ID: [U-7960-2019](#); Scopus Author ID: [57206899554](#).

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; принята в печать 18.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

GEODEMOGRAPHIC PROCESSES AMONG THE RUSSIAN POPULATION OF POST-SOVIET ARMENIA

Sergey Ya. Suschiy

Southern Scientific Centre RAS, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: SS7707@mail.ru

For citation: Suschiy, S. Ya. Geodemographic Processes among the Russian Population of Post-Soviet Armenia. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 90–109. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.6). (In Russ.)

Abstract. The objectives of this study are to investigate the demographic dynamics of Russia's population in post-Soviet Armenia, to analyze the relationships between natural reproduction and migration, and to record changes in the age, sex, and settlement patterns of the Russian-speaking community. A systems approach was employed in this complex study, using demographic, ethno-geographical, and sociological methods. It has been established that a period of rapid decline in the Russian population took place in the 1990s when the number of Russian speakers in Armenia decreased three-fold (from 51,500 to 14,700). In the early 2000s the rate of decline slowed down (-18,8%) but then increased again. At the end of 2010, in three of ten regions, the proportion of Russians was less than 0.1% and in four more it was between 0.1 and 0.2%. Most Russian settlers lived in two established villages (Lermontovo and Fioletovo). Migration was a major factor in the ongoing depopulation, but its contribution to the overall decline decreased from 98–99% in the late 1980s to around 75–80% in the early 1990s. Natural losses and assimilation also contributed to population decline, especially due to high rates of inter-ethnic marriage among Russian women with local men. The decline was accompanied by changes in sex and age structures, with a significant female predominance and an increase in median age. The trend of depopulation was reversed by the arrival of a new group of migrants, who increased from 20,20 to 2040. This group consisted mainly of young and mid-aged males, which helped to balance the gender imbalance and age distribution of the Russian diaspora. Migrants were concentrated in Yerevan, which became a demographic center with over 90%, compared to 40% in previous decades. The future of this group remains uncertain, but their arrival has already had a significant impact on the demographics of Armenia.

Keywords: Russian population, post-Soviet Armenia, geodynamics, settlement pattern, natural reproduction, migration, assimilation, relocants

References

1. Dolzhenko, I. V. Etnokul'turnyye protsessy sredi russkogo naseleniya Armenii [Ethnocultural processes among the Russian population of Armenia]. In: *Russkie v sovremennom mire [Russians in the modern world]*; Ed. G. A. Komarova. Moscow : Institute of Economics and Analytical Studies of the RAS Publ., 1998. Pp. 176–189. (In Russ.).
2. Dolzhenko, I. V. *Sotsial'nyy status russkikh Armenii [Social status of Russians in Armenia]*. Scientific works. Gyumri : Shirak Center for Armenian Studies, 2002. Vol. 5. Pp. 82–85. (In Russ.).
3. Lebedeva, N. M. *Novaya russkaya diaspora: Sotsial'no-psikhologicheskii analiz [The New Russian Diaspora: Social and Psychological Analysis]*. Moscow : IEA RAS Publ., 1995. 299 p. (In Russ.).
4. Savoskul, S. S. *Russkiye novogo zarubezh'ya: Vybor sud'by [Russians of the New Abroad: The Choice of Fate]*. Moscow : Nauka Publ., 2001. 438 p. ISBN 5-02-008730-0. (In Russ.).
5. Arefyev, A. L. *Russkiy yazyk na rubezhe XX–XXI vv. [Russkiy yazyk na rubezhe XX–XXI vv.]*. Moscow: TsSP Publishing House, 2012. 482 p. ISBN 978-5-906001-12-2. (In Russ.).
6. Lashchenova, E. A. “The Russian World” in Armenia. *Russia and the Contemporary World*. 2006. No. 3 (52). Pp. 225–231. (In Russ.).
7. *Naseleniye Rossii 2001 g. [Population of Russia 2001]: The Ninth Annual Demographic Report*; ed. by A. G. Vishnevsky. Moscow : Univerisitet Publ., 2002. 216 p. ISBN 5-8013-0175-5. (In Russ.).
8. Kabuzan, V. M. *Russkiye v mire [Russians in the World]*. St. Petersburg : Blitz Publ., 1996. 348 p. ISBN 5-86789-022-8. (In Russ.).
9. Sushchiy, S. Ya. Russians in the South Caucasus: Factors of Dynamics in the Post-Soviet Period and Geodemographic Prospects. *Sociological research*. 2021. No. 9. Pp. 26–41. DOI [10.31857/S013216250015744-1](https://doi.org/10.31857/S013216250015744-1). (In Russ.).
10. Atanesyan, A. V. «Relocated Russians» in Perception of Armenian Youth. *Sociological research*. 2023. No. 6. Pp. 112–122. DOI [10.31857/S013216250026383-4](https://doi.org/10.31857/S013216250026383-4). (In Russ.).
11. Evstratov, A. G. Relocation of Russians to Armenia in the Light of RF Special Operation in Ukraine. *Arkhot*. 2022. No. 3 (30). Pp. 85–90. (In Russ.).
12. Zavadskaya, M. The War-Induced Exodus from Russia: A Security Problem or a Convenient Political Bogey? *FIIA Briefing Paper*. March 2023. No. 358. 9 p. ISBN 978-951-769-758-3.
13. Arutyunov, S. A. Diaspora – eto protsess [Diaspora is a process]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 2000. No. 2. Pp. 74–78. (In Russ.).
14. Levin, Z. I. *Mentalitet diaspory [Mentality of the Diaspora]*. Moscow : Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2001. 176 p. ISBN 5-89282-175-7. (In Russ.).
15. *The Demographic Handbook of Armenia 2024*. Yerevan : Armstat, 2024. 232 p.

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by RSF according to the research project No. [24-28-00974](#) "Russians in the Near Abroad: Geodemography, Migration, and Assimilation Processes (Current Trends of the 2010s – Early 2020s)."

Bio note

Sergey Ya. Suschiy, Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Southern Scientific Centre RAS, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: SS7707@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5131-3988](#); PSCI SPIN code: [7644-9948](#); Web of Science Researcher ID: [U-7960-2019](#); Scopus Author ID: [57206899554](#).

Received on 20.06.2025; accepted for publication on 18.08.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.7)

EDN [KCXFYQ](https://www.edn.ru/KCXFYQ)

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО ЛИДЕРСТВА США

Абрамян К. А.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: kirill.abramyan@gmail.com

Рубинская Э. Д.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

Для цитирования: Абрамян, К. А. Миграционная политика как инструмент инновационного лидерства США / К. А. Абрамян, Э. Д. Рубинская // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 110–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.7). EDN [KCXFYQ](https://www.edn.ru/KCXFYQ).

Аннотация. Важным фактором, обеспечивающим глобальное лидерство США в инновационном секторе, является человеческий капитал. Чтобы гарантировать количество и качество высококвалифицированной рабочей силы, необходимой для развития передовых технологий, недостаточно полагаться только на собственные ресурсы. Статья посвящена анализу инструментария и роли миграционной политики в инновационном лидерстве США. Установлено, что выверенная миграционная политика, в основе которой лежит селективный подход, стала ключевым фактором, обеспечивающим постоянный приток в страну «талантов» со всего мира. Кроме того, иностранные высококвалифицированные специалисты, работающие в высокотехнологичном секторе, локализуются в инновационных кластерах (Кремниевая долина в Калифорнии, «Бостонский маршрут» и др.), что значительно повышает экономическую эффективность компаний. США выстроили сложную и многоуровневую визовую систему, направленную на привлечение и удержание научных и высококвалифицированных работников, дополняемую привилегией получения «грин-карты» или американского гражданства. В то же время, на фоне гибкости миграционного инструментария других стран, системные ограничения миграционной политики и бюрократические барьеры, введенные администрацией Д. Трампа, в перспективе могут послужить сдерживающим фактором в конкурентной борьбе за иностранных высококвалифицированных специалистов и тем самым – потере США своих лидирующих позиций.

Ключевые слова: высококвалифицированные кадры, миграционная политика, иммиграционные визы, немиграционные визы, инновационная экономика, инновации

Введение

Доступ к талантам имеет решающее значение для развития как национальной экономики в целом, так и для поддержания конкурентоспособности отдельно взятых компаний. Для повышения качества рабочей силы и реализации ее инновационного потенциала недостаточно только национальных кадров. Чтобы привлечь высококвалифицированные трудовые ресурсы из-за рубежа многие государства проводят избирательную миграционную политику [1]. Особенное значение для прогресса имеют иммигранты с подготовкой в STEM-направлениях¹.

¹ К STEM-направлениям относятся Science (наука), Technology (технологии), Engineering (инжиниринг) и Mathematics (математика).

Глобальная конкуренция в области высоких технологий и искусственного интеллекта между странами сегодня является наиболее острой, будущее лидерство в мире за теми, кто преуспеет в этой борьбе. Соединенные Штаты Америки, стремящиеся сохранить и приумножить влияние в мире, именно инновации считают приоритетом в экономической политике, что нашло отражение в стратегических документах, определяющих вектор дальнейшего развития. Так, во вступлении к принятой во время президентства Б. Обамы «Стратегии американских инноваций: движение к устойчивому росту и качественным рабочим местам» («A Strategy for American Innovation: Driving Towards Sustainable Growth and Quality Jobs») сказано, что инновации являются ключом к процветанию и необходимы для достижения долгосрочного роста и национальной конкурентоспособности². Отметим, что согласно глобальному инновационному индексу Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) США входят в тройку мировых лидеров по инновационной экономике³. В стране также размещено 20 научно-технических кластеров (второе место в мире после Китая), пять из которых входят в топ-10 по количеству патентов и научных публикаций⁴. Инновационная экономика – экономика, в которой хозяйствующие субъекты используют созданные или приобретенные инновации и по результатам инновационной деятельности поставляют на рынок новые или усовершенствованные продукты (работы, услуги), используют в своем производстве и (или) поставляют на рынок новые или усовершенствованные технологические процессы [2]. Для того, чтобы такая экономика функционировала и развивалась, ей нужен постоянный приток высококвалифицированных трудовых ресурсов. В данной связи селективный подход к миграционной политике стал одним из ключевым инструментом по привлечению в США ученых и специалистов из разных областей, вкупе с которым были созданы необходимые условия, обеспечивающие «удержание» талантов в стране.

Обзор литературы

Взаимосвязь между инновационным процессом в США и ролью фактора наличия в стране высококвалифицированной иностранной рабочей силы пока недостаточно раскрыта в научных работах ученых. Однако некоторые исследователи частично касаются данной темы.

В частности, группа американских ученых (Г. Челларадж, К. Э. Маскус, А. Матту) представила одни из первых систематизированных эконометрических результатов о вкладе иностранных аспирантов и высококвалифицированных мигрантов в развитие инноваций в США [3]. Полученная ими на основании количества патентов корреляция доказывает, что вклад таких специалистов значителен, особенно это проявляется в масштабах университетов. Кроме того, исследователи

² A Strategy for American Innovation // National Economic Council and Office of Science and Technology Policy : [site]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/strategy_for_american_innovation_october_2015.pdf (accessed on 13.06.2025).

³ Global Innovation Index 2024. Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship 17th Edition // World Intellectual Property Organization : [site]. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf (accessed on 13.06.2025).

⁴ Ibidem.

отмечают, что патентование технологий и высокотехнологичных продуктов аспирантами-американцами ниже, чем у иностранцев.

У. Р. Керр, У. Ф. Линкольн проанализировали выданные китайцам и индийцам визы типа IН-В и выявили рост заявок на патенты от иммигрантов из этих стран. Ученые также констатировали, что в 2000 г. иммигранты составляли около 47% от числа тех, кто имел докторские степени в области науки в США [4].

Используя данные лондонского ежегодного бизнес-опроса, в котором приняли участие более 2 500 тысяч фирм, Н. Ли и М. Натан зафиксировали, что иностранная рабочая сила положительно влияет на развитие инноваций в стране и бизнес в целом [5].

Проанализировав карьеры более чем 5 000 ведущих ученых, отобранных по критерию наиболее частого цитирования в академических журналах за период с 1984 по 2004 гг., Л. Г. Цукер, М. Р. Дарби пришли к выводу, что 62% таких ученых проживают в Соединенных Штатах Америки [6]. Важным фактором выбора страны релокации для иностранных ученых является наличие «инфраструктуры знаний», включающей единомышленников. Такие ученые концентрируют свое размещение в крупных исследовательских агломерациях, служащими местами притяжения для исследователей. Вместе с тем налицо некоторая тенденция к последующему оттоку кадров из страны, но, тем не менее, США остаются одной из четырех крупнейших стран по показателю чистой положительной миграции по количеству прибывающих и уезжающих ученых и исследователей.

Результаты и оценки

Инновационный процесс в США получил качественно новый рывок на рубеже 1960–1970-х гг., когда гонка вооружений, развязанная в эпоху «холодной войны», еще давала о себе знать, но при этом напряжение после Карибского кризиса начало ослабевать, а дальнейшее развитие человечества стало восприниматься как восхождение по ступеням прогресса в сторону идеализированного будущего мира технологий [7]. Правительство США своевременно осознало, что для достижения стратегического отрыва от всех остальных стран «создавать» у себя мыслящих людей недостаточно, необходимо привлекать высококвалифицированные кадры со всего мира, которые будут приносить не только свои знания, но и с многообразием менталитетов и культур будут способны наиболее эффективно и творчески подходить к решению технологических вопросов. Главная идея селективной миграционной политики состоит в том, чтобы благоприятствовать созданию условий для привлечения в страну необходимых категорий высококвалифицированных кадров, условия работы и переезда для которых будут выгодно отличаться от других категорий мигрантов [8]. Селективную миграционную политику можно условно разделить на нескрытую (основанную на баллах) и скрытую (управляемую работодателем) модель [9].

При нескрытой модели миграционной политики (применяется в таких государствах как Канада, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания и пр.) правительством ежегодно устанавливаются цели по привлечению мигрантов, составляется список дефицитных профессий, выпускаются публичные отчеты о достигнутых результатах, в которых анализируется реализация иммиграционных программ.

Данная модель может быть основана на балльной системе отбора, оценивающей такие характеристики кандидата как возраст, уровень образования, опыт работы, знание языков и т. д. К ее недостаткам можно отнести жесткую зависимость от формальных (измеряемых) критериев и игнорирование реальных потребностей рынка труда (например, определенные специалисты могут быть крайне необходимы, но их нет в списке дефицитных профессий).

Скрытый тип селективной миграционной политики, в том числе используемый в США, более ориентирован на рынок труда, то есть работодатели страны-реципиента определяют потребность в иностранных кадрах с нужными профессиональными навыками и содействуют получению разрешения на работу в стране для иностранца на временной или постоянной основе. Работодатели на основании имеющихся навыков и уровня образования кандидата указывают на высокую ценность такого сотрудника и нехватку данных специалистов на внутреннем рынке труда. Во Франции допускается дискреционное рассмотрение, прилагаемое к найму иностранных работников, если они обладают навыками, необходимыми для страны. Однако при такой модели малые предприятия, которые не нанимают иностранных специалистов на регулярной основе, находятся в невыгодном положении по причине отсутствия прозрачности в отношении процедур найма.

В этой связи важно отметить правовые и регуляторные решения США, которые в должной мере способствовали привлечению высококвалифицированных специалистов со всего мира. Важной вехой стал 1990 г., когда в эпоху президентства Дж. Буша-старшего была проведена масштабная иммиграционная реформа, способная отвечать требованиям и вызовам американской экономики в преддверии нового века. Принятый закон заложил основу современного иммиграционного законодательства США⁵, особенно в части системы отбора – в некоторой степени была осуществлена попытка отойти от приоритета по воссоединению семей мигрантов в пользу привлечения иммигрантов с необходимыми навыками и образованием. Закон утвердил новые категории мигрантов и ввел понятие программы этнического разнообразия, которая в модернизированном варианте «Diversity Visa Lottery» существует и сегодня.

Подписанный в 2000 г. Закон о конкурентоспособности Америки в XXI в. (АС21) упростил иммиграционное законодательство для квалифицированных иностранных лиц, желающих работать в Соединенных Штатах. АС21 был сосредоточен на упрощении правил, связанных с право применением и ограничениями неиммиграционной визы H-1B, которая позволяет работодателям из США временно нанимать иностранцев на должности, требующие наличия специальных знаний, степени бакалавра и опыта работы. Отметим, что с приходом к власти в 2025 г. президента Д. Трампа вектор миграционной политики начал смещаться в сторону ужесточения⁶.

⁵ S. 358 (101st): Immigration Act of 1990 // GovTrack.us: Tracking Congress & White House : [site]. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/101/s358/text> (accessed on 25.04.2025).

⁶ H-1B Electronic Registration Process // USCIS : [site]. URL: <https://www.uscis.gov/working-in-the-united-states/temporary-workers/h-1b-specialty-occupations/h-1b-electronic-registration-process> (accessed on 13.06.2025).

Виза О-1 также относится к неиммиграционным визам и позволяет иностранцам с уникальными достижениями и высокой квалификацией («виза талантов») пребывать в стране до трех лет и при этом не предусматривается никаких ограничений на ее продление. Как правило, такую визу оформляют ученые, спортсмены, представители деловых кругов, артисты.

Студенческие визы групп М и F предусматривают возможность проходить обучение в высших учебных заведениях Соединенных Штатов, сроки пребывания ограничиваются периодом длительности образовательной программы. По окончании программы иностранцу необходимо покинуть страну или заранее получить другую визу, дающую возможность остаться. Исследования показывают, что чем выше степень образования, тем выше степень удержания иностранца в США. Так, по состоянию на 2021 г. 17% всех иностранных студентов, получивших степень бакалавра, остались в США, 51% оставшихся имел степень магистра, 76% – степень доктора наук⁷.

С началом упрощения в 1990 г. американского миграционного законодательства поток желающих получить временную визу увеличился в разы (см. табл. 1). За период с 1993 по 2023 г. количество людей, находящихся в стране с визой типа H1B увеличилось почти в 8 раз, с визой типа O1 – почти в 35 раз, со студенческими визами – в 5 раз, с визой типа TN для профессионалов из стран НАФТА – в 20 раз⁸.

Таблица 1

Количество действующих виз некоторых типов в США

Table 1

Number of valid US visas of several types

Тип визы	1993	1998	2003	2008	2013	2018	2023
Рабочие визы для специалистов (H1B)	92 795	240 947	360 498	409 619	474 355	570 370	755 020
Виза для лиц с выдающимися способностями (O1)	3 105	12 221	25 541	41 238	66 604	120 630	108 180
Виза для профессионалов из стран НАФТА (TN)	-	59 061	59 201	88 382	612 535	731 500	1 204 910
Студенческие визы	370 620	564 683	662 966	917 373	1 669 225	1 957 850	1 700 280

Источник: составлено авторами по данным Yearbook of Immigration Statistics⁹

Значение ресурса человеческого капитала и необходимость увеличения квалифицированной рабочей силы находят свое отражение и во многих заявленных национальных стратегиях. В частности, «Стратегия американских инноваций: движение к устойчивому росту и качественным рабочим местам» декларирует двумя из четырех своих целей в области инвестирования в инновации обучение

⁷ O'Brien, C. Most international graduates of American universities ultimately leave the U.S. // Economic Innovation Group : [site]. 27.06.2024. URL: <https://eig.org/immigrant-retention-estimates/#:~:text=Only%2041%20percent%20of%20international,ultimately%20stays%20in%20the%20U.S.> (accessed on 30.04.2025).

⁸ Yearbook of Immigration Statistics // OHSS : [site]. URL: <https://ohss.dhs.gov/topics/immigration/yearbook> (accessed on 05.04.2025).

⁹ Ibidem.

следующего поколения знаниям и навыкам XXI в. и создание рабочей силы мирового класса¹⁰.

На примере лауреатов Нобелевской премии по химии, физике, медицине, экономике можно отследить, что после Второй мировой войны около 65% нобелиатов связаны с американскими организациями и исследовательскими центрами, и лишь половина из них родилась на территории Соединенных Штатов.

Стремительное развитие ИИ, био-, нано- и прочих новейших технологий, а также кризис естественных наук способствовали появлению STEM-направлений, являющихся драйверами роста инноваций. В 2019 г. иммигранты составляли почти четверть (или 23,1%) всех работников страны, занятых в STEM-областях. Это существенный прирост за 20 лет по сравнению с 2000 г., когда всего 16,4% рабочей силы в сфере STEM в стране были иностранцами¹¹. Кроме того, данные показывают, что работники STEM-направлений, родившиеся за рубежом, имеют более высокий уровень образования, чем их коллеги, родившиеся в США. По информации Национального бюро экономических исследований, за период с 1990 по 2016 г. иммигранты составляли 16% от всех изобретателей страны, производя при этом почти четверть всех инновационных технологий, если оперировать данными по патентным регистрациям [10].

Как правило, специалисты, работающие в секторах, связанных с передовыми технологиями, базируются в технологических центрах или инновационных кластерах, чему способствует американская модель агломерационной экономики, при которой группы предприятий локализуются на компактной территории, что экономит до 20% затрат на создание общих объектов производственной и социальной инфраструктуры и на 30% сокращает необходимую территорию для промышленного строительства [11]. Стоит отметить, что в данном случае размещение специалистов привязано не к конкретному объекту (университет, предприятие), а относится к городу или региону. Кремниевая долина в Калифорнии – всемирно известный пример такого кластера, берущего свое начало со Стэндфордского университета и разросшегося далеко на юг. Здесь, в долине, базируются многие компании «бигтеха», доминирующие в разработке микропроцессоров, интегральных схем, ПО и приложений – Apple, Google, HP, Oracle, Intel и т. п. Другими крупными инновационными кластерами, где наблюдается аккумуляция иммигрантов, являются города Бостон («Бостонский маршрут»), Нью-Йорк, Парк исследовательского треугольника в штате Северная Каролина (города Ролли – Дарем – Чапл-Хилл) и пр. Роль правительства США сведена только к организационной функции по стимулированию ведения научной деятельности, налаживания деловых связей и созданию комфортных условий для жизни.

Еще одним важным преимуществом высококвалифицированных иммигрантов является их более активное участие в международном обмене знаний. Согласно

¹⁰ A Strategy for American Innovation // National Economic Council and Office of Science and Technology Policy : [site]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/strategy_for_american_innovation_october_2015.pdf (accessed on 13.06.2025).

¹¹ Foreign-Born STEM Workers in the United States // American Immigration Council : [site]. URL: https://www.americanimmigrationcouncil.org/sites/default/files/research/foreign-born_stem_workers_in_the_united_states_final_0.pdf (accessed on 04.05.2025).

корреляционным данным группы ученых из Национального бюро экономических исследований, иммигранты на 10% чаще ссылаются в своих трудах на работы, выполненные в других странах, в два раза чаще сотрудничают с иностранными учеными, но по мере их ассимиляции такая тенденция снижается [10]. Имеют место быть и признаки того, что способности и знания людей из разных культур ускоряют инновационный процесс, однако на сегодняшний день исследования, изучающие уровень образования и подготовки мигрантов, количество патентных заявок, персональные характеристики, такие как мотивация, культура, когнитивное поведение, способы обучения и восприятия информации и прочие неявные знания (*tacit knowledge*), которые трудно оценить и измерить, но которые могут играть решающую роль в разрешении вопроса о вкладе мигрантов в развитие науки, только начинают появляться.

Проблемы и вызовы

Несмотря на поощрение и привлечение студентов и высококвалифицированных специалистов со всего мира, в США по-прежнему действует довольно сложный и жесткий процесс получения американской визы. Мало того, объявленная новым президентом борьба с нелегальной миграцией уже оказала негативный эффект на легальную миграцию. Так, помимо ограничений, с которыми в 2025 г. столкнулись претенденты на визу типа H1-B, Госдепартамент поручил посольствам США в разных странах приостановить запись на собеседования на получение виз категорий F (студенческая виза), M (профессиональная/неакадемическая студенческая виза) и J (виза по программе академических обменов)¹². Несмотря на то, что в июне 2025 г. эта пауза была прервана, вследствие введения новых правил (к примеру, социальные сети потенциальных кандидатов теперь должны тщательно проверяться, однако не указано, что конкретно будет отслеживаться) число отказов на получение студенческих виз значительно увеличилось. В дополнение к вышесказанному Администрация Д. Трампа обвинила университеты Лиги Плюща в распространении левых радикальных взглядов и в антисемитизме¹³. Министерство внутренней безопасности США приостановило участие Гарвардского университета в программе «Student and Exchange Visitor Program» (программа для студентов и обучения по обмену), что временно лишает учебное заведение права принимать иностранных студентов по визам типа F и J. Чтобы сохранить визовый статус, уже зачисленные в Гарвардский университет студенты должны перевестись в другие аккредитованные вузы. Федеральный суд в Бостоне временно заблокировал это решение, тем не менее легальное положение иностранных студентов остается неясным. Усугубилось и положение китайских студентов, насчитывающих примерно четверть от общего числа иностранных студентов в стране. Госсекретарь М. Рубио заявил, что «под руководством президента Трампа Госдепартамент США будет работать

¹² Department of State Press Briefing – May 29, 2025 // US Department of State : [site]. URL: <https://www.state.gov/briefings/departments-press-briefing-may-29-2025/> (accessed on 10.06.2025).

¹³ Trump considers redirecting \$3 billion in Harvard grants to US trade schools // Reuters : [site]. 26.05.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/us/trump-says-hes-considering-taking-3-billion-grants-harvard-giving-it-trade-2025-05-26/> (accessed on 15.06.2025).

с Министерством внутренней безопасности над отзывом виз китайских студентов, включая тех, кто связан с Коммунистической партией Китая»¹⁴.

В перспективе ограничительные визовые барьеры могут стать крайне негативным фактором в конкурентной борьбе за лучшие «умы» мира, поскольку прочие страны работают над упрощением условий допуска и повышением своей миграционной привлекательности для иностранных студентов и специалистов. Яркая тому иллюстрация – пример Сингапура, в котором с 2023 г. действуют абсолютно новые правила получения визы – введена программа «Иностранная сеть и пропуск эксперта» («Overseas Network & Expertise Pass»), позволяющая высокооплачиваемым и успешным специалистам переехать в страну без предварительного условия перво-наперво найти работу. Период действия такой визы составляет до 5 лет¹⁵.

В современном быстроменяющемся мире серьезным вызовом для инновационного развития Соединенных Штатов может стать институциональная инертность миграционной политики. Трудовое законодательство США в большей степени ориентировано на соблюдение «modus operandi» (образ действия), когда сотрудник действует строго в заданных рамках. Так, например, трудовые возможности иностранного специалиста или студента имеют четкие и жесткие рамки – его контракт по временной визе может быть окончен или расторгнут по причинам, не зависящим от КПЭ¹⁶ данного работника, и не продлен, к примеру, из-за изменения макроэкономической ситуации. В зависимости от типа визы иностранному гражданину будет предписано покинуть страну либо сразу, либо в строго установленный временной интервал, что сужает его возможности оперативно перейти на работу к новому работодателю; студентам, окончившим образовательную программу и не успевшим подать заявление на новый тип визы, также предписано немедленно покинуть страну.

Подобное отсутствие гибкости американской миграционной политики способствует потере так необходимых США знаний и компетенций, что в конечном счете наносит ущерб дальнейшему инновационному развитию, поскольку занятость и поощрение внутренней мобильности могли бы увеличить эффект от образования и сохранить квалифицированных сотрудников в стране.

Выводы

Одним из ключевых факторов, превративших экономику США в инновационную, стал постоянный приток «умов» из разных стран мира. Соединенные Штаты были в авангарде государств, осознавших, что для собственного благополучия и развития нужно делать ставку на человеческий капитал, который должен культивироваться внутри страны и подпитываться извне. Высокий уровень жизни в совокупности с грамотной селективной миграционной политикой способствовали

¹⁴ Сокращение числа учащихся из Китая может нанести ущерб конкурентоспособности США // Коммерсантъ : [сайт]. 30.05.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7758526> (дата обращения: 15.08.2025).

¹⁵ Key facts on Overseas Networks & Expertise Pass // Ministry of Manpower : [site]. URL: <https://www.mom.gov.sg/passes-and-permits/overseas-networks-expertise-pass/key-facts> (accessed on 10.05.2025).

¹⁶ Ключевой показатель эффективности.

формированию необходимого базиса не только для привлечения потенциальных специалистов (иностранных студентов) и высококвалифицированных профессионалов в областях STEM, но и, что особенно важно, для их дальнейшего удержания в стране через создание финансовых, а также комфортных бытовых условий. Количество патентных заявок от иностранных специалистов-сотрудников американских технологических фирм, анализ данных по их трудоустройству в инновационных кластерах показывают существенную роль этой категории мигрантов в инновационном развитии США.

В то же время краткосрочные политические цели, результатом которых становится сокращение притока в страну потенциальных (иностранных студентов) и реальных специалистов, могут напрямую подорвать долгосрочные национальные интересы и нанести существенный ущерб конкурентоспособности страны. В современных условиях удержание Соединенными Штатами Америки своих лидирующих позиций в сфере инноваций находится в прямой зависимости от проведения структурных реформ в области миграционной политики в плане ее гибкости и адаптивности. В равной мере необходимы дальнейшие эмпирические исследования связи между иммиграцией, инновациями и миграционной политикой, что в купе с анализом мирового опыта позволит, во-первых, выработать проактивный инструментарий миграционного регулирования в зависимости от целей инновационного развития и, во-вторых, сохранить позиции в условиях растущей глобальной конкуренции за лучшие «умы» планеты.

Список литературы

1. Рубинская, Э. Д. Международная миграция высококвалифицированных специалистов: состояние, тенденции, регулирование. Москва : Издательство «Перо», 2022. 198 с. ISBN 978-5-00189-934-1. EDN [XEPZKQ](#).
2. Баутин, В. М. Инновационная экономика: содержание, место и роль инноваций // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2014. № 2. С. 103–118. EDN [SEMVD](#).
3. Chellaraj, G. The Contribution of Skilled Immigration and International Graduate Students to U.S. Innovation / G. Chellaraj, K. E. Maskus, A. Mattoo. Washington : World Bank Policy Research Working Paper, 2005. 35 p. DOI [10.1596/1813-9450-3588](#).
4. Kerr, W. R. The Supply Side of Innovation: H-1B Visa Reforms and US Ethnic Invention / W. R. Kerr, W. F. Lincoln. Harvard : HBS Working Paper, 2008. No. 09–005. 50 p.
5. Lee, N. Knowledge Workers, Cultural Diversity and Innovation: Evidence from London / N. Lee, M. Nathan // International Journal of Knowledge-Based Development. 2010. № 1. Pp. 53–78. DOI [10.1504/IJKBD.2010.032586](#).
6. Zucker, L. G. Star Scientists, Innovation and Regional and National Immigration / L. G. Zucker, M. R. Darby. Cambridge : NBER Working Paper, 2007. № 13547. 41 p. DOI [10.3386/w13547](#).
7. Игнатов, И. И. Современные тенденции развития инновационного образования в США // Наука. Инновации. Образование. 2008. Т. 3, № 1. С. 258–268. EDN [RHUOGP](#).
8. Рубинская, Э. Д. Высококвалифицированные специалисты как ключевой фактор конкурентоспособности стран: мировой опыт привлечения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 146–153. DOI [10.22394/2079-1690-2020-1-1-146-153](#). EDN [FRUJLC](#).
9. Xhardez, C. The Hidden Power of Provincial and Territorial Immigration Programs in Shaping Canada's Immigration Landscape / C. Xhardez, D. Tanguay // Comparative Migration Studies. 2024. Vol. 12, № 1. Article 59. DOI [10.1186/s40878-024-00414-y](#).
10. Bernstein, S. The Contribution of High-Skilled Immigrants to Innovation in the United States / S. Bernstein, R. Diamond, A. Jiranaphawiboon, T. McQuade, B. Pousada. Cambridge : NBER Working Paper, 2022. № 30797. 77 p.

11. Сапожников, Г. Н. Агломерации в экономике, их назначение и развитие // Дискуссия. 2015. № 11 (63). С. 38–44. EDN [VBEXCN](#).

Сведения об авторах

Абрамян Кирилл Арменович, аспирант, кафедра мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: kirill.abramyan@gmail.com; ORCID ID: [0009-0002-5636-8894](#).

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, профессор, кафедра мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7876-4057](#); РИНЦ SPIN-код: [8233-0500](#); Web of Science Researcher ID: [GQI-4308-2022](#); Scopus Author ID: [56916046800](#).

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; принята в печать 08.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MIGRATION POLICY AS AN INSTRUMENT OF US INNOVATIVE LEADERSHIP

Kirill A. Abramyan

Rostov State Economic University (RINH), Rostov-on-Don, Russia

E-mail: kirill.abramyan@gmail.com

Eteri D. Rubinskaya

Rostov State Economic University (RINH), Rostov-on-Don, Russia

E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

For citation: Abramyan, K. A., Rubinskaya, E. D. Migration Policy as an Instrument of US Innovative Leadership. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 110–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.7](#). (In Russ.)

Abstract. Human capital is a key factor in the global leadership of the United States in the innovation sector. Relying solely on domestic resources to ensure the quantity and quality of highly skilled labor necessary for the development of advanced technology is insufficient. This paper analyzes the role and tools of immigration policy as a means of ensuring the United States' innovative leadership. A well-designed, selective immigration policy has become a crucial factor in attracting and maintaining a steady flow of talent from all over the world. Highly qualified foreign professionals working in high-tech sectors are concentrated in innovation hubs such as Silicon Valley in California and the Boston area, significantly enhancing the economic performance of companies. Through a complex and tiered visa system, the United States aims to attract and retain scientific and skilled workers. Additionally, the privilege of acquiring a green card and American citizenship further enhances the attractiveness of the country. However, the restrictive measures on migration introduced by the current administration may potentially hinder the competition for skilled foreign talent, potentially leading to a loss of the US's leading position in innovation.

Keywords: highly qualified specialists, migration policy, immigration visas, non-immigrant visas, innovation economics, innovations

References

1. Rubinskaya, E. D. *Mezhdunarodnaya migratsiya vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov: sostoyaniye, tendentsii, regulirovaniye* [International migration of highly skilled specialists: status, trends, regulation]. Monography. Moscow: "Pero" Publ. 2022. 198 p. ISBN 978-5-00189-934-1. (In Russ.).
2. Bautin, V. M. Innovation-Based Economy: Content, Position and Role of Innovations. *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*. 2014. No. 2. Pp. 103–118. (In Russ.).

3. Chellaraj, G., Maskus, K. E., Mattoo, A. *The Contribution of Skilled Immigration and International Graduate Students to U.S. Innovation*. Washington : World Bank Policy Research Working Paper, 2005. 35 p. DOI [10.1596/1813-9450-3588](https://doi.org/10.1596/1813-9450-3588).
4. Kerr, W. R., Lincoln, W. F. *The Supply Side of Innovation: H-1B Visa Reforms and US Ethnic Invention*. Harvard : HBS Working Paper, 2008. No. 09–005. 50 p.
5. Lee, N., Nathan, M. Knowledge Workers, Cultural Diversity and Innovation: Evidence from London. *International Journal of Knowledge-Based Development*. 2010. No. 1. Pp. 53–78. DOI [10.1504/IJKBD.2010.032586](https://doi.org/10.1504/IJKBD.2010.032586).
6. Zucker, L. G., Darby, M. R. Star Scientists, Innovation and Regional and National Immigration. Cambridge : NBER Working Paper, 2007. No. 13547. 41 p. DOI [10.3386/w13547](https://doi.org/10.3386/w13547).
7. Ignatov, I. I. Sovremennyye tendentsii razvitiya innovatsionnogo obrazovaniya v SSHA [Modern trends in the development of innovative education in the USA]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovaniye [Science. Innovations. Education]*. 2008. Vol. 3, No. 1. Pp. 258–268. (In Russ.).
8. Rubinskaya, E. D. Highly-Skilled Professionals as a Key Factor in the Competitiveness of Countries: International Experience of Attraction. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski [State and municipal administration. Scientific notes]*. 2020. No. 1. Pp. 146–153. DOI [10.22394/2079-1690-2020-1-1-146-153](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-146-153). (In Russ.).
9. Xhardez, C., Tanguay, D. The Hidden Power of Provincial and Territorial Immigration Programs in Shaping Canada's Immigration Landscape. *Comparative Migration Studies*. 2024. Vol. 12, No. 1. Article 59. DOI [10.1186/s40878-024-00414-y](https://doi.org/10.1186/s40878-024-00414-y).
10. Bernstein, S., Diamond, R., Jiranaphawiboon, A., McQuade, T., Pousada, B. The Contribution of High-Skilled Immigrants to Innovation in the United States. Cambridge : NBER Working Paper, 2022. No. 30797. 77 p.
11. Sapojnikov, G. N. Agglomerations in Economics, Their Roles and Development. *Discussion*. 2015. No. 11 (63). Pp. 38–44. (In Russ.).

Bio notes

Kirill A. Abramyan, Postgraduate Student, Department for International Economy and International Relationships, Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: kirill.abramyan@gmail.com; ORCID ID: [0009-0002-5636-8894](https://orcid.org/0009-0002-5636-8894).

Eteri D. Rubinskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department for International Economy and International Relationships, Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7876-4057](https://orcid.org/0000-0002-7876-4057); RSCI SPIN code: [8233-0500](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=8233-0500); Web of Science Researcher ID: [GQI-4308-2022](https://orcid.org/GQI-4308-2022); Scopus Author ID: [56916046800](https://orcid.org/56916046800).

Received on 30.06.2025; accepted for publication on 08.09.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.8)EDN [JFOPZP](https://www.edn.ru/JFOPZP)

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПОНЯТИЙ НЕМИГРАЦИИ И (ИМ)МОБИЛЬНОСТИ

Мищук С. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: svetamic79@mail.ru

Для цитирования: Мищук, С. Н. К вопросу о расширении понятий немиграции и (им)мобильности // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 121–133. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.8). EDN [JFOPZP](https://www.edn.ru/JFOPZP).

Аннотация. В современных миграционных исследованиях наиболее распространен подход, отражающий первостепенное значение миграции и ее последствий. Принимая во внимание недостаточно подробный уровень проработанности терминологического аппарата при изучении неподвижного населения в отечественных исследованиях, цель данной научной статьи заключается в определении в рамках демографического подхода значения и содержания термина, который может быть использован в российской науке для характеристики населения, проживающего на территории и не покидающего ее. Работа основана на анализе научных публикаций зарубежных и отечественных авторов, затрагивающих вопросы миграции и ее отсутствия. Настоящее исследование – это продолжение трудов автора о явлении неподвижности и немиграции населения. В работе сделан вывод о том, что мобильность (mobility) и неподвижность (immobility) не являются взаимоисключающими, а, напротив, представляют две стороны миграционного процесса. В современных условиях (не)подвижность ((im)mobility) необходимо рассматривать как сложный динамичный процесс со своими детерминантами, включая действующие субъекты и объекты, движущие силы и факторы. В статье обоснована необходимость включения явления лиминальности при изучении категорий «миграции» и «немиграции» или «мобильности» и «немобильности». В рамках исследования демографических процессов автором предложено применять термин «(им)мобильность» ((im)mobility), отражающий непрерывность места жительства человека в течение определенного периода времени и объединяющий процессы миграционной мобильности и иммобильности (неподвижности). В работе систематизированы материалы о группах населения, проживающих в регионе, а также предложена авторская типология (им)мобильного населения, разработанная на основе модели стремлений и способностей (the aspiration/ability model).

Ключевые слова: миграция, немиграция, мобильность, иммобильность, постоянное население

Введение

Изучение миграции как комплексного процесса остается важным направлением теоретических и практических исследований. В то же время, как в России, так и в других странах, недостаточное внимание уделяется изучению той части населения, которая отказывается от миграции. Преобладание в научных исследованиях мигрантов, их мотивации, последствий миграции для населения и территорий выезда и въезда связано с тем, что миграция рассматривается неким исключительным процессом, который необходимо изучать. При этом отсутствие миграции, лица, остающиеся на месте проживания, значительно реже представляют собой объект научных исследований. Это происходит из-за распространенного подхода о первостепенности миграции и ее последствий, а также преобладающей долгое время

бинарности в подходах к изучению миграции, где есть кочевники и оседлое население [1].

В зарубежных исследованиях преобладают работы, ориентированные на изучение этапов миграции, причин и факторов (детерминантов), процессов адаптации и интеграции мигрантов, в том числе их детей и т. д. Значительно меньше исследований, ориентированных на изучение причин отсутствия миграции, однако, на наш взгляд, именно характеристики субъектов, проживающих на территории, причины их закрепления на месте проживания имеют важное перспективное направление, как в теоретических исследованиях, так и в практических работах, включая вопросы управления территориями разного уровня привлекательности для населения.

Учитывая меньшую разработанность данной темы, вполне объясним недостаточно подробный уровень проработанности терминологического аппарата при изучении недвижимого населения в отечественных исследованиях. В данной статье мы ставим цель определить значение и содержание термина, который может быть использован в российской науке для определения (описания, характеристики) населения, проживающего на территории и не покидающего ее.

Методология исследования

Работа основана на анализе научных публикаций зарубежных и отечественных авторов, затрагивающих вопросы миграции, и является продолжением исследования автора о факторах миграции и немиграции, результаты которого были опубликованы ранее [2]. В этом труде был предложен подход к оценке факторов миграции и немиграции, который может быть актуален для анализа ситуации как в регионах с высокой миграционной активностью, так и для регионов со снижающимся оттоком населения. Используя представленное дерево принятия решений, включающее отдельные этапы миграции, возможно рассмотрение факторов и причин поведения мигрантов и той части населения, которое выбирает для себя прерогативу остаться в месте проживания. В рассматриваемом исследовании, исходя из опыта миграции, выделены мигранты как непосредственно подвижное население и вторая категория населения – «неподвижное», которая остается в месте проживания.

В зарубежных публикациях изложены варианты типологии недвижимого населения. Одна из ключевых классификаций недвижимого населения основана на т. н. модели стремления – способности (the aspiration/ability model), в рамках которой процесс миграции рассматривается через соотношение у индивида способности и стремлений для осуществления миграции [3]. В данной модели миграция и ее отсутствие оцениваются как равноценные результаты при выборе индивидом. В группе «немигрантов» выделяют три категории: «добровольных», «покорных» и «вынужденных» немигрантов. Предложенная модель во многих исследованиях является базовой, но не лишенной недостатков, поэтому многие авторы дополняют представленный список категорий немигрантов или дают свою типологию, используя иные характеристики жителей.

Результаты

По мнению К. Шевел, в научных публикациях сохраняется повышенный теоретический и практический интерес к изучению мобильности (mobility) и миграции. Значительно меньше работ, направленных на изучение обратного явления – неподвижности (immobility), которая рассматривается в рамках «уклона в мобильность» (mobility bias). Такой подход связан с усилением внимания исследователей к теоретическим и эмпирическим аспектам миграции и ее детерминантам при незначительной проработке факторов и последствий отсутствия миграции. В своей статье автор отмечает ценность включения иммобильности в изучение миграции, отмечает значимость неэкономических факторов (связанных с семьей и сообществом в месте проживания) при выборе жителей остаться на месте проживания [1].

В другом исследовании [4] показано, что неоклассическая теория миграции, подчеркивающая роль различий в доходах, не в полной мере освещает причины и механизмы миграционных процессов. Наличие иных, неэкономических факторов отражается на небольшом количестве международных мигрантов в мире, которое объясняется следующими причинами: 1) отсутствием планов долгосрочного развития из-за бедности, неграмотности части населения; 2) нежеланием потенциальных мигрантов рисковать в связи с переездом и отказываться от существующих социальных, политических и экономических ресурсов на месте проживания; 3) возможной дискриминацией иммигрантов в местах вселения; 4) выбором внутренней миграции в более благополучные регионы страны проживания; 5) наличием институциональных, политических и нормативно-правовых ограничений в принимающих государствах.

По мнению группы авторов [5], в научных изысканиях не хватает работ об изменчивости неподвижности, о факторах и механизмах выбора людьми неподвижности вместо миграции. Кроме того, подчеркивается необходимость различать отсутствие международной миграции как результат преднамеренного решения и неподвижность, возникающую из-за неисследованных жизненных обстоятельств. Для тех, кто не рассматривал возможность эмиграции, неподвижность может быть не результатом непринятия миграционного опыта, а показателем удовлетворенности текущими условиями, семейными связями и отсутствием необходимости в миграции.

Таким образом, мобильность (mobility) и неподвижность (immobility) не являются взаимоисключающими, а, напротив, представляют две стороны одного процесса [6]. В современных условиях неподвижность (immobility) необходимо понимать как сложный динамичный процесс со своими детерминантами, включая действующие субъекты и объекты, движущие силы и факторы и др. [1].

Принимая во внимание высокий уровень проработки вопроса миграционного процесса (миграция, факторы миграции, структурные элементы и пр.), обозначим основные подходы в определении терминов «миграция» и «мигранты».

В зарубежной практике, по определению Международной организации по миграции (МОМ), мигрантом является любое лицо, которое перемещается или уже переместилось через международную границу или внутри государства и покинуло место своего обычного жительства независимо от юридического статуса лица, добровольного или недобровольного характера перемещения, причин перемещения или

продолжительности пребывания¹. То есть миграция рассматривается как процесс или результат перемещения лица через международную границу или внутри страны, в результате которого происходит смена обычного места жительства.

Среди работ российских специалистов в изучении миграции остановимся на определении, предложенном Л. Л. Рыбаковским, согласно которому миграция населения представляет собой «территориальные перемещения, представляющие серии событий, локализованных в пространстве и времени, совершаемые только между разными населенными пунктами, причем эти перемещения фиксируются тем или иным способом» [7, с. 82]. Подробный анализ исследований отечественных авторов о подходах к основным дефинициям в теории миграции, в том числе трех-стадийной теории миграции населения, факторов и условий миграции, вопросы оценки и управления миграционными процессами представлены в исследовании [8].

Исходя из вышеизложенной трактовки, в случае изучения лиц, не совершавших и не совершающих территориальные перемещения между населенными пунктами и отсутствием фиксации данного перемещения, мы можем говорить о явлении, обратном миграции. Отметим, что такая формулировка в нашем исследовании является лишь промежуточной. Термин для данного явления будет определен нами ниже.

Подробный анализ периодизации подходов к изучению миграции и немиграции (неподвижности) в зарубежных исследованиях дан в работе Э. Грубер [9]. По ее оценке, если в начале 2000-х гг. отсутствие мобильности в основном изучалось в контексте рынка труда и социальной восходящей мобильности, то позже сфера изучения расширилась до миграции, включая трудовых мигрантов и резидентов. Среди основных причин возросшего научного интереса к изучению немобильности в 2000-е гг. стало ужесточение правил для международных мигрантов, сокращение потока внутренней миграции, в первую очередь в США. В последующее десятилетие немобильность рассматривалась в зарубежных исследованиях в рамках смещения акцентов и переосмысления явления миграции и ее компонентов.

В 2020-е гг. мобильность и немобильность (некоторые исследователи употребляют термины «подвижность» и «неподвижность») часто используются как часть континуума и рассматриваются как целостное явление ((im)mobility). Этот термин включает в себя разные формы отсутствия миграции, а также различные категории населения отказавшихся от миграции. Данное направление в научных исследованиях, затрагивающих вопросы миграции и обратного ей процесса, получило название «поворот к неподвижности» [9].

За рубежом для анализа явления миграции используются термины мобильность, подвижность. К примеру, М. Зехнер в своей статье под мобильностью рассматривал краткосрочные поездки (без фиксации), а под миграцией – перемещения с более долгим проживанием в другом населенном пункте [10]. Иными

¹ International Migration Law No. 34 – Glossary on Migration // IOM Publications Platform : [site]. URL: <https://publications.iom.int/books/international-migration-law-ndeg34-glossary-migration> (accessed on 03.04.2025).

словами, явление мобильности шире миграции, как и противоположные немобильность (immobility) шире понятия немиграция (non-migration) [1].

Подобный подход к выбору терминологии подтверждается в работе Г. Йонсона [11]. В зарубежных исследованиях термин «миграция» чаще применяется к перемещениям через международные границы, в свою очередь, «немиграция» отражает отсутствие трансграничного перемещения, не учитывая перемещения в рамках одной страны. Более широкий диапазон перемещений отражает термин «мобильность». В свою очередь, термин «иммобильность» более универсален и может применяться при отсутствии пересечения границ различного географического масштаба [11].

Российские исследователи при изучении явления миграции обоснованно применяют термин «миграционный процесс» [7], но при анализе отсутствия перемещения этот процесс может быть выражен через термин «иммобильность». Иммобильность (immobility) в научной статье К. Шевел определена как непрерывность места жительства человека в течение определенного периода времени [1].

Термин «иммобильность» будет неполным и не совсем понятным без обсуждения двух условий – пространства и времени. Иммобильность не бывает абсолютной, поскольку все люди в той или иной степени перемещаются в своей повседневной жизни, поэтому можно говорить об относительности иммобильности к пространству и времени.

Временные ограничения необходимы при изучении иммобильности, так как они могут затрагивать весь жизненный путь человека, отдельные периоды его пребывания в одном месте. Причем установка короткого периода времени позволяет более четко оценить явления иммобильности в изучаемом месте и миграционные предпочтения жителей. Пространственные ограничения отражают границы, в пределах которых человек может считаться «неподвижным». Например, тот, кто переехал из сельской местности в близлежащий город, может быть неподвижен относительно международного перемещения. Однако тот же человек может считаться высокомобильным относительно тех, кто остается в деревне [1].

В области географии народонаселения многие (количественные) исследования концептуализируют иммобильность (immobility) как замедление внутренней миграции различных групп населения, в основном в Северной Америке, Великобритании и Австралии. Качественные исследования в области географии населения в значительной степени сосредоточены на жителях сельской местности или небольших городских районов [9].

Пример учета временных интервалов при изучении иммобильности можно увидеть в данных Европейского обследования рабочей силы или Обследования американского сообщества, где определено, что «неподвижное» население – это те, чье место жительства одинаково в три момента времени: при рождении, один год или пять лет назад и на момент проведения обследования. Несмотря на то, что такой подход к измерению неподвижности не позволяет учесть перемещения, происходящие между данными тремя точками, тем не менее, он дает некоторое представление о стабильности места жительства респондента с течением времени [11].

Неустойчивость во времени категорий «миграции» и «немобильности» подчеркивает необходимость включения явления лиминальности при их изучении.

Термин «лиминальность» был первоначально введен антропологом ван Геннепом в начале XX века для описания порогов (*limen* на латыни) и промежуточных пространств, времен, статусов и ситуаций при изучении ритуалов перехода («*rites de passage*»).

В своем исследовании концепции лиминальности Л. И. Фусу в рамках антропологического подхода к изучению данного явления относит нелегальных иммигрантов или лиц без гражданства к категории лиц, «находящихся в состоянии лиминальности», то есть в переходном состоянии [12, с. 146]. На наш взгляд, данное переходное состояние может быть характерно не только для указанных категорий, но и для более широкого перечня лиц.

При изучении миграционных процессов явление лиминальность можно рассматривать как пространственно-временной феномен в жизненном цикле человека, принимая во внимание непосредственно его ощущение. Это может быть фаза жизненного цикла человека (к примеру, период получения образования или долгосрочное проживание в связи наличием трудового контракта и др.) [5].

Рассмотрение мобильности-немобильности через призму лиминальности подчеркивает, что это не категория «или – или», а скорее мобильность и немобильность являются частью траекторий, где результаты не могут быть известны заранее. Лиминальность выступает как временное измерение, поскольку это время, когда ожидаются решения и когда человек находится на пороге перехода, но его легко можно повернуть вспять, закрепив в точке исхода.

Миграция и ее отсутствие, если основываться на лиминальном подходе, становятся моментальными снимками во времени, но они также являются сложными контингентными категориями, которые содержат элементы другой категории. Кроме того, изучение иммобильности подчеркивает, как периоды иммобильности могут быть преобразующими в спектре мобильности-немобильности.

Лиминальность также предполагает неопределенность не только переходной фазы от миграции к неподвижности, но и ставит под сомнение чистоту двух сторон и нарушает, например, любую бинарную концепцию миграции и неподвижности [5].

Отметим, что лиминальность в рамках изучения миграции трактуется нами как внутреннее пороговое состояние человека, которое является промежуточным в процессе принятия человеком решения вернуться к месту исхода или продолжить процесс знакомства с территорией вселения, новым сообществом, его культурой и т. д.

Поэтому в своих дальнейших исследованиях мы будем придерживаться термина «(им)мобильность» ((im)mobility) [1], передающего непрерывность места жительства человека в течение определенного периода времени. При написании понятия будем использовать скобки, отражающие подвижность и динамичность термина. В такой формулировке данный термин учитывает принцип лиминальности и отражает наличие временных и пространственных ограничений при оценке (им)мобильности.

(Им)мобильность включает мобильность и иммобильность, то есть, подвижность и неподвижность населения. (Им)мобильность может быть следствием привилегированного положения, которое дает возможность оставаться на прежнем

месте жительства и сопротивляться неблагоприятным социальным изменениям, но она может быть и «ловушкой» для тех, у кого нет возможности уехать [1].

Учитывая разнообразие типов (им)мобильного населения, представляется важным определиться с общим термином. Отметим, что научный интерес для нас представляет часть населения территории, которая не относится к мигрантам в определенный момент времени.

В зарубежных исследованиях для данной категории населения используются различные понятия: *nonmigrants* (немигранты), *immobile populations* (неподвижное население) [13], *sedentarist* (оседлый житель) [14], *non-movers* (непереезжающие) [15], *stayers* (длительно проживающие), *left behind* (оставленные позади) [11; 16], *non-migrating members* (немигрирующие жители) [17], *trapped population* (попавшие в ловушку) [18], *locals* (местные жители) [19], *restanti* (оставшиеся) [20].

Основное отличие в терминах связано с отрицательной и положительной коннотацией, то есть с позиции признания значимости миграции, которая трактуется как фактор развития человека и его перспектив. Так, термины “non-migrants”, “left behind”, “trapped population” связаны с отсутствием миграции и отображают негативную жизненную стратегию. С другой стороны, осознанная стратегия оставаться на месте проживания, используя все преимущества постоянного населения, связана с применением термина “restanti”.

Среди отечественных исследователей вопросы концептуализации процесса (им)мобильности частично реализовывались посредством изучения миграционных процессов в Сибири и на Дальнем Востоке, при этом в научном обороте такие исследователи, как Ж. А. Зайончковская, В. О. Ключевский, А. М. Ярмош, Л. Л. Рыбаковский применяли термины «старожилы», «новоселы», «коренное население», «старосельцы» [8]. Обратим внимание на то, что используемые термины не связаны с понятием миграции или мобильности, что довольно распространено в зарубежных исследованиях.

В своем трехтомном исследовании миграции и миграционного процесса Л. Л. Рыбаковский в структуре населения любого региона выделяет коренное и пришлое население. Пришлое население, в свою очередь, включает уроженцев данной местности (родители или прародители которых прибыли в данный регион) и уроженцев других регионов. Уроженцы прочих регионов, прибывшие в рассматриваемую территорию, формируют категорию новоселов, которые через некоторое время в результате процесса приживаемости переходят в состав старожилов.

Старожилов, местных уроженцев и коренное население могут объединять характер миграционной активности и сопоставимый уровень жизни. В свою очередь, постоянное население в регионе формируют коренное население, уроженцы местные и старожилов (уроженцы других регионов, прожившие в анализируемом регионе около 10 лет) [8] (табл. 1).

Таблица 1

Структура населения региона, исходя из миграционной активности

Table 1

Region's Population structure based on migration activity

Категории населения	Пришлое	Постоянное население			
Группы населения	Переселенцы Мигранты	Новоселы	Старожилы	Уроженцы, местные (2-е поколение и далее)	Коренное население
Критерий миграционной активности	В процессе переселения, миграции	До трех лет	10 лет и более	Без переселения	Без переселения

Источник: составлено автором по [8]

Таблица 2

Структура (им)мобильного населения

Table 2

Structure of the (im)mobile population

Категории населения	Мобильное население	Имобильное население							
	Пришлое	Новоселы		Постоянное население					
Группы населения	Переселенцы / Мигранты	Лиминальное население (лиминалы)	Наблюдатели / ожидающие	Искатели	Передвижники	Старожилы	Хранители / рестанза	Уроженцы, местные (2-е поколение и далее)	Коренное население
Критерий миграционной активности	В процессе переселения, миграции	С момента прибытия до 1 года	От 1 года до 3 лет	4–5 лет	До 10 лет	10–15 лет	15 и более лет	Без переселения	Без переселения

Источник: составлено автором

Итак, исходя из предложенного подхода, кроме постоянного населения можно выделить пришлое население, то есть непосредственно переселенцев (лиц, которые в обозреваемый момент времени переселяются в рамках одной страны) или мигрантов (лиц, переезжающих в рассматриваемый момент времени между странами – эмигранты/иммигранты). Сверх того, выделяют категорию новоселов, продолжительность проживания которых в новом месте вселения составляет около трех лет.

При данной типологии остаются вопросы о группе населения, которая не относится к новоселам, то есть пришлому населению, проживающему в регионе более трех лет, но не прошедших стадию приживаемости.

Идеальным типом имmobileного человека может быть представитель коренного населения, исторически обитавшего в рассматриваемой местности, без опыта миграции на протяжении периода, возможного для исследования и подтверждения. Такой тип населения будет выделяться в рамках исторического подхода [8]. Хронологический подход (на примере типологизации населения на Дальнем Востоке России) подразумевает применение в качестве «нулевой точки», своего рода момента отсчета – прибытие изучаемой категории населения по отношению ко времени прихода русского населения в регион [8].

Следовательно, исторический подход можно трактовать как направление для выявления идеального типа имmobileного населения той или иной территории, для которого характерно отсутствие миграции за пределы рассматриваемой территории в рамках обозримого исторического периода.

Придерживаясь хронологического подхода, в рамках эмпирических и аналитических исследований обозначим возможные категории (им)mobileного населения с точки зрения временного фактора.

В рамках критерия миграционной активности, предлагаем расширить группу постоянного населения категориями: искатели, передвижники и хранители (табл.2). Данные категории будут различаться временем проживания в регионе вселения или разными этапами приживаемости. В дополнение рекомендуем категорию новоселов разделить на лиминальное население (проживающее в регионе вселения от момента прибытия и до 1 года) и категорию «наблюдатели» (от 1 года до 3 лет).

Заключение

В рамках изучения демографических процессов в том или ином регионе в современных условиях считаем более приемлемым применять термин «(им)mobileность» ((im)mobility), отражающий непрерывность места жительства человека в течение определенного периода времени и объединяющий процессы миграционной мобильности и имmobileности (неподвижности).

На основании вышеизложенного мобильность (mobility) и неподвижность (immobility) не являются взаимоисключающими, а, наоборот, представляют две стороны одного процесса [6].

Исследуя население региона, которое в заданные временные границы являлось неподвижным, мы будем использовать термин «постоянное население».

В зависимости от времени проживания в месте вселения (им)мобильное население включает пришлое и постоянное. Промежуточное положение между пришлым и постоянным населением занимают новоселы. Постоянное население охватывает несколько категорий жителей, исходя из продолжительности проживания в рассматриваемом регионе. Идеальным типом иммобильного населения являются представители коренного населения изучаемого региона.

Кроме временного фактора, зарубежные и отечественные авторы используют и другие основания для типологии населения, которые непременно будут нами рассмотрены в следующих работах в рамках изучения иммобильности.

Список литературы

1. Schewel, K. Understanding Immobility: Moving Beyond the Mobility Bias in Migration Studies // International Migration Review. 2020. Vol. 54, № 2. Pp. 328–355. DOI [10.1177/0197918319831952](https://doi.org/10.1177/0197918319831952).
2. Мишук, С. Н. Факторы немиграции как элемент управления миграционными процессами // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 3. С. 103–117. DOI [10.14258/ssi\(2022\)3-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)3-07). EDN [ZFEZPI](https://www.edn.ru/ZFEZPI).
3. Carling, J. Revisiting Aspiration and Ability in International Migration / J. Carling, K. Schewel // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol 44, № 6. Pp. 945–963. DOI [10.1080/1369183X.2017.1384146](https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384146).
4. Carling, J. Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2002. Vol 28, № 1. Pp. 5–42. DOI [10.1080/13691830120103912](https://doi.org/10.1080/13691830120103912).
5. Raghuram, P. De-Migrantizing as Methodology: Rethinking Migration Studies through Immobility and Liminality / P. Raghuram, M. R. Breines, A. Gunter // Comparative Migration Studies. 2024. Vol. 12. Article № 24. DOI [10.1186/s40878-024-00382-3](https://doi.org/10.1186/s40878-024-00382-3).
6. Silva, A. To Leave or Stay? Unpacking the Aspiration and Capability of (Im)Mobility of Young People from Brazil // Revista Brasileira de Ciências Sociais, 2024. Vol. 39. Pp. 1–15. DOI [10.1590/39036/2024](https://doi.org/10.1590/39036/2024).
7. Рыбаковский, Л. Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. 2016. № 12(392). С. 78–83. EDN [XGVSID](https://www.edn.ru/XGVSID).
8. Рыбаковский, Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. Москва : ИСПИ РАН, 2019. 218 с. ISBN 978-5-907057-90-6.
9. Gruber, E. Staying and Immobility: New Concepts in Population Geography? A Literature Review // Geographica Helvetica. 2021. Vol. 76, № 2. Pp. 275–284. DOI [10.5194/gh-76-275-2021](https://doi.org/10.5194/gh-76-275-2021).
10. Zechner, M. Relational Narratives and Moorings in International Mobility and Migration at an Advanced Age // Journal of Finnish Studies. 2019. Vol. 22, № 1–2. Pp. 66–84. DOI [10.5406/28315081.22.1.2.05](https://doi.org/10.5406/28315081.22.1.2.05).
11. Jónsson, G. Non-Migrant, Sedentary, Immobile, or ‘Left Behind’? Reflections on the Absence of Migration. IMI Working Papers Series 2011, № 39. Oxford : International Migration Institute, Oxford Department of International Development, 2011. 17 p.
12. Фусу, Л. И. Концепция лиминальности: подходы, сущность понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе // Kant. 2018. № 3(28). С. 143–148. EDN [VAGFXV](https://www.edn.ru/VAGFXV).
13. Barcus, H. R. Immobile Populations as Anchors of Rural Ethnic Identity: Contemporary Kazakh Narratives of Place and Migration in Mongolia / H. R. Barcus, A. Shugatai // Population, Space and Place. 2018. Vol. 24, № 4. DOI [10.1002/psp.2148](https://doi.org/10.1002/psp.2148).
14. Hannam, K. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings / K. Hannam, M. Sheller, J. Urry // Mobilities. 2006. Vol. 1, № 1. Pp. 1–22. DOI [10.1080/17450100500489189](https://doi.org/10.1080/17450100500489189).
15. Internal Migration in Australia and the Impact of Government Levers. Canberra : Centre for International Economics, 2023. 167 p.
16. Bartram, D. Happiness and ‘Economic Migration’: A Comparison of Eastern European Migrants and Stayers // Migration Studies. 2013. Vol. 1, № 2. Pp. 156–175. DOI [10.1093/migration/mnt006](https://doi.org/10.1093/migration/mnt006).

17. *Mustaqeem, M.* I am Woman and Man: Impact of Asian-Gulf Migrants on Left-Behind-Families: A comparative study of Bihar and Kerala in India / M. Mustaqeem, M. Sheikh // *Journal of Polity and Society*. 2024. Vol. 16, № 1. Pp. 213–230.

18. *Black, R.* Migration and Global Environmental Change: Future Challenges and Opportunities / R. Black, N. Adger, N. Arnell et al. London : Government Office for Science, 2011. 237 p.

19. *Hendriks, M.* Why are Locals Happier than Internal Migrants? The Role of Daily Life / M. Hendriks, K. Ludwigs, R. Veenhoven // *Social Indicators Research*. 2016. Vol. 125. Pp. 481–508. DOI [10.1007/s11205-014-0856-7](https://doi.org/10.1007/s11205-014-0856-7).

20. *Membretti, A.* Immobility Aspirations Among Young Adults in Italian Inner Areas: Towards a «Capability to Stay» / A. Membretti, V. Tomniuk, C. Salvo // *Scienze Regionali*. 2023. Vol. 2. Pp. 143–160. DOI [10.14650/108355](https://doi.org/10.14650/108355).

Сведения об авторе

Мишук Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8117-6352](https://orcid.org/0000-0002-8117-6352); РИНЦ SPIN-код: [4557-0664](https://elibrary.ru/4557-0664); Web of Science Researcher ID: [B-2042-2014](https://orcid.org/B-2042-2014); Scopus Author ID: [55646634400](https://orcid.org/55646634400).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [24-28-01046](https://orcid.org/24-28-01046) «Возрастные особенности немиграционных установок населения регионов Дальнего Востока».

Статья поступила в редакцию 29.05.2025; принята в печать 11.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ON THE ISSUE OF EXPANDING THE CONCEPTS OF NON-MIGRATION AND (IM)MOBILITY

Svetlana N. Mishchuk

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: svetamic79@mail.ru

For citation: Mishchuk, S. N. On the Issue of Expanding the Concepts of Non-Migration and (Im)Mobility. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 121–133. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.8). (In Russ.)

Abstract. In modern studies of migration, the most common approach emphasizes the primary importance of migration and its effects. Given the insufficient level of detail in the terminology used to describe the sedentary populations in Russian research, this article aims to define within the demographic framework the meaning and scope of a term used in Russian scientific literature to describe populations living in an area and not moving from it. The study is based on an analysis of publications by foreign and Russian authors on migration and its absence. This research is a continuation of the author's work on the issue of population immobility. The paper argues that mobility and immobility are not mutually exclusive but rather represent two aspects of the same process. In today's context, (im)mobility should be regarded as a complex, dynamic process with multiple determinants, including actors and objects, forces and factors that drive it. This paper supports the need for incorporating the concept of liminality into the study of concepts such as "migration" and "non-migration" or "mobility" and "immobility." In the context of demographic processes, the author proposes the term "immobility," which captures the continuity of residence over time and integrates the concepts of migratory mobility and immobility. The article organizes data on groups of people living in the area and proposes a classification of mobile and immobile populations based on the aspiration/ability model.

Keywords: migration, non-migration, mobility, immobility, permanent population

References

1. Schewel, K. Understanding Immobility: Moving Beyond the Mobility Bias in Migration Studies. *International Migration Review*. 2020. Vol. 54, No. 2. Pp. 328–355. DOI [10.1177/0197918319831952](https://doi.org/10.1177/0197918319831952).
2. Mishchuk, S. N. Factors of Non-Migration as an Element of Migration Processes Management. *Society and Security Insights*. 2022. Vol. 5, No. 3. Pp. 103–117. DOI [10.14258/ssi\(2022\)3-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)3-07). (In Russ.).
3. Carling, J., Schewel, K. Revisiting Aspiration and Ability in International Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44, No. 6. Pp. 945–963. DOI [10.1080/1369183X.2017.1384146](https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384146).
4. Carling, J. Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2002. Vol. 28, No. 1. Pp. 5–42. DOI [10.1080/13691830120103912](https://doi.org/10.1080/13691830120103912).
5. Raghuram, P., Breines, M. R., Gunter, A. De-Migranticizing as Methodology: Rethinking Migration Studies through Immobility and Liminality. *Comparative Migration Studies*. 2024. Vol. 12. Article No. 24. DOI [10.1186/s40878-024-00382-3](https://doi.org/10.1186/s40878-024-00382-3).
6. Silva, A. To Leave or Stay? Unpacking the Aspiration and Capability of (Im)Mobility of Young People from Brazil. *Revista Brasileira de Ciências Sociais*. 2024. Vol. 39. Pp. 1–15. DOI [10.1590/39036/2024](https://doi.org/10.1590/39036/2024).
7. Rybakovsky, L. L. On Specifying the Notion of “Population Migration”. *Sociological Studies*. 2016. No. 12(392). Pp. 78–83. (In Russ.).
8. Rybakovsky, L. L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya [History and theory of population migration]*. Book 3: Teoriya trekh stadiy migratsionnogo protsessa [Theory of the three stages of the migration process]. Moscow : Institute of Socio-Political Research RAS, 2019. 218 p. ISBN 978-5-907057-90-6. (In Russ.).
9. Gruber, E. Staying and Immobility: New Concepts in Population Geography? A Literature Review. *Geographica Helvetica*. 2021. Vol. 76, No. 2. Pp. 275–284. DOI [10.5194/gh-76-275-2021](https://doi.org/10.5194/gh-76-275-2021).
10. Zechner, M. Relational Narratives and Moorings in International Mobility and Migration at an Advanced Age. *Journal of Finnish Studies*. 2019. Vol. 22, No. 1–2. Pp. 66–84. DOI [10.5406/28315081.22.1.2.05](https://doi.org/10.5406/28315081.22.1.2.05).
11. Jónsson, G. *Non-Migrant, Sedentary, Immobile, or ‘Left Behind’? Reflections on the Absence of Migration*. IMI Working Papers Series 2011, № 39. Oxford : International Migration Institute, Oxford Department of International Development, 2011. 17 p.
12. Fusu, L. I. The Concept of Liminality: Approaches, the Essence of the Concept, the Characteristics of Manifestation in Society at the Present Stage. *Kant*. 2018. No. 3(28). Pp. 143–148. (In Russ.).
13. Barcus, H. R., Shugatai, A. Immobile Populations as Anchors of Rural Ethnic Identity: Contemporary Kazakh Narratives of Place and Migration in Mongolia. *Population, Space and Place*. 2018. Vol. 24, No. 4. DOI [10.1002/psp.2148](https://doi.org/10.1002/psp.2148).
14. Hannam, K., Sheller, M., Urry, J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*. 2006. Vol. 1, No. 1. Pp. 1–22. DOI [10.1080/17450100500489189](https://doi.org/10.1080/17450100500489189).
15. *Internal Migration in Australia and the Impact of Government Levers*. Canberra : Centre for International Economics, 2023. 167 p.
16. Bartram, D. Happiness and ‘Economic Migration’: A Comparison of Eastern European Migrants and Stayers. *Migration Studies*. 2013. Vol. 1, No. 2. Pp. 156–175. DOI [10.1093/migration/mnt006](https://doi.org/10.1093/migration/mnt006).
17. Mustaqeem, M., Sheikh, M. I am Woman and Man: Impact of Asian-Gulf Migrants on Left-Behind-Families: A comparative study of Bihar and Kerala in India. *Journal of Polity and Society*. 2024. Vol. 16, № 1. Pp. 213–230.
18. Black, R., Adger, N., Arnell, N. *Migration and Global Environmental Change: Future Challenges and Opportunities*. London : Government Office for Science, 2011. 237 p.
19. Hendriks, M., Ludwigs, K., Veenhoven, R. Why are Locals Happier than Internal Migrants? The Role of Daily Life. *Social Indicators Research*. 2016. Vol. 125. Pp. 481–508. DOI [10.1007/s11205-014-0856-7](https://doi.org/10.1007/s11205-014-0856-7).
20. Membretti, A., Tomniuk, V., Salvo, C. Immobility Aspirations Among Young Adults in Italian Inner Areas: Towards a “Capability to Stay”. *Scienze Regionali*. 2023. Vol. 2. Pp. 143–160. DOI [10.14650/108355](https://doi.org/10.14650/108355).

Bio note

Svetlana N. Mishchuk, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8117-6352](https://orcid.org/0000-0002-8117-6352); RSCI SPIN code: [4557-0664](https://www.scopus.com/authid/detail/authid?eid=4557-0664); Web of Science Researcher ID: [B-2042-2014](https://www.researcherid.org/B-2042-2014); Scopus Author ID: [55646634400](https://orcid.org/55646634400).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by RSF according to the research project No. [24-28-01046](#) "Age Characteristics of Non-Migration Attitudes of the Population of the Far East Regions."

Received on 29.05.2025; accepted for publication on 11.08.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.9)

EDN [YQPPMF](https://www.edn.ru/YQPPMF)

ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Моисеева Е. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: evgeniyatmoiseeva@mail.ru

Для цитирования: Моисеева, Е. М. Факторы миграции населения на Дальнем Востоке: пространственные и возрастные особенности // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 134–155. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.9). EDN [YQPPMF](https://www.edn.ru/YQPPMF).

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению пространственных и возрастных особенностей миграционных процессов на территории Дальневосточного федерального округа (ДФО). Целью исследования является анализ влияния социально-экономических, инфраструктурных, природно-климатических факторов на перемещение населения различных пятилетних возрастных групп в регионах Дальнего Востока России с учетом эффекта соседства. Объектом исследования выступают миграционные потоки населения субъектов ДФО, предметом – их факторы в зависимости от пространственных и возрастных характеристик. Научная работа базируется на статистическом анализе данных Росстата за 2019–2023 гг. с применением пространственных методов. Основные результаты показали, что миграционные процессы в дальневосточном макрорегионе имеют выраженную возрастную специфику. Выявлена обратная зависимость между миграционным приростом молодежи 20–24 лет и оттоком пенсионеров 65–69 лет. Установлено, что экономические факторы (уровень доходов, стоимость жизни) оказывают разнонаправленное влияние на миграционное поведение населения в зависимости от возраста. Молодые люди, в т. ч. семьи с детьми, более чувствительны к материальным стимулам, тогда как молодежь 15–19 лет ориентирована на образовательные возможности. Условия жизни в регионах, включая медицинское обслуживание, инфраструктурное развитие, климатический режим, связаны с интенсификацией оттока населения по мере приближения к пенсионному возрасту. При этом по рассмотренным переменным регионы образуют географически непрерывные кластеры, т. е. на них влияет пространственный эффект соседей. Экономические факторы наиболее значимы для миграции населения в регионах, лидирующих по экономическим показателям, и в плане экономической привлекательности субъекты ДФО конкурируют между собой за привлечение мигрантов. Для перемещения населения в более «бедных» регионах выше значимость социальных, инфраструктурных, климатических факторов, причем влияние таких характеристик на миграцию больше связано с перемещением населения через границы округа в другие части России. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе взаимосвязи миграционных процессов на Дальнем Востоке по возрастным группам с характеристиками регионов. Результаты могут быть использованы для разработки мер по оптимизации демографической и миграционной политики в ДФО и его субъектах.

Ключевые слова: миграция населения, Дальний Восток, пространственный анализ, возрастной состав, социально-экономические факторы, инфраструктура, климатические условия

Введение

Миграционные процессы в Российской Федерации обладают выраженной региональной спецификой, которая проявляется в объемах, интенсивности и направлениях потоков, а также в их возрастной структуре. Исследование возрастного профиля миграции является чрезвычайно важным для понимания демографической динамики. В частности, сведения о возрастном составе переселенцев необходимы для оценки влияния перемещений населения на рынок труда. Так, прибытие в регион молодежи способствует пополнению и обновлению рабочей силы, что, в свою очередь, может стимулировать экономический рост. В то же время выбытие

молодежи и рост доли пожилых людей могут создавать определенные вызовы для социальной инфраструктуры и системы здравоохранения. Таким образом, изучение возрастных характеристик мигрантов способствует более точному прогнозированию изменений в демографической структуре регионов, что имеет важное значение для разработки адекватной миграционной политики.

Однако, чтобы управлять перемещениями населения, необходимо понимать их причины. Ответ на вопрос о том, почему мобильность меняется в зависимости от возраста и какие стандартные события с этим связаны, дают теории жизненного цикла. В качестве подобных детерминант они выделяют получение образования, трудоустройство, создание семьи, рождение ребенка и т. д. [1]. И все же интенсивность и направленность миграционных потоков в зависимости от возраста различаются от страны к стране и от региона к региону. Следовательно, на мигрантах разных возрастов действуют разные факторы притяжения и выталкивания социально-экономической и географической природы.

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) выделяется из всех макрорегионов России показателями миграционной убыли населения. При этом возрастная структура прибывающих и выбывающих отличается большой асимметрией (рис. 1). Учитывая неравномерность социально-экономических характеристик субъектов округа, актуальной представляется задача оценки наличия пространственных эффектов в перемещении населения на его территории в различных возрастах.

Итак, наше исследование исходит из следующих гипотез: 1) регионы Дальнего Востока демонстрируют сходство в показателях демографической и социально-экономической ситуации – иными словами, на их развитие оказывает влияние пространственный фактор или эффект соседства; 2) интенсивность миграции населения ДФО в различных возрастах коррелирует с показателями демографического и социально-экономического развития его регионов.

Обзор научной литературы

В многочисленных работах, посвященных проблемам развития Дальнего Востока, исследователи отмечают, что современные демографические тенденции, прежде всего, миграционный отток населения из макрорегиона, становятся критически опасными для сохранения человеческого капитала и реализации экономического потенциала территории [напр., 2; 3]. Практическая необходимость разработки комплекса дифференцированных мер по регулированию перемещения населения на уровне округа и его субъектов требует научного обоснования детерминант такого процесса, его региональных и структурных особенностей. С помощью тех или иных методов и подходов эта задача решается в большинстве социально-экономических и демографических исследований по миграции населения на Дальнем Востоке.

Из обзора научной литературы по теме можно заключить, что экономические факторы играют определяющую роль в миграционных процессах региона, что подтверждают как социологические опросы [4], так и математические модели [5]. Среди основных факторов такой природы выделяются уровень заработной платы, существенно варьирующийся между регионами ДФО, стоимость жизни и доступность базовых товаров и услуг [6]. Исследования в области отраслевой экономики

расширяют данное понимание, акцентируя внимание на роли инфраструктурного развития в привлечении населения, а также возможностях трудоустройства в различных секторах экономики [7; 8].

Социальные детерминанты играют не менее важную роль в принятии решения о переезде. К числу ключевых социальных факторов перемещения населения ДФО исследователи относят качество медицинского обслуживания, доступность образовательных учреждений, культурную среду, уровень жизни населения в целом [9; 10]. Другие работы расширяют понимание социальных аспектов, выделяя жилищные условия и доступность жилья [11].

Исследования в области изучения народонаселения подчеркивают, что не только миграция формирует тенденции демографического развития региона, но и демографические детерминанты, такие как возрастная структура, семейное положение и образовательный уровень, становятся факторами мобильности [12; 13; 14].

Ученые, специализирующиеся на проблемах социально-экономической динамики Дальнего Востока, выявляют уникальные черты миграционных процессов в различных его территориях. Среди ключевых региональных особенностей они выделяют приморское положение как фактор притяжения населения, отраслевую специализацию территорий и исторические предпосылки их развития [15; 16; 17].

С применением междисциплинарного подхода исследуются актуальные для макрорегиона тренды – влияние цифровизации на мобильность населения [18], экологические факторы демографических процессов [19] и геополитические тенденции [20].

Развиваются новые подходы, включая моделирование региональной миграции с помощью компьютерных [21] и пространственных методов [22], использование «больших данных» [23].

Ряд публикаций посвящен особенностям перемещения отдельных возрастных групп населения. В случае Дальнего Востока это чаще всего молодежь, которая преобладает в когортах мигрантов, активно участвует в поиске новых возможностей для профессионального роста и повышения качества жизни [2; 18; 24]. В последние годы появляются работы, анализирующие особенности возрастной структуры миграционных потоков в ДФО [25; 26].

В контексте нашей исследовательской задачи нельзя не упомянуть публикации, посвященные влиянию различных факторов на миграцию населения в зависимости от возраста [27], однако подобный анализ проводится в них для России в целом.

Научная новизна настоящего исследования заключается в опыте проведения такого анализа для отдельного макрорегиона, что дает возможность оценить влияние пространственного фактора, т. е. ситуации в соседних субъектах. Если пространственный фактор значим, соответственно, проблемы одного региона затрагивают и другие, следовательно, для улучшения ситуации требуется дифференцированный, но комплексный подход.

Материалы и методы

Проверка гипотез исследования требует применения методов пространственного анализа. Для оценки степени пространственной автокорреляции, т. е. меры сходства соседних регионов, использовался индекс Морана. Для определения

зависимости между показателями миграции и показателями социально-экономического развития – двухфакторный индекс Морана. Значения индекса оценивались для всех субъектов Российской Федерации в целом и для субъектов Дальневосточного федерального округа в отдельности. Поскольку перед нами стояла задача проследить, подтверждается ли корреляция именно для регионов Дальнего Востока, применялись локальные индексы (Local Indicator of Spatial Association, LISA) [28]. Уровень статистической значимости, выбранный при расчетах, – 5% (p -value = 0,05).

Расчеты и картограммы выполнялись с помощью программного пакета для анализа пространственных данных GeoDa [29]. При создании весовых коэффициентов как соседние рассматривались регионы, имеющие общую границу хотя бы в одной точке. В качестве соседей для Калининградской области была задана Ленинградская область, граничащая с ней по морю, для Сахалинской области – Хабаровский и Приморский края.

Источником данных послужили статистические сборники Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и базы Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

Чтобы проанализировать переменные вне зависимости от свойств самих регионов (таких как протяженность территории, численность населения и т. д.), были рассчитаны относительные или пространственно интенсивные индикаторы [30].

Поскольку рассматриваемые нами в качестве зависимой (первой) переменной показатели миграции зачастую изменяются скачкообразно, все данные были усреднены за пятилетие с 2019 по 2023 г. для устранения фактора случайности. Таким образом, мы работали с пространственной выборкой $N = 85$ субъектов РФ без временных переменных. «Новые» регионы, вошедшие в состав России в 2022 г. (Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области), не включены в выборку. Автономии рассматривались отдельно.

Статистика по перемещениям населения включает только долгосрочные миграции (на срок от 9 месяцев и более). Транзитные, маятниковые и вахтовые миграции не учитываются. Для удобства анализа данные о миграции по возрасту были агрегированы в стандартные пятилетние возрастные группы от 0–4 до 80 и более лет.

Результаты исследования

Анализ данных по прибытию и выбытию населения в регионах Дальнего Востока показал, что интенсивность и сальдо миграции значительно разнятся в зависимости от возраста (рис. 1). В частности, за рассматриваемый период 2019–2023 гг. перемещение молодежи в возрасте 20–24 года обеспечивало миграционный прирост. В этих же возрастах миграция наиболее интенсивна (относительно численности постоянного населения). Самая заметная миграционная убыль наблюдается в возрастах 15–19 лет, что предположительно можно связать с учебной миграцией с целью поступления в ВУЗы или СУЗы. Кроме того, интенсивность оттока нарастает по мере приближения к пенсионному возрасту. Группа 60–64 года – на втором месте по абсолютной миграционной убыли населения. В относительном выражении убыль интенсивнее в возрастах 70–74 года.

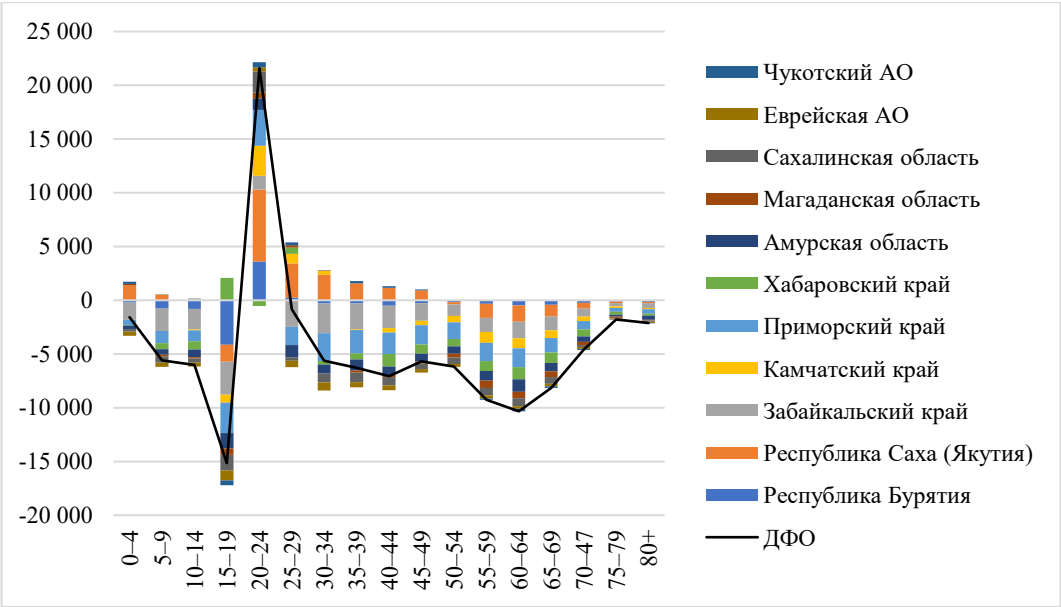

Рис. 1. Миграционный прирост населения в регионах Дальнего Востока по пятилетним возрастным группам за 2019–2023 гг. (человек)

Fig. 1. Migration gain of the population in the Far Eastern regions by five-year age groups for 2019–2023 (people)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹

Проанализировав картограммы размаха коэффициента миграционного прироста в субъектах РФ в среднем за 2019–2023 гг., следует отметить, что показатели значительно отличаются в зависимости от рассматриваемой возрастной группы. Так, при сопоставлении групп 20–24 года и 65–69 лет мы видим, что в большей части регионов знак перед сальдо миграции меняется на противоположный (рис. 2). Дальний Восток является макрорегионом, где такая закономерность проявляется особенно четко. Индекс корреляции Пирсона между коэффициентами миграционного прироста в субъектах ДФО для этих двух возрастных групп составляет $-0,71$, т. е. наблюдается выраженная обратная зависимость. Иными словами, чем более интенсивный прирост молодежи 20–24 лет в регионе обеспечивает миграция, тем более значительна в нем убыль пенсионеров 65–69 лет. Наличие подобной взаимосвязи между переменными свидетельствует о том, что на население в разных возрастах по-разному воздействуют факторы притяжения и выталкивания, причем в регионах Дальнего Востока эта закономерность проявляется сильнее, чем в других частях России.

¹ Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 11.04.2025); Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 11.04.2025).

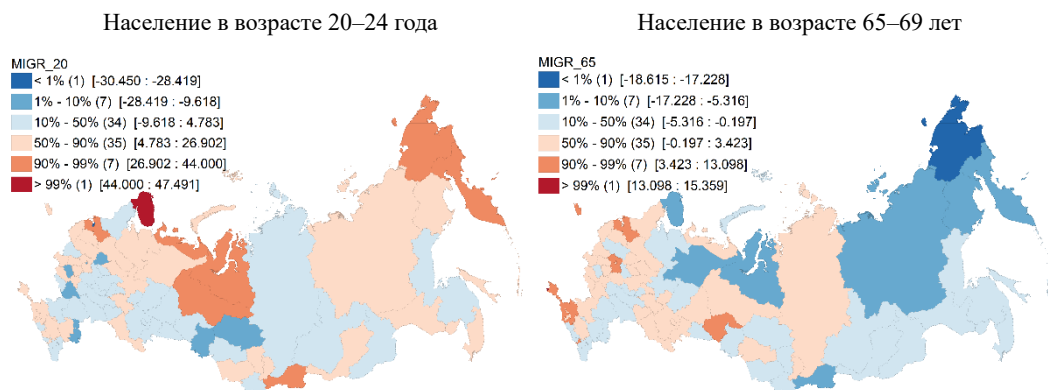

Рис. 2. Картограмма процентилей коэффициента миграционного прироста отдельных возрастных групп населения по регионам России за 2019–2023 гг. (на 1 000 человек)

Fig. 2. Percentile cartogram of net migration rate for selected population age groups by regions of Russia for 2019–2023 (per 1 000 population)

Источник: составлено автором в программе GeoDa по данным Росстата²

Согласно законам миграции Э. Равенштейна, ее экономические причины являются определяющими [31]. Поэтому сначала рассмотрим распределение регионов России и Дальнего Востока по такому показателю, как медианные среднедушевые денежные доходы населения (рис. 3). Все субъекты ДФО, кроме Республики Бурятия и Забайкальского края, относятся к группе с высокими доходами – выше, чем как минимум в 50% регионов России.

Теперь проанализируем, какова связь между рассматриваемой переменной и коэффициентом миграционного прироста для различных возрастных групп. Для этого рассчитаем локальные индикаторы пространственной автокорреляции (LISA). На основании нашей гипотезы высокие доходы являются фактором притяжения мигрантов. Результаты говорят о том, что в регионах Дальнего Востока наблюдается более сильная взаимосвязь между показателями миграционного прироста и доходов населения, чем в целом по России (табл. 1). Однако не для всех возрастных групп эта корреляция оказалась положительной.

Миграцию в возрастах от 0–4 до 10–14 лет мы будем рассматривать как маркер перемещения семей с детьми [32]. Поскольку средний возраст рождения первенца в России в 2019–2023 гг. составлял около 26 лет³, прибавив эту цифру к возрасту детей, можно определить условно поколение родителей и сравнить поведение семей

² Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 11.04.2025); Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 11.04.2025).

³ В Минтруде рассказали, в каком возрасте у россиян рождается первый ребенок // РИА Новости : [сайт]. 25.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191025/1560214037.html> (дата обращения: 11.04.2025); Средний возраст матерей в РФ увеличился за 10 лет на 3,6% // ТАСС : [сайт]. 14.11.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22402255> (дата обращения: 11.04.2025).

с детьми и, предположительно, без детей. В ДФО для семей с детьми, т. е. возрастных групп от 0–4 до 10–14 лет, корреляция между миграционным приростом и доходом выражена сильнее, чем для групп от 25–29 до 35–39 лет. Из чего можно заключить, что семьи с детьми сильнее реагируют на материальные стимулы.

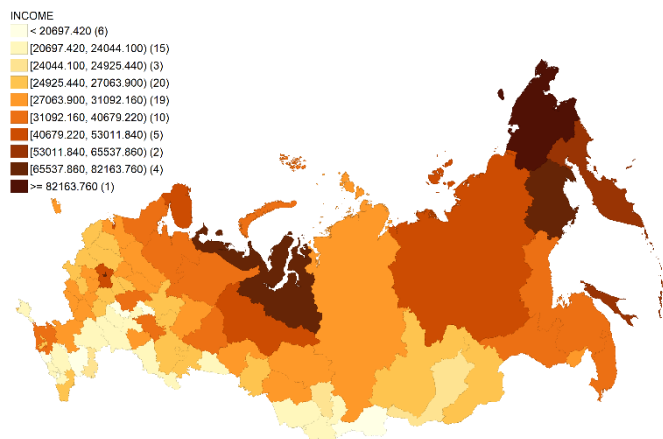

Рис. 3. Картограмма кластеризации⁴ регионов России по медианным среднедушевым доходам населения в среднем за 2019–2023 гг. (руб.)

Fig. 3. Cluster cartogram of Russian regions by median per capita income averaged over 2019–2023 (rubles)

Источник: составлено автором в программе GeoDa по данным Росстата⁵

Миграционный прирост молодежи 15–19 лет среди регионов Дальнего Востока наблюдается только в Хабаровском крае (рис. 1). Вероятно, это связано с поступлением в ВУЗы, которых в данном субъекте насчитывается 12 и еще столько же филиалов. Хабаровский край лидирует в ДФО по количеству студентов на 10 000 человек населения⁶. Для данной возрастной группы доходы не являются определяющим фактором, и корреляция миграционного прироста с ними отсутствует.

Положительная пространственная автокорреляция интенсивности чистой миграции с уровнем дохода на Дальнем Востоке достаточно сильно выражена для населения в возрасте от 20 до 40 лет. Для более старших групп она ослабевает, а начиная с 50 лет становится отрицательной и вновь усиливается, оставаясь значимой для возрастов до 70 лет. У населения старше 70 на первое место, вероятно, выходят личные факторы, такие как переезд к детям, что подтверждают и данные статистики⁷.

Интерпретируя полученный результат, можно заключить, что население, как и в советское время, продолжает приезжать на Дальний Восток «за длинным

⁴ Здесь и далее используются карты естественных границ. Подробнее о принципах их построения см.: Basic Mapping // GeoDa: [site]. URL: https://geodacenter.github.io/workbook/3a_mapping/lab3a.html#natural-breaks-map (accessed on 21.04.2025).

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

⁶ Там же.

⁷ Формы №№ 1-ПРИБ, 1-ПРИБ_ИнГр, 1-ВЫБ, 1 ВЫБ_ИнГр.

рублем», однако задача заработка актуальна в основном для молодежи, а когда финансовые цели достигнуты, люди покидают эти регионы, отдавая приоритет иным возможностям.

Оценим также распределение субъектов ДФО по пространственным кластерам. Двухфакторный локальный индекс Морана позволяет выделить четыре типа наблюдений, но в случае Дальнего Востока показатель доходов является высоким для всех регионов, поэтому определяются только два кластера: 1) «высокий – высокий», где наблюдается его пространственная корреляция с высокими значениями миграционного прироста; 2) «низкий – высокий», где миграционный прирост низок, несмотря на иные статистические ожидания в силу соседства (табл. 1). Не перечисленные в таблицах регионы Дальнего Востока входят в кластер «не значимо», поскольку в их случае p -value оказался ниже 0,05.

Таблица 1

Кластеры регионов Дальнего Востока по пространственной автокорреляции коэффициента миграционного прироста по возрастным группам и медианным среднедушевым доходам населения

Table 1

Clusters of the Far Eastern regions by spatial autocorrelation of net migration rate by age groups and median per capita income of the population

Возраст	LISA		Высокий (прирост) – высокий (доход)	Низкий (прирост) – высокий (доход)
	ДФО	РФ		
0–4	0,74	0,08	Чукотский АО, Магаданская область, Республика Саха	Камчатский край
5–9	0,94	0,01	Чукотский АО, Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область
10–14	0,89	0,01	Чукотский АО	Камчатский край, Магаданская область, Республика Саха
15–19	-0,21	-0,17	-	Чукотский АО, Камчатский край, Магаданская область, Республика Саха
20–24	0,87	0,29	Чукотский АО, Камчатский край, Магаданская область, Республика Саха	-
25–29	0,68	0,21		
30–34	0,79	0,10	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха	Магаданская область
35–39	0,52	0,07	Чукотский АО, Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область
40–44	0,35	-0,01		
45–49	0,25	-0,03		
50–54	-0,51	-0,19	Чукотский АО	Камчатский край, Магаданская область, Республика Саха
55–59	-1,0	-0,34	-	Чукотский АО, Камчатский край, Магаданская область, Республика Саха
60–64	-0,80	-0,36		
65–69	-0,58	-0,34		
70–74	-0,31	-0,33		
75–79	-0,36	-0,16		
80+	-0,28	0,02		
Все	0,60	-0,03	Чукотский АО, Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область

Источник: составлено автором по расчетам в программе GeoDa на базе данных Росстата⁸

⁸ Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 11.04.2025); Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 11.04.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба

Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Камчатский край и Магаданская область, которые лидируют по уровню доходов населения не только на Дальнем Востоке, но и во всей России (рис. 3), образуют кластер, где высокие значения данного показателя положительно коррелируют с высоким миграционным приростом в молодых возрастах. Все перечисленные регионы остаются в том же кластере для мигрантов в возрасте от 20 до 30 лет. Затем по мере увеличения возраста населения из группы выбывают сначала Магаданская область, следом Камчатка, а затем и Якутия. Регион с самыми высокими доходами – Чукотка – продолжает привлекать мигрантов в возрасте вплоть до 55 лет. Однако нельзя забывать, что Чукотский автономный округ имеет исключительно высокие значения интенсивности миграции в силу крайней малочисленности своего населения, поэтому наше наблюдение можно рассматривать как своего рода выброс. Впрочем, он логически не нарушает выявленную нами общую закономерность.

Итак, мы видим, что роль экономических факторов миграции, таких как доходы населения, велика, но не абсолютна. Рассмотрим ожидаемую продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) – интегральный социально-демографический показатель, который можно назвать индикатором не только уровня смертности и качества медицинского обслуживания, но и благоприятности условий жизни в регионе в целом. Прежде всего, заметим, что ДФО выделяют из остальных федеральных округов России низкие значения данного показателя во всех субъектах (рис. 4). Только в Якутии ОПЖ не уступает среднероссийскому уровню.

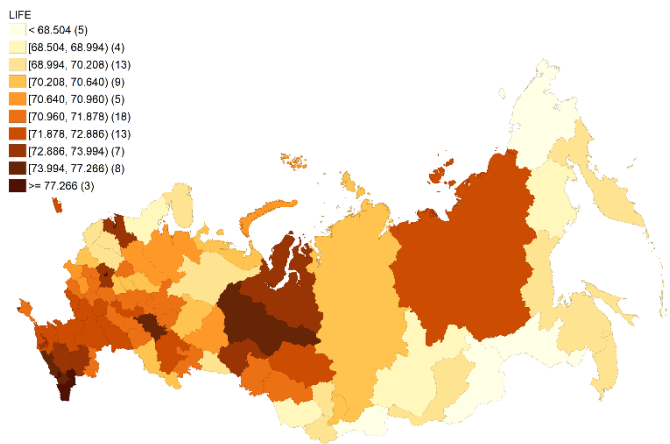

Рис. 4. Картограмма кластеризации регионов России по ожидаемой продолжительности жизни в среднем за 2019–2023 гг. (лет)

Fig. 4. Cluster cartogram of Russian regions by life expectancy averaged over 2019–2023 (years)

Источник: составлено автором в программе GeoDa по данным Росстата⁹

государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

Локальный индекс Морана показывает крайне слабую пространственную автокорреляцию между коэффициентом миграционного прироста и ожидаемой продолжительностью жизни в РФ в силу наличия наблюдений-исключений (табл. 2).

Таблица 2

**Кластеры регионов Дальнего Востока по пространственной автокорреляции
коэффициент миграционного прироста по возрастным группам и ожидаемой
продолжительности жизни**

Table 2

**Clusters of the Far Eastern regions by spatial autocorrelation of net migration rate
by age groups and life expectancy**

Возраст	LISA		Высокий (прирост) – низкий (ОПЖ)	Низкий (прирост) – низкий (ОПЖ)
	ДФО	РФ		
0–4	0,08	-0,02	Республика Саха, Магаданская область	Камчатский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
5–9	-0,16	0,10	Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
10–14	-0,04	0,15	-	Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
15–19	-0,10	0,21	Хабаровский край	Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
20–24	-0,15	-0,26	Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Еврейская АО, Республика Бурятия	Хабаровский край, Амурская область, Забайкальский край
25–29	-0,09	-0,03	Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край	Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
30–34	-0,20	0,08	Камчатский край, Республика Саха	Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
35–39	-0,04	0,11	Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
40–44	0,01	0,17		
45–49	0,01	0,18		
50–54	0,06	0,23	-	Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
55–59	0,04	0,27		
60–64	-0,08	0,28		
65–69	-0,06	0,29		
70–74	-0,07	0,26		
75–79	-0,09	0,23		
80+	0,03	0,19		
Все	-0,16	0,13	Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия

Источник: составлено автором по расчетам в программе GeoDa на базе данных Росстата¹⁰

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

При сопоставлении регионов Дальнего Востока между собой корреляция отсутствует, но все же зависимость является статистически значимой (на уровне 5% и выше) для большинства из них.

Наша гипотеза заключается в том, что низкая ожидаемая продолжительность жизни свидетельствует о неблагоприятной социально-демографической ситуации и является «выталкивающим фактором» миграции. Обращает на себя внимание кластер регионов, где, несмотря на малые значения рассматриваемого показателя, миграционный прирост оказывается выше, чем можно ожидать. В случае семей с детьми до 10 лет – это Республика Саха и Магаданская область. Можно предположить, что здесь играют роль экономические факторы. Молодые люди 15–19 лет интенсивно прибывают в Хабаровский край. Вероятно, их притягивают возможности для получения образования. Ряд субъектов (Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Еврейская АО, Республика Бурятия) имеют высокий миграционный прирост населения в возрасте 20–24 года. По мере увеличения возраста рассматриваемых нами групп этот кластер регионов сокращается. Только Республика Саха, относительно благополучная по ожидаемой продолжительности жизни на фоне других субъектов ДФО, сохраняет положительное сальдо миграции в возрастах от 35 до 50 лет. В то же время в Камчатском, Хабаровском и Забайкальском краях, Магаданской, Амурской и Еврейской автономной областях, Республике Бурятия низкая продолжительность жизни показала статистически значимую взаимосвязь с низким миграционным приростом (табл. 2).

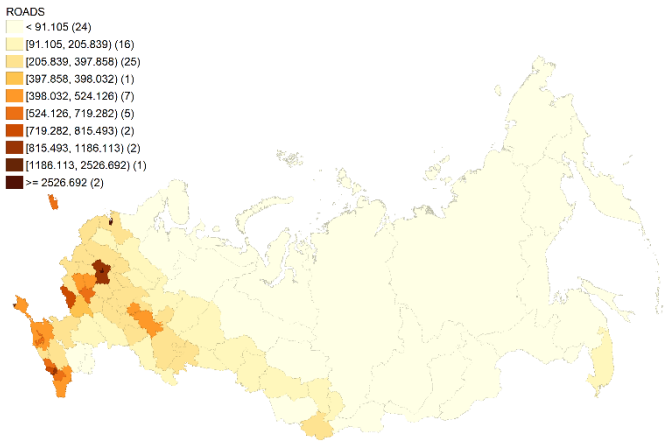

Рис. 5. Картограмма кластеризации регионов России по плотности автомобильных дорог с твердым покрытием в среднем за 2019–2023 гг. (км дорог на 1 000 кв. км территории)

Fig. 5. Cluster cartogram of Russian regions by the density of paved roadways averaged over 2019–2023 (km of roads per 1 000 sq. km of territory)

Источник: составлено автором в программе GeoDa по данным Росстата¹¹

¹¹ Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 11.04.2025); Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 11.04.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба

Инфраструктурное развитие также является значимым фактором миграции населения [33]. В качестве одного из его показателей рассмотрим индикатор состояния транспортной инфраструктуры – плотность автомобильных дорог с твердым покрытием. Заметим, что транспортная инфраструктура играет особую роль среди всех разновидностей инфраструктуры, поскольку обеспечивает доступ к прочим объектам. Дальний Восток можно назвать антилидером в данном отношении. В четырех его крупнейших регионах – Чукотке, Камчатке, Якутии и Магаданской области – плотность автодорог ниже, чем в 90% субъектах РФ, в оставшихся регионах – уступает среднероссийским значениям (рис. 5).

Как и в случае с ожидаемой продолжительностью жизни, локальный индекс пространственной автокорреляции между коэффициентом миграционного прироста и плотностью автомобильных дорог с твердым покрытием является низким как для России в целом, так и для Дальнего Востока в отдельности, однако статистическая значимость взаимосвязи для девяти субъектов ДФО из одиннадцати велика (табл. 3).

Таблица 3

Кластеры регионов Дальнего Востока по пространственной автокорреляции коэффициента миграционного прироста по возрастным группам и плотности автомобильных дорог с твердым покрытием

Table 3

Clusters of the Far Eastern regions by spatial autocorrelation of net migration rate by age groups and the density of paved roadways

Возраст	LISA		Высокий (прирост) – низкий (дороги)	Низкий (прирост) – низкий (дороги)
	ДФО	РФ		
0–4	-0,03	0,12	Чукотский АО, Республика Саха, Магаданская область	Камчатский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
5–9	-0,02	0,18	Чукотский АО, Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
10–14	-0,03	0,19	Чукотский АО	Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
15–19	0,02	0,19	Хабаровский край	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
20–24	-0,02	-0,07	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Еврейская АО, Республика Бурятия	Хабаровский край, Амурская область, Забайкальский край,
25–29	-0,02	0,07	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край	Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
30–34	-0,02	0,13	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха	Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия

государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

Продолжение таблицы 3

Возраст	LISA		Высокий (прирост) – низкий (дороги)	Низкий (прирост) – низкий (дороги)
	ДФО	РФ		
35–39 40–44 45–49	-0,02 -0,01 -0,01	0,15 0,19 0,21	Чукотский АО, Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
50–54	0,01	0,26	Чукотский АО	Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
55–59 60–64 65–69 70–74 75–79 80+	0,03 0,03 0,02 0,01 0,02 0,02	0,28 0,27 0,26 0,23 0,16 0,09	-	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
Все	-0,01	0,20	Чукотский АО, Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия

Источник: составлено автором по расчетам в программе GeoDa на базе данных Росстата¹²

Мы проверяем гипотезу о том, что хорошее качество транспортной инфраструктуры привлекательно для населения. Согласно полученным результатам, высокий коэффициент миграционного прироста, несмотря на низкий уровень развития дорожной сети, наблюдается в ряде регионов у молодых людей в возрасте от 20 до 35 лет, в том числе у семей с детьми. Наиболее велик этот кластер для возрастов 20–24 года. По мере увеличения возраста мигрантов растет кластер регионов, где низкая плотность автомобильных дорог пространственно коррелирует с низким коэффициентом миграционного прироста (табл. 3).

Наконец, исследования свидетельствуют о том, что природно-климатические условия также оказывают значимое влияние на миграцию населения [34]. Одним из важнейших факторов для различных сфер жизнедеятельности является температурный режим. Рассмотрим распределение регионов России по фактическим температурам января в среднем за 2019–2023 гг. Дальний Восток и в этом отношении является рекордсменом. Здесь расположен самый холодный регион России – Республика Саха. Температуры января в Чукотском автономном округе, Хабаровском и Забайкальском краях, Магаданской и Амурской областях, Республике Бурятия ниже, чем в 90% субъектах РФ (рис. 6).

¹² Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 11.04.2025); Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 11.04.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

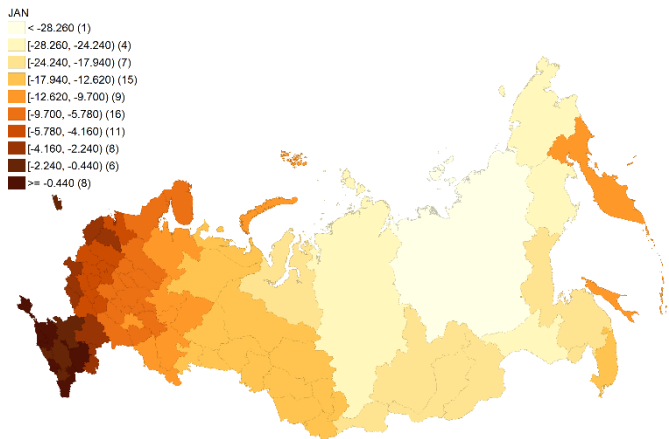

Рис. 6. Картограмма кластеризации регионов России по температурам января в среднем за 2019–2023 гг. (°C)

Fig. 6. Cluster cartogram of Russian regions by the January temperatures averaged over 2019–2023 (°C)

Источник: составлено автором в программе GeoDa по данным Росстата¹³

Локальный индекс Морана показывает значимую пространственную автокорреляцию между температурами января и коэффициентом миграционного прироста населения в возрасте старше 50 лет по регионам РФ. Если же рассматривать только субъекты ДФО, такая зависимость не столь сильна, однако статистически значима для девяти из них (табл. 4).

Таблица 4

Кластеры регионов Дальнего Востока по пространственной автокорреляции коэффициента миграционного прироста по возрастным группам и температуры января

Table 4

Clusters of the Far Eastern regions by spatial autocorrelation of net migration rate by age groups and the January temperature

Возраст	LISA		Высокий (прирост) – низкий (температура)	Низкий (прирост) – низкий (температура)
	ДФО	РФ		
0–4	0,01	0,16	Чукотский АО, Республика Саха, Магаданская область	Камчатский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
5–9	-0,08	0,30	Чукотский АО, Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
10–14	0,00	0,33	Чукотский АО	Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия

¹³ Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 11.04.2025).

Продолжение таблицы 4

Возраст	LISA		Высокий (прирост) – низкий (температура)	Низкий (прирост) – низкий (температура)
	ДФО	РФ		
15–19	-0,06	0,33	Хабаровский край	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
20–24	0,01	-0,19	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Еврейская АО, Республика Бурятия	Хабаровский край, Амурская область, Забайкальский край
25–29	-0,02	0,06	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край	Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
30–34	-0,05	0,22	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха	Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
35–39	-0,04	0,25	Чукотский АО, Республика Саха	Камчатский край, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
40–44	-0,02	0,34		
45–49	0,01	0,35		
50–54	-0,01	0,46	Чукотский АО	Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
55–59	0,04	0,54	-	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия
60–64	0,05	0,56		
65–69	0,03	0,56		
70–74	0,03	0,50		
75–79	0,04	0,37		
80+	0,14	0,21		
Все	-0,02	0,34	Чукотский АО, Республика Саха	Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Республика Бурятия

Источник: составлено автором по расчетам в программе GeoDa на базе данных Росстата¹⁴

Гипотеза предполагает «выталкивающее» влияние суровых погодных условий. И все же, несмотря на холодный климат, Чукотский автономный округ, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область имеют положительное сальдо миграции молодежи, в т. ч. семей с детьми. Исключение составляет Хабаровский край, притягивающий учебных мигрантов 15–19 лет. Чукотка и Якутия остаются привлекательными для мигрантов в возрасте до 50 лет. Для населения от 50 лет и старше низкие температуры января пространственно коррелируют с низким коэффициентом миграционного прироста. Оценка валидна для всех дальневосточных регионов, кроме Приморья и Сахалина (табл. 4).

¹⁴ Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 11.04.2025); Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 11.04.2025); Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 11.04.2025).

Заключение

По результатам проведенного анализа проверявшиеся нами гипотезы нельзя отвергнуть только для отдельных возрастных групп мигрантов. Иными словами, подтвердилось исследовательское предположение о том, что факторы притяжения и выталкивания по-разному воздействуют на население в зависимости от возраста. При этом регионы Дальнего Востока образуют географически непрерывные кластеры по пространственной автокорреляции интенсивности миграционного прироста по возрастным группам, показателям социально-экономического развития и природно-климатических условий. Т. е. на них оказывает влияние эффект соседства.

Интенсивность миграции и ее главные факторы зависят от возраста населения. Молодые люди (особенно в возрасте 20–24 лет) преимущественно мигрируют в поисках профессиональных возможностей. Старшие возрастные группы склонны покидать регион по достижении пенсионного возраста.

Высокие доходы привлекают молодое трудоспособное население, но их миграция носит временный характер («приезжают за заработком»). Достижение поставленных материальных целей стимулирует эмиграцию пожилых лиц. При этом данный фактор показал статистическую значимость только для регионов с самыми высокими значениями показателя: Чукотка, Камчатка, Магаданская область, Якутия.

Низкая ожидаемая продолжительность жизни в целом связана с отрицательным миграционным приростом. Семьи с детьми активно переезжают в Республику Саха и Магаданскую область предположительно из-за экономических факторов, молодежь привлекает получение образования в Хабаровском крае, а лица среднего возраста выбирают Республику Саха благодаря относительному благополучию региона по ОПЖ.

Низкий уровень развития транспортной инфраструктуры «выталкивает» население, однако результаты исследования показывают то, что высокая привлекательность ряда регионов для молодых мигрантов сохраняется даже при низком уровне развития дорожной сети, особенно для возрастной группы 20–24 года. Экономически благополучные Чукотский АО, Камчатский край, Республика Саха, Магаданская область демонстрируют миграционный прирост выше ожиданий и для более старших трудоспособных возрастов.

Суровый климат и экстремально низкие зимние температуры отрицательно влияют на привлекательность региона для пожилого населения. Тем не менее, молодые люди, включая семьи с детьми, продолжают переезжать даже в самые холодные районы в силу высоких зарплат и экономических перспектив. Пространственная автокорреляция интенсивности чистой миграции с климатическим показателем оказалась статистически значимой почти для всех субъектов ДФО.

Суммируя полученные выводы, констатируем, что молодежь от 20 до 30 лет привлекают, прежде всего, возможности заработка. Причем зависимость здесь наиболее значима для регионов с самыми высокими доходами. Среди субъектов ДФО наблюдается выраженная «конкуренция» за таких мигрантов (индекс пространственной автокорреляции здесь выше, чем по РФ). Но одного уровня доходов недостаточно, чтобы удержать население более старших возрастных групп. Для них низкие значения миграционного прироста показали выраженную корреляцию

с низкими значениями показателей условий жизни, инфраструктурного развития, климатических условий. Интересно, что по оставшимся показателям «конкуренция» между дальневосточными регионами отсутствует – под действием таких факторов население чаще перемещается за границы округа (индекс пространственной автокорреляции по ДФО ниже, чем по РФ).

Таким образом, результаты исследования подтверждают важность дифференцированного подхода к управлению миграционными процессами на Дальнем Востоке. Меры должны учитывать как возраст целевой группы, так и особенности каждого из регионов.

Список литературы

1. Bernard, A. Life-Course Transitions and the Age Profile of Internal Migration / A. Bernard, M. Bell, E. Charles-Edwards // *Population and Development Review*. 2014. Vol. 40, № 2. Pp. 213–239. DOI [10.1111/j.1728-4457.2014.00671.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2014.00671.x).
2. Макаp, С. В. Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы / С. В. Макаp, А. В. Ярашева, Ю. А. Симагин // *Народонаселение*. 2021. Т. 24, № 1. С. 117–130. DOI [10.19181/population.2021.24.1.11](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.11). EDN [BIREHT](https://www.edn.ru/BIREHT).
3. Храмова, М. Н. Возможности и ограничения для роста человеческого капитала в регионах российского Дальнего Востока / М. Н. Храмова, Д. П. Зорин // *Сегодня и завтра Российской экономики*. 2022. № 107–108. С. 26–36. DOI [10.26653/1993-4947-2022-107-108-02](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2022-107-108-02). EDN [ARDSGO](https://www.edn.ru/ARDSGO).
4. Винокурова, А. В. Уехать «куда» или «откуда»: условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья / А. В. Винокурова, А. Ю. Ардалянова, Ж. Шаривхан // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020. № 4(55). С. 7–15. DOI [10.24866/1998-6785/2020-4/7-15](https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/7-15). EDN [OTSYQA](https://www.edn.ru/OTSYQA).
5. Зубарева, М. М. Социально-экономические детерминанты межрегиональной миграции в Российской Федерации в концепции устойчивого развития / М. М. Зубарева, Л. А. Яловега // *Весенние дни науки ИнЭУ: Сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 17–20 апреля 2024 г.* Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2024. С. 569–574. EDN [JEXSHW](https://www.edn.ru/JEXSHW).
6. Мотрич, Е. Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18, № 1. С. 27–40. DOI [10.19181/lspr.2022.18.1.2](https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.1.2). EDN [SBQNTL](https://www.edn.ru/SBQNTL).
7. Ефременко, В. Ф. Развитие обрабатывающей промышленности как фактор стабилизации населения на Дальнем Востоке России // *Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Сборник трудов II Международной научно-практической конференции, Владивосток, 04–05 июня 2018 г.* / Под общей редакцией С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой, Л. А. Савинкиной. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2018. С. 80–83. EDN [UTFRHN](https://www.edn.ru/UTFRHN).
8. Протопопова, М. Т. Сравнительный анализ миграционных процессов в северных регионах ресурсного типа / М. Т. Протопопова, И. Н. Аммосов // *Арктика XXI век*. 2024. № 4(38). С. 69–84. DOI [10.25587/2310-5453-2024-4-69-84](https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-4-69-84). EDN [JUIAKY](https://www.edn.ru/JUIAKY).
9. Бабич, А. А. Социальные нормы и отношение к миграции на Дальнем Востоке // *Новая экономика, бизнес и общество: Материалы Апрельской научно-практической конференции молодых ученых, Владивосток, 23 марта – 16 апреля 2023 г.* / Отв. ред. А. А. Волков, Е. А. Тюрина, М. В. Усова. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2023. С. 174–177. EDN [NLHCIG](https://www.edn.ru/NLHCIG).
10. Мотрич, Е. Л. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России / Е. Л. Мотрич, Л. А. Молодковец // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 1. С. 53–69. DOI [10.15838/esc.2019.1.61.3](https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.3). EDN [YYGDJR](https://www.edn.ru/YYGDJR).
11. Ивашина, Н. В. Ипотечное кредитование как сдерживающий фактор миграционного оттока населения в регионах Дальнего Востока / Н. В. Ивашина, Е. Б. Олейник, М. Н. Храмова //

Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы : Сборник научных статей. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. С. 510–518. DOI [10.17059/udf-2024-5-6](https://doi.org/10.17059/udf-2024-5-6). EDN [PWFVWA](https://www.edn.ru/udf-2024-5-6).

12. Мотрич, Е. Л. Современные демографические процессы на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 4(101). С. 59–68. DOI [10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68). EDN [XMBYLS](https://www.edn.ru/1818-4049-2022-101-4-59-68).

13. Авдеев, Ю. А. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведет к желаемому результату / Ю. А. Авдеев, В. Л. Ушакова // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 1. С. 9–24. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24). EDN [EBFBEG](https://www.edn.ru/1999-9836_2023_19_1_1_9_24).

14. Ефременко, В. Ф. Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3(100). С. 101–107. DOI [10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107). EDN [WLZOHN](https://www.edn.ru/1818-4049-2022-100-3-101-107).

15. Мищук, С. Н. Общая характеристика и региональные различия миграционных процессов на Дальнем Востоке России в постсоветский период // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 53–67. DOI [10.31857/S2587-55662019653-67](https://doi.org/10.31857/S2587-55662019653-67). EDN [FHFEGI](https://www.edn.ru/2587-55662019653-67).

16. Сидоркина, З. И. Региональные особенности демографического поведения населения Дальнего Востока России // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17, № 3. С. 44–57. DOI [10.37490/S221979310015014-8](https://doi.org/10.37490/S221979310015014-8). EDN [REETER](https://www.edn.ru/221979310015014-8).

17. Авдеев, Ю. А. Дальний Восток: как остановить отток населения и сделать его привлекательным? (полемиические размышления) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 3. С. 299–313. DOI [10.19181/Ispr.2021.17.3.1](https://doi.org/10.19181/Ispr.2021.17.3.1). EDN [FYDLUB](https://www.edn.ru/19181/Ispr.2021.17.3.1).

18. Вертинова, А. А. Инновационное развитие и цифровизация как фактор закрепления молодежи на Дальнем Востоке России / А. А. Вертинова, Л. Е. Садовская // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 7. С. 1685–1698. DOI [10.18334/lim.12.7.123425](https://doi.org/10.18334/lim.12.7.123425). EDN [TULAVR](https://www.edn.ru/18334/lim.12.7.123425).

19. Кабанова, А. А. Влияние экологических катастроф на демографическую ситуацию в регионах России // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» : Материалы форума, Воронеж, 30 сентября – 02 октября 2021 г. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2021. С. 1014–1018. EDN [VJAQLG](https://www.edn.ru/1014-1018).

20. Гамерман, Е. В. Демографические и миграционные процессы Дальнего Востока: сквозь призму «поворота на Восток» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 49. С. 22–33. DOI [10.26516/2073-3380.2024.49.22](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.22). EDN [PFJZYH](https://www.edn.ru/26516/2073-3380.2024.49.22).

21. Шмидт, Ю. Д. Моделирование межрегиональных миграционных потоков клеточными автоматами / Ю. Д. Шмидт, Н. В. Ивашина, Г. П. Озерова // Компьютерные исследования и моделирование. 2020. Т. 12, № 6. С. 1467–1483. DOI [10.20537/2076-7633-2020-12-6-1467-1483](https://doi.org/10.20537/2076-7633-2020-12-6-1467-1483). EDN [IPKRYX](https://www.edn.ru/20537/2076-7633-2020-12-6-1467-1483).

22. Ангосик, Л. В. Моделирование пространственной зависимости миграционных потоков выпускников вузов РФ / Л. В. Ангосик, Н. В. Ивашина // Прикладная эконометрика. 2019. № 2(54). С. 70–89. DOI [10.24411/2076-4766-2017-10004](https://doi.org/10.24411/2076-4766-2017-10004). EDN [YVPYCU](https://www.edn.ru/24411/2076-4766-2017-10004).

23. Смирнов, А. В. Прогнозирование миграционных процессов методами цифровой демографии // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 1. С. 133–145. DOI [10.17059/ekon.reg.2022-1-10](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-10). EDN [FELHOC](https://www.edn.ru/17059/ekon.reg.2022-1-10).

24. Ляшок, В. Ю. Дальний Восток и Крайний Север: как предотвратить отток молодежи? / В. Ю. Ляшок, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская : [препринт]. Москва : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. 26 с. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w20220270.pdf>.

25. Курьян, С. П. Межрегиональная миграция на Дальнем Востоке России: возрастные особенности // Регионалистика. 2024. Т. 11, № 6. С. 64–88. DOI [10.14530/reg.2024.6.64](https://doi.org/10.14530/reg.2024.6.64). EDN [NXPQQG](https://www.edn.ru/14530/reg.2024.6.64).

26. Моисеева, Е. М. Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России / Е. М. Моисеева, С. Н. Мищук // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 4. С. 18–33. DOI [10.24412/1561-7785-2024-4-18-33](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-18-33). EDN [YTMPXH](https://www.edn.ru/24412/1561-7785-2024-4-18-33).

27. Vakulenko, E. Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age / E. Vakulenko, N. Mkrtchyan // Applied Spatial Analysis and Policy. 2020. Vol. 13, № 3. Pp. 609–630. DOI [10.1007/s12061-019-09320-8](https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8). EDN [HDPKZZ](https://www.edn.ru/1007/s12061-019-09320-8).

28. Окунев, И. Ю. Глобальная и локальная пространственная автокорреляция: методы расчета и картографирования // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20, № 2. С. 170–191. DOI [10.37490/S221979310030291-3](https://doi.org/10.37490/S221979310030291-3). EDN [WNKQSS](https://www.edn.ru/WNKQSS).
29. Anselin, L. An Introduction to Spatial Data Science with GeoDa. Vol. 1 and 2. London : Chapman & Hall, 2024. 696 p. ISBN 9781032713397.
30. Окунев, И. Ю. Основы пространственного анализа : монография. Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2020. 255 с. ISBN 978-5-7567-1062-5.
31. The Ravenstein, E. G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. Vol. 52, № 2. Pp. 241–305. DOI [10.2307/2979333](https://doi.org/10.2307/2979333).
32. Vakulenko, E. Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age / E. Vakulenko, N. Mkrtchyan // Applied Spatial Analysis and Policy. 2020. Vol. 13, № 3. Pp. 609–630. DOI [10.1007/s12061-019-09320-8](https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8). EDN [HDPKZZ](https://www.edn.ru/HDPKZZ).
33. Маньшин, Р. В. Влияние инфраструктуры на размещение населения и развитие регионов России / Р. В. Маньшин, Е. М. Моисеева // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 3. С. 727–741. DOI [10.17059/ekon.reg.2022-3-8](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-8). EDN [SRPJBR](https://www.edn.ru/SRPJBR).
34. Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / Д. Д. Бокучава, Т. Л. Бородина, В. В. Виноградова [и др.]. Москва : Институт географии Российской академии наук, 2018. 154 с. ISBN 978-5-89658-050-8. DOI [10.15356/ncsgsrus](https://doi.org/10.15356/ncsgsrus). EDN [VTAYEG](https://www.edn.ru/VTAYEG).

Сведения об авторе

Моисеева Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); РИНЦ SPIN-код: [6995-4829](https://elibrary.ru/6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [24-28-01046](https://www.rfbr.ru/rfn/ru/project?id=24-28-01046) «Возрастные особенности немиграционных установок населения регионов Дальнего Востока».

Статья поступила в редакцию 10.07.2025; принята в печать 08.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

FACTORS OF POPULATION MIGRATION IN THE RUSSIAN FAR EAST: SPATIAL AND AGE-RELATED CHARACTERISTICS

Evgeniya M. Moiseeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

For citation: Moiseeva, E. M. Factors of Population Migration in the Russian Far East: Spatial and Age-Related Characteristics. DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 134–155. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.9). (In Russ.)

Abstract. The article examines spatial and age-related characteristics of migration in the Far Eastern region of Russia. The aim of this study is to investigate the influence of various factors, such as socio-economic conditions, infrastructure, climate conditions, on population movements in different age groups within the region. The research focuses on analyzing migration flows in the Russian Far Eastern regions and their dependence on spatial and demographic characteristics. The study is based on statistical data from Rosstat for the period 2019–2021. The main findings show that there are significant differences in migration patterns among different age groups. For example, young people (20–24 years old) tend to migrate

more than older people (65–69 years old). This trend is explained by economic factors such as income levels and cost of living. Young families with children are also more likely to move due to material incentives. However, younger people (15–29 years) are less likely to migrate because they focus on education opportunities. Living conditions in the region, including health care, infrastructure development and climate conditions, play a significant role in determining whether people will stay or leave. Regions with better living conditions tend to have lower rates of outmigration. Additionally, there is a spatial effect where neighboring regions influence each other's migration patterns. Economic factors have the greatest impact on migration in areas with strong economies, while social and infrastructure factors are more significant in less developed regions. This study contributes to a better understanding of how migration patterns are shaped by various factors in the Far Eastern part of Russia. Its findings can be used by policymakers to develop strategies for optimizing demographic and migration policy in this region.

Keywords: population migration, Far East, spatial analysis, age composition, socioeconomic factors, infrastructure, climate conditions

References

1. Bernard, A. Bell, M., Charles-Edwards, E. Life-Course Transitions and the Age Profile of Internal Migration. *Population and Development Review*. 2014. Vol. 40, No. 2. Pp. 213–239. DOI [10.1111/j.1728-4457.2014.00671.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2014.00671.x).
2. Makar, S. V., Yarasheva, A. V., Simagin, Yu. A. Spatial Development of the Russian Far East: Demographic and Socio-Economic Factors. *Population*. 2021. Vol. 24, No. 1. Pp. 117–130. DOI [10.19181/population.2021.24.1.11](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.11). (In Russ.).
3. Khramova, M. N., Zorin, D. P. Opportunities and Limitations for the Growth of Human Capital in the Regions of the Russian Far East. *Today and Tomorrow of the Russian Economy*. 2022. No. 107–108. Pp. 26–36. DOI [10.26653/1993-4947-2022-107-108-02](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2022-107-108-02). (In Russ.).
4. Vinokurova, A. V., Ardal'yanova, A. Yu., Sharivkhan, J. Leaving “Where” or “From Where”: Living Conditions and Migration Strategies of Residents of the Far Eastern Russian-Chinese Borderland. *Ojkumena. Regional Researches*. 2020. No. 4(55). Pp. 7–15. DOI [10.24866/1998-6785/2020-4/7-15](https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/7-15). (In Russ.).
5. Zubareva, M. M., Yalovega, L. A. Socio-Economic Determinants of Interregional Migration in the Russian Federation in the Concept of Sustainable Development. *Vesenniye dni nauki InEU [Spring Science Days at the Institute of Economics and Management]*: proceedings of the international conference of students and young scientists, Ekaterinburg, April 17–20, 2024. Ekaterinburg: Azhur Publishing House, 2024. C. 569–574. (In Russ.).
6. Motrich, E. L. Migration in the Demographic Development of the Russian Far East. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 1. Pp. 27–40. DOI [10.19181/lspr.2022.18.1.2](https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.1.2). (In Russ.).
7. Efremenko, V. F. Development of Manufacturing Industry as a Factor of Population Stabilization in the Russian Far East. *Migratsionnyye protsessy i ikh vliyaniye na demograficheskoye i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Dal'nego Vostoka [Migration processes and their impact on the demographic and socio-economic development of the Far East]*: Proceedings of the II International scientific and practical conference, Vladivostok, June 4–5, 2018. S. V. Ryazantsev, M. N. Khramova, L. A. Savinkina (eds). Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2018. Pp. 80–83. (In Russ.).
8. Protopopova, M. T., Ammosov, I. N. Comparative Analysis of Migration Processes in Russian Northern Regions of Resource Type. *Arctic XXI Century*. 2024. No. 4(38). Pp. 69–84. DOI [10.25587/2310-5453-2024-4-69-84](https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-4-69-84). (In Russ.).
9. Babich, A. A. Sotsial'nyye normy i otnosheniye k migratsii na Dal'nem Vostoke [Social norms and attitudes towards migration in the Far East]. *Novaya ekonomika, biznes i obshchestvo [New economy, business and society]*: Proceedings of the April scientific and practical conference of young scientists, Vladivostok, March 23 – April 16, 2023. A. A. Volkov, E. A. Tyurina, M. V. Usova (eds). Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2023. Pp. 174–177. (In Russ.).
10. Motrich, E. L., Molodkovets, L. A. Shaping the Population and Labor Resources in the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019. Vol. 12, No. 1. Pp. 53–69. DOI [10.15838/esc.2019.1.61.3](https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.3). (In Russ.).
11. Ivashina, N. V., Oleynik, E. B., Khramova, M. N. Mortgage Lending as a Deterrent to Migration from Regions of the Far East. *Ustoychivost' demograficheskogo razvitiya: determinanty i resursy [Sustainability of demographic development: determinants and resources]*: Collection of scientific articles. Ekaterinburg:

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. Pp. 510–518. DOI [10.17059/udf-2024-5-6](https://doi.org/10.17059/udf-2024-5-6). (In Russ.).

12. Motrich, E. L. Modern Demographic Processes in the Russian Far East. *Power and Administration in the East of Russia*. 2022. No. 4(101). Pp. 59–68. DOI [10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68). (In Russ.).

13. Avdeev, Yu. A., Ushakova, V. L. Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East Does not Lead to the Desired Result. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19, No. 1. Pp. 9–24. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24). (In Russ.).

14. Efremenko, V. F. Structural Factors of Migration of the Population of the Russian Far East. *Power and Administration in the East of Russia*. 2022. No. 3(100). Pp. 101–107. DOI [10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107). (In Russ.).

15. Mishchuk, S. N. General Characteristics and Regional Differences of Migration Processes in the Far East Of Russia in the Post-Soviet Period. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya*. 2019. No. 6. Pp. 53–67. DOI [10.31857/S2587-55662019653-67](https://doi.org/10.31857/S2587-55662019653-67). (In Russ.).

16. Sidorkina, Z. Regional Features of Demographic Behavior of Thepopulation of the Russian Far East. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2021. Vol. 17, No. 3. Pp. 44–57. DOI [10.37490/S221979310015014-8](https://doi.org/10.37490/S221979310015014-8). (In Russ.).

17. Avdeev, Yu. A. Far East: How To Stop the Outflow of People and Make it Attractive? (Polemical Reflections). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021. Vol. 17, No. 3. Pp. 299–313. DOI [10.19181/lspr.2021.17.3.1](https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.3.1). (In Russ.).

18. Vertinova, A. A., Sadovskaya, L. E. Innovative Development and Digitalization as a Factor of Youth Consolidation in the Russian Far East. *Leadership and Management*. 2025. Vol. 12, No. 7. Pp. 1685–1698. DOI [10.18334/lim.12.7.123425](https://doi.org/10.18334/lim.12.7.123425). (In Russ.).

19. Kabanova, A. A. Vliyaniye ekologicheskikh katastrof na demograficheskuyu situatsiyu v regionakh Rossii [The impact of environmental disasters on the demographic situation in the regions of Russia]. *Mezhdunarodnyy demograficheskiy forum "Demografiya i global'nyye vyzovy" [International Demographic Forum "Demography and Global Challenges"]* : Conference Proceedings, Voronezh, September 30 - October 2, 2021. Voronezh : Digital Printing Publ., 2021. Pp. 1014–1018. (In Russ.).

20. Gamerman, E. V. Demographic and Migration Processes of the Far East Through the Prism of the “Turn To The East.” *Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 2024. Vol. 49. Pp. 22–33. DOI [10.26516/2073-3380.2024.49.22](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.22). (In Russ.).

21. Schmidt, Yu. D., Ivashina, N. V., Ozerova, G. P. Modelling Interregional Migration Flows by the Cellular Automata. *Computer Research and Modeling*. 2020. Vol. 12, No. 6. Pp. 1467–1483. DOI [10.20537/2076-7633-2020-12-6-1467-1483](https://doi.org/10.20537/2076-7633-2020-12-6-1467-1483). (In Russ.).

22. Antosik, L., Ivashina, N. Modeling of Spatial Dependence in the Migration Flows of Graduates of the Higher Education Institutions of the Russian Federation. *Applied Econometrics*. 2019. No. 2(54). Pp. 70–89. DOI [10.24411/2076-4766-2017-10004](https://doi.org/10.24411/2076-4766-2017-10004). (In Russ.).

23. Smirnov, A. V. Digital Demography Methods for Forecasting Migration Processes. *Economy of Regions*. 2022. Vol. 18, No. 1. Pp. 133–145. DOI [10.17059/ekon.reg.2022-1-10](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-10). (In Russ.).

24. Lyashok, V. Yu., Mkrtchyan, N. V., Florinskaya, Yu. F. *Far East and Far North: How to Prevent an Outflow of Young People* : [preprint]. Moscow : Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023. 26 p. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w20220270.pdf>. (In Russ.).

25. Kuryan, S. P. Interregional Migration in the Russian Far East: Age Characteristics. *Regionalistics*. 2024. Vol. 11, No. 6. Pp. 64–88. DOI [10.14530/reg.2024.6.64](https://doi.org/10.14530/reg.2024.6.64). (In Russ.).

26. Moiseeva, E. M., Mishchuk, S. N. Regional Characteristics of Migration Age Structure in the Russian Far East. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 4. Pp. 18–33. DOI [10.24412/1561-7785-2024-4-18-33](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-18-33). (In Russ.).

27. Vakulenko, E., Mkrtchyan, N. Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age. *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2020. Vol. 13, No. 3. Pp. 609–630. DOI [10.1007/s12061-019-09320-8](https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8).

28. Okunev, I. Global and Local Spatial Autocorrelation: Methods of Calculation and Mapping. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2024. Vol. 20, No. 2. Pp. 170–191. DOI [10.37490/S221979310030291-3](https://doi.org/10.37490/S221979310030291-3). (In Russ.).

29. Anselin, L. *An Introduction to Spatial Data Science with GeoDa*. Vol. 1 and 2. London : Chapman & Hall, 2024. 696 p. ISBN 9781032713397.

30. Okunev, I. Yu. *Osnovy prostranstvennogo analiza [Fundamentals of Spatial Analysis]* : monograph. Moscow : Aspect Press Publ., 2020. 255 p. ISBN 978-5-7567-1062-5. (In Russ.).
31. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52, No. 2. Pp. 241–305. DOI [10.2307/2979333](https://doi.org/10.2307/2979333).
32. Vakulenko, E., Mkrtchyan, N. Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age. *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2020. Vol. 13, No. 3. Pp. 609–630. DOI [10.1007/s12061-019-09320-8](https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8).
33. Manshin, R. V., Moiseeva, E. M. Influence of Infrastructure on Population Distribution and Socio-Economic Development of Russian Regions. *Economy of Regions*. 2022. Vol. 18, No. 3. Pp. 727–741. DOI [10.17059/ekon.reg.2022-3-8](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-8). (In Russ.).
34. *Prirodno-klimaticheskiye usloviya i sotsial'no-geograficheskoye prostranstvo Rossii [Natural and climatic conditions and socio-geographical space of Russia]*. D. D. Bokuchava, T. L. Borodina, V. V. Vinogradova [et al.]. Moscow : Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 2018. 154 p. ISBN 978-5-89658-050-8. DOI [10.15356/ncsgsrus](https://doi.org/10.15356/ncsgsrus). (In Russ.).

Bio note

Evgeniya M. Moiseeva, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); RSCI SPIN code: [6995-4829](https://www.rsci.spin.ru/6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by RSF according to the research project No. [24-28-01046](https://www.rsf.ru/24-28-01046) “Age Characteristics of Non-Migration Attitudes of the Population of the Far East Regions.”

Received on 10.07.2025; accepted for publication on 08.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.10)

EDN [YKJEJF](https://www.edn.ru/YKJEJF)

МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Войнов С. М.

РАНХиГС, Москва, Россия

E-mail: ser.vojnov2015@mail.ru

Леденева В. Ю.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

Для цитирования: Войнов, С. М. Механизмы адаптации иностранных трудовых мигрантов в Дальневосточном федеральном округе / С. М. Войнов, В. Ю. Леденева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 156–176. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.10). EDN [YKJEJF](https://www.edn.ru/YKJEJF).

Аннотация. В статье представлен обзор механизмов адаптации внешних трудовых мигрантов в Российской Федерации в контексте текущей демографической ситуации. Цель научной работы – анализ механизмов, способствующих эффективной адаптации мигрантов к условиям жизни в России, и, в частности, на территории Дальнего Востока. Утверждается, что разработка качественной и методологически обоснованной миграционной политики, ориентированной на адаптацию, может способствовать более оптимальному распределению мигрантов внутри страны, предотвращая возникновение конфликтных настроений как среди мигрантов, так и среди местного населения. Результаты исследования показывают, что, несмотря на декларирование в Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. постулата о содействии адаптации иностранным гражданам, недостаток комплексного подхода при реализации механизмов вынуждает мигрантов сохранять прежние формы взаимодействия и не адаптироваться к российской социальной среде. Согласно данным Росстата, на конец 2023 г. на Дальнем Востоке насчитывалось около 200 тыс. потенциальных потребителей адаптационных мер, что требует внимания со стороны субъектов миграционных отношений, реализующих миграционную политику. Слабо развитая институциональная основа адаптации мигрантов (в том числе отсутствие количественных метрик) приводит к снижению ее эффективности, что, в свою очередь, препятствует их интеграции в принимающее общество. Это создает риск неполной реализации миграционного потенциала, усиливает социальную фрагментацию и снижает уровень общественного доверия к миграционной политике. Настоящее исследование опирается на анализ российского законодательства, касающегося адаптационных механизмов, а также включает анализ работ и статистической информации, прямо или косвенно посвященной проблеме адаптации мигрантов в России, и, в частности, на Дальнем Востоке. Данное исследование может внести вклад в разработку системного подхода к адаптации мигрантов.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, внешние трудовые мигранты, Дальний Восток, адаптация мигрантов, механизмы адаптации мигрантов, комплексный подход, некоммерческие организации

Введение

Вопросы миграции и формирования миграционной политики в регионах Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), вызывают интерес у исследователей в силу специфики развития геополитических процессов.

Географическое положение региона, сокращение численности и миграционный отток населения в другие территории России приводит к сокращению трудовых ресурсов в макрорегионе. В таких условиях привлечение иностранных

трудоустройства мигрантов рассматривается как подход к их восполнению. В то же время успешная адаптация мигрантов требует системного подхода, включающего создание правовых и организационных условий для их легального трудоустройства, доступа к социальной инфраструктуре, поддержки процессов культурной и лингвистической адаптации. Реализация данных мер позволит не только минимизировать негативные демографические тенденции, но и обеспечить социально-экономическую стабильность региона, способствуя его устойчивому развитию.

В этой связи возникает необходимость в анализе адаптационных механизмов в рамках миграционной политики Российской Федерации, принимая во внимание формирование условий, способствующих удовлетворению потребностей рынка труда и минимизации риска конфликтов с местными жителями.

В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. (далее – Концепция), адаптация – одно из ключевых направлений миграционной политики. Ст. 23 определяет меры по созданию механизмов для адаптации иностранных граждан. При этом осуществление самих мер возлагается на субъекты федерации. Однако при анализе Концепции нами была выявлена недостаточная проработанность ключевых аспектов адаптации мигрантов, таких как бытовые условия, медицинское обеспечение, образование и информационная поддержка.

Вкупе со слабой методологической проработкой адаптационного курса миграционной политики влияние оказывает нагрузка на социальную сферу региона. Одним из факторов, по которому можно судить о состоянии социальной инфраструктуры и о качестве жизни, является региональное здравоохранение. Недостаточная включенность мигрантов в систему профилактики и диспансерного наблюдения ведет к тому, что многие заболевания выявляются на более поздних стадиях, что усложняет их лечение и увеличивает затраты медицинской системы. Сами мигранты, опасаясь потерять работу, зачастую игнорируют проблемы со здоровьем или решают их самостоятельно. В долгосрочной перспективе слабая медицинская адаптация мигрантов может усиливать влияние на устойчивость региональной системы здравоохранения и качество жизни местного населения.

Проблема доступного жилья остается одним из наиболее значимых барьеров, поскольку именно от нее зависит создание приемлемых условий для проживания мигрантов. Высокая стоимость аренды становится фактором, влияющим на выбор стратегий обустройства и адаптации в новой среде. В российском контексте ситуацию дополнительно осложняет необходимость официальной регистрации по месту пребывания, без которой затруднен доступ к медицинским услугам, системе образования и легальной занятости. Для многих мигрантов аренда жилья с оформлением всех необходимых документов оказывается недоступной из-за высокой цены и нежелания арендодателей брать на себя бюрократические обязательства. В результате значительная часть приезжих вынуждена прибегать к неформальным схемам проживания, что усиливает их правовую и социальную уязвимость.

Согласно действующему законодательству, иностранные граждане обязаны проживать по адресу, где они официально зарегистрированы, но на практике это требование часто не соблюдается. Неформальное проживание без регистрации автоматически переводит мигрантов в разряд нарушителей закона и фактически

ставит их в положение «нелегалов». Усугублению проблемы способствует нежелание части собственников жилья регистрировать арендаторов-мигрантов, опасаясь бюрократических процедур, возможных налоговых последствий или даже потери контроля над квартирой. Дополнительным барьером выступает недостаток предложений жилья от работодателей: в большинстве случаев они не обеспечивают сотрудников жильем, и лишь крупные компании, привлекающие работников по организованному набору, способны выполнять данное требование.

Таким образом, регистрация по месту пребывания превращается в ключевое препятствие для легализации и полноценной адаптации мигрантов. Отсутствие законной регистрации лишает их возможности закрепиться в регионе на долгосрочной основе, ограничивает доступ к социальным услугам и стимулирует стратегии временного проживания. А в совокупности порождает риски не только для самих мигрантов, но и для устойчивости системы социального контроля, затрудняя интеграцию приезжих в принимающее общество.

Вдобавок сама ситуация на российском рынке недвижимости обостряет проблему: рост цен на аренду жилья в крупных городах в последние годы значительно опережает рост доходов низкоквалифицированных работников. Ограниченное предложение дешевого и при этом легального жилья подталкивает их к выбору некачественных и перенаселенных помещений либо к проживанию в полулегальных арендных схемах.

Названные аспекты тесно связаны между собой. Например, трудности с жильем или медицинским обслуживанием могут негативно повлиять на качество жизни мигранта, его психологическое состояние и общую способность справляться с повседневными проблемами.

Учитывая изложенное, важно оценить, как работают механизмы адаптации трудовых мигрантов в ДФО и определить причины ограниченной эффективности адаптационных мероприятий.

Цель нашего исследования как раз и заключается в анализе механизмов адаптации трудовых мигрантов на Дальнем Востоке. Новизна работы состоит в определении структуры механизмов (информационная поддержка мигрантов, поддержка проектов социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – НКО), обучение русскому языку, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения, а кроме того, создание условий в местах проживания, отдыха и трудовой деятельности иностранного гражданина) и в выявлении основных проблем, которые, по мнению автора, препятствуют эффективной реализации направлений адаптации иностранных трудовых мигрантов.

Данное исследование включало изучение нормативно-правовых актов, связанных с процессом адаптации мигрантов; вторичный анализ социологических исследований, осуществляемых в последние годы и затрагивающих адаптационные процессы и механизмы адаптации мигрантов Дальневосточного федерального округа (Лях П. П. [1], Леденева В. Ю. [2]); статистический анализ миграционной ситуации и оценку численности трудовых мигрантов в регионе на основе данных Росстат, МВД, подведомственных организаций Минвостокразвития России (в частности, ФАНУ «Востокгосплан»), классификацию существующих в российском

законодательстве механизмов адаптации; анализ статистической информации о социальной сфере регионов ДФО.

Обзор научной литературы

Адаптация мигрантов как объект исследования берет свое начало с 1910-х гг. XX в. в рамках «концепции ассимиляции» Р. Парка и развития его идей в трудах М. Гордона о «типологии ассимиляции». Среди знаковых теорий адаптации можно отметить следующие: Дж. Берри (двухмерная модель аккультурации), Я. Ким и К. Уорд (теория кросс-культурной адаптации), концепции мультикультурализма и транснационализма.

В отечественной науке исследователи В. Ю. Леденева, В. И. Мукомель, Т. Н. Юдина и др. [3; 4; 5] изучают влияние миграции на социальную структуру России, выделяя две стратегии: адаптацию и интеграцию. В целом, адаптацией принято считать «процесс приспособления мигрантов к условиям пребывания или проживания на территории вселения, в ходе которого мигранты стремятся освоиться в новой для них обстановке» [6]. При этом особую роль при выборе мигрантом той или иной стратегии играют не только экономические мотивы, но и сложность в освоении языка, культурных особенностей и правовых норм страны-приема. Овладение местным языком позволяет не только лучше понимать, но и эффективно взаимодействовать с местным населением. Знакомство с культурными особенностями способствует снижению стереотипов, предотвращает конфликты и помогает интегрироваться в новое социальное окружение. Мало того, правовая поддержка обеспечивает защиту прав мигрантов и позволяет получить необходимые услуги.

В современной российской социологической и психологической литературе адаптация мигрантов рассматривается как многомерный процесс, включающий языковую, социальную, культурную и психологическую составляющие. Н. Л. Шамне подчеркивает важность социокультурных компетенций и языковой адаптации в полиэтнических регионах [7]. С. В. Козин, Т. П. Жидяева и Р. Р. Закиева демонстрируют разнообразие адаптационных практик в разных регионах России на основе комплексных социологических исследований [8]. В урбанистическом ракурсе А. В. Завьялов отмечает значение диаспор и городской среды в адаптационных стратегиях мигрантов [9]. А. А. Эндрюшко выделяет правовые и экономические условия, связанные с жильем, как ограничивающие возможности интеграции [10]. Социальные барьеры, включая мигрантофобию и непонимание, описываются в работах И. Н. Трофимовой. Наконец, психологические аспекты – стресс, культурный шок, потеря идентичности – освещаются в работе О. О. Силкиной [11].

Несмотря на растущий интерес ученых к вопросам адаптации и интеграции мигрантов, теоретическое осмысление остается неопределенным и несогласованным, что указывает на необходимость дальнейшей доработки. Данные противоречия в теоретическом осмыслении процессов адаптации и интеграции мигрантов обусловлены рядом факторов, которые подчеркивают сложность выделения единого подхода к их изучению. Многообразие форм миграции, таких как трудовая миграция, невозвратная миграция или семейное воссоединение, требует учета специфики каждого явления, что затрудняет разработку универсальных моделей. Культурные, религиозные и этнические различия между мигрантами и

принимающим обществом устанавливают дополнительные барьеры для создания единых стратегий. Причем динамичность миграционных процессов, методологические ограничения и отсутствие четких критериев оценки успешности адаптации усложняют как теоретическое осмысление, так и практическую реализацию данных процессов (в то же время сами процессы не разделяются в отечественном законодательстве, зачастую выступая синонимами единого процесса включения иностранных граждан в российскую действительность [5]). В результате возникает потребность в более глубоком анализе природы этих явлений, учитывающем как особенности мигрантов, так и контекст принимающего общества.

Однако для более глубокого понимания процесса адаптации важно обратиться к сущности исследуемого явления. Механизмы адаптации – это организованные процессы и инструменты, которые помогают мигрантам интегрироваться в принимающее общество. Они включают процедуры, такие как упрощенная регистрация и доступ к работе через программы сертификации навыков и службы занятости, курсы для изучения языка на начальном, элементарном, среднем и выше среднего уровнях с последующим тестированием, а также площадки, такие как центры межкультурного общения, где мигранты и местные жители участвуют в диалогах и совместных проектах. Дж. Берри и С. Дж. Шварц указывают на то, что эти механизмы работают вместе, обеспечивая постепенную интеграцию мигрантов от их прибытия до полноценного участия в жизни общества. [13; 14].

Результаты и обсуждение

Миграционные тренды в России и ДФО имеют одну общую черту – миграционный прирост на протяжении последнего времени выступал как фактор восполнения естественной убыли, вызванной депопуляционными процессами [15] (рис. 1).

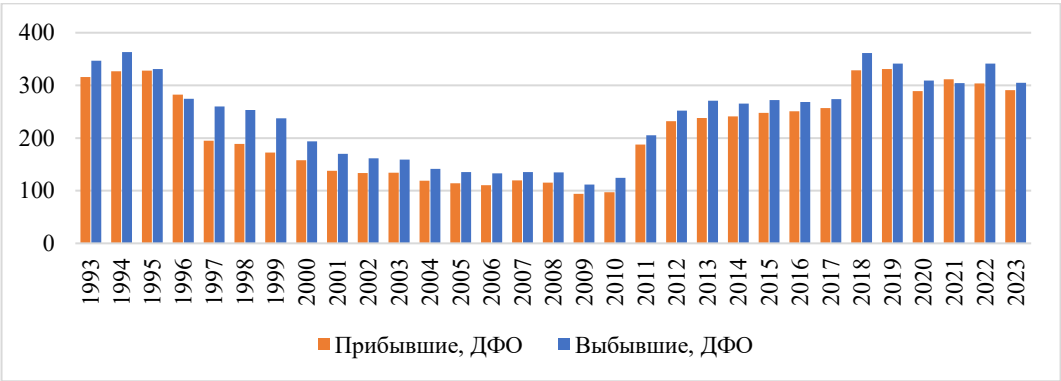

Рис. 1. Динамика миграции в ДФО, включая внутрирегиональную миграцию (тыс. человек)

Fig. 1. Dynamics of migration in the Far East, including intraregional migration (thousand people)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 15.02.2025).

Если в целом по стране сохранялся естественный прирост (пусть и недостаточный для компенсации потерь), то субъекты Дальнего Востока начиная с 1993 г. демонстрировали естественную убыль, за исключением 2021 г.

Международная компонента в миграционных потоках выросла в 2023 г. по сравнению с 2018 г. при одновременном снижении оттока постоянного населения. Во многом это может свидетельствовать об улучшении социально-экономической обстановки в регионе, что, в свою очередь, сказывается на спросе на рабочую силу, которую регион не может удовлетворить самостоятельно.

В связи с ростом доли международных перемещений во всем миграционном потоке макрорегиона особого внимания заслуживает рассмотрение международных потоков в страновом разрезе. По данным на 2023 г., среди 48,9 тыс. человек прибывших, основную долю мигрантов составили представители следующих стран: Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Армения, Китай (рис. 2). Перечисленные пять стран обеспечивают 90,3% миграционного притока в ДФО в рамках международной миграции.

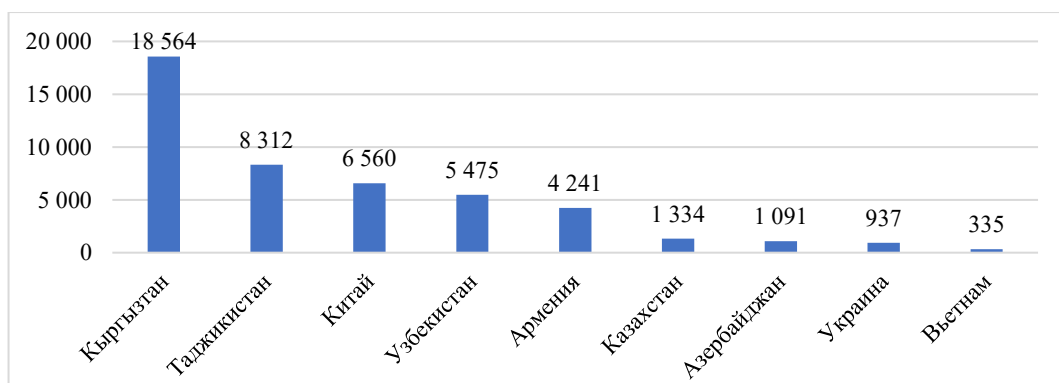

Рис. 2. Число прибывших в ДФО по странам происхождения в 2023 г. (человек)

Fig. 2. Number of migrants to the Far East by country of origin in 2023 (people)

Источник: составлено автором по данным Росстата²

Регионы-лидеры по числу прибывших в рамках международной миграции – Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Сахалинская область (табл. 1). В целом, исходя из региональной специфики, можно отметить рост международной миграции.

Дать оценку численности трудовых мигрантов достаточно сложно ввиду отсутствия достоверного источника данных, а также конъюнктурных изменений в методологии предоставления публичной информации уполномоченными государственными службами. Согласно исследованию Ю. Ф. Флоринской, по оценке численности трудовых мигрантов на 2023 г. агрегированные данные по численности трудовых мигрантов примерно совпадают с долей иностранцев в составе численности трудовых ресурсов [16].

² Число прибывших // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 15.02.2025).

Таблица 1

Число международных мигрантов, прибывших в ДВФО (тыс. человек)

Table 1

Number of international migrants arriving in the Far East (thousand people)

Регион	Год	
	2018	2023
Республика Бурятия	0,4	1,6
Забайкальский край	0,5	0,4
Республика Саха (Якутия)	3,1	16,3
Камчатский край	5,4	3
Приморский край	9,8	5,5
Хабаровский край	9,4	12,9
Амурская область	2,5	2,2
Магаданская область	0,5	0,9
Сахалинская область	4,9	5,6
Еврейская АО	0,2	0
Чукотский АО	0,1	0,4
ДФО в целом	36,8	48,9

Источник: составлено автором по данным Росстата³

Доля иностранных граждан в составе среднегодовой численности трудовых ресурсов региона пусть и незначительна, но за последние три года росла и приблизилась к 5% (в среднем 230 475 человек) (рис. 3).

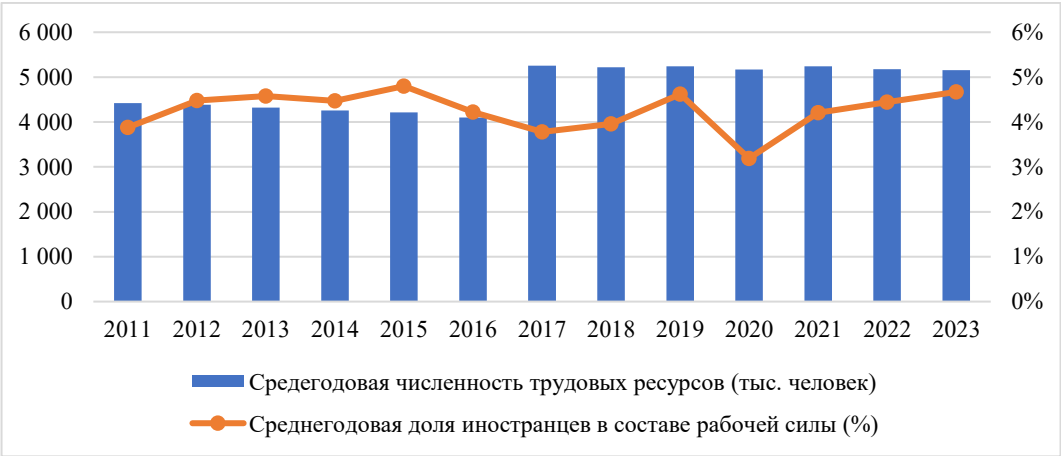

Рис. 3. Доля иностранцев в составе рабочей силы ДФО (%)

Fig. 3. The share of foreigners in the labor force of the Far East (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁴

Среди общего состава трудовых мигрантов можно выделить две крупные категории: трудоустроенные на основании разрешений на работу (далее – РНР) и по патентам (табл. 2).

³ Число прибывших // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 15.02.2025).

⁴ Среднегодовая численность трудовых ресурсов // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36730> (дата обращения: 21.12.2024).

Таблица 2

Численность иностранной рабочей силы в ДФО по количеству разрешений на работу

Table 2

The number of foreign workers in the Far East by the number of work permits

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Амурская область	3 720	6 656	10 593	7 425	7 024	9 142	9 466	19 295
Приморский край	14 604	8 747	12 100	2 808	7 623	5 967	8 327	10 181
Хабаровский край	7 709	5 407	5 941	2 201	3 976	4 117	6 220	8 145
Забайкальский край	–	4 934	4 233	1 058	3 667	3 468	3 845	7 196
Еврейская АО	2 524	2 080	2 012	406	731	796	844	1 319
Республика Саха (Якутия)	1 097	818	951	307	446	550	1 046	1 319
Чукотский АО	98	86	71	58	192	229	389	1 213
Сахалинская область	4 249	2 706	2 131	627	697	407	559	1 089
Республика Бурятия	–	1 989	2 800	123	282	200	743	1 277
Камчатский край	197	21	22	49	103	235	163	210
Магаданская область	654	344	257	332	295	145	189	126
ДФО в целом	34 852	33 788	41 111	15 394	25 036	25 256	31 791	51 370

Источник: составлено автором по данным МВД РФ⁵

Следует отметить, что численность иностранных работников по патентам растет быстрее (в 2,3 раза с 2017 по 2024 г.) по сравнению с РНР (в 1,5 раза), что указывает на увеличение доли безвизовых мигрантов. Регионами-лидерами по приросту иностранной рабочей силы являются Амурская область, Приморский и Хабаровский края. Менее востребованы у трудовых мигрантов Чукотский автономный округ, Магаданская область и Камчатский край (табл. 3).

Таблица 3

Численность иностранной рабочей силы в ДФО по количеству патентов

Table 3

The number of foreign workers in the Far East by the number of patents

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Амурская область	2 319	8 032	21 223	16 979	23 225	20 269	22 579	26 636
Приморский край	11 894	14 544	20 625	15 280	28 383	28 775	24 010	22 294
Хабаровский край	10 579	10 989	10 714	6 154	13 558	16 210	18 161	16 958
Забайкальский край	–	4 081	5 418	3 665	8 662	10 152	14 063	11 461
Еврейская АО	408	517	689	337	491	591	926	1 221
Республика Саха (Якутия)	6 721	6 035	6 410	2 167	6 429	7 640	10 211	10 328
Чукотский АО	979	873	760	233	797	1 289	535	293
Сахалинская область	6 794	6 556	9 355	3 413	7 551	8 054	9 011	9 186
Республика Бурятия	–	3 023	3 133	1 178	4 811	6 433	6 611	7 426
Камчатский край	6 244	5 603	6 801	3 435	6 902	6 778	7 406	7 758
Магаданская область	5 809	5 938	5 914	4 264	6 513	7 101	6 656	6 675
ДФО в целом	51 747	66 191	91 042	57 105	107 322	113 292	120 169	120 236

Источник: составлено автором по данным МВД РФ⁶

⁵ Численность иностранной рабочей силы (разрешения на работу) // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58167> (дата обращения: 15.02.2025).

⁶ Численность иностранной рабочей силы (патенты) // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58169> (дата обращения: 15.02.2025).

Оценивая данные МВД РФ по структуре занятости, нельзя не упомянуть о наиболее популярных видах экономической деятельности, в которых задействованы трудовые мигранты региона. Порядка 85% выявленных трудовых мигрантов работают в организациях, по закону не образующих юридического лица (ИП, крестьянские хозяйства), в сфере строительства и добычи полезных ископаемых (табл. 4).

Таблица 4

Основные виды экономической деятельности трудовых мигрантов

Table 4

Main types of economic activity of labor migrants

Виды экономической деятельности	Общая численность (человек)	Доля от общего числа (%)
По организациям и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим деятельность без образования юридического лица	22 775	50,8
Строительство	12 740	28,4
Добыча полезных ископаемых	2 874	6,4
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	2 072	4,6
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1 526	3,4

Источник: составлено автором по данным МВД РФ⁷

Важным аспектом миграции является приезд семей, поскольку именно семья играет ключевую роль в поддержке, сохранении культурных ценностей и адаптации к новому обществу. Дать оценку миграционным потокам семей на общероссийском или региональном уровне сложно из-за изменения методологии и специализированных данных. По мнению О. С. Чудиновских, направление «семейной миграции» слабо развито в российской демографии и чаще описывается как пассивное проявление трудовой миграции через упоминание иждивенцев [17]. Косвенным показателем оценки потоков семейной миграции служит тот факт, что около 26% международных мигрантов в ДФО в 2023 г. в качестве цели визита указали «причины семейного характера»⁸.

Рост миграционного притока в Дальневосточный федеральный округ вызван желанием работодателей снизить издержки и нехваткой местных кадров. Важно понимать, планируют ли иностранные работники и их семьи стать частью постоянного населения. В этой связи государство могло бы предложить комплексную миграционную политику, направленную на социально-культурную адаптацию мигрантов и их включение в принимающее сообщество. Однако ряд исследователей отмечает, что трудовые мигранты в ДФО не склонны к сближению с местным социумом [1].

⁷ Численность иностранных граждан, работающих по трудовым договорам и гражданско-правовым договорам, выявленная в результате проверок // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58170> (дата обращения: 15.02.2025).

⁸ Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. Дайджест. Москва : ФАНУ «Востокгосплан», 2024. 48 с. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf.

Анализируя российское законодательство можно выделить четыре основных механизма адаптации трудовых мигрантов (рис. 4). Рассмотрим каждый механизм в отдельности с учетом специфики исследуемого региона. Вместе с тем оценка эффективности каждого механизма сложна ввиду отсутствия критериев, по которым можно осуществить саму оценку. В этой связи автором используется вторичный анализ исследований в рамках адаптации трудовых мигрантов, и выявленные в исследовании проблемы.

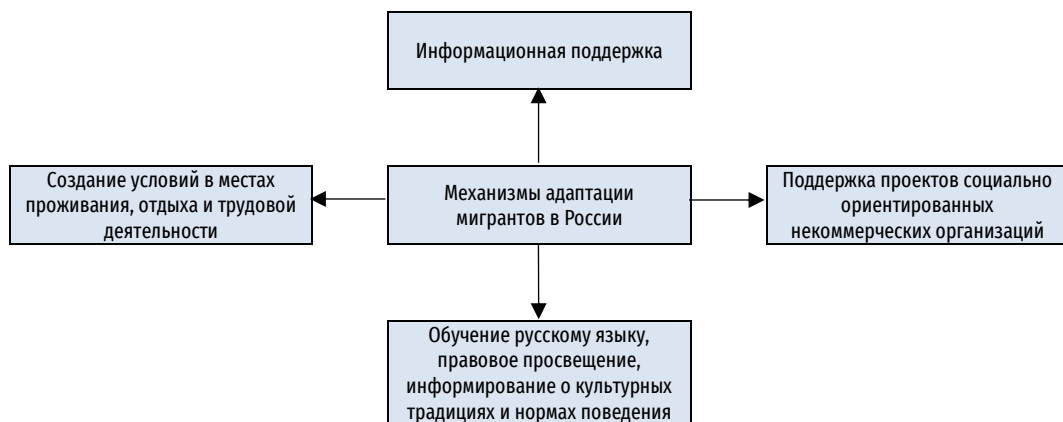

Рис. 4. Механизмы адаптации мигрантов в России

Fig. 4. Mechanisms for adaptation of migrants in Russia

Источник: составлено автором на основе российского законодательства

Создание условий по адаптации мигрантов относится к ключевым аспектам реализации миграционной политики, направленной на обеспечение социальной стабильности и гармонизации межкультурных отношений в принимающем обществе. Формирование условий адаптации мигрантов должно быть направлено на минимизацию барьеров, мешающих их включению в социальные и экономические процессы принимающего общества. В версии Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. в рамках первого этапа реализации отдельно прописывались шаги по созданию доступных жилищных условий и обеспечению медицинской помощи. Таким образом, особое внимание в рамках исследования стоит уделить данным направлениям, поскольку эти факторы напрямую влияют на уровень благополучия мигрантов.

Ряд исследований, основанных на опросе мигрантов и экспертов в области миграции, указывает на наличие у мигрантов сложностей при получении услуг, от которых зависит их комфортное проживание в регионе. 38% опрошенных среди мигрантов [2] и 29% проинтервьюированных экспертов [1] назвали поиск жилья в качестве одной из ключевых проблем при адаптации. Данный факт связан, прежде всего, с трансформацией в сфере недвижимости на фоне макроэкономических процессов. В 2023 г. (в сравнении с 2022 г.) арендный рынок в макрорегионе показал значительный рост спроса, предложения и стоимости. Например, в городах с населением более 300 тыс. человек бюджет в 13–16 тыс. руб. за аренду квартиры стал нереалистичным. Средняя арендная плата в ДФО составляет около 45 тыс. руб.:

от 29,8–40 тыс. руб. за однокомнатную квартиру до 57,7 тыс. руб. за трехкомнатную. Максимальные цены зафиксированы в Хабаровске (40–57,7 тыс. руб.), более низкие – во Владивостоке (29,8–51,8 тыс. руб.) и Улан-Удэ (37–42,3 тыс. руб.).⁹ Большая доля спроса приходится на мигрантов, для которых аренда экономически целесообразна. Однако их медианная зарплата (70 тыс. руб.) [18] часто не соответствует высоким расходам на жилье, особенно в крупных городах. Ограниченное количество доступного жилья, отвечающего минимальным стандартам комфорта и безопасности, усложняет ситуацию.

Медицинское обеспечение также важно для трудовых мигрантов (проблемы с доступом ощутили на себе 36% респондентов). Особенно с учетом состояния региональной системы здравоохранения.

Можно констатировать, что увеличение мощности амбулаторных учреждений создает потенциал для улучшения первичной медицинской помощи (табл. 5). Это важно для мигрантов, которые чаще обращаются за базовыми обследованиями. К примеру, в Еврейской автономной области рост мощности на 156% может значительно облегчить доступ к рутинным услугам.

Таблица 5

**Состояние системы здравоохранения на основе показателей работы
поликлинических и больничных учреждений ДФО в 2020–2024 гг.**

Table 5

**The state of the health care system based on performance indicators for outpatient
and hospital facilities in the Far East in 2020–2024**

Регион	Число больничных коек (тыс. штук)		Мощность амбулаторно- поликлинических учреждений (тыс. человек)		Численность врачей (тыс. человек)	
	2020	2024	2020	2024	2020	2024
Приморский край	18,6	16,6	49,7	49,4	9,8	9,7
Хабаровский край	11,3	10,9	42,7	44,0	7,4	7,0
Забайкальский край	10,4	9,4	29,7	53,5	5,4	5,1
Амурская область	7,5	7,0	23,4	34,1	4,3	4,3
Сахалинская область	5,6	5,4	12,7	14,0	3,2	3,3
Камчатский край	3,2	3,3	9,0	10,2	1,6	1,8
Республика Саха (Якутия)	9,3	8,6	28,7	29,5	6,0	6,0
Еврейская АО	1,9	1,7	4,6	11,8	0,7	0,7
Чукотский АО	0,6	0,6	2,4	2,3	0,4	0,3
Магаданская область	1,6	1,3	6,2	6,0	0,9	0,8
Республика Бурятия	8,2	7,9	27,2	28,0	4,5	4,3

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁰

Вместе с тем снижение числа больничных коек на душу населения может привести к перегрузке больниц и увеличению времени ожидания, особенно в регионах с высокой миграционной нагрузкой, таких как Приморский край. Камчатский

⁹ Аренда квартир за год подорожала во всех крупных городах Дальнего Востока // РБК Приморье : [сайт]. 14.01.2025. URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freenews/678604e19a7947088bd72c40> (дата обращения: 21.01.2025).

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.02.2025).

край, где все показатели улучшились, может быть более привлекательным для мигрантов. Напротив, в регионах, таких как Магаданская область, где все показатели снизились, могут возникнуть дополнительные трудности.

Одна из трудностей в адаптации, на которую ссылаются и опрошенные эксперты, и респонденты-мигранты (71,43% и 44% соответственно [1; 2]), связана с пониманием русского языка. Механизмы, связанные с обучением мигрантов языку, основам законодательства и культурных норм, направлены на обеспечение их успешной социальной и культурной адаптации, укрепление межкультурного диалога, а также предотвращение возможных конфликтов и недопонимания в принимающем обществе. Такие механизмы помогают мигрантам быстрее интегрироваться в новую среду, способствуют их трудоустройству, расширению социальных связей и участию в общественной жизни. При этом языковая компонента вызывает серьезную обеспокоенность не только у мигрантов и экспертов, но и у государственных структур.

В соответствии с законодательством, подтверждение знания русского языка – обязательное условие для успешной легализации¹¹. В то же время сама система сталкивается с противоречиями и критикой. Например, при получении гражданства возникают сложности из-за отказа в признании сертификатов начального уровня, требующих пересдачи тестов на более низком уровне [19]. В 2023 г. были выявлены нарушения и пресечены противоправные действия во всех аккредитованных центрах, проводящих экзамены¹². Низкий уровень подготовки кандидатов объясняется недостаточным знанием языка. В результате мигранты сталкиваются с усилением бюрократических барьеров, риском отказа в легализации и ограничением доступа к базовым правам. В свете этого следует ожидать законодательные инициативы, направленные на исправление данной ситуации.

Среди проблем, с которыми сталкиваются мигранты (14% опрошенных респондентов), выделяется доступ к образовательным учреждениям [2]. Образование детей является одной из ключевых задач адаптации семей трудовых мигрантов, поскольку оно обеспечивает освоение языка, учебных программ и формирование социальных связей, необходимых для долгосрочной интеграции в социокультурную среду. В ДФО такой процесс осложняется географической удаленностью, демографическими особенностями и вариативностью ресурсного обеспечения. Также сказывается специфика работы с детьми другой культурной идентичности, требующая особого подхода в рамках образовательного процесса [20].

По данным Министерства просвещения РФ за 2024 г., доля иностранных учащихся в общем контингенте школьников варьируется по регионам ДФО (табл. 6). Наиболее высокие показатели зафиксированы в Сахалинской области (1,61%), Республике Бурятия (1,28%) и Камчатском крае (1,26%). Между тем учащиеся

¹¹ Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. От 31.07.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/443b9d69feal3cc5f1b681847cd6c139a2002c63 (дата обращения: 21.12.2024).

¹² Руденко, А. В Приамурье преподаватели устраивали фиктивные экзамены для иностранцев // Амурская правда: [сайт]. 28.12.2024. URL: <https://ampravda.ru/2024/12/28/v-priamure-prepodavateli-us-traivali-fiktivnye-ehkzameny-dlja-inostrancev> (дата обращения: 15.01.2025).

из Центральной Азии составляют значительную часть в Республике Саха (0,54%) и Республике Бурятия (0,51%), что подчеркивает необходимость специфических мер адаптации для этой группы.

Таблица 6

Распределение иностранных учащихся по регионам ДФО в 2024 г.

Table 6

Distribution of foreign students by region of the Far East in 2024

Регион	Всего учащихся (человек)	Иностранные учащиеся (человек)	Доля иностранных учащихся (%)	Доля и численность учащихся из Центральной Азии	
				(человек)	(%)
Сахалинская область	63 363	1 022	1,61	47	0,1
Республика Бурятия	217 120	2 775	1,28	1 115	0,5
Камчатский край	37 960	478	1,26	150	0,4
Магаданская область	15 732	142	0,90	50	0,3
Хабаровский край	154 996	1 147	0,74	500	0,3
Амурская область	97 377	560	0,57	300	0,3
Республика Саха (Якутия)	153 250	847	0,55	827	0,5
Чукотский АО	7 053	16	0,23	5	0,1
Приморский край	150 552	282	0,19	149	0,1
Еврейская АО	19 799	34	0,17	20	0,1
Забайкальский край	142 103	230	0,16	100	0,1

Источник: составлено автором по данным Минпросвещения РФ¹³

Информационная поддержка играет ключевую роль в адаптации мигрантов, предоставляя им доступ к важной информации о культурных особенностях, законах и доступных ресурсах. Она помогает быстрее освоить язык, найти работу и решить повседневные задачи, снижая уровень стресса и неопределенности. Благодаря этому мигранты легче входят в новое общество, укрепляя взаимопонимание с местными жителями. К тому же важность информационной составляющей неоднократно подчеркивается Концепцией в ключе прав мигрантов на получение информационных услуг.

В настоящее время в ДФО реализуется комплексный подход к адаптации мигрантов, особенно из Центрально-Азиатского региона. Он включает проведение адаптационных курсов для трудовых мигрантов и охватывает основы миграционного и трудового законодательства, социальные нормы и культурные особенности России. Пилотные проекты таких курсов успешно внедрены в регионах, в частности, в Республике Якутия¹⁴. На 2025 г. запланировано создание специализированных центров для более глубокого включения мигрантов в российское общество¹⁵. Параллельно разрабатываются информационные материалы о правилах поведения

¹³ Открытые данные // Министерство просвещения Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://opendata.edu.gov.ru/opendata/> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁴ Емельяненко, В. ФАДН внедряет пилотный проект по адаптации мигрантов // Российская газета : [сайт]. 22.07.2024. URL: <https://rg.ru/2024/07/22/fadn-vnedriaet-pilotnyj-proekt-po-adaptacii-migrantov.html> (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁵ Шукшина, А. Центры адаптации мигрантов заработают в 2025 году // Парламентская газета : [сайт]. 03.10.2024. URL: <https://www.pnp.ru/politics/centry-adaptacii-migrantov-zarabotayut-v-2025-godu.html> (дата обращения: 21.12.2024).

в России, методические рекомендации для образовательных учреждений высшего звена по адаптации иностранных студентов, включая их знакомство с духовно-нравственными ценностями. Кроме того, вводится цифровой профиль иностранного гражданина для достоверного подтверждения личности и регистрации через биометрическую систему еще до прибытия в нашу страну, что в совокупности направлено на создание условий для легальной и гармоничной адаптации мигрантов¹⁶.

Дополнительно обращает на себя внимание ситуация по поводу посредников в миграционном процессе как механизма в сфере адаптации мигрантов. При большом объеме информации о миграции, как позитивного, так и деструктивного характера [21], более выгодным остается помощь тех, кто глубоко погружен в специфику миграционного регулирования. НКО и культурные объединения в последние годы стали ключевыми поставщиками социальных услуг для мигрантов. Это вызвано как решением со стороны государства [22], так и осознанием их уникальной позиции в качестве посредников, которые, находясь в тесном контакте с мигрантами, выступают связующим звеном между трудовыми мигрантами и местным населением. Как отмечает О. А. Волкова, НКО обладают возможностью представлять интересы мигрантов в других структурах, обеспечивая доступ к органам, решающим формальные вопросы их пребывания [23].

Несмотря на важность НКО как звена контроля региональной миграционной политики [24], оценивать эффективность таких организаций крайне сложно. Среди ключевых проблем в этой области можно выделить ориентацию на государственное финансирование, отсутствие фактической работы с мигрантами, профессионализм сотрудников, взаимодействие с другими НКО и госорганами в рамках надзорной деятельности [25]. Также сложно оценивать деятельность данных организаций без точного числа участников. Результаты контент-анализа по оценке состояния действующих НКО показывают, что в ДФО 23 организации, взаимодействующих с ФАДН России, из них 14 – государственные органы и 9 НКО (табл. 7).

Таблица 7
Организации, участвующие в оказании помощи трудовым мигрантам в ДФО
Table 7

Organizations involved in aiding labor migrants in the Far East

Регион	Всего	Гос.	НКО	Деятельность государственных организаций	Деятельность НКО
Приморский край	6	3	3	Трудоустройство, социальная адаптация, социальное обслуживание	Правовая адаптация, консультации по миграционному праву, интеграционные проекты
Республика Саха (Якутия)	5	4	1	Гармонизация межнациональных отношений, социальная и культурная адаптация, поддержка занятости	Укрепление межнациональной стабильности, поддержка адаптации
Амурская область	3	1	2	Социальная защита и обслуживание	Правовая и культурная адаптация, развитие национально-культурной самобытности
Хабаровский край	3	1	2	Содействие занятости	Проведение лекций по адаптации, кадровые и социальные проекты

¹⁶ Овсянникова, Т. Цифра для мигрантов // Российская газета : [сайт]. 21.01.2024. URL: <https://rg.ru/2024/01/21/cifra-dlia-migrantov.html> (дата обращения: 20.05.2024).

Продолжение таблицы 7

Регион	Всего	Гос.	НКО	Деятельность государственных организаций	Деятельность НКО
Республика Бурятия	1	1	–	Реализация государственной политики в области межнациональных отношений, поддержка адаптации мигрантов	–
Сахалинская область	1	1	–	Содействие занятости, поддержка трудоустройства	–
Камчатский край	1	1	–	Поддержка занятости, миграционная политика	–
Магаданская область	1	1	–	Социальная защита и поддержка	–
Еврейская АО	1	1	–	Координация межнациональных отношений, адаптация	–
Чукотский АО	1	1	–	Содействие занятости	–
Забайкальский край	1	–	1	–	Консультации мигрантов и работодателей

Источник: составлено автором по данным открытых источников сети Интернет¹⁷

Непосредственно адаптация упоминается в описании деятельности 17 организаций разного типа организационно-правовой формы, большая часть из которых сосредоточена в Приморском крае (5), Якутии (5) и Амурской области (3) (табл. 8).

Таблица 8

Организации, участвующие в адаптации мигрантов в ДФО

Table 8

Organizations Involved in Migrant Adaptation in the Far Eastern Federal District

Регион	Государственные организации	НКО	Вид адаптации (государственные организации)	Вид адаптации (НКО)
Приморский край	Министерство профессионального образования и занятости населения, Департамент труда и социальной защиты населения	ПРОО «Миграция», АНО ДПО «Центр профессиональной подготовки», Фонд правовой поддержки миграционных процессов	Социальная (трудоустройство, программы поддержки)	Социальная, правовая (консультации, легализация), профессиональная (подготовка, интеграционные проекты)
Республика Саха (Якутия)	Министерство по внешним связям и делам народов, Дом дружбы народов имени А. Е. Кулаковского, Окружная администрация Жатай, Нерюнгринская районная администрация	Мирнинское отделение Ассамблеи народов	Социальная, культурная (межнациональные программы, гармонизация)	Социальная, культурная (межнациональная стабильность)
Амурская область	Министерство социальной защиты населения	Узбекское НКО «Амир Темур», Азербайджанское НКО «Араз»	Социальная (защита, обслуживание)	Социальная, правовая (для мигрантов из Узбекистана), культурная (национальная самобытность)

¹⁷ Помощь мигрантам // Адаптация мигрантов.РФ : [сайт]. URL: <https://адаптациямигрантов.рф/pomosch-migrantam/> (дата обращения: 15.03.2025).

Продолжение таблицы 8

Хабаровский край	–	Центр адаптации иностранных граждан, АНО «Агентство по развитию человеческого капитала»	–	Социальная (лекции, кадровые и социальные проекты), правовая (информирование о законах)
Республика Бурятия	Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив	–	Социальная, культурная (межнациональные программы)	–
Еврейская АО	Департамент по внутренней политике	–	Социальная, культурная (межнациональные отношения)	–

Источник: составлено автором по данным открытых источников сети Интернет¹⁸

Заключение

Дальневосточный регион насчитывает порядка 200 тыс. трудовых мигрантов, что делает их главными объектами адаптации. Трудовая миграция, оставаясь основным источником восполнения трудовых ресурсов для территории [22], выступает и ключевым стимулом для развития адаптационного курса в рамках миграционной политики и фактором снижения рисков, связанных с бесконтрольным ввозом иностранной рабочей силы.

Анализ действующего миграционного законодательства позволяет выделить четыре основных механизма, направленных на адаптацию мигрантов. С учетом этого анализа можно сделать вывод о том, что действующие механизмы не имеют четкой структуры, определения и параметров, по которым можно оценивать их эффективность и степень положительного влияния на адаптационные процессы. Отдельно стоит отметить неравномерность в реализации самих механизмов. Так, при анализе состояния НКО в контексте адаптации мигрантов все 9 выявленных организаций распределены по 4 регионам – Приморский край, Якутия, Амурская область и Хабаровский край. Остальные территории решают вопросы по адаптации мигрантов либо через уполномоченные региональные структуры, либо не выделяют адаптацию как отдельное направление. Параллельно с этим возникает сложность при отнесении конкретных инструментов к определенному механизму. Например, стоит ли считать образование детей мигрантов созданием условий по адаптации или учитывать данный аспект в контексте образования мигрантов целом?

Реализация механизмов адаптации мигрантов сталкивается с внутренними региональными ограничениями. Так, загруженность медицинских организаций и школьных учреждений может негативно сказываться на реализации определенных механизмов, а отсутствие доступной информации – усиливать отчужденность и замкнутость мигрантов. Свою лепту вносит и низкое качество контроля знаний языка, законодательства и норм поведения среди мигрантов. Низкая эффективность данного механизма уже достаточно освещена в политическом дискурсе, и государством уже предпринимаются меры по усилению контроля за процедурами

¹⁸ Помощь мигрантам // Адаптация мигрантов.РФ : [сайт]. URL: <https://адаптациямигрантов.рф/pomosch-migrantam/> (дата обращения: 15.03.2025).

аттестации. В частности, усиление информационной составляющей и цифровизация процессов учета миграции открывают как возможности контроля, так и возможности для более глубокого анализа миграционных процессов.

Описанные механизмы показывают, что действующая система адаптации мигрантов в России носит несформированный и фрагментарный характер, не имея четкой структуры, формализованных инструментов и критериев оценки эффективности. Реализация мер во многом определяется региональными условиями и институциональными возможностями, что ведет к неравномерности практик и снижает их результативность. В то же время вне аналитического поля остается проблема регистрации мигрантов, являющаяся ключевым фактором их правового статуса и определяющая доступ к социальным институтам, без учета которой невозможно формирование целостного и действенного адаптационного курса.

Список литературы

1. Леденева, В. Ю. Социологическое измерение социальной адаптации трудовых мигрантов: региональный аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 106–119. DOI [10.17213/2075-2067-2022-4-106-119](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-106-119). EDN [SMPIVE](https://www.edn.ru/SMPIVE).
2. Лях, П. П. Проблемы социальной адаптации трудовых мигрантов, получивших разрешение на временное проживание на Дальнем Востоке России / П. П. Лях, Н. А. Бондаренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 50–53. DOI [10.23672/p8007-5628-2575-k](https://doi.org/10.23672/p8007-5628-2575-k). EDN [TCSKSJ](https://www.edn.ru/TCSKSJ).
3. Леденева, В. Ю. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России : монография / В. Ю. Леденева, Л. А. Кононов. Москва : РУДН, 2021. 296 с. ISBN 978-5-209-10212-0. EDN [XSUKPP](https://www.edn.ru/XSUKPP).
4. Юдина, Т. Н. Адаптационные и интеграционные контракты: опыт стран иммиграции для России // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2014. № 30. С. 143–151. EDN [TAAJHJ](https://www.edn.ru/TAAJHJ).
5. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы : [монография] / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.] ; отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева ; ФНИСЦ РАН. Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с. ISBN 978-5-89697-407-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022). EDN [YKKOSI](https://www.edn.ru/YKKOSI).
6. Ивахнюк, И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2016. № 1–2 (17–18). С. 26–43. EDN [VVRGIB](https://www.edn.ru/VVRGIB).
7. Шамне, Н. Л. Культурно-языковая и социальная адаптация мигрантов // Власть. 2013. № 6. С. 44–47. EDN [QJFTBT](https://www.edn.ru/QJFTBT).
8. Козин, С. В. Адаптация мигрантов в России в зеркале социологических комплексных исследований / С. В. Козин, Т. П. Жидяева, Р. Р. Закиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Том 4. № 2. С. 148–155. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.10). EDN [NAKPGY](https://www.edn.ru/NAKPGY).
9. Завьялов, А. В. Адаптация мигрантов в городской среде: новые условия жизни в старых городах // Урбанистика. 2018. № 3. С. 1–11. DOI [10.7256/2310-8673.2018.3.26043](https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.26043). EDN [YQOMTR](https://www.edn.ru/YQOMTR).
10. Эндрюшко, А. А. Жилищные условия иммигрантов в контексте интеграции: социально-экономический, правовой и культурный аспекты // Народонаселение. 2025. Том 28. № 1. С. 215–227. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-215-227](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-215-227). EDN [HKFNPK](https://www.edn.ru/HKFNPK).
11. Трофимова, И. Н. Проблемы адаптации мигрантов в современной России // Вестник университета. 2013. № 8. С. 62–67. EDN [QBVCUT](https://www.edn.ru/QBVCUT).
12. Силкина, О. О. Социально-психологические особенности адаптации трудовых мигрантов // Пензенский психологический вестник. 2025. № 1(24). С. 74–79. EDN [MLTQSH](https://www.edn.ru/MLTQSH).
13. Berry, J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46, № 1. Pp. 5–34. DOI [10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x](https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x).

14. Schwartz, S. J. Rethinking the concept of acculturation: Implications for theory and research / S. J. Schwartz, J. B. Unger, B. L. Zamboanga, J. Szapocznik // *American Psychologist*. 2010. Vol. 65, № 4. Pp. 237–251. DOI [10.1037/a0019330](https://doi.org/10.1037/a0019330).

15. Войнов, С. М. Внешняя трудовая миграция и ее влияние на демографическую структуру на примере регионов Дальневосточного федерального округа // *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2024. № 3. С. 164–180. DOI [10.26653/2076-4685-2024-03-18](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2024-03-18). EDN [KQHECD](https://www.edn.ru/KQHECD).

16. Флоринская, Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024. № 2 (63). С. 223–232. DOI [10.31737/22212264_2024_2_223-232](https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_223-232). EDN [IUFKXT](https://www.edn.ru/IUFKXT).

17. Чудиновских, О. С. Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации // *Вопросы статистики*. 2020. Т. 27, № 4. С. 24–52. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52). EDN [KLGGGL](https://www.edn.ru/KLGGGL).

18. Мукомель, В. И. Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024. № 2 (63). С. 233–240. DOI [10.31737/22212264_2024_2_233-240](https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_233-240). EDN [GRYZG](https://www.edn.ru/GRYZG).

19. Куновски, М. Н. О некоторых проблемах тестирования по русскому языку для приема в гражданство России / М. Н. Куновски, Н. В. Новоселова // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 6–2. С. 202–205. EDN [SGRSDR](https://www.edn.ru/SGRSDR).

20. Куприна, Т. В. Обучение детей мигрантов в школах России: проблемы и пути их решения // *Многоязычие в образовательном пространстве*. 2017. № 9. С. 65–74. EDN [YQXYDA](https://www.edn.ru/YQXYDA).

21. Азаров, А. А. Информационные потоки о мигрантах и для мигрантов в социальных медиа России / А. А. Азаров, Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма // *Информационное общество*. 2020. № 6. С. 7–23. EDN [HSZXCX](https://www.edn.ru/HSZXCX).

22. Валеева Э. З. Потенциал некоммерческих организаций России в сфере формирования ценностей мигрантов из Центральной Азии / Э. З. Валеева, И. В. Пономарева, Н. В. Воронина // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. Т. 11, № 4. Ст. 47. EDN [EYAJCQ](https://www.edn.ru/EYAJCQ).

23. Волкова, О. А. Деятельность некоммерческих организаций, оказывающих медико-социальную помощь мигрантам в условиях COVID-19 // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2022. Т. 30, № 4. С. 537–542. DOI [10.32687/0869-866X-2022-30-4-537-542](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-4-537-542). EDN [ATFKHW](https://www.edn.ru/ATFKHW).

24. Мищук, С. Н. Институциональная структура обеспечения миграционной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18, № 2. С. 151–161. DOI [10.19181/lspr.2022.18.2.1](https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.2.1). EDN [VWRLN](https://www.edn.ru/VWRLN).

25. Кондратенко, Е. Н. Проблемы и тенденции развития некоммерческих организаций на территории Российской Федерации / Е. Н. Кондратенко, М. В. Рябчевская // *Молодой ученый*. 2024. № 10(509). С. 107–110. EDN [DABRBX](https://www.edn.ru/DABRBX).

Сведения об авторах

Войнов Сергей Михайлович, аспирант, РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ser.vojnov2015@mail.ru; ORCID ID: [0009-0002-2687-8615](https://orcid.org/0009-0002-2687-8615); РИНЦ SPIN-код: [7588-6082](https://elibrary.ru/7588-6082); Web of Science Researcher ID: [LXW-7829-2024](https://orcid.org/LXW-7829-2024).

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-9478-2917](https://orcid.org/0000-0002-9478-2917); РИНЦ SPIN-код: [3331-0909](https://elibrary.ru/3331-0909); Web of Science Researcher ID: [AAU-6083-2021](https://orcid.org/AAU-6083-2021); Scopus Author ID: [57208709009](https://orcid.org/57208709009).

Статья поступила в редакцию 13.04.2025; принята в печать 16.06.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MECHANISMS FOR THE ADAPTATION OF FOREIGN LABOR MIGRANTS IN THE FAR EAST FEDERAL DISTRICT

Sergey M. Voinov

RANEPA, Moscow, Russia

E-mail: ser.vojnov2015@mail.ru

Viktoriya Yu. Ledeneva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

For citation: Voinov, S. M., Ledeneva V. Yu. Mechanisms for the Adaptation of Foreign Labor Migrants in the Far East Federal District. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 156–176. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.10). (In Russ.)

Abstract. This article provides an overview of the adaptation mechanisms for foreign labor migrants in Russia in the context of current demographic trends. The aim of this study is to analyze mechanisms that facilitate effective adaptation to living conditions for migrants, particularly in the Far Eastern region. It argues that a well-developed and methodically sound migration policy aimed at adaptation could help optimize the distribution of migrants across the country and prevent conflicts between migrants and local communities. The study shows that despite the stated goal of facilitating adaptation for foreign citizens in Russia's State Migration Policy Concept for 2019–2025 (2018), the lack of comprehensive implementation of these mechanisms leads to migrants maintaining previous forms of engagement and failing to adapt to Russian society. According to data from Rosstat, as of late 2022, there are approximately 2 million potential beneficiaries of adaptation programs in the Far East who require attention from migration policy actors; however, a poorly developed institutional structure for migrant integration (including lack of quantifiable metrics) limits its effectiveness and hinders integration into host societies. This increases the risk of unrealized migration potential, social fragmentation, and public distrust in migration policies. This research is based on analysis of Russian laws related to migration adaptation mechanisms as well as analysis of works directly or indirectly related to issues of migrant adjustment in Russia and specifically in the Far East region. This study could contribute to developing a systematic approach to addressing migrant needs.

Keywords: migration, labor migration, external labor migrants, Far East, adaptation of migrants, mechanisms for adaptation of migrants, integrated approach, non-profit organizations

References

1. Ledeneva, V. Yu. Sociological Dimension of Social Adaptation of Labor Migrants: Regional Aspect. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2022. Vol. 15, No. 4. Pp. 106–119. DOI [10.17213/2075-2067-2022-4-106-119](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-106-119). (In Russ.).
2. Lyakh, P. P., Bondarenko, N. A. Problems of Social Adaptation of Labor Migrants Granted Temporary Residence Permits in the Far East of Russia. *Humanities, Social-Economic, and Social Sciences*. 2022. No. 4. Pp. 50–53. DOI [10.23672/p8007-5628-2575-k](https://doi.org/10.23672/p8007-5628-2575-k). (In Russ.).
3. Ledeneva, V. Yu., Kononov, L. A. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe regulirovanie protsessov adaptatsii i integratsii migrantov v sovremennoy Rossii [State and Municipal Regulation of Adaptation and Integration Processes of Migrants in Modern Russia]*: monograph. Moscow: RUDN University Publ., 2021. 296 p. ISBN 978-5-209-10212-0. (In Russ.).
4. Yudina, T. N. *Adaptatsionnye i integratsionnye kontrakty: opyt stran immigratsii dlya Rossii [Adaptation and Integration Contracts: The Experience of Immigration Countries for Russia]*. *Dnevnik Altaiskoy shkoly politicheskikh issledovaniy [Diary of the Altai School of Political Studies]*. 2014. No. 30. Pp. 143–151. (In Russ.).
5. *Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory [Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators]*: monograph. V. I. Mukomel', K. S. Grigorieva, G. A. Monusova [et al.]; ed. by V. I. Mukomel', K. S. Grigorieva; FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS Publ., 2022. 400 p. ISBN 978-5-89697-407-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022). (In Russ.).

6. Ivakhnyuk, I. V. Razvitiye migratsionnoy teorii v usloviyakh globalizatsii [Development of Migration Theory in the Context of Globalization]. *Vek globalizatsii [The Age of Globalization]*. 2016. No. 1–2 (17–18). Pp. 26–43. (In Russ.).
7. Shamne, N. L. Kul'turno-yazykovaya i sotsial'naya adaptatsiya migrantov [Cultural-linguistic and social adaptation of migrants]. *Vlast' [The Authority]*. 2015. Vol. 21. No 6. Pp. 44–47. (In Russ.).
8. Kozin S. V., Zhidyaeva T. P., Zakieva R. R. Adaptation of Migrants in Russia in the Mirror of Comprehensive Sociological Research. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol 4, No 2. Pp. 148–155. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.10). (In Russ.).
9. Zavialov, A. V. Adaptatsiya migrantov v gorodskoy srede: novye usloviya zhizni v starykh gorodakh [Adaptation of migrants in the urban environment: new living conditions in old cities]. *Urbanistika [Urban Studies]*. 2018. No. 3. Pp. 1–11. DOI [10.7256/2310-8673.2018.3.26043](https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.26043). (In Russ.).
10. Endryushko, A. A. Housing Conditions of Immigrants in the Context of Integration: Socio-Economic, Legal and Cultural Aspects. *Population*. 2025. Vol. 28, No. 1. Pp. 215–227. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-215-227](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-215-227). (In Russ.).
11. Trofimova, I. N. Problemy adaptatsii migrantov v sovremennoy Rossii [Problems of migrants' adaptation in modern Russia]. *Vestnik GUU [Bulletin of the State University of Management]*. 2013. No. 8. Pp. 62–67. (In Russ.).
12. Silkina, O. O. Social and Psychological Features of Adaptation of Labor Migrants. *Penza Psychological Newsletter*. 2025. No. 1 (24). Pp. 74–79. (In Russ.).
13. Berry, J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 1997. Vol. 46, No. 1. Pp. 5–34. DOI [10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x](https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x).
14. Schwartz, S. J., Unger, J. B., Zamboanga, B. L., Szapocznik, J. Rethinking the Concept of Acculturation: Implications for Theory and Research. *American Psychologist*. 2010. Vol. 65, No. 4. Pp. 237–251. DOI [10.1037/a0019330](https://doi.org/10.1037/a0019330).
15. Vojnov, S. M. External Labor Migration and Its Impact on the Example of the Federal Following Regions. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*. 2024. No. 3. Pp. 164–180. DOI [10.26653/2076-4685-2024-03-18](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2024-03-18). (In Russ.).
16. Florinskaya, Yu. F. Labor Migration to Russia: Reduction of Flows Accompanied by a Little-Changing Geography. *The Journal of the New Economic Association*. 2024. No. 2 (63). Pp. 223–232. DOI [10.31737/22212264_2024_2_223-232](https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_223-232). (In Russ.).
17. Chudinovskikh, O. S. Measuring Family Migration in Russia: Sources of Data and Problems of Its Interpretation. *Voprosy Statistiki [Issues of Statistics]*. 2020. Vol. 27, No. 4. Pp. 24–52. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52). (In Russ.).
18. Mukomel', V. I. Labor Migration in Russia: Adaptation to Labor Market Transformations. *The Journal of the New Economic Association*. 2024. No. 2 (63). Pp. 233–240. DOI [10.31737/22212264_2024_2_233-240](https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_233-240). (In Russ.).
19. Kunovski, M. N., Novoselova, N. V. O nekotorykh problemakh testirovaniya po russkomu yazyku dlya priema v grazhdanstvo Rossii [On some problems of Russian language testing for admission to Russian citizenship]. *Humanities, Social-Economic, and Social Sciences*. 2014. No. 6–2. Pp. 202–205. (In Russ.).
20. Kuprina, T. V. Teaching Children of Migrants in Russian Schools: Problems and the Ways to Solve Them. *Russian Journal of Multilingualism and Education*. 2017. No. 9. Pp. 65–74. (In Russ.).
21. Azarov, A. A., Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Pyrima, R. V. Informational Streams on Migrants and For Migrants in Russian Social Media. *Information Society Journal*. 2020. No. 6. Pp. 7–23. (In Russ.).
22. Valeeva, E. Z., Ponomareva, I. V., Voronina, N. V. The Potential of Non-Profit Organizations in Russia in the Field of Formation of Values of Migrants from Central Asia. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2023. Vol. 11, No. 4. Article 47. (In Russ.).
23. Volkova, O. A. The Activity of Non-Profit Organizations Providing Medical Social Care to Migrants in Conditions of COVID-19. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2022. Vol. 30, No. 4. Pp. 537–542. DOI [10.32687/0869-866X-2022-30-4-537-542](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-4-537-542). (In Russ.).
24. Mishchuk, S. N. Institutional Structure for Ensuring Migration Policy in the Subjects of the Far Eastern Federal District. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 2. Pp. 151–161. DOI [10.19181/lsprr.2022.18.2.1](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.1). (In Russ.).

25. Kondratenko, E. N., Ryabtsevskaia, M. V. Problemy i tendentsii razvitiya nekommercheskikh organizatsiy na territorii Rossiyskoy Federatsii [Problems and Trends in the Development of Non-Profit Organizations in the Territory of the Russian Federation]. *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*. 2024. No. 10 (509). Pp. 107–110. (In Russ.).

Bio notes

Sergey M. Voinov, Postgraduate Student, RANEPa (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ser.voinov2015@mail.ru; ORCID ID: [0009-0002-2687-8615](https://orcid.org/0009-0002-2687-8615); RSCI SPIN code: [7588-6082](https://www.scopus.com/authid/detail/authid=7588-6082); Web of Science Researcher ID: [LXW-7829-2024](https://orcid.org/LXW-7829-2024).

Viktoriya Yu. Ledeneva, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-9478-2917](https://orcid.org/0000-0002-9478-2917); RSCI SPIN code: [3331-0909](https://www.scopus.com/authid/detail/authid=3331-0909); Web of Science Researcher ID: [AAU-6083-2021](https://orcid.org/AAU-6083-2021); Scopus Author ID: [57208709009](https://orcid.org/57208709009).

Received on 13.04.2025; accepted for publication on 16.06.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.11)EDN [XRMIRU](https://xn--b1ag.xn--p1ai/XRMIRU)

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ И БЕЛГОРОДЦЕВ С НЕТРАДИЦИОННЫМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ВЗГЛЯДАМИ

Лютенко И. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: blodrein@mail.ru

Для цитирования: Лютенко, И. В. Миграционные настроения москвичей и белгородцев с нетрадиционными религиозными взглядами // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 177–191. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.11). EDN [XRMIRU](https://xn--b1ag.xn--p1ai/XRMIRU).

Аннотация. В условиях геополитической нестабильности происходит трансформация миграционных настроений населения, что требует проведения исследований в отношении групп с нетрадиционными верованиями. В рамках исследования, проведенного в 2024 г. в Москве и Белгородской области, были изучены миграционные настроения москвичей и белгородцев в типологических группах «практикующие» и «непрактикующие». Группы отбирались по показателям нетрадиционного религиозного сознания и культового поведения. «Практикующие» обладают нетрадиционным религиозным сознанием и включены в обрядовую деятельность, «непрактикующие» обладают только нетрадиционным религиозным сознанием, но не включены в практику нетрадиционных религий и учений. Анализ показал, что «практикующие» проявляют повышенный интерес к нетрадиционным и эзотерическим религиозным учениям, особенно в Москве, где наблюдается более высокий уровень общего интереса к таким верованиям. В Белгородской области «практикующие» более активно участвуют в обрядовых практиках. Исследование миграционных настроений выявило следующие тенденции. Среди лиц, планирующих эмиграцию, преобладают «практикующие», в то время как среди тех, кто рассматривает возможность переезда внутри страны, чаще встречаются «непрактикующие». «Практикующие» чаще выбирают эмиграцию в связи с наличием социальных проблем в месте проживания, тогда как «непрактикующие» ориентированы на экономические факторы. В Белгородской области у «практикующих» наблюдается более высокая мотивация к эмиграции, обусловленная социально-бытовыми и трудовыми аспектами. Выводы исследования свидетельствуют о том, что «практикующие» проявляют более высокую активность в миграционных процессах, ориентируясь на эмиграцию в связи с социальными и политическими факторами. В то же время «непрактикующие» чаще рассматривают возможность переезда внутри страны в целях решения экономических проблем. Степень вовлеченности в нетрадиционные религиозные практики оказывает влияние на миграционные намерения представителей данных групп.

Ключевые слова: миграционные настроения, миграционный потенциал, нетрадиционные религии и учения, восточные религии, Москва, Белгородская область

Введение

В России наряду с мировыми конфессиями – православием, исламом, буддизмом, иудаизмом – сосуществуют так называемые нетрадиционные¹, или новые религиозные движения [1]. Распространению данных религиозных течений на территории нашей страны способствовало либеральное государственно-конфессиональное законодательство, принятое в начале 1990-х гг. Свобода выбора религии и заимствование западной культуры привели к образованию в России «рынка духовных товаров» и интересу секулярного общества к новым религиозным движениям

¹ Начиная с 2008 г. в наших социологических исследованиях используется термин «нетрадиционные религии».

(далее – НРД). Однако проблема культовой среды нетрадиционных религий и мистических учений остается малоисследованной. В этом плане весьма актуальным представляется изучение мировоззренческих позиций не только адептов нетрадиционных религиозных учений, но и той части общества, которую можно обозначить как культовую среду, являющуюся «питательной почвой» для нетрадиционных религий и мистических учений.

Актуальность изучения мировоззрения групп с нетрадиционной религиозностью обусловлено недостаточностью социологических исследований в этом направлении, несовершенством методик отбора респондентов с нетрадиционными религиозными взглядами. Основная сложность в проведении массовых социологических исследований заключается в том, что при проведении полевых исследований необходимо найти нужное количество информантов с нетрадиционными религиозными взглядами для формирования типологических групп.

Изучение миграционных настроений и отношения к миграционным процессам населения с нетрадиционными религиозными взглядами представляет собой актуальную задачу для социологов, поскольку позволяет глубже понять процессы социальной мобильности и адаптации в условиях глобализации. Исследования данной социальной группы позволяют выявить факторы, влияющие на принятие решения о миграции, такие как религиозная и национальная дискриминация, экономические возможности и др. Анализ миграционных настроений населения с нетрадиционными религиозными взглядами может способствовать формированию более инклюзивной миграционной политики, учитывающей потребности и интересы различных религиозных групп.

Целью настоящего исследования мы ставим изучение миграционных настроений жителей Москвы и Белгородской области, которые придерживаются нетрадиционных религиозных взглядов. Для достижения такой цели необходимо выполнить следующие задачи:

- разработать классификацию участников опроса, учитывая их отношение к восточным и нетрадиционным религиозным течениям, по этому основанию построить типологические группы;

- проанализировать миграционные намерения различных групп населения: стремление изменить место жительства, факторы, которые мотивируют респондентов к переезду.

Базой анализа стали данные мониторинговых социологических исследований в Москве и Белгородской области, проведенные ИДИ ФНИСЦ РАН в 2024 г.

Обзор литературы

В настоящей статье анализируются миграционные интенции групп с нетрадиционными религиозными воззрениями. Термин «нетрадиционные религии» охватывает объединения, которые либо интегрируют в свои учения элементы мировых конфессий, либо внедряют инновации в религиозную практику.

Исследованием новых (нетрадиционных) религиозных течений занимались ученые как на Западе, так и в России.

К. Кэмпбэлл разработал концепцию «культовой среды» – части общества с псевдорелигиозными идеями, влияющими на сознание людей [2].

Б. Уилсон, один из первых исследователей, применивших понятие «миграция» к новым религиозным движениям, отмечал активность последователей НРД в территориальном перемещении с целью популяризации учения и рекрутирования новых членов. [3].

Е. Г. Балагушкин исследовал типологии нетрадиционных религий, их распространение в России, влияние нетрадиционной религиозности на молодежь. Молодежь привлекает мистическое содержание и гностические идеи нетрадиционных религий. Ученый указывал на то, что миграционная активность последователей НРД связана с поиском новых территорий для распространения идей и создания общин [4].

В. А. Мартинович изучал миграцию НРД, факторы выбора страны для миграции. Ученый различает миграцию новых религиозных движений и миграцию идей культовой среды. Он выделяет три типа миграции НРД: тотальную, структурную, идейную. При тотальной миграции происходит полное переселение общины с сохранением учения и практик. В основном причиной тотальной миграции является неблагоприятная ситуация на родине и гонения общины. При структурной миграции происходит переселение части общины для создания нового филиала на новой территории. Идейная миграция отличается от структурной свободной самоорганизацией НРД без участия головного офиса. В. А. Мартинович отмечает, что последователи могут присоединяться к новым религиозным движениям, не представленным в их странах, посредством контактов с эмигрантами - членами организаций НРД [5].

В исследовании Э. Баркер миграционная активность членов Объединенной церкви расценивается как важный элемент вовлечения в религиозную деятельность. Миссионерская эмиграция воспринимается новообращенными членами общины как закономерное следствие религиозного выбора, а не как вынужденная мера [6].

Дж. Бекфорд считал, что межнациональные браки и миссионерская деятельность сопровождаются эмиграцией активных членов НРД. Перемещение членов общины оказывает влияние на адаптацию религиозной деятельности в принимающих обществах [7].

В книге П. Левитт [8] рассматривается, как миграционные процессы меняют религиозный ландшафт США. Современные технологии и активная помощь религиозных организаций позволяют мигрантам сохранять свою религиозную идентичность.

Массовые исследования населения с нетрадиционными религиозными взглядами в России практически не проводятся. Учеными изучаются семейные и социокультурные ценности [9], роль практик New Age у постсоветской молодежи [10], социокультурные и миграционные ориентации студенческой молодежи с нетрадиционными религиозными взглядами в регионах РФ, к примеру, в Москве и Белгородской области. Анализируется отношение типологических групп к представителям других этносов и конфессий, религиозным организациям традиционных конфессий. Рассматривается потенциальная миграция из региона проживания [11; 12].

В рамках социологического исследования были проанализированы восточные религиозные учения, духовные и физические практики восточных религий, такие

как йога и медитация, буддизм и пр. Традиционно буддизм представлен в Калмыкии, Туве и Бурятии. В Москве и Белгородской области он воспринимается как нетрадиционная религиозная практика. По данным конфессиональной самоидентификации, не более 1% населения исследуемых регионов идентифицируют себя как буддисты.

Методология и методы

В нашем исследовании используется классификация социальных групп с нестандартными религиозными убеждениями, разработанная на основе методики Е. А. Кублицкой [13]. Индекс нетрадиционной религиозности представляет собой интегральный показатель, включающий в себя совокупность критериев, отражающих особенности религиозного сознания и культового поведения индивида.

Итоговый индикатор религиозного сознания включает веру в сверхъестественное, а также интерес к нетрадиционным религиозным течениям и мистическим верованиям, в т. ч. мотивацию, стоящую за этим интересом. В исследовании 2024 г. проведен отбор групп на основе критерия нетрадиционного религиозного сознания, включающего веру в существование сверхъестественных сил, при этом не учитывался критерий «допускаю возможность существования сверхъестественных сил». При таком методе отбора вырастает процент включенности информантов в культовую деятельность нетрадиционных религий и мистических учений.

Стоит отметить, что социологический инструментарий отбора респондентов еще находится в разработке. Например, каждое исследование в индикатор интереса включаются более актуальные религии и учения, к которым проявляется интерес информантов, а те, что не находят отклик, исключаются. В дальнейшем планируется расширить показатели культового поведения (вовлечение в деятельность, связанную с нетрадиционными религиозными течениями и мистическими практиками).

Первая группа «практикующие» охватывает лиц, имеющих специфические религиозные убеждения и практики, отобранные в соответствии с установленными критериями:

- 1) нетрадиционное религиозное сознание: вера в сверхъестественные силы, интерес к альтернативным религиям и учениям, мотив этого интереса;
- 2) причастность к культовому поведению (участие в ритуалах и церемониях).

Вторая группа, обозначенная как «непрактикующие», характеризуется более низкой степенью вовлеченности в альтернативные формы духовной деятельности нетрадиционных религий и мистических учений, формируется на основе следующих критериев:

- 1) нетрадиционное религиозное сознание – вера в существование сверхъестественных сил, увлечение нетрадиционными религиями и учениями, а кроме того, наличие причин, побуждающих интерес к подобным взглядам;
- 2) неучастие в культовой практике (табл. 1).

Исследование в 2024 г. проводилось в Москве – поликонфессиональном и многонациональном мегаполисе и Белгородской области – традиционно русском православном регионе. Объем выборочных совокупностей после отбора типологических групп: в столице – N = 150 ед., в Белгородской области – N = 170 ед. Респонденты

отбирались по квотной выборке со связанными параметрами пола и возраста. Анкета включала блоки вопросов по миграции, религии и др.

Таблица 1

Показатели типологических групп с нетрадиционными религиозными взглядами

Table 1

Indicators of typological groups with unconventional religious beliefs

«Практикующие»	«Непрактикующие»
Верят в существование сверхъестественных сил	Верят в существование сверхъестественных сил
Интересуются восточными религиями, нетрадиционными религиями и эзотерическими учениями	Интересуются восточными религиями, нетрадиционными религиями и эзотерическими учениями
Более глубокая мотивация увлечения нетрадиционными и восточными религиями, эзотерическими учениями	Поверхностная мотивация увлечения нетрадиционными и восточными религиями, эзотерическими учениями
Включают полностью или частично в свою жизнедеятельность практики этих религий и учений	Не включены в практику этих религий и учений

Источник: составлено автором на основе методики Е. А. Кублицкой [13]

Результаты исследования

В последние годы наблюдается рост интереса к восточным религиям, новым религиозным учениям и мистическим практикам, о чем свидетельствуют данные мониторинговых исследований. В 2018 г. 61% жителей Москвы, верящих в сверхъестественные силы, проявлял интерес к восточным, нетрадиционным религиозным течениям и мистическим практикам. К 2024 г. показатель увеличился до 68%. В Белгородской области, согласно статистике за 2020 г., доля населения, разделяющего подобные взгляды, составляла 45%, в то время как к 2024 г. показатель возрос до 56%, т. е. налицо прирост на 11%. В столице число «интересующихся» превышает такой показатель в Белгородской области. Однако за последние шесть лет прирост числа «интересующихся» в Москве был меньше, чем в Белгородской области: 7% против 11%² (рис. 1).

Жители столицы проявляют особый интерес к астрологии, духовным и физическим практикам индуизма, а также к направлениям восточных религий, нумерологии, экстрасенсорным и парапсихологическим исследованиям. Эти учения привлекают внимание 46%, 37%, 34%, 34% и 30% опрошенных соответственно. В Белгородской области наблюдается повышенный интерес к астрологии, эзотерическим и парапсихологическим исследованиям, а также к духовным и физическим практикам, связанным с индуизмом. Необходимо отметить, что информанты выбирают те религии и учения, которые направлены на личностное развитие и самопознание.

² Уровень интереса рассчитан в группе, отобранной по индикатору религиозного сознания (вера в сверхъестественную силу, без учета индикатора «допускаю существование Бога или некой сверхъестественной силы, но не убежден в этом»). При таком отборе вырастает уровень интереса к восточным религиям, нетрадиционным религиозным учениям и мистическим течениям.

Рис. 1. Интерес населения, верящего в сверхъестественную силу, к восточным религиям, нетрадиционным религиям и мистическим учениям, Москва, Белгородская область, 2024 г. (% от числа опрошенных в группах, вопрос с множественным выбором)

Fig. 1. Interest of the population believing in supernatural power in Eastern religions, unconventional religions and mystical teachings, Moscow, Belgorod Region, 2024 (% of respondents in the groups, multiple choice)

Источник: составлено по данным авторского социологического исследования

Анализируя интерес к восточным религиям, нетрадиционным верованиям и мистическим учениям, следует начать с изучения религиозного поведения. После того как будут выделены типологические группы «практикующих» и «непрактикующих», можно перейти к исследованию мотивов, лежащих в основе интереса к таким взглядам. Сравнение этих групп позволяет четко увидеть различия в мотивации интереса к данным учениям.

Респонденты, обладающие нетрадиционным религиозным сознанием, классифицируются на две группы: «практикующие» и «непрактикующие» в зависимости от их участия в религиозных обрядах. Практикующие респонденты демонстрируют веру в сверхъестественное, проявляют интерес к восточным и нетрадиционным религиозным учениям, активно участвуют в соответствующих ритуальных практиках. «Непрактикующие» респонденты также разделяют данные убеждения и проявляют интерес к указанным религиозным течениям, но не принимают участия в их обрядах. В Москве и Белгородской области «практикующих» выявлено почти в 2 раза больше, чем «непрактикующих». Применение строгого отбора способствует увеличению численности респондентов, включенных в обрядовую деятельность (рис. 2).

Рис. 2. Включенность в практику восточных религий, нетрадиционных воззрений и религий, мистических учений, Москва, Белгородская область, 2024 г.
(% от числа опрошенных в группах)

Fig. 2. Involvement in Eastern religions, unconventional beliefs and mystical teachings, Moscow, Belgorod region, 2024 (% of respondents in the groups)

Источник: составлено по данным авторского социологического исследования

Определив группы, мы можем перейти к анализу мотивов, побуждающих людей проявлять интерес к восточным религиям, нетрадиционным верованиям и мистическим практикам. В таблице 2 приведены утверждения, которые наиболее ярко иллюстрируют привлекательность этих учений. Для анализа мотивации интереса из всех вариантов ответа взят крайний положительный ответ «да». Именно согласие с утверждениями функций нетрадиционных религий отражает мотивы интереса и практики данных религий и учений. Мотивация сравнивалась у трех групп населения. В группу «неинтересующиеся» вошли участники опроса, верящие в сверхъестественное, однако не проявляющие интереса к восточным религиям, нетрадиционным верованиям и мистическим учениям и не участвующие в их практиках. В Москве 32% респондентов не интересуются нетрадиционными религиями и учениями, в Белгородской области таких респондентов 44%. Эта группа была выбрана для сравнения мотивации как крайняя точка отсчета.

В группах «практикующих» мотивация интереса к нетрадиционным учениям превышает показатели других групп. В группе «неинтересующихся» респонденты практически не выявляют положительных аспектов данных верований, тогда как в группе «практикующих» более половины согласны с наличием у восточных и нетрадиционных верований позитивных функций. В группе «непрактикующих» уровень мотивации ниже, чем в группе «практикующих», но выше, чем в группе «неинтересующихся». «Непрактикующие» демонстрируют наличие нетрадиционного религиозного сознания без активного участия в религиозной практике. Мотивация группы «практикующих» из Москвы выше, чем у представителей группы «практикующих» из Белгорода, что может быть обусловлено влиянием микросоциальной среды. Треть респондентов из группы «практикующих» и половина из группы

«непрактикующих» в обеих выборках считают, что религиозные традиции мировых конфессий не способствуют решению повседневных задач, что может свидетельствовать о наличии религиозного поиска (табл. 2).

Таблица 2

Мотивация интереса к восточным религиям, мистическим учениям, нетрадиционным воззрениям и религиям «интересующихся», «практикующих» и «непрактикующих», Москва, Белгородская область, 2024 г.
(% от числа опрошенных в группах)

Table 2

Motivation for interest in Eastern religions, unconventional beliefs and mystical teachings and religions of “interested”, “practicing” and “non-practicing”, Moscow, Belgorod region, 2024 (% of respondents in the groups)

Утверждения	Москва			Белгородская область		
	«Неинтересующиеся»	«Непрактикующие»	«Практикующие»	«Неинтересующиеся»	«Непрактикующие»	«Практикующие»
1. Традиции, нормы и культура мировых религий не всегда помогают мне в повседневной жизни	22	13	32	29	38	58
2. Заслуживают внимания для научного изучения	13	59	82	5	75	63
3. Повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия	3	44	73	35	50	68
4. Расширяют физиологические возможности человека	4	15	65	31	50	57
5. Способствуют нравственному совершенствованию человека	13	30	66	40	50	63
6. Открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии	9	46	65	-	-	-
7. Мои знакомые, родственники, друзья изучают или практикуют эти религии и учения	13	18	55	-	-	-

Источник: составлено по данным авторского социологического исследования

Сформировав типологические группы «практикующие» и «непрактикующие», рассмотрим их миграционные настроения: оценку актуальных проблем; возможный переезд; причины, влияющие на переезд.

Решение о переезде возникает не сразу, оно формируется под действием множества факторов. К более значимым причинам, влияющим на миграцию, относятся: экономические, социальные, политические, экологические. Охарактеризуем социально-экономическую инфраструктуру Москвы и Белгородской области. Столица лидирует по уровню развития инфраструктуры и качеству жизни, экономическому росту, социальной поддержке населения. Основная часть бюджета идет на развитие здравоохранения, образования, транспортной среды, поддержку жителей и т. д. В то же время в Москве в 2024 г. инфляция составила 10,9%, а рост тарифов на ЖКУ 9,8%, стоимость приобретаемого жилья в среднем выросла от 7 до 16%. В Москве в 2024 г. секторальная дифференциация зарплат в крупных отраслях

в среднем составила 20–30%³. В Москве в течение 2024 г. фиксировалось снижение уровня безработицы: если в начале года он составил 0,30%, то к концу года снился до 0,18%⁴.

Белгородская область является приграничной территорией с Украиной, где с 2022 г. проходит специальная военная операция. В 2024 г. в Белгородской области наблюдалось устойчивое социально-экономическое развитие. Уровень инфляции в области был чуть ниже по сравнению с центральным регионом, плата за ЖКУ выросла на 11%. С начала СВО из Белгородской области уехали около 300 медицинских специалистов и столько же преподавателей высших учебных заведений. Отмечается нехватка водителей автобусов. По данным Росстата, миграционная убыль в Белгородской области достигла отметки в 3 649 человек. Уровень безработицы, по данным Росстата, в Белгородской области выше (2,9%), чем в среднем по России⁵; средняя заработная плата в 2024 г. составила 65 674 руб.⁶

Начиная с 2022 по 2023 г. Росстат фиксировал в Москве снижение миграционного притока. Но уже в 2024 г. миграционный приток заметно вырос⁷. В связи с СВО в Белгородской области с 2022 г. образовалась миграционная убыль населения. По информации Росстат, в 2022 г. миграционная убыль составила 11 116 человек, в 2023 г. – 3 649 человек. По предварительным данным за 5 месяцев 2024 г. миграционная убыль в Белгородской области составила 2 668 человек⁸.

Планируют переезд 46% «практикующих» москвичей и 44% «непрактикующих». В Белгородской области, наоборот, среди «практикующих» меньше тех, кто планирует переезд, чем среди «непрактикующих» (58% и 79% соответственно). Несмотря на то, что в типологических группах значителен процент потенциальных мигрантов и предпочтения нового места жительства довольно разнообразные, в глаза бросается несколько закономерностей. Среди «практикующих» больше потенциальных эмигрантов, а среди «непрактикующих» – больше внутренних мигрантов, планирующих переезд в другой регион или большой город. Если в Москве больше потенциальных эмигрантов, то в Белгородской области потенциальных внутренних мигрантов больше в обеих группах по сравнению со столицей (табл. 3)⁹.

³ Среднемесячная начисленная заработная плата // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области : [сайт]. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/188598> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Занятость населения и рынок труда // Аналитический центр Москвы : [сайт]. URL: <https://ac.mos.ru/dashboards/key-indicators/labour-market/> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Рынок труда и занятость населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области : [сайт]. URL: <https://31.rosstat.gov.ru/employment> (дата обращения: 20.05.2025).

⁶ Краткосрочные экономические показатели Белгородской области (индикаторы) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/region/ind1114/Main.htm> (дата обращения: 20.05.2025);

⁷ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области : [сайт]. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64634> (дата обращения: 20.05.2025).

⁸ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области : [сайт]. Статистика. URL: <https://31.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 26.05.2025).

⁹ Учитывались ответы только тех респондентов, которые сообщили о том, что планируют переехать.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если Вы планируете переехать на другое местожительство, то куда?», Москва, Белгородская область, 2024 г.
(% от числа опрошенных в группах)

Table 3

Distribution of respondents' answers to the question: "If you plan to move to another place of residence, then where?", Moscow, Belgorod Region, 2024 (% of respondents in the groups)

Москва	«Практикующие»	«Непрактикующие»
В другой населенный пункт в Московской области	18	35
В другой субъект РФ	7	39
В другой мегаполис (Санкт-Петербург и др.)	7	0
В другую страну	68	26
Белгородская область	«Практикующие»	«Непрактикующие»
В другой населенный пункт в своем регионе	17	25
В другой субъект РФ	33	50
В мегаполис (Москва, Санкт-Петербург и др.)	43	20
В другую страну	7	5

Источник: составлено по данным авторского социологического исследования

Желание переехать формируется под воздействием множества факторов. На мотивацию переезда могут влиять экономические, социальные, политические и иные проблемы, которые актуальны для респондентов. Отметим, что респондентам был предложен список проблем. Каждый мог выбрать наиболее значимые для себя позиции. Если сравнивать оба региона, то москвичи намного чаще отмечают актуальность проблем, чем белгородцы. Перечислим наиболее волнующие респондентов проблемы: дороговизна жизни, дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание, военная спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины, неопределенность жизненных перспектив. В группах «практикующих», вопросы, касающиеся людей и отношений между ними, более актуальны, чем для групп «непрактикующих» (это рост преступности; рост наркомании, алкоголизма; ухудшение отношений между людьми разных религий). Для групп «непрактикующих» наиболее значимы социально-бытовые и глобальные проблемы (дороговизна жизни; дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание; плохая экологическая обстановка в регионе) (табл. 4).

Информантам предоставлялась возможность выбора причин, побуждающих к миграции. Те, кто задумывался или планирует переезд, в основном называют следующие мотивы смены места жительства: в первую очередь улучшение жилищных условий, повышение финансового состояния и политические причины, на втором плане – профессиональная деятельность. Желание улучшить жилищные условия способствует внутренней миграции населения из крупных городов и мегаполисов в регионы. Мотивы трудовой миграции неоднозначны. При переезде из региона в мегаполис может возрасти доход, но в то же время вырастают траты на жилье. В целом мотивация переезда выше среди белгородцев.

Таблица 4

Оценка актуальных проблем группами «практикующих» и «непрактикующих», Москва, Белгородская область, 2024 г. (% от числа опрошенных в группах, вопрос с множественным выбором)

Table 4

Assessment of current problems by groups of “practitioners” and “non-practitioners”, Moscow, Belgorod Region, 2024 (% of respondents in the groups, multiple choice)

Оценки	Москва		Белгородская область	
	«Практикующие»	«Непрактикующие»	«Практикующие»	«Непрактикующие»
1. Неопределенность жизненных перспектив	54	53	21	26
2. Дороговизна жизни	65	79	37	52
3. Дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание	25	70	15	26
4. Рост преступности	35	32	12	7
5. Рост наркомании, алкоголизма	15	11	25	7
6. Ухудшение отношений между людьми разных религий	35	21	16	15
7. Международная напряженность	31	30	27	22
8. Военная спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины	57	31	40	38
9. Плохая экологическая обстановка в регионе	19	30	9	18

Источник: составлено по данным авторского социологического исследования

Среди «практикующих» респондентов наблюдается более высокая степень готовности к смене места жительства по сравнению с «непрактикующими». Отметим, что среди белгородцев в обеих группах больше респондентов, указавших переезд по семейным обстоятельствам, чем среди москвичей. В регионах сохраняются более тесные семейные связи, родственники чаще принимают решения с учетом потребностей семьи. Независимо от региона проживания, в обеих группах значительная часть респондентов мигрирует по политическим мотивам. Это может свидетельствовать о том, что «практикующие» респонденты демонстрируют наиболее низкий уровень патриотических настроений по сравнению с теми, кто не практикует. Белгородская область является приграничной с Украиной территорией, где проходит СВО. Большой процент белгородцев обозначил свою озабоченность этими обстоятельствами, что возможно отнести к переезду по причинам политического характера. Трудовых потенциальных мигрантов больше среди «практикующих». Как показывают зарубежные исследования, трудовые мотивы отмечают не более трети внутренних мигрантов [14] (табл. 5).

Заключение

В ходе социологического анализа предполагалось выяснить, есть ли разница в том, как люди с различными нетрадиционными религиозными убеждениями относятся к идее переезда, какие факторы влияют на их решение о смене места жительства и куда они хотели бы переехать.

Таблица 5

Мотивация смены местожительства группами «практикующих» и «непрактикующих», Москва, Белгородская область, 2024 г. (% от числа опрошенных в группах, вопрос с множественным выбором)

Table 5

Motivation for changing place of residence by groups of “practicing” and “non-practicing”, Moscow, Belgorod region, 2024 (% of respondents in the groups, multiple choice)

Причины	Москва		Белгородская область	
	«Практикующие»	«Непрактикующие»	«Практикующие»	«Непрактикующие»
1. Найти работу по специальности	27	13	23	11
2. Повысить уровень заработной платы	46	13	34	34
3. Улучшить жилищные условия	27	35	29	14
4. По семейным обстоятельствам	12	13	31	45
5. По политическим причинам	42	26	37	30

Источник: составлено по данным авторского социологического исследования

В условиях геополитической нестабильности наблюдается рост интереса к нетрадиционным религиозным и эзотерическим учениям, восточным религиям, в частности, к восточным духовным практикам. По результатам социологического исследования, проведенного в 2024 году, 56% респондентов из Белгородской области и 68% респондентов из Москвы проявили интерес к данным учениям. При этом доля лиц, принимающих участие в обрядах и ритуалах, составляет 71% в Белгородской области и 62% в Москве. Особенно высока мотивация у респондентов, активно практикующих такие учения. Они демонстрируют все признаки нетрадиционной религиозности: нетрадиционное религиозное сознание и участие в обрядах. У людей, которые не включены в практику этих учений, есть только нетрадиционное религиозное сознание. Поэтому их интерес к альтернативным религиям и эзотерическим практикам, а также восточным религиям, не так высок.

Данные зафиксировали определенное влияние нетрадиционных религиозных взглядов на миграционные настроения респондентов. Так, в группах «практикующие» больше потенциальных эмигрантов, а в группах «непрактикующие» больше межрегиональных мигрантов. В Белгородском регионе выше миграционная активность, чем в Москве, что обусловлено выталкивающими факторами. К одному из факторов, мотивирующих на смену места жительства в Белгородской области, можно отнести территориальную близость к Украине и СВО.

Исследование показало ряд различий в мотивации переезда у изучаемых групп. «Практикующие» отмечали, что их волнуют социальные проблемы (рост преступности, наркомании и алкоголизма, ухудшение отношений между людьми разных религий). «Непрактикующие» – что их волнуют проблемы социально-экономического характера (дороговизна жизни, дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание, плохая экологическая обстановка в регионе).

В основном, мотивация переезда выше в группах «практикующие». Побудительные мотивы, влияющие на смену места жительства: жилищные условия, политические и трудовые.

В заключение – краткие выводы. Итак, необходимо дальнейшее изучение факторов, определяющих миграционные настроения в группах населения с нетрадиционными религиозными взглядами, с учетом региональных особенностей и социокультурного контекста. Особое внимание следует уделить анализу влияния геополитической турбулентности на формирование миграционных планов в данных группах населения.

Список литературы

1. Кублицкая, Е. А. Религиозность в саморегуляции жизнедеятельности молодежи / Е. А. Кублицкая, И. В. Лютенко // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород : ООО Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](#).
2. Campbell, C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // The Cultic Milieu / Ed. by J. S. Kaplan, H. Löw. Lanham : Rowman & Littlefield, 2002. Pp. 12–25. ISBN 978-0-7591-1658-0. DOI [10.5771/9780759116580](#).
3. Wilson, B. An Analysis of Sect Development // American Sociological Review. 1959. Vol. 24, № 1. Pp. 3–15. DOI [10.2307/2089577](#).
4. Балагушкин, Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Москва : ИФ РАН, 1999. 221 с. ISBN 5-201-02012-7. EDN [SUPUMJ](#).
5. Мартинович, В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск : Минская духовная академия, 2015. 560 с. ISBN 978-985-7028-11-5.
6. Barker, E. The Making of a Moonie: Choice or Brainwashing? Oxford : Blackwell, 1984. 305 p. ISBN 978-0631132462.
7. Beckford, J. A. Cult Controversies: The Societal Response to New Religious Movements. London : Tavistock, 1985. 335 p. ISBN 0-422-79630-1.
8. Levitt, P. God Needs No Passport: Immigrants and the Changing American Religious Landscape. New York : New Press, 2007. 270 p. ISBN 1595581693.
9. Кублицкая, Е. А. Социокультурные и семейные ценности россиян с нетрадиционными религиозными взглядами (на примере Москвы и Белгородской области) / Е. А. Кублицкая, И. В. Лютенко // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 5–30. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1](#). EDN [ROOPFD](#).
10. Лютенко, И. В. Социокультурные представления коренной и приезжей молодежи с нетрадиционной религиозностью (социологический опрос студенчества) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 40–53. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-4](#). EDN [ADYBAR](#).
11. Лютенко, И. В. Социокультурные представления тувинской молодежи с нетрадиционной религиозностью (социологический опыт) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 103–116. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.9](#). EDN [GWXIIS](#).
12. Малиновский, И. А. Практики New Age у постсоветской городской молодежи как культурная форма техник заботы о себе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 6. С. 138–157. DOI [10.28995/2686-7249-2023-6-138-157](#). EDN [CNBUAG](#).
13. Кублицкая, Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103. EDN [BGWJUG](#).
14. Morrison, P. S. Internal Migration and Employment: Macro Flows and Micro Motives / P. S. Morrison, W. A. V. Clark // Environment and Planning A: Economy and Space. 2011. Vol. 43. № 8. Pp. 1948–1964. DOI [10.1068/a43531](#).

Сведения об авторе

Лютенко Ирина Викторовна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: blodrein@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6815-8977](https://orcid.org/0000-0002-6815-8977); РИНЦ SPIN-код: [6396-0420](https://elibrary.ru/6396-0420), Scopus Author ID: [57201269771](https://orcid.org/57201269771).

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; принята в печать 08.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION ATTITUDES OF MOSCOW AND BELGOROD RESIDENTS WITH UNCONVENTIONAL RELIGIOUS BELIEFS

Irina V. Lyutenko

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: blodrein@mail.ru

For citation: Lyutenko, I. V. Migration Attitudes of Moscow and Belgorod Residents with Unconventional Religious Beliefs. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 177–191. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.11). (In Russ.)

Abstract. In a context of geopolitical instability, migration attitudes are changing. This necessitates research on groups with unconventional beliefs, such as those who practice or do not practice unconventional religion. A study was conducted in Moscow and Belgorod in 2014 to examine the migration sentiments among Muscovites, Belgorod residents, and other groups. The groups were divided into two categories: “practitioners,” who have unconventional consciousness and engage in rituals, and “nonpractitioners,” who only have non-conventional religious beliefs but do not participate in the practices associated with those beliefs. The results showed that “practitioners” are more interested in non-conventional and esoteric teachings, especially in Moscow, which has a higher general interest in these beliefs. In Belgorod, “practitioners” are more involved in ritualistic activities. The study also found that those planning to migrate are mostly “practitioners,” while those considering staying within the country are more often “nonpractitioners.” “Practitioners” often migrate due to social issues in their current location, while “nonpractitioners” focus on economic factors when considering migration. In Belgorod, “practitioners” have a stronger motivation to migrate, driven by factors such as social, family, and work-related issues. Overall, the study suggests that “practitioners” are more active participants in migration, focusing on leaving for social and political reasons, while “nonpractitioners” may be more likely to move within the country for economic reasons. The level of involvement in religious practices also influences the intentions of these two groups.

Keywords: migration attitudes, potential for migration, unconventional religious beliefs and teachings, eastern religions, Moscow, Belgorod region

References

1. Kublitskaya, E. A., Lyutenko, I. V. Religioznost' v samoregulyatsii zhiznedeyatel'nosti molodezhi [Religiosity in self-regulation of youth life activities]. In: *Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nyye praktiki* [Self-regulation of youth life: methodology and social practices]. Ed. by Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevsky [et al.]. Belgorod : Epitsentr Publ., 2021. 500 p. ISBN 978-5-6045221-7-2. (In Russ.).
2. Campbell, C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization. In: *The Cultic Milieu*. Ed. by J. S. Kaplan, H. Lööw. Lanham : Rowman & Littlefield, 2002. Pp. 12–25. ISBN 978-0-7591-1658-0. DOI [10.5771/9780759116580](https://doi.org/10.5771/9780759116580).
3. Wilson, B. An Analysis of Sect Development. *American Sociological Review*. 1959. Vol. 24, No. 1. Pp. 3–15. DOI [10.2307/2089577](https://doi.org/10.2307/2089577).
4. Balagushkin, E. G. *Netraditsionnyye religii v sovremennoy Rossii: morfologicheskii analiz* [Unconventional religions in modern Russia: a morphological analysis]. Moscow : Institute of Philosophy RAS, 1999. 221 p. ISBN 5-201-02012-7. (In Russ.).

5. Martinovich, V. A. *Netraditsionnaya religioznost': vznikoveniye i migratsiya: Materialy k izucheniyu netraditsionnoy religioznosti [Unconventional religiosity: emergence and migration: Materials for the study of unconventional religiosity]*. Vol. 1. Minsk : Minsk Theological Academy, 2015. 560 c. ISBN 978-985-7028-11-5. (In Russ.).
6. Barker, E. *The Making of a Moonie: Choice or Brainwashing?* Oxford : Blackwell, 1984. 305 p. ISBN 978-0631132462.
7. Beckford, J. A. *Cult Controversies: The Societal Response to New Religious Movements*. London : Tavistock, 1985. 335 p. ISBN 0-422-79630-1.
8. Levitt, P. *God Needs No Passport: Immigrants and the Changing American Religious Landscape*. New York : New Press, 2007. 270 p. ISBN 1595581693.
9. Kublitskaya, E. A., Lyutenko, I. V. Sociocultural and Family Values of Russians with Non-Traditional Religious Views (On the Example of Moscow and Belgorod Region). *Research Result. Sociology and Management*. 2024. Vol. 10, No. 4. Pp. 5–30. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1). (In Russ.).
10. Lyutenko, I. V. Sociocultural Representations of Native and Non-Native Youth with Unconventional Religiosity (A Sociological Survey of Students). *Research Result. Sociology and Management*. 2024. Vol. 10, No. 1. Pp. 40–53. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-4](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-4). (In Russ.).
11. Lyutenko, I. V. Sociocultural Representations of Tuvan Youth with Unconventional Religiosity (Sociological Experience). *Science. Culture. Society*. 2023. Vol. 29, No. 2. Pp. 103–116. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.9). (In Russ.).
12. Malinovskii, I. A. New Age Practices Among Post-Soviet Urban Youth as a Cultural Form of Care of the Self Techniques. RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series. 2023. No. 6. Pp. 138–157. DOI [10.28995/2686-7249-2023-6-138-157](https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-6-138-157). (In Russ.).
13. Kublitskaya, E. A. Traditional and Non-Traditional Religiosity: An Experience of Sociological Study. *Sociological Studies*. 1990. No. 5. Pp. 95–103. (In Russ.).
14. Morrison, P. S., Clark, W. A. V. Internal Migration and Employment: Macro Flows and Micro Motives. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2011. Vol. 43, No. 8. Pp. 1948–1964. DOI [10.1068/a43531](https://doi.org/10.1068/a43531).

Bio note

Irina V. Lyutenko, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: blodrein@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6815-8977](https://orcid.org/0000-0002-6815-8977); RSCI SPIN code: [6396-0420](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57201269771), Scopus Author ID: [57201269771](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57201269771).

Received on 02.07.2025; accepted for publication on 08.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.12)

EDN [XSEEOH](https://www.edn.ru/XSEEOH)

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Храмова М. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Письменная Е. Е.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nikitar@list.ru

Лукьянец А. С.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: artem_ispr@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Российско-вьетнамские социально-демографические исследования: направления и результаты / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, Е. Е. Письменная, А. С. Лукьянец // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 192–210. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.12). EDN [XSEEOH](https://www.edn.ru/XSEEOH).

Аннотация. В статье рассматриваются исследования в области социологии и демографии, осуществленные в последние десятилетия российскими и вьетнамскими учеными при поддержке РГНФ, РФФИ, РНФ, ВАОН. Выделены семь ключевых тематических направлений исследований, включая изучение миграции, диаспоры, русскоязычной эмиграции, социально-демографических последствий изменения климата. Описаны основные результаты данных научных проектов. Также выделены достижения развития российско-вьетнамского научного сотрудничества демографов и социологов. Обозначены ключевые проблемы и барьеры, предложены некоторые рекомендации по развитию российско-вьетнамского научного сотрудничества в гуманитарных и общественных науках.

Ключевые слова: Российская Федерация, Вьетнам, научные проекты, институты, университеты, демография, социология, РНФ, РФФИ, РГНФ, ВАОН, ВАТН, экспедиции, социологические опросы

Исследования в области демографии и социологии стали важным направлением научного сотрудничества российских и вьетнамских ученых в последние десятилетия.

Активные российско-вьетнамские исследования начались в 2008 г. на базе Центра социальной демографии Института социально-политических

исследований РАН, а затем были продолжены в Институте демографических исследований, который был образован в 2020 г. на базе того же Центра. Кроме этого, исследования данной группой ученых велись на базе кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России и кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

С вьетнамской стороны в развитии демографических исследований участвовали представители различных институтов Вьетнамской академии социальных наук (Института социологии, Института экономики, Института европейских исследований, Института регионального устойчивого развития, Института гуманитарных исследований, Южного института общественных наук) и некоторых университетов (Университета общественных и гуманитарных наук Вьетнамского национального университета, Национального экономического университета, Университета внешней торговли).

Большую роль в финансовой и организационной поддержке совместных российско-вьетнамских исследований сыграли: Вьетнамская академия общественных наук (ВАОН), Вьетнамская академия наук и технологий (ВАНТ), Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ, работал в 1994–2016 гг., конкурс РГНФ-ВАОН), Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ, работал с 1992 г., в 2022 г. переименован в Российский центр научной информации (РЦНИ); конкурсы РФФИ-ВАОН и РФФИ-ВАНТ), Российский научный фонд (РНФ, создан в 2013 г.).

Фондами были поддержаны многие научные проекты, экспедиции, командировки, поездки на научные конференции. Благодаря финансированию названных фондов были проведены социологические опросы как количественные (в форме массовых опросов на малых выборках), так и качественные (в форме глубинных интервью и фокус-групп). Были опрошены различные когорты населения, включая молодежь и студентов Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии (ЮВА); вьетнамцев, обучавшихся и работавших в СССР, Российской Федерации и прочих странах СНГ; представителей вьетнамских диаспор, проживающих в странах СНГ и Восточной Европы; жителей районов Южного Вьетнама и дельты Меконга, подверженных затоплению; русскоязычных мигрантов во Вьетнаме и других странах ЮВА. Проводились социологические опросы экспертов по социально-демографической тематике, к числу которых относятся государственные служащие, сотрудники международных организаций, ученые, бизнесмены во Вьетнаме, странах ЮВА, Российской Федерации, странах СНГ и Восточной Европы, сотрудники посольств и консульств Российской Федерации во Вьетнаме и прочих странах ЮВА.

Учеными анализировались данные социально-демографической статистики во Вьетнаме и других странах ЮВА, в том числе статистических служб, ведомств, переписей населения. Состоялась серия экспедиций по сбору эмпирических данных в рамках проектов в таких вьетнамских городах, как Ханой, Хошимин, Вунгтау, Нячанг, Хуэ, Дананг, Муйне, поселениях в дельте Меконга. Также в рамках проектов российские и вьетнамские ученые посетили некоторые города и острова других стран ЮВА – Бангкок, Паттайя, Пхукет, Самуи (Таиланд), Пномпень, Сиануквиль, Сиам Риап (Камбоджа), Джакарта, Бали, Денпасар (Индонезия), Манила, Баракай (Филиппины), Сингапур (Сингапур), Куала-Лумпур (Малайзия).

За время сотрудничества было проведено множество научных конференций международного уровня в Российской Федерации и в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ), посвященных анализу демографических и миграционных процессов. Среди устойчивых проектов следует отметить масштабные мероприятия «Миграционные мосты в Евразии» и «Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе», которые неоднократно совместно проводились российскими и вьетнамскими учеными в Москве, Владивостоке и Ханое на базе Российской академии наук, Вьетнамской академии общественных наук, МГИМО МИД России, Дальневосточного федерального университета с участием ученых из более чем 60 стран.

Можно выделить несколько тематических направлений научных исследований в области демографии и социологии.

Во-первых, *оценка миграционного потенциала, анализ динамики, тенденций и социально-демографической структуры внутренних и международных миграционных процессов во Вьетнаме*. В рамках направления был реализован проект «Потенциал вьетнамской миграции для социально-экономического развития российского Дальнего Востока в контексте расширения двустороннего сотрудничества» (грант РФФИ № 18-510-92003; 2018–2021 гг.; руководители: М. Н. Храмова (Центр социальной демографии ИСПИ РАН), Ву Куок Ху (Институт экономики ВАОН)).

На основе гравитационной модели миграции, определяющей интенсивность межрегиональных перемещений через дифференциацию условий в регионах въезда и выезда мигрантов, была рассмотрена зависимость между показателями в разрезе провинций Вьетнама в 2016 г.: логарифм численности населения, логарифм среднемесячного дохода, доля городского населения, доля населения, занятого в промышленном секторе, доля населения занятого в сельском хозяйстве, численность медицинского персонала на 100 тыс. населения, доля пожилого населения, суммарный коэффициент рождаемости, доля студентов, уровень безработицы, число образовательных учреждений, уровень бедности, уровень государственных расходов на душу населения.

Вьетнам характеризуется высоким уровнем регионального неравенства. Высокие темпы экономического роста в стране в целом не способствовали снижению межрегионального неравенства, а в большинстве случаев усиливали его. Аналогичная картина отмечалась в диспропорциях в социально-экономическом развитии между селами и городами. При этом на достаточно низком уровне находилась безработица, которая в разрезе провинций не превышала 6% даже в первый год пандемии COVID-19. Это явилось следствием значительной доли ручного труда в экономике Вьетнама.

По причине существенного разброса по каждому из параметров коэффициенты корреляции между миграционным приростом и перечисленными показателями оказались довольно низкими, однако многие из них продемонстрировали статистическую значимость на 10%-ном уровне. Среди всех корреляционных зависимостей особое внимание обращает на себя взаимосвязь между уровнем бедности и миграционным приростом. Коэффициент корреляции для этой пары показал наибольшее по модулю значение, $-0,36$ (значим на уровне $0,01$). Согласно гипотезе, рост бедности, как правило, обусловленный высоким уровнем безработицы,

а также спецификой экономической специализации региона, провоцирует местное население на смену места жительства. Поэтому рост уровня бедности приводил к миграционному оттоку в другие регионы страны. В то же время высокая доля бедного населения в численности населения провинции вела к появлению «ловушек бедности», общий миграционный оборот в таких провинциях может быть в целом низким, что не свидетельствует о миграционной привлекательности провинций.

В миграциях между провинциями было задействовано преимущественно трудоспособное население. В миграционных потоках преобладали мужчины, при проявляющейся в последнее десятилетие тенденции к феминизации миграции. Основные направления миграции – из сельской в сельскую местность, а также из сельской местности в крупные города и промышленные центры. Велика роль сезонной миграции. Как правило, жители провинций с преимущественно сельским населением имеют более низкий уровень образования, более низкие заработные платы (дифференциация средних заработных плат достигает двух и более раз) при этом характеризуются существенно более высокими показателями рождаемости (для провинций с преимущественно сельским населением среднее значение суммарного коэффициента рождаемости составляет 2,35, в то время как для Ханоя это значение 2,06, а для Хошимина – самое низкое по стране 1,24). Доля домохозяйств, имеющих внутренних мигрантов, в городе и сельской местности различались: в городах в среднем 34%, а в сельской местности 43%. Это говорит о том, что сельские жители более мобильны с целью нахождения достойного заработка. Основными мотивирующими факторами внутренней миграции являются желание получать более высокие доходы и иметь лучшее качество жизни. Поэтому ключевым притягивающим фактором для типичного мигранта становится наличие вакансий в регионе прибытия, а мощным выталкивающим – уровень безработицы в регионе выезда. Основными странами приема трудовых мигрантов из Вьетнама были Малайзия (90 тыс.), Китай (80 тыс.), Южная Корея (45 тыс.), Япония (20 тыс. человек). Лидерами по численности вьетнамских трудовых мигрантов, выехавших за рубеж, являются северные провинции Вьетнама и провинции Дельты Красной реки, где неполная занятость и безработица в указанные годы были самыми высокими по стране. Это свидетельствовало о том, что и для внутренней, и для внешней миграции действовал один и тот же набор выталкивающих и притягивающих факторов.

Среди социально-экономических последствий международной миграции из СРВ были характерны и позитивные, и негативные моменты. С одной стороны, как отмечалось выше, международная миграция, равно как и внутренняя, способствует снятию напряженности на региональных рынках труда, позволяя перераспределять трудовые ресурсы из трудоизбыточных провинций. Это, в свою очередь, снижает уровень бедности в провинциях с низким уровнем жизни, так как существенную долю доходов домохозяйств составляют денежные переводы мигрантов, которые частично идут на строительство и ремонт жилья, вкладываются в образование детей, т. е. фактически инвестируются в человеческий капитал. С другой стороны, в результате того, что один из членов домохозяйства длительное время находился за рубежом, происходила постепенная трансформация института семьи и брака. Уровень разводимости за последние десятилетия во Вьетнаме вырос.

Кроме того, вследствие международной миграции происходила и деформация половозрастной структуры населения отдельных провинций (в сторону преобладания женского населения, а также старших возрастов из-за того, что в международной миграции, как трудовой, так и образовательной, задействовано население трудоспособных возрастов, причем максимум приходится на возраста 25–34 года).

Одним из элементов вьетнамской внешней политики является стимулирование внешней трудовой миграции, выезда вьетнамских рабочих за рубеж. Между Вьетнамом и основными странами – импортерами рабочей силы подписан ряд межгосударственных соглашений, однако выезд вьетнамских рабочих осуществляется и вне этого канала, на индивидуальной основе. Помимо снижения напряженности на внутреннем рынке труда Вьетнам видит положительные стороны экспорта рабочей силы в зарубежные страны в привлечении денежных переводов мигрантов, а также в том, что вьетнамские рабочие за время работы в зарубежных странах получают дополнительные профессиональные компетенции, что после возвращения на родину способствует повышению качества их труда. Масштабы трудовой миграции из Вьетнама увеличиваются, растет и список стран, в которые направляются вьетнамские трудовые мигранты.

Во-вторых, **тренды и особенности трудовой миграции граждан Вьетнама за границу**. В рамках направления был выполнен научный проект «Комплексная методика оценки социально-экономической адаптации вьетнамских, китайских и корейских мигрантов на региональных рынках труда России» (грант РГНФ № 16-22-09002; 2016–2018 гг.; руководители: Р. В. Маньшин (Центр социальной демографии ИСПИ РАН); Нгуен Кань Тоан (Институт европейских исследований ВАОН)). В проекте были изучены потоки трудовых мигрантов из трех стран Азии – КНР, КНДР и СРВ. В 2015 г. на российском рынке труда гражданам КНР было выдано 51,7 тыс. разрешений на работу, гражданам КНДР – 30,7 тыс., гражданам СРВ – 12,5 тыс. Среди китайцев и корейцев преобладали мужчины, среди вьетнамцев имело место примерно равное соотношение мужчин и женщин. Был проведен опрос экспертов для выявления особенностей функционирования этнического бизнеса и социально-экономической интеграции мигрантов в пяти российских регионах (Москва, Московская и Новосибирская области, Ставропольский и Приморский края). Если вьетнамцы распределялись по территории России более дисперсно, то китайцы в большинстве своем концентрировались в приграничных регионах Дальнего Востока и в Москве. Северокорейские рабочие трудились в основном в регионах Дальнего Востока, а также на стройках (например, на строительстве арены «Зенит» в Санкт-Петербурге).

Китайские и вьетнамские инвестиции обеспечивают рабочими местами в России собственных соотечественников и являются экономическим базисом трудовой миграции. Китайцы в большей степени сконцентрированы в торговле, сервисе и строительстве. Вьетнамцы – в промышленности и аграрном производстве. В связи с падением COVID-19 курса рубля часть китайских мигрантов покинула Российскую Федерацию, в Москве более 5 тыс. китайских бизнесменов были вынуждены закрыть свой бизнес и отказаться от найма своих соотечественников. Активнее китайские бизнесмены стали нанимать для работы мигрантов из Центральной Азии. Северокорейские рабочие были заняты исключительно в лесной отрасли, затем их труд стал использоваться в сельском хозяйстве и рыболовстве.

Регулирование торговли в Российской Федерации заставило китайских и вьетнамских бизнесменов переориентироваться на оптовые формы торговли, диверсифицировать товарные потоки, расширить спектр услуг, организовывать бизнес через российских граждан, инвестировать в крупные торгово-деловые центры в Московском регионе («Ханой-Москва», «Гринвуд», «Садовод»). Увеличилось количество этнических ресторанов в Москве: китайских – до 421, вьетнамских – до 79, корейских – до 110 (по данным портала Afisha.ru). Установлено, что китайские мигранты работают в России в большинстве своем длительное время, пытаются получить разрешение на временное проживание, вид на жительство, российское гражданство. Вьетнамцы обычно трудятся в Российской Федерации три года и затем возвращаются на родину. Северокорейские рабочие, как правило, работают организованно в составе бригад в течение нескольких месяцев.

В-третьих, **тенденции и потенциал образовательной миграции молодежи**. В рамках направления реализованы два исследовательских проекта. Проект «Формирование потоков образовательных мигрантов во Вьетнаме в Россию: социально-демографический потенциал и механизмы» (грант РГНФ № 15-23-09001_м (а); 2015–2017 гг.; руководители: Е. Е. Письменная (Центр социальной демографии ИСПИ РАН); Луонг Динь Хай (Институт гуманитарных исследований ВАОН)). С целью выявления миграционных установок вьетнамской молодежи на обучение за границей и оценки миграционного потенциала для обучения в российских университетах в 2016 г. были проведены два социологических опроса во Вьетнаме и в России. Во-первых, во Вьетнаме были опрошены 278 молодых людей (школьников выпускных классов и студентов), изучающих русский язык в университетах и школах. Во-вторых, во Вьетнаме и в России были опрошены около 50 вьетнамских и российских экспертов – представителей органов государственной власти, ученых, преподавателей, сотрудников посольств, журналистов и бизнесменов.

Получение образования за рубежом в современном вьетнамском обществе считается престижным, подчеркивает высокий социальный статус, характеризует успешные социальные стратегии развивающегося среднего класса. На долю Вьетнама приходится около 4% студентов, обучающихся за границей, из региона Восточной и Юго-Восточной Азии. По данным ЮНЕСКО, в 2014 г. численность образовательных мигрантов из СРВ за рубежом составила около 53 тыс., что было в два раза больше, чем из соседнего Таиланда (25,5 тыс.). Согласно оценке председателя вьетнамского общества «Ностальгия по СССР» Нгуен Кань Тоана, вьетнамские родители ежегодно тратят около 2 млрд долл. на обучение детей за границей. Наиболее привлекательны для вьетнамских студентов страны, имеющие программы и гранты для студентов: Австралия (48 тыс.), Франция (11 тыс.), Великобритания (9 тыс.), США (34 тыс.). К сожалению, Россия не входит в список лидеров. Если в 2008 г. на ее долю приходилось около 10% всех образовательных мигрантов из Вьетнама, то в 2014 г. – только около 3%. Было установлено, что вьетнамская молодежь обладает устойчивыми намерениями продолжить обучение за границей и, следовательно, является носителем высокого потенциала образовательной миграции за рубеж. По результатам опроса вьетнамской молодежи, около 74% хотели бы обучаться за рубежом, 10% опрошенных не имеют желания продолжить обучение за границей, 16% затруднились ответить и не ответили. Данная часть молодежи,

не сформировавшая твердого мнения о намерениях учиться за границей, может рассматриваться как неустойчивая и при активных действиях, направленных на вовлечение молодежи в процесс образовательной миграции, перейти в группу потенциальных мигрантов.

Возможности формирования миграционного потенциала для своих национальных университетов демонстрирует активная политика Японии и Южной Кореи. Например, Япония не только вкладывает значительные инвестиции в экономику Вьетнама, но и параллельно развивает масштабные образовательные и культурные программы для вьетнамской молодежи (центры, выставки, кинофестивали, гранты, летние лагеря, поездки, стажировки и пр.). Активно работают во Вьетнаме также и образовательные учреждения Китая, Сингапура и Таиланда. В 2016 г. Социалистическая Республика Вьетнам подписала новое соглашение о сотрудничестве в образовательной сфере с Китайской Народной Республикой.

Российская образовательная политика развивается менее активно и опирается на традиционные методы. В 2016 г. Вьетнаму были выделены квоты на обучение в вузах всего 850 человек. При этом ресурсы образовательной миграции гораздо выше. Вьетнамская молодежь представляет собой потенциальный источник образовательной миграции для России. В 2019 г. численность школьников от шести до 10 лет во Вьетнаме составила 7,45 млн человек. Демографический потенциал Вьетнама и миграционный потенциал вьетнамской молодежи дают возможность расширения сотрудничества в области образовательной миграции в Российскую Федерацию. Однако в условиях отсутствия стимулирующих мер, миграционные ориентиры вьетнамской молодежи в направлении России ослабевают, и де-факто образовательные мигранты едут в страны, ведущие политику активного привлечения иностранных студентов. Россия имеет уникальные условия для привлечения вьетнамских студентов в свои университеты, но для этого нужна, безусловно, новая внешняя миграционная политика.

Проект *«Стратегия России на образовательных рынках стран Юго-Восточной Азии: оценка социально-демографического потенциала и направления государственной политики»* (грант РФФИ № 20-511-92002; 2021–2023 гг.; руководители: Е. Е. Письменная (ИДИ ФНИСЦ РАН), Нгуен Ань Ха (Институт европейских исследований ВАОН)). Регион ЮВА – один из приоритетных экспортных рынков для России в сфере образования, поскольку обладает значительным демографическим потенциалом и высоким спросом на высшее образование, который не может быть удовлетворен национальными системами вузов в силу комплекса экономических и социальных факторов. Несмотря на наличие у России многолетнего опыта сотрудничества, в настоящее время развивающиеся страны ЮВА значительно уступают по численности студентов в РФ странам бывшего СССР, Китаю, Индии и другим государствам.

Вьетнам является лидером по числу иностранных студентов в России среди стран Юго-Восточной Азии. СРВ в 2021 г. получила более 70% всех квот, выделенных на страны ЮВА. В 2020–2023 гг. в России ежегодно обучались от 4 500 до 5 000 вьетнамских студентов. Относительно активно наша страна действует в Индонезии (161 квота), где к тому же наблюдается высокий интерес к образованию в России со стороны местного населения (602 заявки), Лаосе (93 квоты) и Таиланде (50 квот). В четырех странах число желающих получить стипендию в российских вузах

оказалось меньше числа выделенных квот. Российская стипендиальная политика не сопровождается необходимым информационным освещением, либо студенческий обмен России с этими странами в целом незначителен.

Потенциал образовательной миграции из ЮВА следует рассчитывать исходя из опыта взаимодействия с Вьетнамом (как наиболее успешного кейса сотрудничества, который не сопряжен с какими-то особыми условиями, исключающими возможность его экстраполяции на другие страны региона), применив при этом оптимистичный сценарий развития. В настоящее время число студентов из СРВ в РФ составляет от 4% до 7% всех вьетнамцев, обучающихся за рубежом; согласно проведенным социологическим исследованиям, около 10% респондентов во Вьетнаме, намеревавшихся продолжить учебу в другой стране, выбирали в качестве своего приоритета Россию. Показатель 10% целесообразно рассматривать в качестве оптимистичного, но достижимого показателя по странам ЮВА (что в целом соответствует возможностям России на мировом рынке экспорта высшего образования).

По информации ЮНЕСКО, страны ЮВА направили на обучение за границу около 360 тыс. студентов, хотя особенности сбора данной статистики позволяют говорить о заниженности этой цифры в 2–3 раза. Можно оценить демографический потенциал образовательной миграции из стран Юго-Восточной Азии в Россию в объеме 35–100 тыс. иностранных студентов при условии реализации грамотно спланированной и учитывающей национальные особенности, нацеленной на страны региона государственной политики в сфере экспорта высшего образования.

В-четвертых, **особенности адаптации вьетнамских мигрантов и социально-демографическая структура вьетнамских диаспор за рубежом.** В рамках направления был претворен в жизнь проект «*Вьетнамские общины в России, странах СНГ и Восточной Европы: современное состояние и проблемы адаптации*» (грант РГНФ № 10-03-00912a/V; 2010–2012 гг.; руководители: Р. В. Маньшин (Центр социальной демографии ИСПИ РАН); Нгуен Кань Тоан (Институт европейских исследований ВАОН)). В проекте были даны характеристики вьетнамской диаспоре. Вьетнамское сообщество за рубежом – это сообщество молодых и динамичных людей, склонных к быстрой интеграции. В США, Австралии, Канаде и Западной Европе проживали около 80% вьетнамцев. Большинство из них выехали на постоянное место жительства за границу. 80% получили гражданство страны пребывания, примерно 20% не отказывались от вьетнамского гражданства. В России и странах Восточной Европы большинство представителей вьетнамской общины находились как временные жители и при наступлении благоприятных условий возвращались на родину. Причем это было связано не только с установками самих вьетнамцев, но и с позицией официальных властей данных стран, рассматривающих вьетнамцев как временных мигрантов. Вьетнамское сообщество за рубежом представляет собой комплекс нескольких общин, социальных классов, политических взглядов, профессиональных групп, религиозных общин, этнических общностей, каст. Отличаются причины, заставившие вьетнамцев покинуть родину. Связь внутри вьетнамской общины не всегда прочная, некоторые группы проживают достаточно дисперсно, не все поддерживают и сохраняют вьетнамскую культурную самобытность.

Собраны и проанализированы эмпирические данные (статистика, интервью, материалы прессы) по интеграции вьетнамских мигрантов в странах Восточной Европы, России

и странах СНГ. Разработана методика оценки результативности интеграции вьетнамских общин на основе социально-экономических и социокультурных параметров. Исследование показало, что в наибольшей степени вьетнамцы интегрированы в Чехии и Венгрии. Суммарная оценка на основе опроса экспертов составила 50 баллов из 60 возможных. Максимальные баллы получены по индикаторам гражданской и экономической интеграции. Политика государства в Чехии и Венгрии была направлена на необходимость интеграции вьетнамцев в местный социум путем развития предпринимательства и интеграционных программ. Успех экономической интеграции связан с высокой предпринимательской активностью, склонностью к ведению бизнеса, профессиональной квалификацией и доступом вьетнамцев на рынок труда. Менее успешной является интеграция вьетнамцев в России и Украине, где низкой оставалась гражданская, экологическая и социально-психологическая составляющая интеграции (оценка России - 40 баллов, Украины – 34 балла).

Интеграция вьетнамцев представляет собой весьма многогранный процесс, который включает экономические, культурные, социальные и многие иные аспекты. На успешность процесса интеграции вьетнамцев в новое общество оказывают воздействие несколько факторов, которые следует рассматривать со стороны мигрантов и со стороны принимающей страны. Несмотря на значимость экономической составляющей интеграции, не менее существенными являются и многие другие параметры: продолжительность проживания в новом месте жительства; характер расселения и численность иммигрантов; уровень образования и социально-экономическое положение иммигрантов; религиозная основа этнической общности; восприятие коренным населением интеграции иммигрантов; правовое положение мигрантов и пр. Проблема интеграции вьетнамцев в принимающем обществе не всегда решена благополучно. Особенно актуально это для стран СНГ, где интеграция вьетнамцев идет менее успешно, чем в Восточной Европе.

В-пятых, **особенности формирования русскоговорящих общин, структура и функционирование русскоязычной экономики в странах ЮВА, включая Вьетнам.** В рамках направления были осуществлены два научных проекта. Проект «*Особенности адаптации и экономического поведения русскоговорящих мигрантов в странах Юго-Восточной Азии*» (грант РФФИ № 21-511-92001 ВАОН-а; 2021–2023 гг.; руководители: С. Ю. Сивоплясова (ИДИ ФНИСЦ РАН), Дань Нгуен Ань (Институт социологии ВАОН)). В проекте были выявлены особенности формирования русскоговорящих сообществ в странах ЮВА, включая Вьетнам. Во время существования СССР в СРВ приехали специалисты, работавшие на совместных предприятиях, женщины, заключившие браки с вьетнамскими гражданами, получившими образование в советских вузах. После распада Советского Союза появились туристы из России, часть из них остались жить во Вьетнаме. Миграционная привлекательность страны также объясняется благоприятными природно-климатическими условиями, относительно невысокой стоимостью жизни, лояльным миграционным законодательством и хорошим отношением местного населения к россиянам.

Дана оценка примерной численности русскоговорящего населения в странах Юго-Восточной Азии. Максимальная численность российских граждан проживает в Таиланде – около 50 тыс. человек, главным образом, в Паттайе и на Пхукете. Во Вьетнаме живут до 25–30 тыс. русскоязычных и граждан РФ, в основном в Ханое, Вунгтау, Нячанге и Хошимине. В Камбодже проживают до пяти тысяч граждан РФ и русскоговорящих мигрантов, преимущественно в Пномпене и Сиануквиле. В

Лаосе и Мьянме проживают по несколько сотен и десятков человек из России как фрилансеры, преподаватели, российские жены бывших лаосских и мьянманских студентов, получивших образование в СССР и России. В островных государствах ЮВА русскоязычные мигранты в основном сосредоточены в Индонезии (на острове Бали) и на Филиппинах. В странах ЮВА сформировалась русскоязычная экономика, которая представлена экономическими субъектами и отношениями, функционирующими на основе русского языка и ориентированными на русскоговорящих потребителей. В некоторых странах ЮВА есть печатные или электронные русскоязычные СМИ, развиваются социальные сети, ориентированные на русскоговорящее население. Например, во Вьетнаме функционируют «Вьетнам сегодня», «Новости Нячанга и Вьетнама», «Русский информационный центр». В проекте были изучены особенности функционирования русскоязычных бизнесов в странах ЮВА, включая Вьетнам.

Между Россией и рядом стран ЮВА заключены соглашения о взаимной отмене виз для краткосрочных визитов граждан обеих стран (Бруней-Даруссалам, Лаос и Таиланд). С Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и Филиппинами у Российской Федерации установлен асимметричный визовый режим, когда перечисленные государства в одностороннем порядке заявили об отмене виз для краткосрочных визитов россиян. У Камбоджи, Мьянмы, Сингапура и Восточного Тимора с Россией сохраняется визовый режим. Возможность безвизового въезда, безусловно, оказывает позитивное влияние на формирование туристического потока в страны ЮВА.

Проект «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов» (грант № РНФ 22-68-00210; 2022–2025 гг.; руководитель: М. Н. Храмова (ИДИ ФНИСЦ РАН)). В проекте были изучены формы и особенности взаимодействия русскоговорящего населения во Вьетнаме и с родственниками и друзьями в России через русскоязычные социальные сети. В ходе адаптации в принимающем сообществе у русскоговорящих мигрантов изменяется восприятие социальных сетей. На первом этапе адаптации социальные сети используются как необходимый источник получения актуальной информации о различных аспектах взаимодействия с принимающим обществом. По мере вхождения в принимающее общество роль социальных сетей для мигранта становится более диверсифицированной и охватывает помимо ежедневных практик экономический и культурно-гуманитарный контекст. В октябре 2023 г. был проведен онлайн-опрос русскоязычных мигрантов, проживающих в странах ЮВА (N = 114 человек, в том числе 15% – во Вьетнаме). Более 50% респондентов указали на то, что выбрали Вьетнам за хороший климат и относительно невысокую стоимость жизни. Подавляющее большинство сообщило, что продолжает активное общение с родственниками в России, 60% общаются именно посредством социальных сетей; 54% регулярно читают русскоязычные СМИ – как российские, так и выходящие в стране проживания.

Установлено, что все активнее приходят интернет-площадки, на которых русскоязычные мигранты обсуждают наиболее важные вопросы, связанные с жизнью в стране. Круг вопросов, выносимых на обсуждение на интернет-площадках, обширный и охватывает поиск работы, вопросы легализации, продления разрешительных документов, оформления договоров аренды жилья, знакомства,

продвижение товаров и услуг, организацию совместных мероприятий и встреч и т. п. По объемам привлекаемой аудитории можно выделить как небольшие площадки, насчитывающие буквально сотни пользователей, так и весьма крупные, с десятками тысяч посетителей, работающие уже много лет. Во Вьетнаме в интернет-пространстве действует большое количество русскоязычных групп, в основном сосредоточенных на Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ). Наиболее многочисленные: «Русские во Вьетнаме», «Мы живем во Вьетнаме (Нячанг)», «Русскоговорящий клуб Вьетнама», «Форум Вьетнам (Нячанг, Дананг, Фукуок, Хошимин, Ханой)», «Вьетнам. Работа, вакансии, специалисты. Помогаем нашим!» – общедоступные группы; «Русские экспаты во Вьетнаме» – закрытая группа. Выявлено, что часто общение из интернет-пространства в дальнейшем переносится в офлайн и способствует большей консолидации русскоговорящих сообществ.

В-шестых, **демографические и социально-экономические последствия изменения климата, включая расселение, миграцию, мобильность и занятость населения во Вьетнаме и странах Азиатско-Тихоокеанского региона.** В рамках направления были реализованы два научных проекта. Проект «Демографические и социально-экономические последствия затопления прибрежных регионов Вьетнама в условиях глобального потепления климата» (грант РГНФ № 13-22-09001; 2013–2015 гг.; руководители: А. С. Лукьянец (Центр социальной демографии ИСПИ РАН), Нгуен Кань Тоан (Институт европейских исследований ВАОН)). Глобальное изменение климата провоцирует подъем уровня Мирового океана и ставит население южных провинций СРВ перед угрозой затопления населенных пунктов и посевных площадей, снижения доходов, уровня жизни и ВВП. В проекте был дан прогноз зон подтопления прибрежных территорий страны, а также разработаны и обоснованы предложения по организации процесса переселения населения южных провинций Вьетнама. В 2014 г. был проведен социологический опрос населения, в 2015 г. – социологический опрос экспертов и ученых-климатологов о современных тенденциях климатических изменений и их социально-экономических последствиях во Вьетнаме. Было определено, что наибольшим угрозам подвергаются территории, находящиеся в низменных участках – провинции Дельты реки Меконг и Красной реки. Около 43% населения, зависящего от воздействия изменений климата, проживают в районе Дельты реки Меконг, 30% – в районе Дельты Красной реки, 11% – на морском побережье севера Центрального Вьетнама, 9% – на морском побережье юга Центрального района, 7% – на юго-востоке страны.

В проекте был дан прогноз зон подтопления прибрежных территорий СРВ, разработаны и обоснованы предложения по организации процесса переселения населения южных провинций страны. На основе сценарных прогнозов затопления территорий, были спрогнозированы миграционные потоки во Вьетнаме. Были разработаны три варианта прогноза на период 2020–2025 гг. с пятилетними интервалами: «низкий», «средний», «высокий» с целью возможного предупреждения наступления отрицательных событий. В «низком» варианте численность населения, которое может попасть в зоны потенциального затопления, оценивалась в 2,9 млн человек, из них в Дельте реки Меконг – 1,25 млн человек, в Дельте Красной реки – 0,87 млн., на морском побережье севера Центрального Вьетнама – 0,32 млн.,

на морском побережье юга Центрального района – 0,26 млн., на юго-востоке страны – 0,2 млн человек. В «среднем» варианте прогноза численность населения, которое может находиться в зонах потенциального затопления, оценивалось в 4,22 млн человек, а в «высоком» варианте прогноза – в 5,15 млн человек. Были даны оценки объемов миграционного потока вынужденных переселенцев по причине изменения климата во Вьетнаме: численность климатических мигрантов к 2025 г. могла составить 282 тыс. человек при «низком», 555 тыс. – при «среднем» и 678 тыс. – при «высоком» варианте прогноза. К 2050 г. при условии сохранения тенденций в изменении климата цифры увеличатся: 1 155 тыс. – при «низком», 1 732 тыс. – при «среднем», 2 356 тыс. человек – при «высоком» варианте прогноза.

Важными проблемами в условиях изменения климата становятся переселение и обеспечение занятости населения. Необходимость переселения тысяч людей может привести к повышению нагрузки на социально-экономическую инфраструктуру. В настоящее время около 90% потенциальных климатических мигрантов заняты в сельском хозяйстве, прежде всего, выращивают рис и аквакультуру (креветок, устриц, моллюсков). Социологический опрос населения показал, что только 27% готовы поменять сферу экономической деятельности; 58% ответили, что не смогут овладеть новой профессией; 14% респондентов заявили, что не готовы поменять род занятий ни при каких условиях. Переселение мигрантов потребует переобучения сотен тысяч людей, т. е. инвестиций в систему образования и переподготовки кадров.

В проекте были предложены рекомендации по совершенствованию политики переселения во Вьетнаме. На национальном уровне предлагалось: активное развитие депрессивных территорий страны, в том числе провинций Центрального предгорья, Северо-Запада и Северо-Востока, для создания благоприятных условий и ускорения приживаемости вынужденных переселенцев из прибрежных провинций страны; разработка и внедрение программ переобучения и переподготовки населения, занятого рыболовством, разведением аквакультур, с целью адаптации вынужденных переселенцев в новых местах жительства и сферах занятости; активное участие в международных программах под эгидой ООН по проблемам глобального изменения климата. На региональном уровне: заблаговременное информирование населения о возможных угрозах; активное вовлечение населения, проживающего на потенциально опасных территориях, в разработку мер предупреждения возможных последствий.

Проект *«Географические особенности социально-экономических и демографических последствий глобального изменения климата для прибрежных территорий Вьетнама и Дальнего Востока России»* (грант РФФИ № 21-510-92008_БАОН_а; 2021–2023 гг.; руководители: А. С. Лукьянец (ИДИ ФНИСЦ РАН), Ле Тхань Сань (Южный институт общественных наук ВАОН)). В проекте была создана база данных негативных природных явлений, вызванных климатическими изменениями (наводнения, штормы, тайфуны, засухи и пр.) в прибрежных территориях Дальнего Востока России и провинциях Вьетнама за период с 2000 по 2021 г. В российских регионах основными природными катаклизмами были наводнения – 43%, природные пожары – 30%, штормы – 21%. Во вьетнамских провинциях главными проблемами являлись штормы – 51%, наводнения – 44%. Выявлено, что отсутствует единая методология

учета масштабов и последствий негативных природных явлений, вызванных климатическими изменениями.

Была разработана эконометрическая модель оценки последствий климатических изменений для демографических и социально-экономических процессов. Наиболее значимыми факторами, влияющими на численность климатических мигрантов, являются: плотность населения в прибрежных провинциях; суммарный экономический ущерб от природно-климатических явлений; темпы роста населения прибрежных провинций; доля населения, проживающего в сельской местности; доля рабочей силы, занятая в сельском хозяйстве. Была создана система показателей оценки последствий влияния глобального изменения климата на социально-экономические, демографические и миграционные процессы в прибрежных территориях ДФО. Были рассмотрены последствия наводнений в южных регионах Дальнего Востока с 2013 по 2023 гг. На основе данных об ущербе за 2021 г. выявлено, что в финансовом выражении более высокий ущерб от наводнений на душу населения налицо в регионах с меньшей плотностью населения, поскольку чем больше численность населения территории, тем ниже сумма ущерба на одного человека. Определено, что наиболее уязвимыми субъектами ДФО с точки зрения экономических рисков являются Сахалинская область, Приморский, Хабаровский и Камчатский края, что объясняется наличием большой береговой линии; а с точки зрения демографических последствий – Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область.

Были разработаны сценарные прогнозы численности потенциальных климатических мигрантов и дана примерная оценка сверхсмертности во Вьетнаме на период 2070–2100 гг. За период 2012–2021 гг. рост средней температуры во Вьетнаме составил 0,9°C (первое место среди всех стран АСЕАН). По прогнозам, к 2100 г. рост температур во Вьетнаме может достигнуть 4,8°C по сравнению с 1990 годом. Из-за географического положения и протяженной береговой линии демографические последствия потепления для страны будут весьма ощутимы. Более 35% населенных пунктов расположены на береговой линии, подверженной эрозии, на которых проживают 11,8 млн человек. Около 15% территории СРВ находятся на 5 метров ниже уровня моря, где проживает свыше 36 млн человек, которые при повышении уровня океана будут вынуждены покинуть места своего постоянного проживания. За период с 1990 по 2021 г. демографические потери от негативных природных явлений составили 13,5 тыс. человек, из них 9,6 тыс. из прибрежных провинций страны. С 2012 по 2021 г. были переселены 4 127 тыс. человек, из которых 3 765 тыс. приходилось на прибрежные провинции Вьетнама. Если уровень моря увеличится на 1 метр, то в СРВ могут быть повреждены около 9% системы национальных автомобильных дорог, 12% системы региональных дорог, 4% железнодорожных путей. Больше всего пострадают районы и население в дельте рек Меконг и Красной, прибрежные провинции центральной части Вьетнама.

В-седьмых, **социально-демографические аспекты экономического развития Вьетнама**. В рамках направления был выполнен проект «Социально-экономические эффекты строительства АЭС во Вьетнаме: подходы к оценке» (грант РФФИ № 16-22-09001-а(м); 2016–2018 гг.; руководители: А. С. Лукьянец (Центр социальной демографии ИСПИ РАН), Нгуен Кань Тоан (Институт европейских исследований ВАОН)). В

соответствии с задачами проекта была создана база данных об объемах и источниках производства и потребления электроэнергии во Вьетнаме. Потребление электроэнергии в стране с 2000 по 2015 г. увеличилось на 84,8 млрд кВт. час, что в относительных значениях составляет 542% (или в 5,4 раза). В рамках программы Правительства СРВ планировалось заместить недостающие мощности включением в единую энергетическую систему страны АЭС, которые к 2025 г. могли бы полностью компенсировать импортируемые объемы электроэнергии. Был проведен опрос экспертов из числа ученых, представителей органов власти провинции Нинь Тхуан, руководства энергетической корпорации Vietnam Electricity Corporation. В результате выявлены геополитические, экономические и социальные барьеры, препятствующие реализации проекта по строительству АЭС, в том числе опасения местного населения на фоне аварии на АЭС Фукусима-1 в Японии, экономические трудности страны, отсутствие финансов, удешевление традиционных энергоносителей (нефть и уголь). В проекте были определены экономические эффекты строительства АЭС для Вьетнама и провинции Нинь Тхуан. Уровень безработицы в регионе снижался: с 3,6% в 2005 г. до 3,2% в 2010 году и 3% – в 2012–2015 гг. Реализация проекта могла стимулировать занятость населения на 4%. Важным демографическим эффектом сооружения АЭС могла стать интенсификация миграции. Были определены геополитические эффекты строительства АЭС в контексте развития российско-вьетнамских отношений. В случае реализации проекта по строительству АЭС Российская Федерация и Вьетнам могли бы более активно развивать двустороннее экономическое сотрудничество, поскольку возникла бы необходимость кооперации в сфере утилизации отработанных ядерных отходов, разработке инновационных технологий по снижению потенциальных рисков при эксплуатации объектов атомной энергетики.

Выводы и рекомендации. Главную роль в развитии социально-демографических исследований российских и вьетнамских ученых выполняла финансовая поддержка совместных научных проектов в форме грантов со стороны трех российских научных фондов – РГНФ, РФФИ, РНФ. Следует отметить, что со стороны Вьетнама (Вьетнамской академии наук (ВАОН) и Вьетнамской академии наук и технологий (ВАТН) поддержка в основном носила организационный характер. Определенную роль в развитии научных контактов сыграла программа научных обменов между учеными Российской академии наук и Вьетнамской академии общественных наук на основе «безвалютного обмена», позволявшая осуществлять взаимные визиты ученых в научные учреждения. К сожалению, программа охватывала небольшой круг ученых, а к настоящему моменту она практически прекращена.

Несмотря на это, за последние десятилетия сложились устойчивые научные связи между российскими и вьетнамскими научными коллективами и институтами в вопросах исследования социально-демографических проблем. Результатами такого сотрудничества стали реализация исследовательских проектов, проведение социологических опросов, организация демографических экспедиций, научные обмены и стажировки, проведение международных научных форумов, презентация материалов исследований на международных научных конференциях.

В ходе реализации совместных проектов накоплен значительный объем научных материалов (базы данных опросов, библиотеки научной литературы,

статистические банки о населении), отработаны совместные методики научных исследований (опросы, интервью, фокус-группы, контент-анализ, наблюдения), создана сеть научных организаций в области социально-демографических исследований (научные группы, научные сети), что закладывает хорошую основу для развития совместных социально-демографических исследований и проектов российских и вьетнамских ученых.

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время объемы грантовой поддержки российско-вьетнамских исследований крайне ограничены. РГНФ и РФФИ прекратили существование и, соответственно, были завершены совместные российско-вьетнамские конкурсы научных проектов, реализуемые в рамках этих фондов. В 2023 г. был открыт первый и пока единственный конкурс научных проектов РНФ и ВАНТ, который не охватывает гуманитарные и общественные науки (включая демографию и социологию).

Безусловно, программы научного сотрудничества между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам требуют существенного расширения, как с точки зрения научных направлений, так и объемов финансирования. Прежде всего, следует развивать совместные программы РНФ и ВАОН. Необходимы также новые форматы российско-вьетнамского научного сотрудничества, в том числе в части поддержки экспедиций, теоретических и полевых исследований, научных мероприятий, стажировок, научных обменов. Требуется существенное увеличение объемов финансирования общественных и гуманитарных наук на основе паритетного выделения денежных средств для реализации российско-вьетнамских научных проектов с двух сторон.

Список основных публикаций по российско-вьетнамским проектам

1. Ань, Д. Н. Русскоязычные сообщества в странах Юго-Восточной Азии в период пандемии COVID-19 / Д. Н. Ань, С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, С. Ю. Сивоплясова // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2022. № 1. С. 5–26. DOI [10.26653/2076-4650-2022-1-01](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-1-01). EDN [GHNRPW](#).
2. Ле, Т. Тенденции изменения климата во Вьетнаме в контексте экономических угроз / Т. Ле, А. И. Тышкевич, А. С. Лукьянец // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 1. С. 92–97. DOI [10.17513/vaael.2674](https://doi.org/10.17513/vaael.2674). EDN [TUAYAY](#).
3. Лукьянец, А. С. Экономико-демографический потенциал провинции Нинь Тхуан в контексте строительства АЭС / А. С. Лукьянец, А. С. Максимова // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-2(77). С. 66–70. EDN [XVLRJN](#).
4. Лукьянец, А. С. Геополитические факторы реализации совместных проектов в области мирного атома на примере России и Вьетнама / А. С. Лукьянец, Н. К. Тоан // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2018. № 6. С. 57–69. DOI [10.26653/2076-4650-2018-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2018-6-05). EDN [BDKEOD](#).
5. Лукьянец, А. С. Миграция из Вьетнама в контексте глобального изменения климата / А. С. Лукьянец, К. Т. Нгуен // Миграционное право. 2014. № 1. С. 37–40. EDN [RTBWLT](#).
6. Лукьянец, А. С. Оценка эффективности функционирования атомной энергетики в современных условиях / А. С. Лукьянец, К. Т. Нгуен // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2017. № 4–5. С. 136–149. DOI [10.26653/2076-4650-2017-4-5-12](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2017-4-5-12). EDN [YROJNG](#).
7. Лукьянец, А. С. Влияние климатических изменений на миграцию населения во Вьетнаме / А. С. Лукьянец, К. Т. Нгуен, С. В. Рязанцев [и др.] // География и природные ресурсы. 2015. № 3. С. 191–196. EDN [UGSXCE](#).
8. Лукьянец, А. С. Перспективы и направления международного сотрудничества России и Вьетнама / А. С. Лукьянец, М. Н. Храмова, К. Т. Буй, В. М. Морозов // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 4–5. С. 17–34. DOI [10.26653/2076-4650-2021-4-5-02](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2021-4-5-02). EDN [PAMMYB](#).

9. Лукьянец, А. С. Социально-экономические и демографические последствия природных катаклизмов на Дальнем Востоке / А. С. Лукьянец, Л. Шанг, Ф. М. Гарибова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 2–2. С. 218–223. DOI [10.17513/vaael.3264](https://doi.org/10.17513/vaael.3264). EDN [CGGFNI](#).
10. Олейник, Е. Б. Эмиграция из России в страны Юго-Восточной Азии: ситуационный анализ / Е. Б. Олейник, Н. В. Ивашина, М. Н. Храмова // Экономические науки. 2022. № 216. С. 319–329. DOI [10.14451/1.216.640](https://doi.org/10.14451/1.216.640). EDN [MGWCGF](#).
11. Письменная, Е. Е. Привлечение вьетнамских мигрантов в Россию как новый вектор миграционной политики России // Миграционное право. 2015. № 4. С. 24–27. EDN [VBSGHV](#).
12. Письменная, Е. Е. Эмиграция российских пенсионеров во Вьетнам и другие страны Юго-Восточной Азии / Е. Е. Письменная, Г. В. Ниорадзе // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. 2022. Т. 6, № 4. С. 33–41. DOI [10.54631/VS.2022.64-101666](https://doi.org/10.54631/VS.2022.64-101666). EDN [FBSFUF](#).
13. Письменная, Е. Е. Качество жизни и образования России в оценках вьетнамских студентов / Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, Д. Х. Луонг, Г. Н. Очирова // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11. С. 20–28. DOI [10.20339/AM.11-20.020](https://doi.org/10.20339/AM.11-20.020). EDN [NTKKOI](#).
14. Рязанцев, Н. С. Международный туризм в Таиланде: тренды и восстановление потока российских туристов после пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 83–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.6). EDN [GDXBKU](#).
15. Рязанцев, С. В. Демографическое развитие Вьетнама в контексте решений XIII съезда КПВ // Компартия Вьетнама: новая веха в истории : Материалы Международного круглого стола, посвященного 90-летию образования Компартии Вьетнама в феврале 1930 г, Москва, 19–20 мая 2021 года. Москва : Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2021. С. 153–168. DOI [10.48647/IFES.2021.16.36.011](https://doi.org/10.48647/IFES.2021.16.36.011). EDN [FYPLUF](#).
16. Рязанцев, С. В. Российский туризм в ЮВА как форма миграции до и во время пандемии COVID-19 / С. В. Рязанцев, Н. А. Дань, Л. С. Рубан, М. А. Ананьин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 4, № 4(53). С. 37–54. DOI [10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054). EDN [DUNHAU](#).
17. Рязанцев, С. В. Влияние на страны ЮВА нового Индо-Тихоокеанского региона в контексте конкуренции США, Китая, Индии и России / С. В. Рязанцев, Л. С. Рубан, М. А. Ананьин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 3, № 3(52). С. 18–35. DOI [10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-018-035](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-018-035). EDN [EDEPFR](#).
18. Рязанцев, С. В. Демографический потенциал стран Юго-Восточной Азии в контексте образовательной политики России / С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 23–30. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-23-30](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-23-30). EDN [CPXGPX](#).
19. Рязанцев, С. В. Последствия демографических и климатических изменений для Вьетнама и его миграционных потоков / С. В. Рязанцев, А. С. Лукьянец // Вьетнамские исследования. 2015. № 5. С. 208–216. EDN [UNRNUB](#).
20. Рязанцев, С. В. Демографические процессы во Вьетнаме в контексте глобального потепления / С. В. Рязанцев, А. С. Лукьянец, Нгуен Кань Тоан // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2013. № 5. С. 65–72. EDN [RHNGNX](#).
21. Рязанцев, С. В. Организованная трудовая миграция вьетнамцев в Россию: история и современность / С. В. Рязанцев, С. А. Пискунов // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. 2023. Т. 7, № 3–2. С. 39–52. DOI [10.54631/VS.2023.732-288542](https://doi.org/10.54631/VS.2023.732-288542). EDN [UIIYKL](#).
22. Рязанцев, С. В. Реализация Россией международных проектов в области атомной энергетики: социально-экономические эффекты для Вьетнама / С. В. Рязанцев, А. С. Лукьянец, Н. К. Тоан // Финансовая экономика. 2016. № 2. С. 7–12. EDN [VVFJTO](#).
23. Рязанцев, С. В. Сравнительный анализ вьетнамской и китайской миграции в Россию (Исследование проведено в рамках РГНФ №10-03-00912a/V) / С. В. Рязанцев, К. Т. Нгуен, Р. В. Маньшин // Миграционное право. 2013. № 1. С. 27–31. EDN [PXWQXP](#).
24. Рязанцев, С. В. Влияние образовательной миграции на экономическое развитие Российской Федерации / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Ректор ВУЗа. 2015. № 5. С. 38–43. EDN [VMSIVD](#).
25. Рязанцев, С. В. Вьетнамские мигранты на российском рынке труда / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Служба занятости. 2016. № 3. С. 66–69. EDN [YQBTSH](#).

26. Рязанцев, С. В. Миграционные планы вьетнамской молодежи в контексте российской политики привлечения образовательных мигрантов / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Вьетнамские исследования. 2017. № 7. С. 204–211. EDN [ZWDYOV](#).

27. Рязанцев, С. В. Трансформация установок вьетнамской молодежи на обучение за границей / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности : Статьи международной онлайн конференции, Москва, 21–22 октября 2020 года. Москва : Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2021. С. 298–314. DOI [10.24412/cl-36362-2021-1-298-314](#). EDN [SEKTPT](#).

28. Рязанцев, С. В. Сотрудничество России и Вьетнама в области миграции: тенденции и перспективы / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов : Сборник статей. Москва : Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2020. С. 143–158. EDN [YDOWHV](#).

29. Храмова, М. Н. Вьетнамские мигранты в регионах России: оценка численности и миграционный потенциал / М. Н. Храмова, К. Х. Ву // Наука. Культура. Общество. 2020. № 1. С. 23–33. DOI [10.38085/2308829X-2020-1-23-33](#). EDN [FGXDNE](#).

30. Храмова, М. Н. Вьетнамские предприниматели в России: иммиграция, проблемы ведения бизнеса и перспективы сотрудничества / М. Н. Храмова, Х. Л. До // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 119–133. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.9](#). EDN [SRTAKJ](#).

31. Храмова, М. Н. Влияние пандемии COVID-19 на мобильность населения Вьетнама и Таиланда и перспективы восстановления международной миграции / М. Н. Храмова, Д. П. Зорин, Б. К. Туан, В. М. Морозов // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 34–44. DOI [10.26653/2076-4650-2020-3-03](#). EDN [KCNFIT](#).

32. Храмова, М. Н. Международное сотрудничество России и Вьетнама: формы, масштабы и перспективы в миграционной сфере / М. Н. Храмова, А. С. Лукьянец, Р. В. Маньшин, А. С. Максимова // Сегодня и завтра Российской экономики. 2020. № 99–100. С. 23–40. DOI [10.26653/1993-4947-2020-99-100-02](#). EDN [DMIXPR](#).

33. Храмова, М. Н. Привлекательность регионов Дальнего Востока России для мигрантов из Вьетнама / М. Н. Храмова, Р. В. Маньшин, К. Х. Ву // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 17–29. DOI [10.26653/2076-4685-2021-2-02](#). EDN [QUELZR](#).

34. Храмова, М. Н. Факторы миграции и проблема регионального неравенства в социально-демографическом развитии России и Вьетнама / М. Н. Храмова, С. В. Рязанцев, В. К. Ху // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 54–64. EDN [ZCOSBN](#).

35. Шанг, Л. Т. Глобальное изменение климата: тенденции и последствия для Вьетнама / Л. Т. Шанг, А. С. Лукьянец, Ф. М. Гарибова // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 6. С. 16–25. DOI [10.26653/2076-4650-2021-6-02](#). EDN [XKJKGU](#).

36. Hải, L. D. Sự chuyển hướng mục tiêu du học nước ngoài của thanh niên Việt Nam (Bài 1: Bối cảnh mới về sự chuyển hướng du học của thanh niên Việt Nam) / L. D. Hải, S. V. Ryazantsev, E. E. Pismennaya // Nghiên cứu Con người. 2021. Số. 4(115). Т. 32–38.

37. Hải, L. D. Sự chuyển hướng mục tiêu du học nước ngoài của thanh niên Việt Nam (Bài 2: Xu hướng, thực tế và chính sách cho thanh niên Việt Nam du học đến Nga hiện nay) / L. D. Hải, S. V. Ryazantsev, E. E. Pismennaya // Nghiên cứu Con người. 2021. Số. 5(116). Т. 26–33.

38. Lukyanetz, A. S. Vietnamese Migration in the Context of Climate Change / A. S. Lukyanetz, N. C. Toan, E. E. Pismennaya [et al.] // Geography, Environment, Sustainability. 2014. Vol. 7, № 3. P. 4–21. EDN [THKKBR](#).

39. Pismennaya, E. E. Impact of Climate Change on Migration from Vietnam to Russia as a Factor of Transformation of Geopolitical Relations / E. E. Pismennaya, I. S. Karabulatova, S. V. Ryazantsev [et al.] // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, № 3. P. 202–207. DOI [10.5901/mjss.2015.v6n3s2p202](#). EDN [UGHHJP](#).

40. Ryazantsev, S. V. The Russian-Speaking Economy in Southeast Asia: Scale, Dynamics and Contribution to the Development of Host Societies / S. V. Ryazantsev, M. N. Khranova // Vietnam Journal of Sociology. 2023. Vol. 11, № 2. Pp. 2–72. ISSN 2615-9171.

Сведения об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://elibrary.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); РИНЦ SPIN-код: [3786-0465](https://elibrary.ru/3786-0465); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); РИНЦ SPIN-код: [2200-7340](https://elibrary.ru/2200-7340); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/C-1344-2018); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/8731444800).

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: artem_ispr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6451-6693](https://orcid.org/0000-0002-6451-6693); РИНЦ SPIN-код: [3333-2875](https://elibrary.ru/3333-2875); Web of Science Researcher ID: [N-6320-2019](https://orcid.org/N-6320-2019); Scopus Author ID: [56703673200](https://orcid.org/56703673200).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [22-68-00210](https://elibrary.ru/22-68-00210) «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; принята в печать 11.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RUSSIAN-VIETNAMESE SOCIO-DEMOGRAPHIC STUDIES: DIRECTIONS AND RESULTS

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Marina N. Khramova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Elena E. Pismennaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nikitar@list.ru

Artem S. Lukyanets

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: artem_ispr@mail.ru

For citation: Ryazantsev, S. V., Khramova, M. N., Pismennaya, E. E., Lukyanets, A. S. Russian-Vietnamese Socio-Demographic Studies: Directions and Results. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 192–210. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.12). (In Russ.)

Abstract. This article examines the research conducted in sociology and demography by Russian and Vietnamese scholars in recent decades with the support from the Russian Foundation for the Humanities, Russian Foundation for Basic Research, Russian Science Foundation, and Vietnamese Academy of Social Sciences. Seven key areas of research were identified, including studies on migration, diaspora, emigration of Russian speakers, and socio-demographic effects of climate change, as well as the main findings of these projects. Achievements in Russian-Vietnamese collaboration in demography and sociology are also discussed, along with key challenges and recommendations for future cooperation in humanities and social science.

Keywords: Russian Federation, Vietnam, research projects, institutes, universities, demography, sociology, Russian Science Foundation, Russian Foundation for Basic Research, Russian Foundation for the Humanities, Vietnamese Academy of Social Sciences, Vietnam Academy of Science and Technology, expeditions, sociological surveys

Bio notes

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN code: [5112-6604](https://www.rsci.spin.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); RSCI SPIN code: [3786-0465](https://www.rsci.spin.ru/3786-0465); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); RSCI SPIN code: [2200-7340](https://www.rsci.spin.ru/2200-7340); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/C-1344-2018); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/8731444800).

Artem S. Lukyanets, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: artem_ispr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6451-6693](https://orcid.org/0000-0002-6451-6693); RSCI SPIN code: [3333-2875](https://www.rsci.spin.ru/3333-2875); Web of Science Researcher ID: [N-6320-2019](https://orcid.org/N-6320-2019); Scopus Author ID: [56703673200](https://orcid.org/56703673200).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by RSF according to research project No. [22-68-00210](https://orcid.org/22-68-00210) "Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges."

Received on 17.06.2025; accepted for publication on 11.08.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.13)EDN [SAYKIN](#)

СТАНОВЛЕНИЕ И НАЧАЛО ТРУДОВОГО ПУТИ ПРЕДВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ ДЕМОГРАФА¹

Топилин А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: topilina@mail.ru

Для цитирования: Топилин, А. В. Становление и начало трудового пути предвоенного поколения: воспоминания демографа // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 211–224. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.13). EDN [SAYKIN](#).

Аннотация. В статье представлены демографические и биографические исследования жизненного пути предвоенного поколения 1940 года рождения. Автор, принадлежащий к этому поколению, анализирует его становление на фоне значимых исторических событий: Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления, распада СССР и современных преобразований. Исследование основано на статистическом анализе данных семи переписей населения (1959–2020 гг.) и личном опыте автора. В работе подробно рассматриваются демографические потери поколения в различные исторические периоды: военные годы (1940–1959), мирное время (1959–1989) и постсоветский период (после 1991 г.). Особое внимание уделяется анализу социально-демографических процессов: изменению численности поколения, влиянию исторических событий на демографическую ситуацию, особенностям профессионального становления. Автор подробно описывает свой профессиональный путь в сфере демографических исследований, включая работу в ЦЭНИИ при Госплане РСФСР и развитие научных интересов в области миграции населения.

Ключевые слова: предвоенное поколение, исторические воспоминания, поколенческий анализ, социально-демографические процессы, трудовые ресурсы, демографическая динамика, профессиональное становление

Мои воспоминания представляют собой не только хронологию событий, но и попытку оценить демографический путь моего поколения. Ориентиром для меня являлась монография профессора Б. Ц. Урланиса «История одного поколения» [1]. В ней прослеживается жизненный путь поколения 1906 года рождения, к которому принадлежал и Борис Цезаревич. Это исследование было опубликовано в 1968 г. Только через сорок лет вышла монография В. Б. Жиромской «Жизненный потенциал послевоенного поколения в России: историко-демографический аспект (1946–1960)» [2]. В данной работе поколение рассматривается как совокупность людей, родившихся в определенных социально-экономических условиях. Обычно это период в 20–30 лет. Оба названных подхода к изучению проблемы поколений имеют право на жизнь. Автор воспоминаний выбрал первый вариант Б. Ц. Урланиса, при котором поколение рассматривается как когорта людей, родившихся в одном году.

Я принадлежу к предвоенному поколению родившихся в 1940 г. Тогда в Советском Союзе на свет появились 6,3 млн новорожденных, при этом число мальчиков и девочек было примерно одинаково. В России в предвоенном году родились

¹ В настоящем эссе сохранен стиль автора. Позиция редакции может не совпадать с позицией автора.

3 650 тыс. человек, в том числе 1 350 тыс. мальчиков и 1 300 тыс. девочек, что составило 58% от общего числа рождений в СССР. При этом 1940 г. был последним годом высокой рождаемости населения перед Великой Отечественной войной. Некоторые демографы склонны полагать, что перед началом войны в ряде стран отмечалась повышенная рождаемость мальчиков. Высказывается предположение, что тем самым природа как бы создавала запас прочности для выживания человечества.

На плечи нашего поколения выпали тяжелые испытания: Великая Отечественная война, развал Советского Союза, смена политического устройства в России. Жизнь нашего поколения оказалась разделенной на два неравнозначных периода: советский – 51 год и постсоветский – более 30 лет. На каждом этапе своего жизненного пути наше поколение несло невосполнимые потери. Для расчетов потерь воспользуемся данными семи переписей населения: 1959, 1970, 1979, 1989 гг. (проведены в советские годы) и 2002, 2010, 2020 гг. (осуществлены после распада СССР). Мы будем использовать в основном статистические сведения по России, поскольку после 1991 г. статистика по населению в странах СНГ оказалась разрозненной.

Из 3 650 тыс. человек, родившихся в Российской Федерации в 1940 г., дожили до окончания войны и достигли 19-летнего возраста, по данным переписи 1959 г., примерно 2 650 тыс. человек, или 72,6%. Потери моего поколения за девятнадцать лет, 1940–1959 гг., достигли примерно 1 млн человек, или 27,4%. В среднегодовом исчислении это 1,44%. В первую очередь такие потери сложились в годы войны вследствие болезней, голода, гибели детей в зоне боевых действий и на оккупированной врагами территории. Тысячи детей были угнаны в фашистскую Германию. В результате образовалась демографическая яма или воронка, которая в дальнейшем повторялась каждые 20–30 лет. Эти волны, называемые эхом войны, постепенно затухая, дошли и до наших дней.

Через 30 лет, по данным переписи населения 1989 г., моих одногодков, достигших возраста 49 лет, в России осталось 2 270 тыс. человек. В эти мирные годы, за исключением участия советских войск в боевых действиях в Афганистане, потери моего поколения составили примерно 380 тыс. человек, или 14,3%, а в среднегодовом исчислении 0,75%, что было в два раза меньше, чем в 1940–1959 гг. Эти годы были самыми благоприятными для моего поколения и не только потому, что мы были в самом расцвете сил и талантов, но и потому, что этому способствовала благоприятная атмосфера в советском обществе. Семья как институт всячески поддерживалась и уважалась.

После 1991 г., с развалом СССР и четвертой русской революции, начались сумятица по всей стране, приватизация за бесценок общественной собственности и обнищание народа. Люди моего поколения, еще полные сил и имеющие большой профессиональный и житейский опыт, оказались без работы и средств к существованию. Возросли заболеваемость и смертность населения, число самоубийств. Численность моих ровесников, переживших тяжелые 90-е годы антинародных реформ, сократилась, к переписи населения России 2002 г., примерно на 420 тыс., или на 18,5%, составив 1 850 тыс. человек. Но важны не абсолютные, а относительные показатели динамики населения. Среднегодовые темпы сокращения численности моего поколения в период реформ достигли 1,42%, что сопоставимо с темпами снижения в военные и послевоенные годы! В последующие двадцать лет среднегодовые

темпы сокращения численности моей генерации только нарастали, достигнув в 2002–2010 гг. 2,70% и в 2010–2021 гг. 3,16%.

По данным переписи 2020 г., в России осталось примерно 870 тыс. моих ровесников в возрасте 80 лет. Сегодня нас еще меньше. Свою лепту в сокращение численности нашей когорты внесла пандемия, унеся жизни многих людей моего поколения. После распада СССР добавился еще один фактор – выезд в зарубежные страны части моих сверстников.

Осмысление процессов формирования поколенческих структур в их развитии и оценка вклада отдельных поколений в историю России является важным направлением демографических исследований.

В памяти сохранились отдельные цветные картинки из далеких военных лет. Самое сильное впечатление на меня производили сводки с фронта. Я сижу в полутемной комнате и с замиранием сердца смотрю на черный диск репродуктора. Вдруг раздаются позывные «Широка страна моя родная...» и звучит голос диктора Юрия Левитана: «Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза. Сегодня наши войска освободили города...», и дрожь пробегает по спине.

Мои родители проживали в Москве в двухэтажном деревянном доме около Савеловского вокзала. Квартира состояла из трех комнат и общей кухни с русской печью. Наша семья из трех человек – папа, мама и я – проживала в большой комнате площадью 20 м². В другой комнате, размером в 12 м², жили мой единокровный брат Саша с женой Галиной Савельевной и дочкой Инной. Моя племянница была на два года старше меня. Брат Саша был призван в армию в ноябре 1940 г. в звании лейтенанта, служил в танковых войсках и прошел всю Великую Отечественную войну «от звонка до звонка». Закончил он воевать на Дальнем Востоке до капитуляции Японии в 1945 г. Был награжден орденом Отечественной войны второй степени. После окончания войны Саша работал инженером на авиационном заводе, который находился недалеко от стадиона «Динамо». На этом заводе брат трудился более 40 лет, вплоть до кончины в 1988 г. Жена Саши, Галина Савельевна, родом из Смоленской области, была учительницей географии и преподавала в школе. Она добродушно относилась ко мне и привила любовь к географии, часто проверяла мои домашние задания. Я полюбил этот предмет и с удовольствием заучивал названия морей, гор, рек, городов. На всю жизнь запомнились названия: Джомолунгма, Килиманджаро, имена знаменитых путешественников – Пржевальский, Семенов-Тянь-Шанский.

Каждый год в квартире наряжалась новогодняя елка. Елка была высокая, под самый потолок, и занимала чуть ли не половину нашей комнаты. Елку украшали разными игрушками: стеклянными, сделанными из ваты, бумаги и лоскутков ткани. Красовались разноцветные гирлянды бус, переливающиеся от света лампочек. На ветках развешивались сладости: дорогие конфеты «Мишка косолапый», «Ну-ка, отними», «Кара-Кум», трюфели. Под елкой ставился Дед Мороз, подаренный мне тетей Граней, которая работала на фабрике детских игрушек. Этот Дед Мороз до сих пор сохранился как память о далеком детстве и новогоднем празднике. На елку я приглашал ребят из нашего двора – Колю Бугрина и Владика Мамыкина.

В детстве я и мои ровесники любили и другие праздники, особенно 1 Мая и 7 ноября. В эти дни мимо нашего дома проходили колонны демонстрантов. Народ шел с транспарантами и красными флагами, колонна часто останавливалась, люди пели и танцевали. Как-то раз брат Саша взял меня на демонстрацию, но я быстро устал от суеты и массы народа и вернулся домой. Но основное наше внимание привлекало то, что по ходу движения демонстрации стояли столы и открытые прилавки со множеством самых разнообразных товаров и вкусной едой: бутербродами с колбасой и сыром, пирожками с разными начинками, кренделями и баранками, сахарными петушками и конфетами, лимонадом и газировкой с сиропом. Глаза разбегались, и мы терялись, на что же потратить наши скудные денежки, которые припасли на праздник. Карманных денег практически не было.

В обычные дни, если появлялось 20 копеек, то возникала трудноразрешимая задача, на что их потратить. Я выхожу за ворота нашего дома, где сталкиваюсь с Колей или Владиком, или еще с кем-то из ребят. «Пойдем в кино на «Чапаева»?», – предлагает Владик. Коля возражает: «Я смотрел «Чапаева» уже десять раз. Лучше куплю эскимо». Ребята уходят, а я долго колеблюсь и все же иду в кинотеатр «Салют» смотреть в который раз фильмы «Чапаев» либо «Смелые люди» с Сергеем Гурзо, либо «Подвиг разведчика» с Петром Кадочниковым в главной роли.

Хорошо помню день 5 марта 1953 г., когда по радио объявили о смерти И. В. Сталина. Занятия в школе отменили. В день похорон я стоял около Савеловского вокзала и в минуту прощания слушал тревожные гудки паровозов и автомобилей.

Бутырская улица знаменита еще и тем, что по ней проходила дорога в усадьбу Липки, расположенную в 1,5 км от МКАД. В 1932–1934 гг. в этой усадьбе жил Сталин, а позже члены Политбюро. Мимо нашего дома изредка на большой скорости проезжали один или два автомобиля ЗИС. Однако о том, кто были пассажиры этих автомобилей, я узнал гораздо позже.

Из моего поколения пережили войну и 1 сентября 1947 г. пошли в 1-й класс школы примерно 2,9 млн мальчиков и девочек из 3 650 тысяч, родившихся в 1940 г. Потери моей генерации за 1940–1947 гг. составили около 800 тыс. человек, или более 20%. При данной оценке мы исходили из того, что после войны охват детей начальным образованием составлял 100%.

Нам повезло с учителями. Кроме любимой классной руководительницы Александры Николаевны Корочкиной хорошо помню учителя литературы Петра Николаевича, преподавателя истории Петра Антоновича, учительницу географии Любовь Чамову, преподавателя английского языка Майю Абрамовну Абрамсон. Но самые яркие воспоминания остались о нашем директоре школы Иохиме Харитоновиче Ксанфопуло, греке по национальности. Ему в ту пору было лет шестьдесят, и вид он имел очень строгий.

Невысокого роста, с седыми, всклокоченными волосами, густыми бровями, суровым взглядом, он походил на Карабаса Барабаса из сказки о Буратино. У директора была изувечена правая нога, и ходил он, опираясь на трость, неестественно выворачивая ногу. Когда во время перемены он появлялся в большом школьном зале, бегающая и орущая толпа учеников мгновенно замирала на месте и умолкала.

Директор грозил пальцем одному из нас, подзывал к себе и, взяв за ухо, устрашающе произносил: «Ах ты разгильдяй! Чтобы завтра родители были у меня!»

Наиболее яркое событие школьных лет – двухмесячный поход в Крым летом 1956 г. после окончания девятого класса. Инициатором этого похода был наш учитель истории, участник Великой Отечественной войны Петр Антонович (фамилию его я, к сожалению, не помню). На вид это был строгий, но доброжелательный человек, энтузиаст и подвижник. Петр Антонович прошел все необходимые инстанции и добился разрешения на поездку в Севастополь, который тогда был закрытым городом. Только теперь, по прошествии многих лет, я могу представить, чего ему это стоило, учитывая нашу бюрократию и ответственность, которую Петр Антонович взял на себя.

Снаряжение наше было как в настоящей экспедиции. Все продукты и необходимые вещи мы взяли с собой. Запомнилось восхождение на гору Ай-Петри высотой 1 234 метра над уровнем моря. Достигнув вершины, мы расположились на поляне, развели костер. Кое-как переночевали. И вдруг слева на востоке начало подниматься огромное солнце, вырывая из мрака ночи и озаряя все побережье. Создавалось впечатление, что кто-то на небесах тянул солнце за уши. Ощущение было непередаваемое, все сразу забыли про холодную ночь и плохой сон. Наскоро перекусив, мы начали спуск вниз. Но здесь нас ждало серьезное испытание. Склон горы был весь усыпан, как ковром, сосновыми иголками. При спуске, да еще с тяжелыми ящиками с продуктами, нас неудержимо тянуло по склону вниз. Приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы не сорваться, тормозя изо всех сил пятками. Наконец склон закончился, и мы благополучно достигли подножия горы Ай-Петри. В течение месяца мы двигались по Черноморскому побережью Крыма от Севастополя до Ай-Петри, Ялты, Судака и остановились недалеко от города Керчь. На горе Митридат в окрестностях города разбили палаточный лагерь. Здесь нам предстояло прожить месяц и принять участие в археологических раскопках древнего города Пантикапей. Руководил экспедицией профессор Блаватский Владимир Дмитриевич, известный ученый – исследователь античности Северного Причерноморья.

На раскопках, с нашим участием, были найдены зернохранилище в виде огромного кувшина с широким горлом, часть каменной стены дома или защитного сооружения. Но главной находкой стала небольшая статуэтка – бюст Нефертити. Взглянуть на сокровище сбежались все участники экспедиции. Статуэтку выставили в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина с надписью: «Нефертити. Пантикапей 1956 г.» Мы не раз ходили в музей на нее посмотреть и очень гордились тем, что имели отношение к этой находке. И сегодня, спустя много лет, статуэтка стоит перед моими глазами.

1957 г. был богатым на события. В мае мы закончили 10-й класс и получили аттестаты зрелости. Состоялся выпускной вечер, все пели, танцевали, и все же было немного грустно от расставания со школой и учителями. Особенно расчувствовался наш грозный директор Иохим Харитонович, называл нас всех по именам, чего раньше не было, и желал успехов в дальнейшей учебе. Мы были на седьмом небе от счастья.

Встал непростой вопрос, в какой институт поступать для продолжения образования. Подготовка к вступительным экзаменам в институт совпала с одним

знаменательным событием. В Москве с 28 июля по 11 августа 1957 г. проводился 6-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов. К его открытию был построен новый стадион «Лужники» на 100 тыс. мест. В день открытия фестиваля по Садовому кольцу двигались колонны машин с делегациями молодежи из разных стран в национальных костюмах, с цветами и флагами. На тротуарах по обеим сторонам Садового кольца было много народу, и все кричали приветствия на разных языках. Мы с ребятами старались побывать на многих мероприятиях праздника. Особенно часто встречались с молодежью на площади перед зданием Моссовета у памятника Юрию Долгорукому. Пели, плясали с гостями, просили у них автографы.

После фестиваля в 1958 г. в Москве был отмечен рост числа родившихся мальчиков и девочек с разным цветом кожи. Не это ли свидетельство гостеприимства советских людей и единства всех народов мира? Такие демографические сюрпризы происходили и после Олимпийских игр в 1980 г., чемпионата мира по футболу в 2018 г., также прошедших в нашей стране.

После долгих колебаний и сомнений я поступил в Московский государственный экономический институт, который находился на улице Зацепа, 41, недалеко от Павелецкого вокзала. Через несколько лет, в 1961 г., наш маленький МГУ (так мы называли МГЭИ) объединили с более могущественным соседом – Московским институтом народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Тогда нас, выпускников, это объединение очень огорчило. Было обидно за наш МГЭИ, который в разные годы оканчивали академики А. Г. Аганбегян, А. Г. Гранберг, В. Л. Макаров, доктора наук Е. Г. Антосенков, Г. В. Мильнер, Л. С. Чижова и другие известные ученые. В МГЭИ в течение многих лет преподавательскую деятельность вел патриарх науки академик Станислав Густавович Струмилин. В аспирантуре МГЭИ учился, а потом преподавал политэкономии академик Л. И. Абалкин. Сегодня мало кто знает, что был такой институт МГЭИ, храм знаний, с которым связано столько воспоминаний.

На первом же курсе меня заинтересовала институтская многотиражная газета «Экономист». Ее ответственным секретарем был журналист Николай Степанович Посысаев. У меня с ним сложились хорошие отношения, он поддержал мои первые стихи, опубликованные в институтской газете. Я познакомился со студентами-старшекурсниками Виктором Самариным, Иваном Алехновичем, Юрием Анохиным, также писавшими стихи. В 1961 г. вышел сборник стихотворений институтских поэтов «Пусть говорят». В нем были опубликованы и два моих стихотворения. В предисловии к сборнику поэт Виктор Урин упомянул мои стихи в качестве примера того, как их писать не надо. Я был сильно огорчен. Но любовь к поэзии у меня сохранилась на всю жизнь. Я гордился тем, что однокурсники называли меня поэтом.

Другое увлечение в студенческие годы – участие в смотрах художественной самодельности. Постоянными конкурентами были два факультета – экономики сельского хозяйства и наш общеэкономический. На одном из ежегодных смотров первыми выступили студенты «сельхозники» и набрали в общем зачете высокую сумму баллов. Мы прикинули свои возможности и поняли, что сильно отстаем от соперника. А наше выступление – через неделю. Что делать? Тогда решили значительно увеличить авторство в наших номерах за счет сочинения новых театральных сцен, песен и стихотворных текстов. Авторство участников смотра оценивалось

высокими баллами. Все обратили взоры на меня – выручай. Я пропадал целыми днями в актовом зале, где проходили репетиции, обсуждал с ребятами темы для новых песен и сцен. Вечером уезжал домой и на утро следующего дня спешил в институт с новыми текстами. И так проходили все дни перед концертом. Наконец, наступил долгожданный субботний вечер, в актовом зале было многолюдно. Наше выступление прошло на ура, и мы победили своего конкурента, набрав большую сумму баллов. На этом концерте была моя мама. Она была очень довольна нашим выступлением.

Когда я учился уже на четвертом курсе, утром 12 апреля 1961 г. по радио передали важное сообщение. Произошло событие вселенского масштаба – впервые человек полетел в космос! Радость охватила меня. Было 10 часов 30 минут. Не чувствуя ног, я бросился через дорогу на остановку транспорта и, вскочив в уходящий автобус, крикнул: «Ура! Наш Юрий Гагарин в космосе!». Когда я приехал в институт, все уже знали об этом важнейшем событии. Вечером на Красной площади и прилегающих к ней улицах было полным-полно радостных и счастливых людей.

Среди наших преподавателей было немало известных людей. Из старой гвардии был «красный профессор» Александр Григорьевич Соловьев. Он проработал в Московском государственном экономическом институте с 1946 по 1961 г., являлся заместителем ректора по научной работе, деканом общеэкономического факультета, профессором кафедры политэкономии. Александр Григорьевич был высокого роста, широкоплеч, с гривой седых волос, большими усами и производил впечатление былинного богатыря. На экзамене он задал мне вопрос: «Что объединяет коммунистические партии всех стран?» Я задумался, а он, сурово насупив брови, ответил: «Марксистско-ленинская идеология!». Преподаватель Соллертинская обнаружила у меня на семинарских занятиях чужие конспекты из «Капитала» К. Маркса, которые я выдавал за собственные. А мне их на время дал Иван Алехнович. Из молодых преподавателей выделялся Карбышев с финансового факультета, сын знаменитого генерала Карбышева, геройски погибшего в годы Великой Отечественной войны, Леонид Абалкин, преподававший политэкономия, впоследствии ставший академиком РАН и директором Института экономики Академии наук. В те годы Абалкин курировал от парткома факультета нашу стенгазету. Однажды произошел скандал из-за критических заметок в очередном номере стенгазеты, написанных моими однокурсниками Марком Барбакадзе и Сашей Смирновым. Леонид Иванович взял ребят под защиту, и дело удалось уладить.

Кафедрой экономики труда заведовал Григорьев Андрей Евгеньевич. Мы учились по его учебнику «Экономика труда». Но практически кафедрой руководил молодой преподаватель Иванов Никодим Андреевич. Были и опытные члены кафедры – Мечковский, Алкин, Дудкин, которые участвовали в Великой Отечественной войне. Запомнился Марк Зелтынь, хорошо игравший в шахматы. Секретарем на кафедре была Антонина Немова, страшная курильщица. Она хлопотала и заботилась о нас, нерадивых студентах, как мать, помогала во всем, особенно во время экзаменов.

На последнем курсе института на меня сильное впечатление произвел профессор Михаил Яковлевич Сонин, который читал факультативный курс по демографии и трудовым ресурсам. В это время вышла его монография «Воспроизводство

рабочей силы в СССР и баланс труда», ставшая настольной книгой для экономистов и демографов [3]. Невысокий, чернявый, с курчавыми волосами, тронутыми проседью, он привлекал своей доброжелательностью и открытостью. В лекциях Михаила Яковлевича все было внове – тематика, содержание, манера подачи материала. Мы узнавали о проблемах воспроизводства населения, миграции, семейно-брачных отношениях. Меня очень заинтересовала и буквально захватила проблема миграции населения, которая изучалась в СССР в то время очень мало. Как-то раз после лекции я набрался смелости, подошел к Михаилу Яковлевичу и спросил, где можно пройти преддипломную практику по вопросам миграции. Михаил Яковлевич ответил: «Есть такой институт, ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, там работают молодые ребята, они занимаются этими проблемами». Молодыми ребятами были кандидаты экономических наук Мильнер Герман Владимирович и Марков Владимир Иванович.

Мой трудовой путь начался 2 июля 1962 г. По распределению молодых специалистов я был направлен на работу в Центральный экономический научно-исследовательский институт при Госплане РСФСР. Меня зачислили в сектор трудовых ресурсов отдела экономики труда, который возглавлял Касимовский Евгений Васильевич.

Евгений Васильевич выглядел как профессор. Однако в ту пору он был только кандидатом наук. В карьере Евгения Васильевича был эпизод, связанный с публикацией статьи в журнале «Коммунист», в которой излагалась позиция группы ученых-экономистов, не совпадающая с позицией ЦК КПСС. Речь шла о разных подходах к соотношению темпов роста производства средств производства для создания основных фондов, машин и оборудования, и производства средств производства для выпуска товаров народного потребления. Группа, в которую входил и Е. В. Касимовский, обосновывала необходимость превышения темпов роста производства средств производства для выпуска товаров для народа, а не танков, орудий, других средств разрушения. За свои взгляды Евгений Васильевич был исключен из партии. Докторскую диссертацию он успешно защитил в декабре 1965 г., в день своего 60-летия.

Я работал в секторе трудовых ресурсов, который возглавлял Владимир Иванович Марков. Он был выше среднего роста, с копной пышных волос, одет в строгий костюм с галстуком. Увлечением Владимира Ивановича в те годы было изучение английского языка, а мечтой – поехать за границу работать в Международной организации труда ООН. В конце 60-х годов мечта Маркова осуществилась, и он уехал в командировку в Женеву на несколько лет. Позже, уже в 80-е гг., мы работали вместе в сводном отделе социальной политики и народонаселения Госплана СССР.

Но первым, с кем я столкнулся еще во время преддипломной практики, был Герман Владимирович Мильнер, руководитель сектора уровня жизни населения. Первоначальное впечатление не вполне совпадало с моим представлением об ученом. Герман Владимирович, как правило, работал без пиджака, галстук держал в шкафу и надевал его при вызове к начальству. Обычно он ходил в байковой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Крупная голова с залысинами, вьющиеся волосы, нос картошкой, лукавая улыбка, глаза с хитринкой. Герман Владимирович занимался проблемами региональных различий в уровне жизни населения

и развития социальной сферы [4]. Такой подход мне очень импонировал, поскольку позволял по-новому взглянуть на проблемы миграции. Герман Владимирович всячески поддерживал мой интерес к изучению миграции населения.

С Германом Владимировичем мне довелось неоднократно бывать в командировках. Запомнилась поездка в Иркутск в 1963 или 1964 г. В Иркутске находится единственный в мире лимнологический институт озероведения. Мы посетили его и с большим интересом ознакомились с уникальной коллекцией. У местных рыбаков купили рыбу омуль и хариус, которая водится только в чистой воде озера Байкал. Герман Владимирович попробовал рыбу прямо на берегу в сыром виде.

В апреле 1963 г. в составе бригады ЦК ВЛКСМ я находился в командировке в Магаданской области. Цель нашей поездки состояла в проверке результатов переписи населения 1959 г. в отдаленных северных территориях области, а также в выяснении того, как доходят до оленеводов газеты и журналы, в том числе «Комсомольская правда».

Запоминающейся была поездка в отдаленное северное село национального типа Кепервеем в Билибинском районе Чукотского автономного округа. В переводе с чукотского «Кэпэрвээм» означает «россомашная река». Село было малонаселенным. В 2023 г. в селе проживал 341 человек. От Магадана до села летели самолетом около двух часов. В поселке гостеприимные хозяева разместили нас в новой избе, где угостили местным блюдом – строганиной, нарезанной тонкими ломтиками от большого куска замороженной оленины. Прекрасная закуска под разведенный спирт. Затем начался обряд одевания в олени шкуры. Мы разделись и надели мехом на голое тело куртку и штаны, а сверху еще такое же одеяние мехом наружу. На ноги обули теплые унты, на голову надели большие меховые шапки, и нас уже было не отличить от настоящих оленеводов. На следующий день мы наблюдали, как оленеводы собирают стадо, гоняясь за отбившимися оленями.

В командировках со мной происходили разные забавные случаи. Герман Владимирович любил шутки и розыгрыши. Однажды мы летели в командировку в Новосибирск и ждали в аэропорту Внуково посадки на самолет. Времени было предостаточно, и Герман Владимирович решил позвонить домой. В начале 60-х гг. было сложно устроить ребенка в детский сад. Измененным женским голосом он спросил: «Это квартира Мильнера? Вы ищите няню для ребенка? А кто у вас – мальчик или девочка?». Последовал ответ: «Мальчик трех лет». «Я согласна, – ответила «няня», – но при условии – зарплата вперед, трехразовое питание, отдельная комната и телевизор. Гулять с ребенком можете сами». На другом конце провода возникло замешательство и гробовое молчание. Тут Герман Владимирович не выдерживал и рассмеялся.

В нашем отделе собралась группа молодых специалистов примерно одного возраста: Володя Аникеев, Ада Быховская, Люся Дорохова, Наташа Савоськина, Лида Кошкина. Все мы стремились к знаниям, сдавали экзамены для поступления в аспирантуру, учились писать научные статьи. Не пропускали ни одной научной конференции, старались не только участвовать в них, но и выступить с докладом. Мы брали пример со старших коллег – Э. Б. Гилинской, Н. А. Толстых, Т. А. Лобач, Ю. М. Осиевой и других. Они поддерживали нас в поисках своего пути в науке.

В феврале 1963 г. в наш институт приезжал Абел Гезович Аганбегян, через год избранный член-корреспондентом АН СССР, а в 1974 г. ставший академиком. Он прочитал цикл лекций по транспортной задаче линейного программирования. У меня сохранились записи семи лекций. Помню яркое впечатление, которое на нас произвел Абел Гезович. Поражала его манера подачи материала: ясность изложения, спокойный тон речи, убедительная логика. А был ему тогда всего 31 год.

Памятны встречи и долгие годы дружеских отношений с выдающимся ученым-демографом Леонидом Леонидовичем Рыбаковским. Леонид Леонидович ушел от нас в июне 2024 г., оставив после себя огромное творческое наследие. Выход каждой новой работы Леонида Леонидовича был праздником для нас. На меня сильное впечатление произвела его монография «Региональный анализ миграций», вышедшая в 1973 г. [5].

Мне выпал счастливый случай, такое удивительное совпадение как защита моей кандидатской работы в один день с защитой Леонидом Леонидовичем докторской диссертации. Было это 23 декабря 1969 г. Мой научный руководитель Е. В. Касимовский вылетел в Новосибирск, где был официальным оппонентом на защите Л. Л. Рыбаковского.

Леонид Леонидович – человек-эпоха, человек институт, как называли его коллеги, добрый и щедрый по натуре. Он бескорыстно разбрасывал свой талант как семена на плодородную ниву, находя удовлетворение в поддержке всех, ищущих себя в науке. Под его руководством защитили диссертации десятки человек из бывших союзных республик, иных зарубежных стран. Обладая энциклопедическими знаниями, острым критическим умом, Леонид Леонидович не был «собакой на сене», щедро делился своим опытом со всеми – от профессора до студента.

В 90-е годы Леонид Леонидович пригласил меня к участию в исследованиях по проблемам миграции и демографической политики, которые проводил возглавляемый им центр ИСПИ РАН. Он поддержал мою диссертационную работу по изучению этнической миграции после развала СССР.

Леонид Леонидович был увлекающимся человеком не только в научной сфере, но и в повседневной жизни. Например, им издано несколько сборников афоризмов по проблемам демографии, семьи и семейно-брачных отношений, человеческим слабостям и т. д. Любил веселую компанию. На его днях рождения собиралась чуть ли не вся демографическая братия Москвы. Среди них Г. В. Осипов, В. Н. Иванов, Н. М. Римашевская, В. Г. Костиков, О. Д. Воробьева, И. Б. Орлова, В. А. Ионцев, И. С. Маслова, В. С. Рогачев, Г. И. Осадчая, С. В. Рязанцев, Н. А. Волгин, Н. П. Тихомиров и другие известные российские ученые. Были также ученые из других регионов России и бывших союзных республик – В. В. Фаузер (Сыктывкар), В. Н. Чапек (Ростов-на-Дону), А. А. Раков (Беларусь) и т. д.

Вернемся назад в 60-е годы. В мае 1967 г. в Ростове-на-Дону состоялась первая Всесоюзная конференция по миграции населения. Съехались демографы, социологи, экономисты, другие специалисты по проблемам миграции из различных регионов страны. Конференция проходила в Ростовском институте народного хозяйства. Председателем оргкомитета форума был Гозулов Авдей Ильич, много лет занимавшийся проблемами статистики населения и историей проведения переписей. Среди участников конференции были Дмитрий Игнатьевич Валентей, Виктор

Иванович Переведенцев, Жанна Антоновна Зайончковская, Владимир Николаевич Чапек, Борис Дмитриевич Бреев и целый ряд других.

От ЦЭНИИ в работе форума приняли участие Е. В. Касимовский, Г. В. Мильнер, В. И. Марков. Мне также была оказана честь принять участие в конференции и выступить с небольшим докладом. Форум прошел успешно и ознаменовал новый этап в исследовании проблем миграции. Было сделано немало открытий. Существовавшее до этого в правительственных кругах и в научном сообществе мнение о том, что более высокие темпы роста населения районов Сибири и Дальнего Востока обеспечиваются как за счет естественного, так и миграционного прироста, было опровергнуто исследованиями В. И. Переведенцева, работавшего тогда в Институте экономики Сибирского отделения АН СССР (г. Новосибирск). Расчеты В. И. Переведенцева показали, что из восточных районов идет отток населения при низкой приживаемости мигрантов [6]. Такой вывод не совпадал с официальной точкой зрения и потребовал внесения коренных изменений в миграционную политику государства. Работы В. И. Переведенцева и Ж. А. Зайончковской способствовали открытию новой страницы в исследовании проблем миграции населения [7; 8]. Меня полностью захватила тема миграции.

В 1968 г. в Таганроге я принимал участие в социологическом обследовании мигрантов, прибывших из Сибири и Дальнего Востока в города Европейской части страны. Всего опросом было охвачено 3 700 мигрантов, в том числе прибывших в Таганрог. Из тех, кто сослался на экономические причины переезда, одна треть указала на неудовлетворенность жилищными условиями. Вторая причина выезда – недостаточное развитие культурно-бытовой сферы. И лишь каждый восьмой мигрант мотивировал переезд неудовлетворенностью уровнем заработной платы. Аналогичные выводы были подтверждены моими расчетами по данным статистики об обратной зависимости интенсивности выбытия мигрантов от региональных различий в уровне основных социально-экономических факторов.

Данный анализ был проведен для четырех природно-климатических зон: теплой, умеренной, неблагоприятной, суровой. Были сформулированы следующие выводы:

- связь между интенсивностью миграции и основными показателями уровня жизни в большинстве случаев обратная, то есть с ростом благосостояния населения его приживаемость повышается;

- теснота связи между показателями уровня жизни и миграцией по природно-климатическим зонам неодинакова;

- наиболее высокая степень связи отмечается между интенсивностью выбытия и обеспеченностью населения благоустроенным жильем.

Проведенные расчеты с использованием графических методов показали, что увеличение реальных доходов на душу населения на 100 рублей в год во второй, умеренной зоне, приводит к сокращению интенсивности выбытия в среднем на 0,56 процентных пункта (п. п.).

Повышение обеспеченности общественными фондами потребления на ту же сумму снижает интенсивность выбытия населения в среднем на 0,96 п. п. Наибольший эффект дает вложение 100 руб. на душу населения в строительство жилья, что позволяет сократить интенсивность выбытия в среднем на 1,17 п. п. Выявленные

значения тесноты связей между показателями уровня жизни и миграцией различаются по природно-климатическим зонам. Так, эффективность затрат на повышение реальных доходов, с точки зрения оптимизации миграции, наиболее высока во второй зоне, в которую входят территории умеренного климатического пояса России. А самая низкая эффективность таких затрат отмечается в четвертой зоне с наиболее суровыми климатическими условиями.

Решающую роль играют вложения в жилищное строительство. Причем значение данного фактора увеличивается от первой зоны к четвертой. В первой зоне рост обеспеченности жильем на 1 кв. м приводит к сокращению интенсивности выбытия на 0,16 п. п., а в четвертой зоне – на 3,22 п. п., что в разы больше. Таким образом, фактор обеспеченности населения жильем имел решающее значение в регулировании миграции населения. В современной России в условиях рыночных отношений значение этого фактора еще более возросло.

Немаловажную роль в проведении целенаправленной миграционной политики играют методы прогнозирования и их совершенствование. В расчетах миграции на перспективу, проводимых в Госплане СССР, использовался показатель механического прироста населения как результат миграционного обмена между регионами. Недостаток этого метода заключается в том, что расчетное сальдо миграции может складываться при различных оборотах перемещений, оказывая сильное влияние на изменение половозрастной структуры населения районов выхода и вселения. Нами был предложен метод прогнозирования, учитывающий изменение интенсивности миграции населения по отдельным возрастам. Расчет осуществлялся на примере прогноза численности населения в возрасте 16 лет, родившихся в предвоенные, военные и послевоенные годы. Использовались данные расчетов профессора Б. Ц. Урланиса, согласно которым число родившихся в 1936–1940 гг. составило 30 млн человек, в 1941–1945 гг. – 15 млн, в 1946–1950 гг. – 24 млн человек. Образовались своеобразные демографические качели, или демографические волны. Амплитуда их колебаний, постепенно затухая, сохраняется вплоть до наших дней. Примем, что в 1952–1956 гг. численность мигрантов в возрасте 16 лет, родившихся в довоенные годы, составила 100%. Тогда в 1957–1961 гг., по нашим расчетам, число таких мигрантов было меньше почти в три раза. В следующий период 1962–1966 гг. численность мигрантов, вступивших в трудоспособный возраст, увеличилась по сравнению с 1957–1961 гг. в 2,4 раза. Подобный рост был обусловлен тем, что эти мигранты родились в послевоенные годы, когда рождаемость вновь повысилась. Если бы влияние социально-экономических факторов на миграцию оставалось неизменным, то число 16-летних мигрантов в 1962–1966 гг. увеличилось бы только в 1,6 раза. Таким образом, применение метода передвижки возрастов при расчете параметров миграции позволяет повысить точность прогнозирования масштабов и структуры миграционных потоков [9; 10].

В декабре 1969 г. в Институте труда состоялась моя защита кандидатской диссертации. Председателем диссертационного совета был член-корреспондент АН СССР Евгений Иванович Капустин. Работа была посвящена проблемам миграции населения в СССР. Но поскольку я защищался по специальности «Экономика труда», название диссертации было изменено и звучало так: «Трудовые ресурсы

и их миграция». Но это по существу дела не меняло, лишь отражало различные точки зрения ученых на сущность миграции при социализме.

Защита прошла успешно. Но не обошлось и без ложки дегтя в бочке меда. В автореферате в качестве ведущей организации был указан Госплан СССР. По предварительной договоренности отзыв должен был подписать начальник отдела труда Госплана Борис Владимирович Безруков. Однако он отказался от подписи, ссылаясь на то, что не является членом коллегии Госплана, дающим такое право. В конце концов вопрос был урегулирован, и защита диссертации состоялась. Передо мной открывались широкие горизонты для продолжения научной деятельности.

Список литературы

1. Урланис, Б. Ц. История одного поколения: (Социально-демогр. очерк). Москва : Мысль, 1968. 209 с.
2. Жиромская, В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект, 1946—1960. Москва : Издательский центр РГГУ, 2009. 310 с.
3. Сонин, М. Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. Москва : Госпланиздат, 1959. 368 с.
4. Мильнер, Г. В. Социально-экономические проблемы преодоления различий между городом и селом : [сб. статей / научный редактор Г. В. Мильнер]. Москва : ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, 1979. 168 с.
5. Рыбаковский, Л. Л. Региональный анализ миграций. Москва : Статистика, 1973. 147 с.
6. Переведенцев, В. И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1966. 191 с.
7. Переведенцев, В. И. Методы изучения миграции населения. Москва : Наука, 1975. 231 с.
8. Зайончковская, Ж. А. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск : [без изд.], 1964. 105 с.
9. Топилин, А. В. Регулирование миграции населения восточных регионов РСФСР / А. В. Топилин, Э. Б. Гилянская // Плановое хозяйство. 1973. № 1. С. 121–126.
10. Топилин, А. В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. Москва : Экономика, 1975. 159 с.

Сведения об авторе

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: topilinav@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4432-8943](https://orcid.org/0000-0002-4432-8943); РИНЦ SPIN-код: [8952-5592](https://elibrary.ru/authors/89525592); Web of Science Researcher ID: [AAC-7690-2022](https://orcid.org/0000-0002-4432-8943); Scopus Author ID: [6507485591](https://orcid.org/0000-0002-4432-8943).

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; принята в печать 16.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

THE FORMATION AND BEGINNING OF THE WORKING LIFE OF THE PRE-WAR GENERATION: A DEMOGRAPHER'S MEMORIES

Anatoly V. Topilin

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: topilinav@mail.ru

For citation: Topilin, A. V. The Formation and Beginning of the Working Life of the Pre-War Generation: A Demographer's Memories. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 211–224. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.13](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.13). (In Russ.)

Abstract. This article presents a demographic and biographical study of the life trajectories of the pre-war generation born in the 1940s. The author, who is a member of that generation, analyses its development against a backdrop of significant historical events, such as the Great Patriotic War, the post-war period, the collapse of the Soviet Union, and contemporary transformations. The research is based on statistical analysis of census data from 1950 to 2010 and the author's personal experiences. The paper examines in detail demographic losses among generations during different historical periods, including war years (from 1939 to 1960), peacetime years (1970–1980), and post-Soviet years (after 2000). Special attention is given to socio-demographic changes, such as changes in generation size, influence of historical events on demographic trends, and specificities of professional development paths. The author also describes her own professional journey in demographic research, which includes work at the Central Economics Research Institute under State Planning Commission of the Russian Soviet Federative Socialist Republic and development of research interests in population migration.

Keywords: pre-war generation, historical memories, generational analysis, socio-demographic processes, labor resources, demographic dynamics, professional development

References

1. Urlanis, B. C. *Istoriya odnogo pokoleniya [History of one generation]: (Socio-demographic essay)*. Moscow : Mysl' Publ., 1968. 209 p.
2. Zhiromskaya, V. B. *Zhiznenny potentsial poslevoyennykh pokoleniy v Rossii: istoriko-demograficheskiy aspekt, 1946–1960 [Life potential of post-war generations in Russia: historical and demographic aspect, 1946–1960]*. Moscow : RSHU Publ. House, 2009. 310 p.
3. Sonin, M. Ya. *Vosproizvodstvo rabochey sily v SSSR i balans truda [Reproduction of labor force in the USSR and labor balance]*. Moscow : Gosplanizdat Publ., 1959. 368 p.
4. Milner, G. V. *Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy preodoleniya razlichiy mezhdu gorodom i selom [Socio-economic problems of overcoming differences between the city and the village]: [collection of articles / scientific editor G. V. Milner]*. Moscow : Central Scientific Research Institute under the State Planning Committee of the RSFSR, 1979. 168 p.
5. Rybakovskii, L. L. *Regional'nyy analiz migratsiy [Regional analysis of migrations]*. Moscow : Statistika Publ., 1973. 147 p.
6. Perevedentsev, V. I. *Migratsiya naseleniya i trudovyye problemy Sibiri [Population migration and labor problems of Siberia]*. Novosibirsk : Nauka Publ. Siberian Branch, 1966. 191 p.
7. Perevedentsev, V. I. *Metody izucheniya migratsii naseleniya [Methods of studying population migration]*. Moscow : Nauka Publ., 1975. 231 p.
8. Zayonchkovskaya, Zh. A. *Sovremennaya migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraya [Modern migration of the population of Krasnoyarsk Krai]*. Novosibirsk : [without publ. house.], 1964. 105 p.
9. Topilin, A. V., Gilinskaya, E. B. *Regulirovaniye migratsii naseleniya vostochnykh regionov RSFSR [Regulation of migration of the population of the eastern regions of the RSFSR]. Planovoye khozyaystvo [Planned Economy]*. 1973. No. 1. Pp. 121–126.
10. Topilin, A. V. *Territorial'noye pereraspredeleniye trudovykh resursov v SSSR [Territorial redistribution of labor resources in the USSR]*. Moscow : Ekonomika Publ., 1975. 159 p.

Bio note

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: topilnav@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4432-8943](https://orcid.org/0000-0002-4432-8943); RSCI SPIN-code: [8952-5592](https://www.rsci.ru/spin/8952-5592); Web of Science Researcher ID: [AAC-7690-2022](https://orcid.org/AAC-7690-2022); Scopus Author ID: [6507485591](https://orcid.org/6507485591).

Received on 21.04.2025; accepted for publication on 16.06.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
Перечень ВАК, категория К2,
Белый список (ЕГПНИ), уровень 2

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленного материала.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2025. Том 5, № 3. Дата выхода в свет: 30.09.2025.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2025. ТОМ 5. № 3

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru